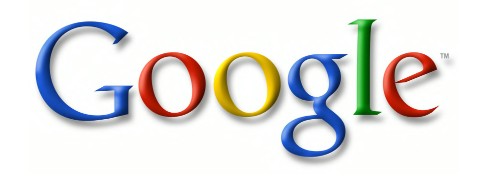
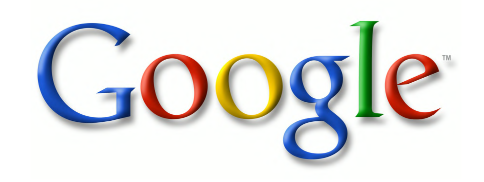







STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES





ВОСПОМИНАНІЯ

ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА

ФИЛИПСОНА.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1885

ВОСПОМИНАНІЯ ГРИГОРІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИПСОНА.

Хочу написать то, что въ жизни случилось видѣть и испытать, насколько все это сохранилось въ памяти. Успѣю-ли? Мнѣ скоро минетъ 65 лѣтъ.

Я плохо вѣрю безпристрастію автобіографій. Руссо не щадилъ себя въ своихъ Confessions; но я увѣренъ, что онъ сказалъ о себѣ дурнаго или слишкомъ мало, или слишкомъ много: есть и такія странности въ природѣ человѣка. Знаю напередъ, что и въ моемъ разсказѣ будетъ немало недомолвокъ. Общій итогъ жизни будетъ подведенъ не нами. Да будетъ воля Его! Онъ будетъ судить по Своей правдѣ, а не человѣческимъ судомъ, на которомъ не оправдится предъ Нимъ всякъ живый.

22 Іюля 1873 г.

*

Я родился въ Казани, 1 Января 1809 года. Мой отецъ, Иванъ Андреевичъ, былъ родомъ изъ Риги. Объ его происхожденіи я почти ничего не знаю. Онъ былъ средній изъ трехъ братьевъ. Старшій братъ пропалъ безъ вѣсти на тринадцатомъ году жизни; младшій умеръ на службѣ въ Тобольскѣ, оставивъ трехъ сыновей. Помнится, отецъ говорилъ, что ихъ предки вышли изъ Англіи. Во всѣхъ его служебныхъ и оффиціальныхъ документахъ онъ названъ Филипсенъ—произношеніе простонародной Шотландской фамиліи Philipson. По ребяческому капризу, я произвольно измѣнилъ Русское произношеніе нашей фамиліи и сталъ называться Филипсонъ; но послѣ встрѣтилъ трехъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, которые воспитывались во 2-мъ Кадетскомъ Корпусѣ и назывались также Филипсонами. Больше ничего не знаю о семействѣ моего отца. Тринадцати лѣтъ его записали въ военную службу

Это было, по моему соображенію, въ 1774 г. Чрезъ 12 лѣтъ онъ былъ произведенъ *въ адъютанты съ заслугою одного года за прапорщичій чинъ*. Онъ участвовалъ въ войнахъ Екатерининскаго времени и имѣлъ золотой крестъ за взятіе Праги. Впрочемъ, его служба не была, кажется, ничѣмъ особенно замѣчательна. Въ 1808 году онъ былъ подполковникомъ и командовалъ въ Казани гарнизоннымъ полкомъ. Въ это время онъ женился, имѣя 45 лѣтъ отъ роду. Чрезъ годъ послѣ моего рожденія отецъ оставилъ службу полковникомъ и съ пансіономъ по 210 рубл. ассигнаціями въ годъ.

Мой отецъ былъ добрый и честный человѣкъ. Это одна изъ свѣтлыхъ личностей, оставшихся въ воспоминаніяхъ моего дѣтства. Сдавъ полкъ, обыкновенно дававшій значительный доходъ своему командиру, отецъ оказался обладателемъ двухъ ломберныхъ столовъ, сдѣланныхъ полковыми мастерами и Польской плетеной брички, пріобрѣтенной еще въ Польшѣ, въ царствованіе Екатерины. Въ оправданіе себя онъ обыкновенно говорилъ: «по крайней мѣрѣ ночью подушка подъ головой не вертится». Онъ не отличался особенною твердостью характера; если былъ когда упрямъ и настойчивъ, то чисто пассивно. Екатерининскій вѣкъ и особенно государственная служба не образовывали самостоятельныхъ характеровъ. Необузданный произволъ на всѣхъ ступеняхъ іерархіи вызывалъ раболѣпство, а циническая роскошь любимцевъ, сосавшихъ потъ и кровь изъ народа, растлѣвала нравственность и извращала самыя основныя понятія о чести и честности. Нелегко было тогда оставаться даже тривіально честнымъ. За недостаткомъ особенной твердости характера, отцу помогло въ этомъ религіозное чувство. Онъ былъ Лютеранинъ, но въ дѣлѣ вѣры исповѣдывалъ полнѣйшую терпимость. Если вблизи не было Лютеранской церкви, онъ очень часто ходилъ въ Православную и соблюдалъ всѣ наши правила и обряды при молитвѣ. Только по Воскресеньямъ, вставъ очень рано, онъ ходилъ по залѣ и въ полголоса пѣлъ Лютеранскія церковныя пѣсни, по старинной книгѣ пѣсней (Gesangbuch 1648 г.). Эта книга, вмѣстѣ съ Пражскимъ крестомъ, осталась у меня единственнымъ послѣ него наслѣдствомъ. Ближайшая отъ нашего имѣнія Лютеранская церковь была въ Саратовѣ, въ 200 верстахъ. Ѣздить туда онъ не могъ, старость приближалась, недостатокъ общенія съ единовѣрцами, какъ видно, становился для него все болѣе тягостнымъ. Въ 1820 году онъ рѣшился принять Православную вѣру. Онъ сдѣлалъ это безъ всякаго шума. Его помазалъ мνромъ нашъ деревенскій священникъ, отецъ Николай, человѣкъ полуграмотный и котораго рѣдко можно было видѣть трезвымъ. Перемѣна вѣры нисколько не измѣнила образа жизни и обычаевъ отца. Онъ продолжалъ по Воскресеньямъ, до обѣдни, пѣть

свои Лютеранскія пѣсни, къ немалому соблазну прислуги. Еще одна черта замѣчательна въ характерѣ моего отца: это необыкновенная простота жизни и близость къ народу. Это была его природная наклонность, а не убѣжденіе, выработанное размышленіемъ и опытомъ.

Въ началѣ своей службы, отецъ ѣздилъ какъ-то на свою родину, въ Ригу; но тамъ уже никого не нашелъ; отецъ и мать его умерли; младшій братъ былъ, гдѣ-то на службѣ, старшій такъ и не отъискался. Даже родныхъ никого не оказалось. Отца это очень опечалило. Болѣе въ свою опустѣвшую родину онъ не ѣздилъ, но долго искалъ по всей Россіи своего старшаго брата. Два раза ему удалось найти своихъ однофамильцевъ: Выборгскаго коменданта и Нижегородскаго помѣщика. Къ послѣднему онъ самъ ѣздилъ; но и тотъ и другой оказались ему чужими. Одинокій старикъ дожилъ вѣкъ въ кругу родныхъ своей жены, моей матери.

Моя мать, Прасковья Степановна, урожденная Есипова. Эта фамилія ведетъ свой родъ отъ Татарина Мурзы Юсуфа, который отъ царя Михаила Ѳедоровича получилъ значительныя помѣстья въ нынѣшнихъ Казанской и Симбирской губерніяхъ. Большая часть этихъ имѣній вышла изъ рода Есиповыхъ, и вообще родъ этотъ захудалъ и обѣднѣлъ; но это не мѣшало моей матери оставаться неравнодушною къ памяти своего Азіатскаго предка. Если кому изъ Есиповыхъ случалось сдѣлать что-нибудь энергическое, хотя бы самодурство, мать не безъ нѣкоторой гордости приписывала это «нашей Татарской крови». Это былъ безконечный предметъ ея споровъ съ младшимъ братомъ моимъ Николаемъ, который Казанскихъ Татаръ не любилъ и называлъ «кочевниками».

Отецъ моей матери, Степанъ Петровичъ Есиповъ, имѣлъ болѣе 500 душъ крестьянъ въ Симбирской и Пензенской губерніяхъ и жилъ въ своемъ Симбирскомъ имѣніи Кáпревѣ, которое въ народѣ извѣстно подъ названіемъ «Ковырёва». Онъ жилъ зажиточно, былъ страстный псовый охотникъ и любилъ попировать, страсть общая всѣмъ почти Есиповымъ. Дѣдъ мой женатъ былъ на Александрѣ Аѳанасьевнѣ Кайсаровой, дочери богатаго помѣщика Владимирской губерніи. Въ имѣніи ея отца с. Ушаткинѣ (въ 8 верст. отъ г. Судогды) родилась моя мать 24 Іюля 1789 года.

Мать моя женщина добрая и любящая, хотя имѣла особенности характера, которыя дѣлали ее неуживчивой и невсегда справедливой. Образованіе ея, какъ и большой части дворянокъ того времени, состояло въ томъ, что крѣпостной лакей ея отца, Иванушка-Хорошій, научилъ ее *читать* и писать. Она была женщина очень не глупая и чтеніемъ *кое-что добавила* къ своему образованію. Замужъ вышла она

конечно, не по любви. Супружеская жизнь моихъ родителей была не очень счастлива; была тишь, но были и бури на ихъ житейскомъ морѣ. Кажется, главною виною ихъ несогласія была слишкомъ большая разность лѣтъ. Едва-ли возможно слить жизнь 19-лѣтней дѣвочки, еще не жившей, съ жизнью 45-лѣтняго мужчины, уже очень пожившаго. Къ этому нужно прибавить различіе происхожденія, вѣры, обычаевъ. Въ старости супруги сжились, но каждому изъ нихъ не дешево стоило это едва-ли искреннее согласіе.

Первый годъ моей жизни прошелъ въ Казани. Мнѣ заранѣе приготовлена была кормилица, изъ крѣпостныхъ моей матери, но я только 4 мѣсяца пользовался ея молокомъ. Она оказалась беременною и была прогнана, а оканчивать кормленіе возложено было на козу.

Отецъ вышелъ въ отставку и собирался поселиться въ имѣніи моей матери. Въ ожиданіи своего отъѣзда изъ Казани, отецъ и мать отправили меня впередъ больнаго за 350 верстъ, зимою и на рукахъ няньки, 22-хъ-лѣтней женщины. Ѣхали мы проселочными дорогами, въ каретѣ, на своихъ лошадяхъ. Въ день успѣвали проѣхать отъ 50 до 60 верстъ, слѣдовательно пробыли въ дорогѣ не менѣе недѣли. Ночевали въ деревняхъ, въ крестьянскихъ избахъ. Ночь и день бѣдная нянька не могла сомкнуть глазъ; все время у меня былъ сильный жаръ; однажды она сочла меня умершимъ и положила на столъ. Меня спасло конечно не чудо, а здоровое сложеніе и особливо любовь и заботы моей доброй няньки, которую я всегда любилъ, какъ мать.

Авдотья Назаровна была крѣпостная дѣвушка моей бабушки, Есиповой, товарищъ дѣтства моей матери, которой она дана была въ приданое. 19-ти лѣтъ ее отдали за двороваго человѣка, Ефима, конечно не спрося ея согласія. Мужъ оказался самодуромъ и горькимъ пьяницей. Впрочемъ онъ былъ человѣкъ добрый, буянилъ только подъ пьяную руку и съ какимъ-то дѣтскимъ легкомысліемъ, но во всякое время готовъ былъ отдать нуждающемуся послѣднюю съ себя рубаху. Работалъ онъ съ какимъ-то страстнымъ увлеченіемъ, но плодами его трудовъ всего менѣе онъ самъ пользовался. Можно себѣ вообразить, сколько горя натерпѣлась бѣдная молодая женщина съ такимъ мужемъ! Ея назначеніе нянькою давало ей нѣкоторый отдыхъ и мало-по-малу совсѣмъ разлучило съ мужемъ. Но явилось новое горе. Въ первый же годъ брака у нея родился сынъ, Хрисанѳъ, прекрасный мальчикъ, который, кажется, наслѣдовалъ не только всѣ хорошія качества отца, но и его легкомысліе. Матери съ нимъ нѣкогда было возиться; 11 лѣтъ его отдали въ Казань учиться портному мастерству, а онъ научился воровству. Кончилось тѣмъ, что, пройдя много промежуточныхъ степеней, онъ былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе. Нельзя выразить, что̀ пе-

ретерпѣла во все это время бѣдная мать, для которой сынъ былъ все, что красило ее безрадостную жизнь!

Нянька моя была женщина очень неглупая, но прежде всего добрая и любящая, честная и совершенно безкорыстная. Она ходила за мной шесть лѣтъ, а потомъ нянчила еще брата и четырехъ сестеръ. Кротость ея и терпѣніе были невѣроятны; въ шесть лѣтъ моего болѣзненнаго и очень балованнаго дѣтства, я не помню не только грубаго со мною обращенія, но даже и того, чтобы она хоть разъ возвысила голосъ. Впослѣдствіи она сдѣлалась почти членомъ нашего семейства. Мать дала ей отпускную, но она и не думала оставлять насъ: дѣлила скуку деревенской жизни съ моею матерью, для которой она была вѣрнымъ и преданнымъ другомъ до самой смерти въ 1854 году. Послѣ нея осталось рубля на три разныхъ тряпокъ. Такъ кончила свою скромную и совершенно-безупречную жизнь эта замѣчательная женщина. Ея память самое—свѣтлое воспоминаніе моего дѣтства. Миръ душѣ ея!

На зло всѣмъ вѣроятностямъ, меня довезли живаго до имѣнія моей матери, Пензенской губ. Городищенскаго уѣзда, с. Архангельскаго, которое въ народѣ извѣстно только подъ неблагозвучнымъ именемъ Чертовки. Говорятъ, это названіе дано отъ глубокаго ущелія въ ближнемъ лѣсу, Чертолома, въ которомъ долго было становище шайки разбойниковъ. Впослѣдствіи я нѣсколько разъ бывалъ въ этомъ ущельи: мѣсто дикое и для разбойниковъ удобное. Легко можетъ быть, что преданіе имѣетъ основаніе: во время и послѣ Пугачевщины тутъ была большая неурядица въ народѣ. Многіе изъ крестьянъ находились въ шайкѣ Пугачева, и я еще помню двухъ стариковъ, изъ которыхъ одинъ былъ есауломъ и имѣлъ, почему-то, отрѣзанный кусокъ лѣваго уха. Впрочемъ и теперь это порядочная глушь, въ точкѣ соединенія губерній Симбирской, Саратовской и Пензенской. Мнѣ было уже лѣтъ 5 (около 1814 г.), когда среди бѣлаго дня человѣкъ 12 разбойниковъ, съ зажженными пуками лучины, въѣхали верхомъ въ село Качимъ (въ 18 отъ насъ верстахъ) и разграбили домъ нашего знакомаго помѣщика Перлатова. Хозяина не было дома; его жена съ двумя мальчиками убѣжала чрезъ заднiй дворъ и спряталась въ конопляхъ. Одинъ ея сынокъ, моихъ лѣтъ, отъ испугу, остался глухонѣмымъ на всю жизнь. Въ Качимѣ душъ пятьсотъ, но мужчины были въ полѣ на работѣ. Впрочемъ, все таки зрителей было больше, чѣмъ актеровъ; но огнестрѣльнаго оружія ни у кого не было, а у злодѣевъ бюло два ружья. Они и провели тамъ часа три, съѣли даже двѣ банки помады и выпили стклянку духовъ, полагая это барскимъ лакомствомъ; одѣлись въ лучшія мужскія и женскія платья и, оставивъ въ залѣ цѣлый уголъ

лаптей, онучь и тряпья, уѣхали благополучно безъ всякаго преслѣдованія. Вотъ что̀ было возможно въ томъ краѣ 60 лѣтъ тому назадъ!

Небольшой, деревянный барскій домъ, въ 6 комнатъ, нѣсколько лѣтъ оставаясь пустымъ, обвѣтшалъ; комнаты натопили и по возможности убрали къ нашему пріѣзду, но нянька нашла, что жить въ нихъ было невозможно и отнесла меня къ помѣщику Подбѣльскому, жившему въ томъ-же селѣ.

Это была очень оригинальная личность и стоитъ того, чтобы сказать объ ней все, что̀ сохранилось въ моей памяти. Мать моя въ дѣтствѣ помнила Ивана Акимовича Подбѣльскаго повѣреннымъ въ дѣлахъ у ея отца. Въ то время онъ уже былъ сѣдъ и славился знатокомъ въ письменныхъ дѣлахъ. Это былъ человѣкъ высокаго роста, съ коротко остриженными густыми волосами, которые когда-то были черными, съ нависшими густыми бровями. Онъ былъ не безобразенъ, но выраженіе лица его было злое и фальшивое. Умъ, не совсѣмъ обыкновенный, онъ изощрилъ въ службѣ по провіантскому вѣдомству, по разнымъ судамъ и приказамъ. Въ 1806 году онъ былъ въ ополченіи и возвратился прапорщикомъ; по этому случаю онъ всю жизнь носилъ ополченскій кафтанъ. Въ началѣ самостоятельной дѣятельности онъ былъ бѣденъ. Въ Архангельскомъ была у него одна семья крѣпостныхъ крестьянъ, и ее онъ эксплуатировалъ довольно оригинально. Морозенокъ, глава этой семьи, былъ мужикъ зажиточный и платилъ своему помѣщику хорошій оброкъ; но въ каждый рекрутскій наборъ Иванъ Акимовичъ забривалъ ему лобъ и везъ сдавать въ рекруты. Чтобы избѣжать этой бѣды, Морозенокъ платилъ своему помѣщику деньги и оставался до слѣдующаго набора. Поселившись окончательно въ с. Архангельскомъ, Подбѣльскій занялся сутяжничествомъ и мелкимъ ростовщичествомъ. Онъ бралъ на себя веденіе чужихъ тяжбъ, выигрывалъ ихъ, но въ тоже время втягивалъ своихъ вѣрителей въ другія хлопоты и оканчивалъ тѣмъ, что раззорялъ ихъ. Такимъ образомъ, ко времени пріѣзда моихъ родителей въ Архангельское, у Подбѣльскаго было уже душъ 30 крестьянъ, и онъ имѣлъ въ окрестностяхъ славу перваго доки, могущаго черное сдѣлать бѣлымъ. Видно, подвиги его были ужъ слишкомъ вопіющи, потому что дворянство постановило не допускать Подбѣльскаго на выборы, а губернское начальство исходатайствовало ему воспрещеніе быть ходатаемъ по чужимъ дѣламъ. Впрочемъ, это мало стѣсняло его дѣятельность. Подбѣльскій былъ звѣрски жестокъ съ своими крестьянами. Слухи носились о засѣченной женщинѣ и объ утонченномъ истязаніи другой; но все это осталось неразъясненнымъ, благодаря его искусству ладить съ судами и чиновниками. Нѣсколько разъ его отравляли, ко-

нечно, мышьякомъ или сулемой, но онъ всегда успѣвалъ во время принять мѣры противъ яда. У него была еще слава, которую онъ съ выгодою эксплуатировалъ: всѣ были увѣрены, что онъ колдунъ и чернокнижникъ. Такое убѣжденіе народа раздѣляла и бо́льшая часть мѣстной интеллигенціи, очень недалеко ушедшая отъ крестьянъ въ образованіи. Съ своей стороны онъ дѣлалъ все возможное, чтобы утвердить за собой эту славу. За 80 лѣтъ онъ женился вторымъ бракомъ на гувернанткѣ дѣтей сосѣдняго помѣщика, бойкой особѣ лѣтъ тридцати. Чрезъ годъ у нихъ родился сынъ, а еще чрезъ годъ дочь: оба живые портреты Ивана Акимовича. Другаго младшаго сына онъ называлъ внукомъ, давая знать, что его племянникъ, сосѣдній помѣщикъ, имѣетъ болѣе права называть сыномъ этого малютку. Старшій жилъ недолго, а младшій сдѣлался совершеннымъ негодяемъ. Въ послѣдній разъ я видѣлъ Подбѣльскаго въ Пензѣ въ 1842 году. Онъ былъ очень дряхлъ; память ему не измѣняла, но онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы на Кавказѣ что-нибудь измѣнилось послѣ того какъ онъ въ 1770 году возилъ провіантъ въ Грузію для войскъ генерала Тотлебена изъ кр. Св. Димитрія (близъ Ростова). Онъ умеръ 106 лѣтъ въ своемъ имѣніи. Страхъ, который наводилъ онъ на мужиковъ, не прошелъ и послѣ его смерти. Разсказывали, что онъ по ночамъ ходитъ; иныя бабы его видали. Въ одно утро могила его оказалась разрытою, трупъ его перевернутъ внизъ лицемъ, и въ него вбитъ осиновый колъ—средство, какъ извѣстно, самое вѣрное, чтобы колдунъ не вставалъ изъ гроба. Лично моимъ старикамъ этотъ недобрый сосѣдъ сдѣлалъ много непріятностей своими кляузами и наговорами подъ личиной участія. Въ притворствѣ и умѣніи играть всякую роль не легко было найти ему подобнаго.

Наконецъ, пріѣхали мои родители и началось мое деревенское воспитаніе т. е. вскармливанье.

Наша деревенская жизнь шла очень однообразно. Отецъ и мать вставали рано; отецъ шелъ на работы, а мать начинала безконечную возню съ такъ называемымъ женскимъ хозяйствомъ. Впослѣдствіи она такъ къ этому привыкла, что это сдѣлалось для нея необходимостью, и подъ вліяніемъ этой возни, въ которой она чувствовала себя полновластной и непререкаемой властительницей, сложился ея характеръ. Отецъ много ходилъ и ужъ непремѣнно присутствовалъ при всѣхъ работахъ барщины, не рѣдко самъ бралъ грабли или вилы и помогалъ рабочимъ. Отъ служебнаго величія полковника и полковаго командира въ немъ ничего не осталось. Мужики его любили и боялись. Въ обращеніи съ ними онъ былъ простъ и дружелюбенъ. Съ наслажденіемъ вспоминаю его высокую фигуру съ сѣдыми волосами и въ бѣ-

ломъ, полотняномъ сюртукѣ, который самъ онъ себѣ и шилъ въ длинные, зимніе вечера, когда глаза устанутъ отъ чтенія Дѣяній Петра Великаго Голикова. Знакомые довольно рѣдко насъ посѣщали. Имѣніе наше давало возможность быть очень сытымъ, но не доставляло средствъ для роскоши и прихотей. Впрочемъ, въ то время весь складъ жизни помѣщиковъ былъ очень простъ. Если они иногда и проматывались, то рѣдко на утонченныя наслажденія, а болѣе на широкое гостепріимство, псарню и кутёжъ.

Мнѣ было четыре года, когда моя добрая нянька научила меня произносить по порядку буквы Русской азбуки. Сама она была неграмотна и только умѣла называть буквы на память и по порядку: азъ, буки, вѣди и т. д. Съ этого времени начинается мое образованіе—безсистемное, отрывочное, по методамъ довольно дикимъ, а иногда и безъ всякой методы. Не помню, было ли мнѣ 5 лѣтъ, когда отецъ посадилъ меня за азбуку, но шести лѣтъ я уже хорошо читалъ и писалъ. Отецъ былъ первымъ моимъ учителемъ. Позднѣе онъ помѣстилъ меня въ университетскій пансіонъ, содержавшійся въ Казани лекторомъ Нѣмецкаго языка Лейтеромъ. Увидѣвъ огромное множество мальчиковъ (до 60), я оробѣлъ, особенно, когда изъ другой комнаты вышла колоссальная фигура самаго содержателя пансіона. Иванъ Ѳедоровичъ Лейтеръ при высокомъ ростѣ былъ тученъ, говорилъ громко и держалъ строго своихъ воспитанниковъ. Онъ былъ человѣкъ добрый, честный и по крайнему разумѣнію относился серьёзно къ своей педагогической задачѣ. Его худенькая маленькая супруга, Катерина Карловна, была хорошая хозяйка въ домѣ и помогала мужу въ надзорѣ, особенно за младшими.

Это было въ 1818 году. Мое ученіе пошло правильнѣе и успѣшнѣе. Я былъ мальчикъ способный; память у меня была очень хороша. Мои успѣхи въ наукахъ были такъ удовлетворительны, что на публичномъ экзаменѣ, когда мнѣ не было еще 12 лѣтъ, профессоръ математики Бартельсъ, погладилъ меня по головѣ за то, что я бойко вывелъ передъ нимъ Ньютоновъ биномъ. Правда, алгебра проходилась у насъ по Фусу, котораго сочиненіе можно скорѣе назвать сборникомъ алгебраическихъ рецептовъ, чѣмъ разумнымъ руководствомъ. Экзаменъ былъ у насъ обыкновенно въ половинѣ Іюня, и затѣмъ вакаціи продолжались до 15 Августа Въ это время за мною всегда присылали лошадей или пріѣзжалъ кто-нибудь изъ моихъ стариковъ и увозилъ меня въ деревню. Этотъ переѣздъ, въ 350 верстъ, на своихъ лошадяхъ, совершался довольно оригинально. Ѣхали не почтовымъ трактомъ, а проселочными дорогами и всегда по одному направленію, признанному *кратчайшимъ*. Отъ Казани первые два ночлега были у родныхъ: въ *Семиключахъ, у тетки* и *въ* Капревѣ, у дяди Петра Степановича Еси-

пова. На остальномъ разстояніи ночевали всегда почти въ тѣхъ-же деревняхъ и въ избахъ тѣхъ-же мужиковъ. Посѣщенія всей семьей близкихъ родныхъ продолжались почти ежегодно и послѣ моего отъѣзда изъ Казани. Эта семейственная перекочевка двухъ или трехъ бричекъ и кибитокъ, наполненныхъ дѣтьми, прислугой, пуховиками, подушками и всякой провизіей, имѣла свою прелесть, непонятную въ нынѣшнемъ вѣкѣ желѣзныхъ дорогъ и скорыхъ почтовыхъ сообщеній. Мужики и бабы, у которыхъ мы останавливались кормить лошадей, посреди дня, или ночевать, встрѣчали насъ радушно, какъ родныхъ, съ участіемъ распрашивали о нашемъ житьѣ - бытьѣ и меня называли не иначе, какъ Гришей. Нѣкоторые изъ этихъ добрыхъ людей были еще живы въ 1842 году, когда я въ послѣдній разъ проѣзжалъ по этой дорогѣ. По прежнему они называли Гришей 33 лѣтняго полковника и вспоминали то время, когда меня, больнаго ребенка, везли тутъ въ первый разъ. По пріѣздѣ на дневную остановку, кучера отправлялись убирать лошадей и давать имъ сѣна, а семья принималась за обѣдъ. Если же ѣхали мы одни съ отцомъ, то ожидали возвращенія кучеровъ, и тогда отецъ говорилъ хозяйкѣ свою обычную фразу: «ну-ка, мать, чтò есть въ печи, на столъ мечи». Садились всѣ вмѣстѣ и обѣдали тѣмъ, чтò оказывалось въ неприхотливой стряпнѣ хозяйки. Трапеза шла чинно, неторопливо, съ какою-то важностью; разговоры велись разумные и нешумные. Не забуду я сѣдую фигуру моего старика, когда онъ съ простотою библейскаго патріарха предсѣдательствовалъ въ этой общей трапезѣ съ своими слугами. Не все-же безусловно дурно было въ прежнемъ быту при крѣпостномъ правѣ.

Отецъ не могъ сидѣть внутри закрытаго экипажа, и потому дорогой садился сбоку на облучкѣ, свѣся ноги; а, какъ мы на половину ѣхали шагомъ, то онъ всегда вставалъ и шелъ пѣшкомъ версты по двѣ и болѣе. Вообще онъ былъ большой пѣшеходъ и въ деревнѣ ежедневно ходилъ поутру верстъ по 10 и 15. Я часто ему сопутствовалъ, и это развило у меня привычку и любовь къ ходьбѣ, чтò въ жизни мнѣ не разъ было полезно.

Три года я пробылъ въ пансіонѣ Лейтера. Старики платили за меня по 600 р. въ годъ, сумма въ тогдашнее время огромная и далеко превышавшая ту, которую они безъ стѣсненія могли платить за мое образованіе. А тутъ еще семейство наше начало прибавляться почти ежегодно. Въ 1818 году родилась сестра Екатерина, въ 1819 братъ Николай. Старики рѣшились взять меня изъ Казани. Въ тò время у меня очень болѣла нога, которую я, вѣроятно, расчесалъ на берцовой кости. Рана не закрывалась уже мѣсяца два. Я былъ *золотушный ребенокъ*. Еще на первомъ году жизни я потерялъ слухъ на

лѣвое ухо, изъ котораго долгое время вытекала золотушная матерія. Въ Казани меня лѣчили мѣстныя знаменитости Вердерамо и Тило, но безуспѣшно. Меня привезли въ деревню съ глухимъ ухомъ и больной ногой. Послѣдняя излѣчилась оригинальнымъ образомъ. Къ намъ въ деревню пріѣзжалъ почти ежегодно разнощикъ, Владимирскій крестьянинъ, котораго на родинѣ прозвали Иваномъ-крестителемъ. Поводомъ къ этому прозвищу послужило то, что въ 1812 году, въ ихъ деревню наѣхали мародёры или фуражиры изъ непріятельскихъ войскъ, занимавшихъ тогда Москву. Мародёровъ было человѣкъ 15; они требовали хлѣба, вина и разныхъ припасовъ. Иванъ предложилъ имъ боченокъ водки и, когда они бросились всѣ въ подвалъ, онъ вдругъ затворилъ наружныя двери, заперъ и завалилъ ихъ. Чрезъ нѣсколько дней мужики перебили ихъ всѣхъ, изнуренныхъ голодомъ и жаждой. Разсказывая этотъ случай, Иванъ всегда прибавлялъ съ злобной усмѣшкой, что онъ мусьевъ привелъ въ крещеную вѣру. Много звѣрскихъ инстинктовъ вызвало бѣдствіе 1812 года. Война была въ полномъ смыслѣ народная. Въ дѣтствѣ я помню разсказы подобные тому, героемъ котораго былъ Иванъ, Владимирскій мужикъ. Теперь такіе разсказы возбуждаютъ только омерзѣніе къ вызвавшему ихъ безчеловѣчному фанатизму, но въ свое время эта дикость спасла Россію. Ничего еще не придумала военная наука для народной войны. Но ничего подобнаго и не было въ Пруссіи, Австріи и Франціи во время погрома 1806, 1866 и 1871 гг., когда послѣ одного проиграннаго сраженія при Іенѣ рухнула Прусская монархія, войска сдавались, а крѣпости безъ выстрѣла отворяли ворота побѣдителямъ. Есть дикія силы въ Русскомъ народѣ. Вопросъ: что́ правители сдѣлаютъ изъ этого сыраго матеріала? Покуда еще не видно, чтобы его обратили на пользу человѣчности и цивилизаціи.

Возвращаюсь къ разсказу. Пріѣздъ разнощика составляетъ въ захолустномъ помѣщичьемъ быту пріятное событіе. Ловкій и говорливый торговецъ является прежде всего съ реестромъ товаровъ. Оказывается, что у него все есть, что́ нужно: и красные товары, и посуда, и бакалея. Все это на двухъ или на трехъ возахъ везется изъ Москвы и пополняется въ губернскихъ городахъ, по мѣрѣ распродажи. Процессъ осмотра товаровъ и разговоры съ новымъ лицомъ, расторопнымъ и бывалымъ, по крайней мѣрѣ столько же всѣхъ занимаютъ какъ и самая покупка. На этотъ разъ у Ивана оказался, въ числѣ многихъ другихъ товаровъ, пластырь, заклеенный въ коробочкѣ и запечатанный. Какой это пластырь—Иванъ не зналъ, но увѣрялъ, что «очень пользительный». Мать моя, по запаху, догадалась, что это тотъ *пластырь, отъ котораго* закрылась у нея фистула на глазу, долго не

поддававшаяся никакимъ другимъ средствамъ. На этомъ основаніи пластырь былъ купленъ и тотчасъ же приложенъ къ моей ногѣ, а чрезъ недѣлю рана зажила. Таково было и есть врачеваніе по всей Россіи; между крестьянами же главную роль играютъ заговоры, нашептыванья и безчисленное множество предразсудковъ и повѣрій, передаваемыхъ изъ рода въ родъ и губящихъ людей столько же, какъ и самыя болѣзни. Врачей и нынѣ почти нѣтъ, а въ то время и совсѣмъ не было. Если наѣзжалъ иногда лекарь въ деревню, то или для вскрытія тѣлъ скоропостижно умершихъ, или для прививки оспы. Въ обоихъ случаяхъ, завидѣвъ его, дѣти разбѣгались въ лѣсъ или прятались въ конопляхъ, а взрослые старались избѣгнуть встрѣчи съ лекаремъ, чтобы ихъ не заставили быть при томъ, какъ станутъ потрошить бѣднаго покойника. Эта операція всегда возбуждала въ народѣ ропотъ и враждебное отношеніе къ врачамъ и къ администраціи.

Въ концѣ зимы отецъ повезъ меня въ Саратовъ и по чьей-то рекомендаціи, помѣстилъ въ пансіонъ Квятковскаго, гдѣ за меня платили ста рублями дешевле, чѣмъ въ Казани.

Николай Степановичъ Квятковскій былъ бодрый старикъ лѣтъ 55. Онъ служилъ прежде землемѣромъ и на этомъ основаніи слылъ ученымъ. Оставивъ службу нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ завелъ пансіонъ для мальчиковъ. Говорятъ, что въ первое время, его заведеніе шло хорошо, но старикъ вздумалъ завести кирпичный заводъ и работать машиной, которую самъ изобрѣлъ. Это поглотило не только все его время, но и все небольшое его состояніе. Въ послѣднемъ много помогли ему жившая съ нимъ свояченица - вдова, дочь дѣвица лѣтъ 24 и сынъ, служившій помощникомъ губернскаго архитектора. Это было нехорошее семейство. Впрочемъ старика можно упрекнуть только въ томъ, что пансіономъ онъ совсѣмъ не занимался и не старался имѣть порядочныхъ учителей. Проэкзаменовавъ меня, онъ сказалъ отцу, что я многому учился, но ничего основательно не знаю. Тутъ была доля правды; но нужно признаться, что въ его пансіонѣ я кое-что забылъ и ровно ничего не пріобрѣлъ. Самъ онъ училъ насъ Французскому языку, ариѳметикѣ и географіи, но все ученіе состояло въ задаваніи уроковъ *отсель досель*, и выучиваніи наизусть. Сверхъ того онъ по цѣлой недѣлѣ иногда совсѣмъ насъ не видѣлъ; учителя были такъ же неисправны. По Субботамъ послѣ обѣда и по праздникамъ мы были свободны отъ всякихъ занятій, и намъ позволялось гулять по городу вмѣстѣ или поодиночкѣ, безъ всякаго надзора. Въ Субботу вечеромъ мы должны были ходить ко всенощной, а въ Воскресенье къ обѣднѣ. Чтобъ не стоять долго, мы обыкновенно, поодиночкѣ, кочевали изъ одной церкви въ другую, выжидая конца службы. Такимъ

образомъ я попалъ въ церковь Св. Сергія, на высокомъ берегу Волги, съ которой открывался обширный видъ. Церковь была старинная, каменная, очень большая. У всенощной прихожанъ было мало; служилъ протоіерей, маститый старецъ за 80 лѣтъ. Служба при этой обстановкѣ произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Приходя каждую Субботу ко всенощной, я становился въ алтарѣ. Священникъ привыкъ видѣть меня и всегда говорилъ нѣсколько ласковыхъ словъ, или упрекалъ, если я опаздывалъ. Это былъ старецъ замѣчательной красоты наружной и душевной. Кротость, доброта и сознаніе святости своего призванія видны были во всѣхъ словахъ его и дѣйствіяхъ. Я привязался къ нему всей душой. Миръ душѣ твоей, старецъ! Я считаю тебя однимъ изъ своихъ благодѣтелей и едва ли не единственнымъ наставникомъ въ ученіи Христовомъ, хотя не по школьному руководству. Въ одну Субботу я узналъ, что старецъ скончался. На другой день я былъ на его похоронахъ и оплакалъ его какъ отца. Протодіаконъ громко и внятно читалъ молитвы, обычныя при погребеніи протоіерея. Торжественность обряда и краснорѣчіе молитвъ вызвали у меня нервный плачъ. Чрезъ 42 года (въ 1864 г.), я опять посѣтилъ церковь Св. Сергія. Она нисколько не измѣнилась, но мнѣ не удалось возбудить въ себѣ прежняго молитвеннаго настроенія. Вѣроятно воспоминаніе о немъ было причиною того, что во всю жизнь я охотно посѣщалъ церковь во всенощную и рѣдко въ обѣдню, слишкомъ образная торжественность которой и внѣшняя обстановка не позволяютъ сосредоточиться для искренней молитвы.

Осенью меня опять взяли въ деревню, а недѣли черезъ двѣ отецъ отвезъ въ Пензу, гдѣ я принятъ былъ въ 1 классъ гимназіи, а жилъ у директора, Ив. Ив. Лажечникова, содержавшаго въ своемъ домѣ небольшой пансіонъ. Это былъ будущій авторъ «Послѣдняго Новика», «Ледянаго дома» и другихъ романовъ, написанныхъ подъ сильнымъ вліяніемъ Вальтеръ-Скотта, но въ свое время занимавшихъ почетное мѣсто въ Русской литературѣ. Гимназіей онъ мало занимался, за то она и была въ такомъ порядкѣ, что привела бы въ ужасъ самаго снисходительнаго изъ нынѣшнихъ педагоговъ. Учителя были плохи, нѣкоторые приходили въ классъ пьяными, рукамъ давали большую волю, но ученьемъ не стѣсняли. Перемѣны продолжались по часу; а часто учителя совсѣмъ не приходили. Свободное время употреблялось на кулачные бои, классъ на классъ. Надзору никакого. Грязь вездѣ была невообразимая.

Въ Іюнѣ 1822 года я перешелъ во 2 классъ, а 1 Января 1823 года мнѣ минуло 14 лѣтъ. Отецъ, вступившій въ военную службу 13, лѣтъ, нашелъ, что и мнѣ пора. Старый сослуживецъ, генералъ Кузьминъ

присовѣтовалъ ему записать меня юнкеромъ въ Олонецкій пѣхотный полкъ. Встрѣтилось затрудненіе: въ службу можно было опредѣлиться не моложе 17 лѣтъ; но это, повидимому неодолимое, затрудненіе, было легко устранено посредствомъ пятирублевой бумажки, данной секретарю Консисторіи. Отецъ повезъ меня въ городъ Наровчатъ, гдѣ былъ штабъ Олонецкаго пѣхотнаго полка. На дорогѣ, въ гор. Инсарѣ, мы случайно встрѣтили унтеръ-офицера этаго полка; онъ присовѣтовалъ моему отцу просить, чтобы меня зачислили въ 3-ю мушкатерную роту: обстоятельство, кажется, совершенно ничтожное, но имѣвшее благодѣтельное вліяніе на всю мою жизнь. Полкомъ командовалъ полковой командиръ Геннадій Иван. Кознаковъ, числившійся прежде въ Семеновскомъ полку, но, какъ видно, не бывшій въ этомъ полку во время возмущенія этого полка противъ своего командира Шварца, и въ то время имѣвшаго незавидную славу звѣрской жестокости. Отецъ побывалъ у полковаго командира, кончилъ всѣ формальности и на другой день уѣхалъ въ деревню, а я отправился въ юнкерскомъ мундирѣ въ 3-ю мушкатерскую роту, стоявшую на тѣсныхъ квартирахъ въ д. Шиловкѣ, въ 3 верстахъ отъ Наровчата.

Здѣсь конецъ моему дѣтству. Воинъ, защитникъ отечества, я уже былъ самостоятельнымъ гражданиномъ. Въ сущности я былъ совершенно ребенокъ; у меня сохранился мой первый китель, похожій на одежду куклы скорѣе, чѣмъ на солдатскій мундиръ. Крестьянскіе мальчишки, къ великому моему огорченію, кричали: «Гриша, Гриша», когда я проходилъ по деревенской улицѣ. Житейскаго смысла и опытности—никакихъ. И такое дитя пустили на распутіе дорогъ, съ правомъ самостоятельнаго выбора!

Олонецкій пѣхотный полкъ, куда я опредѣлился, принадлежалъ къ 5 пѣхотной дивизіи и 2 пѣхотному корпусу, и славился хорошимъ обществомъ офицеровъ. Хорошъ ли былъ полковой командиръ, я не знаю; но, вообще Г. И. Казнаковъ былъ человѣкъ образованный и порядочнаго общества. Это вѣроятно отражалось на всей его полковой семьѣ и до нѣкоторой степени умѣряло дикость нравовъ этого варварскаго времени для нашего военнаго вѣдомства. 3-ю мушкатерскою ротою командовалъ Егоръ Яковлевичъ Непенинъ. Онъ былъ лѣтъ 35, былъ въ кампаніи 1814 года и довольно долго оставался въ Парижѣ. Въ полку онъ считался отличнымъ ротнымъ командиромъ и коноводомъ. У матери его было имѣніе въ Вологодской губ., и потому онъ менѣе многихъ другихъ товарищей былъ подавленъ крайне-скуднымъ тогдашнимъ содержаніемъ. Егоръ Яковлевичъ былъ человѣкъ честный, замѣчательно добрый, разумный и порядочно образованный. Я считаю его своимъ благодѣтелемъ и сохраню навсегда память

немъ. Ему я обязанъ тѣмъ, что не попалъ въ ту колею, по которой шли большая часть моихъ товарищей. Кромѣ меня, юнкеровъ въ полку было 66. Между ними были такіе, какъ братья Жулябины, однодворцы, вступившіе въ службу, чтобы не потерять дворянскихъ правъ. Старшій, мужикъ лѣтъ 30, привелъ двухъ братьевъ къ полковому командиру въ лаптяхъ. Грамотѣ они знали столько, чтобы нацарапать свое имя съ грѣхомъ пополамъ. Но это были люди только простые и вѣроятно честные; а между юнкерами были и такіе, которые были неравнодушны къ двугривенному своего ближняго.

Ротный командиръ принялъ меня ласково и послалъ къ фельдфебелю для полученія квартиры. Въ ротѣ оказался у меня землякъ, юнкеръ Андріяновъ, изъ Базарной Кеньши, въ 12 верстахъ отъ нашей деревни. Фельдфебель Филипъ Гавриловичъ Казанковъ, принялъ меня съ подобающею важностью, саркастически отозвался о пользѣ, которую могутъ принести такіе царскіе слуги, и когда я попросилъ, чтобы меня поставили съ Андріяновымъ на одну квартиру, благосклонно спросилъ: «а что, али однокорытники?»

Деревня Шиловка была экономическая, въ ней было душъ 200 м. пола. Мужики были очень бѣдны послѣ пожара, года три назадъ истребившаго всѣ дома. Съ Андріяновымъ стояли еще человѣкъ пять солдатъ, которые «бѣлились» въ то время, когда я взошелъ въ избу. Это значитъ: они чистили бѣлые ремни своей аммуниціи. Въ избѣ былъ совершенный хаосъ: пыль столбомъ, вездѣ мѣловыя брызги покрывали исконную грязь пола и лавокъ. Оказалось, что Андріяновъ жилъ не въ избѣ, а, по лѣтнему времени, въ хлѣвѣ, гдѣ многія поколѣнія скота и птицъ оставили аршина на полтора навозу. Туда, за ненадобностью, втащены розвальни, на нихъ положена солома, покрытая синей крашенинной простыней съ двумя такими же подушками; и на всемъ этомъ роскошно развалился Андріяновъ, очевидно довольный своимъ положеніемъ. Вокругъ него, по стѣнѣ, были развѣшаны его доспѣхи: киверъ, сума, портупея, тесакъ и т. д.

Тутъ же мы рѣшили: втащить для меня другія розвальни и устроить ложе у другой стѣны. Насъ позвали обѣдать. На дворѣ, за столъ, накрытый грязнѣйшимъ столешникомъ, усѣлись съ нами пять солдатъ. Каждый принесъ свой хлѣбъ, хозяйка подала большую чашку щей съ лебедой, приправленныхъ кусочкомъ свинаго сала и ложкой молока. «Вотъ она, солдатская-то нужда», думалось мнѣ. Я былъ совершенно счастливъ сознаніемъ, что и я несу тягости военной службы, о чемъ слышалъ съ завистью нерѣдкіе разсказы моего отца. Однако щи были очень невкусны, и я отъ нихъ совсѣмъ отказался, когда одинъ изъ солдатъ вытащилъ изъ нихъ большаго таракана. Хозяйка, все время

смотрѣвшая на меня пригорюнившись, расплакалась, что я молодёшенекъ пошелъ на чужую сторону и на солдатскую нужду. Добрая женщина принесла мнѣ стаканъ молока, отнявъ его у своихъ малютокъ. Послѣ нашего обѣда меня позвали къ капитану обѣдать, а возвратившись вечеромъ домой, я нашелъ неожиданное великолѣпіе: Иванъ, бывшій моимъ дядькой въ пансіонѣ, а теперь посланный со мною съ благовиднымъ титуломъ слуги, поговорилъ съ старостою; явились мужики съ вилами и лопатами, навозъ подняли до земли и увезли, а землю посыпали песочкомъ и вообще устроили мою резиденцію кокетливо и съ возможнымъ комфортомъ. Иванъ Никитичъ былъ крѣпостной моей матери. Это былъ человѣкъ лѣтъ 26-ти, пріятной наружности, неглупый и большой франтъ. Онъ самоучкой выучился сапожному мастерству, шилъ хорошо и работу любилъ. У него водилась деньгà, но онъ любилъ веселую кампанію и бывалъ пьянъ; впрочемъ пьяницей онъ никогда не былъ. Семейная жизнь его была несчастлива. За мной смотрѣлъ онъ хорошо, и я его любилъ.

Водворившись въ своей резиденціи, я распросилъ Андріянова: «какъ и что». «Главная сила—задобрить фельдфебеля. Я ему подарилъ десяти-рублевую бумажку, на рубашку ситцу и полштофа сладкой водки». Посовѣтовавшись съ Иваномъ, я послалъ такой же гостинецъ съ прибавкой. Это было довольно чувствительно для моего кошелька, въ которомъ было 70 р. ассигнаціями. Впрочемъ моя щедрость пропала даромъ: Филипъ Гавриловичъ обидѣлся, что я не самъ принесъ, а прислалъ съ Иваномъ, чтó послѣднему не помѣшало возвратиться на веселѣ.

Филипъ Гавриловичъ Казанковъ былъ типическій фельдфебель того времени. Лѣтъ подъ сорокъ, средняго роста, коренастый, грамотѣ не зналъ, но память имѣлъ очень хорошую, держалъ роту въ ежовыхъ рукахъ; но какъ начальникъ, такъ и подчиненные были имъ довольны. Ко мнѣ онъ былъ нерасположенъ, далъ самую жирную ременную аммуницію, мундиръ пригналъ такъ узко, что со мною сдѣлалось дурно. «Сомлѣлъ... эхъ, дворянчикъ». Болѣе онъ мнѣ ничего сдѣлать не могъ, потому что ротный командиръ взялъ меня подъ свое особое покровительство. Можно вообразить мое удивленіе, когда въ 1832 г. на дневкѣ, близъ Ломзы, ко мнѣ явились Филиппъ Гавриловичъ и бывшій мой дядька Василій Горбуновъ. Послѣдній былъ капральнымъ унтеръ-офицеромъ; первый продолжалъ быть фельдфебелемъ тойже роты; прибавились у него только Георгіевскій крестъ за Турецкую войну и золотой шевронъ. Это были единственные остатки третьей мушкетерской роты моего *времени. Ихъ* полкъ дѣлалъ Турецкую войну, былъ два раза *комплектованъ и возвратился* въ Россію въ составѣ 137 нижнихъ ч

новъ. Нужно было случиться, что моя рота, возвращаясь послѣ войны изъ Польши въ Россію, дневала именно въ той деревнѣ, гдѣ былъ постоянный ротный дворъ 3-ей мушкетерской роты Олонецкаго полка. За эти 9 лѣтъ Филиппъ Гавриловичъ преуспѣлъ въ грамотѣ: умѣлъ читать, а по нуждѣ и нацарапать свое имя. Его хотѣли представить въ подпоручики; но онъ рѣшительно отказался, говоря: «Какой я буду офицеръ? а какъ исправный фельдфебель, я во всей дивизіи извѣстенъ».

Въ годъ моего вступленія на службу, Олонецкій полкъ не стоялъ въ лагерѣ, а былъ собранъ на тѣсныя квартиры вокругъ полковаго штаба. Норовчатъ скорѣе походилъ бы на большое село, чѣмъ на городъ, если бы не было присутственныхъ мѣстъ и десятка лавочекъ. Окрестныя деревни были одинаково бѣдны и грязны; но, если я не ошибаюсь, тогдашняя бѣдность была лучше нынѣшней. Пьянства было гораздо меньше, подати легче, и потому сытыхъ въ народѣ было больше, чѣмъ нынѣ. Взятки и поборы были тѣже, но чиновниковъ было меньше; да и довольствовались они мѐньшимъ, потому что вообще роскошь и прихоти были менѣе развиты во всѣхъ сословіяхъ. Въ Наровчатскомъ уѣздѣ было много помѣщиковъ, но большею частью людей небогатыхъ. Уровень ихъ образованія былъ низокъ, нравы грубы; но потребности легко удовлетворялись продуктами крѣпостнаго права, которыя нѣкоторые эксплуатировали не совсѣмъ гуманно. Роскошь составляли: гостепріимство, кутежи и охота. Теперь все это измѣнилось, и только духовенство и бо́льшая часть купечества остаются покуда неизмѣнно-вѣрными своимъ дѣдовскимъ преданіямъ.

Весной, со вступленіемъ на тѣсныя квартиры, начиналась усиленная учебная дѣятельность. Въ войскахъ фронтовое обученіе солдатъ не было доведено до такихъ тонкостей, какъ это было въ царствованіе Николая Павловича, когда какой-то забавникъ справедливо назвалъ одиночное ученіе фронтологіей. Дѣйствительно, это сдѣлалось наукой, съ своими аксіомами, своими личными взглядами, возбуждавшими жаркіе споры, съ своей терминологіей, непонятной профанамъ, и съ своими фанатиками искренними и притворными. Въ царствованіе Александра I, одиночное ученіе въ войскахъ было на второмъ планѣ, умѣнье маневрировать было неудовлетворительно, главнымъ дѣломъ считался церемоніальный маршъ. На смотрахъ всю надежду возлагали на него и на общее усердіе. Я говорю конечно объ арміи; вѣроятно, это было иначе въ гвардіи и совсѣмъ иначе въ саперныхъ войскахъ, которыя были подъ начальствомъ генералъ-инспектора, тогда *мало думавшаго о престолѣ.*

Но эта, казалось, немудренная наука дорого доставалась бѣднымъ солдатамъ. Съ началомъ ученья начиналось немилосердое дранье и зубодробленіе за малѣйшее движеніе, которое признавалось ошибочнымъ. Драли розгами, палками, шомполами и тесаками. Были начальники, которые особенно славились тѣмъ, что въ ихъ частяхъ съ каждаго ученія по нѣскольку человѣкъ уносили на плащахъ. Сто розогъ или палокъ было легкимъ наказаніемъ: давали по тысячѣ и полторы тысячи ударовъ. Все это происходило предъ фронтомъ по одному слову начальника, часто произнесенному въ запальчивости. Случалось, что на ученье вмѣстѣ съ частью войскъ привозился возъ палокъ; унтеръ-офицеры имѣли всегда палки въ стволѣ ружья и сзади подъ фалдами мундира. Драли и колотили по зубамъ солдатъ всѣ, начиная съ ефрейтора; въ саперныхъ баталіонахъ были люди, получавшіе зуботычины изъ рукъ, впослѣдствіи державшихъ скипетръ.

При опредѣленіи мѣры наказанія начальникъ ничѣмъ не былъ стѣсненъ. Казалось бы, этотъ произволъ могъ сдѣлать наказаніе менѣе жестокимъ; но нужно вспомнить общую дикость нравовъ и жестокость этого времени, наслѣдство предшествовавшихъ вѣковъ. И вотъ Петровъ или Ивановъ начинаетъ прогулку по зеленой улицѣ (техническій терминъ) между двумя рядами солдатъ. У каждаго лоза аршина полтора длины и въ мизинецъ толщины. Каждый, при проходѣ несчастнаго, ударяетъ его по голой спинѣ. Пройдя весь строй, возвращается назадъ; лекарь щупаетъ пульсъ и рѣшаетъ, можно ли продолжать наказаніе. Если нельзя, Петрова или Иванова отправляютъ въ лазаретъ, лечатъ и снова выводятъ, чтобы «доходить положенное число разовъ». Кто повѣритъ, что были выдерживавшіе 12 тысячъ лозановъ? Кто повѣритъ, что хлестаніе этой безобразной массы чернаго окровавленнаго мяса, возимаго на телѣжкѣ, продолжалось даже и въ то время, когда Петровъ или Ивановъ стоялъ уже предъ престоломъ Милосердаго Судьи?

Многія изъ этихъ страшныхъ сценъ я видѣлъ своими глазами во времена моего юношества и первой молодости, гдѣ, подъ старость, обыкновенно ищутъ свѣтлыхъ воспоминаній.... Исторія смягчитъ судъ объ этомъ варварскомъ, кровожадномъ времени; но человѣчество благословитъ того, кто избавилъ Россію отъ этихъ кровавыхъ зрѣлищъ, понявъ, что тѣлесныя истязанія унижаютъ преступника, унижаютъ солдатъ, которые являются палачами своего собрата и, наконецъ, унижаютъ правительство, которое не понимаетъ военной дисциплины, не основанной на драньѣ и зубодробленіи.

Въ два года моей службы въ ротѣ я не помню, чтобы Егоръ *Яковлевичъ, на ученьи,* кого-нибудь своеручно ударилъ; онъ и не

чалъ наказаніе въ рѣдкихъ случаяхъ. Солдаты его очень любили. Роль Аракчеева игралъ у него Филипъ Гавриловичъ, который, въ отсутствіе ротнаго командира, не клалъ охулки на свою руку. Если въ ротѣ и имъ были довольны, то только потому что онъ бариномъ не прикидывался, жилъ съ солдатами посолдатски и подъ часъ не прочь былъ раздѣлить съ ними бесѣду и штофъ водки.

Въ ротѣ было немало людей, которые имѣли медали за 1812—1814 гг.; они помнили еще по нѣскольку словъ Французскихъ и Нѣмецкихъ и охотно разсказывали о своихъ походахъ. Старики были со мною очень ласковы. Тяжела была тогда солдатская служба. 25-лѣтній срокъ продолжителенъ до нелѣпости, а если кто былъ оштрафованъ, хотя бы смѣщеніемъ изъ унтеръ-офицеровъ въ рядовые за незнаніе фронта, тотъ оставался на службѣ всю жизнь. При ротныхъ артельныхъ лошадяхъ у насъ былъ рядовой Плѣшкинъ, старецъ лѣтъ 70, почтенной наружности и всѣми уважаемый. Онъ служилъ безъ отставки, потому что былъ изъ Польскихъ плѣнныхъ; прослуживъ 48 лѣтъ, онъ конечно могъ выйти въ неспособные на родину, въ инвалиды; но старикъ давно забылъ свою родину, гдѣ онъ вѣроятно иначе и назывался, и сроднился съ ротой, въ которой онъ пережилъ много поколѣній. Эта грустная картина напоминала мнѣ слова моего отца: «молодой солдатъ—старый нищій».

Полковой сборъ кончался смотромъ бригаднаго командира. Я на немъ не былъ, потому что не въ силахъ еще былъ поднимать 14-фунтовое ружье и таскать пудовой ранецъ. Правильнѣе будетъ сказать, что этой льготой я обязанъ былъ добротѣ моего достойнаго ротнаго командира, который отечески обо мнѣ заботился.

Послѣ смотра мы отправились на зимнія квартиры, верстъ за 20 отъ Наровчата. Ротный дворъ былъ въ экономическомъ селѣ Покровскомъ, гдѣ было около 2.000 душъ и двѣ церкви. Здѣсь мужики были зажиточнѣе: денегъ, правда, ни у кого не было, но не было и голодной нужды. Егоръ Яковлевичъ взялъ меня къ себѣ на квартиру, но независимо отъ этого мнѣ и Ивану были отведены квартиры, каждому по 24 рев. души. На эти квартиры я обыкновенно ходилъ поочередно утромъ ѣсть сливки и яичницу. Добрые люди были ко мнѣ ласковы; обижали меня только мальчишки, которые продолжали называть меня Гришей.

На зимнихъ квартирахъ солдатамъ давался безусловный отдыхъ, если не считать службой одиночныхъ по избамъ ученій ружейнымъ пріёмамъ, учебному шагу и *пунктикамъ*: такъ называлась у солдатъ *книжечка, которую безграмотные* солдаты должны были заучивать *наизусть. Тамъ, сверхъ многихъ* довольно отвлеченныхъ и тайныхъ тол-

кованій о значеніи и обязанности солдата, были имена его начальниковъ. Нельзя было безъ смѣху и жалости смотрѣть, какъ какой-нибудь Чувашъ или Хохолъ коверкалъ свой языкъ, чтобы на вопросъ: «кто у тебя главнокомандующій?» отвѣчать: «генералъ отъ инфантеріи графъ Фабіанъ Вильгельмовичъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ.»

На зимнихъ квартирахъ, внѣ служебныхъ занятій, солдатъ пользовался совершенной свободой въ одеждѣ и жизни. Онъ надѣвалъ полушубокъ и шапку своего хозяина и старался сдѣлаться его семьяниномъ, помогалъ въ работахъ полевыхъ и домашнихъ. Конечно, народную нравственность это не улучшало; но солдатъ отдыхалъ въ привычномъ ему быту и былъ гораздо здоровѣе, чѣмъ тотъ, который зимовалъ въ вонючихъ казармахъ, отапливаемыхъ изъ экономіи человѣческою теплотою.

Если устранить все грубое и дикое, принадлежавшее тому времени, едва ли не окажется, что тогдашній порядокъ содержанія и употребленія войскъ былъ раціональнѣе нынѣшняго. Лагерная жизнь не имѣетъ ничего общаго съ жизнью въ крестьянскомъ быту и съ жизнью солдата въ военное время. Бо́льшая часть фронтовыхъ тонкостей имѣютъ значеніе условное и совсѣмъ безполезны для прямаго назначенія войскъ, а между тѣмъ дорого стоятъ здоровью солдата. Худо было тогда то, что совсѣмъ не заботились о физическомъ и умственномъ развитіи солдата и не учили его стрѣлять въ цѣль. Въ два года службы въ полку я не слышалъ ни одного боеваго выстрѣла, хотя отпускалось по три патрона на человѣка. Впрочемъ, и ружья были отвратительно дурны, испорчены варварской чисткой, съ изогнутыми стволами и неисправными замками. Щегольствомъ былъ частый батальный огонь въ развернутомъ фронтѣ, чему помогали огромныя затравки, изъ которыхъ при заряжаніи высыпался порохъ на по́лку. Много дикаго было тогда, но немало осталось и теперь. Тогда не было по крайней мѣрѣ такой ефрейторщины и игры въ солдатики, какая нынѣ царствуетъ въ военномъ вѣдомствѣ въ малыхъ и огромныхъ размѣрахъ. Тогда не считали мирныхъ маневровъ школою для боя, а военной игры школою для образованія полководцевъ. Въ послѣдствіи времени мнѣ только на Кавказѣ пришлось видѣть войска, въ которыхъ еще сохранились Суворовскія преданія. Это были въ полномъ смыслѣ des héros en guénilles *), но они едва могли ходить въ ногу, о равненіи на церемоніальномъ маршѣ имѣли смутное понятіе, а о томъ, что́ такое щегольской разводъ и не подозрѣвали. Теперь, говорятъ, общій уровень прошелъ и по этимъ раскольникамъ военнаго вѣдомства. Жалъ

*) *Герои въ отрепьяхъ.*

мнѣ васъ, боевые товарищи, жаль и Россіи! Зубодробительная и задирательная дисциплина съ 25-лѣтнимъ срокомъ службы теперь конечно невозможна; оказывается настоятельная необходимость внести разумныя начала въ военный бытъ, относиться трезво и безъ увлеченій ко всѣмъ особенностямъ народнаго характера и Русской земли, а пуще всего перестать играть въ солдатики. Бѣда, если у насъ будетъ Прусская армія. Не часто придется имѣть дѣло съ непріятелемъ, котораго арміи, послѣ перваго неудачнаго боя, падаютъ духомъ и кладутъ оружіе. Намъ нужны войска, которыя послѣ тысячеверстнаго отступленія дерутся какъ львы подъ Бородинымъ. А врядъ ли этого можно ожидать отъ войскъ, которыя образуются на основаніи новой военной организаціи. Въ ней много гуманнаго, но мало Русскаго; она можетъ быть вредной или гибельной; послѣднее, если насъ война застанетъ до окончанія преобразованій. Вредной эта реформа, по моему разумѣнію, будетъ безусловно до тѣхъ поръ, пока народное образованіе не придетъ въ уровень съ требованіями новой организаціи войскъ. А это будетъ очень нескоро. Основаніемъ и корнемъ солдатской семьи служатъ унтеръ-офицеры и старые солдаты. Ни тѣхъ, ни другихъ не можетъ быть при нынѣшнемъ срокѣ службы, изъ котораго еще полагается увольнять въ $1\frac{1}{2}$ годичный отпускъ. Образованные офицеры будутъ болѣе или менѣе далеки отъ солдатъ, и именно на всю разность ихъ умственнаго развитія. Говорятъ, что при всесословной военной повинности въ рядахъ солдатъ будутъ молодые люди развитые и образованные. Это правда, и такой аргументъ былъ бы очень важенъ, еслибы будущія войны могли оканчиваться однимъ боемъ или въ короткое время; но для трудныхъ, продолжительныхъ войнъ нужны закаленные ветераны, de vieux grognenrs *); нужны Ширванцы, Кабардинцы, Куринцы, Мингрельцы, Нижегородцы, Тенгинцы, которые по десятку лѣтъ не видали своего полковаго штаба и находили это совершенно естественнымъ. Вѣчная память вамъ, простодушные воины, не подозрѣвавшіе своего великаго героизма! Потомки не повѣрятъ вашей скромной доблести и будутъ мѣрять васъ на свой аршинъ. Въ 1828 году, когда Ермоловъ только что оставилъ Кавказъ, знаменитый Ширванскій полкъ долженъ былъ вступать въ Тифлисъ послѣ 11-лѣтнихъ безпрерывныхъ походовъ и военныхъ дѣйствій. Дибичъ долженъ былъ смотрѣть этотъ полкъ при вступленіи. Попечительное начальство отправило за одну станцію новыя шинели на весь полкъ, чтобы славныя лохмотья Ширванцевъ не мозолили глаза солдата «Нѣмецкихъ

---

*) *Старые ворчуны.*

пудреныхъ дружинъ». Но Богъ знаетъ куда увлекли меня воспоминанія. Возвращаюсь къ моему юнкерству.

Весною 1824 г. начались усиленныя фронтовыя занятія. Государь долженъ былъ смотрѣть 2-й корпусъ въ Пензѣ. Мы пришли на прежнія тѣсныя квартиры. Часто собирался весь баталіонъ вмѣстѣ для батальоннаго ученія. Однажды даже было полковое ученіе, котораго я былъ только зрителемъ, потому что произошелъ только стойку, повороты и маршировку. Дядька мой, рядовой Василій Горбуновъ, былъ добрѣйшее существо и нисколько не торопился открыть мнѣ всѣ тайны побѣдъ. Не безъ умиленія вспоминаю теперь, сколько добрыхъ людей мнѣ случилось встрѣтить въ эту эпоху моей жизни. Къ Егору Яковлевичу я привязался всей душой, какъ къ отцу. Онъ заботился обо мнѣ съ деликатностью, которую только въ послѣдствіи я могъ оцѣнить, старался устранить меня отъ всего, что́ есть циническаго въ жизни холостыхъ офицеровъ и если кто-нибудь начиналъ разговоръ при мнѣ о грязныхъ предметахъ и въ выраженіяхъ нецеремонныхъ, онъ всегда останавливалъ словами: «при ребенкѣ можно бы этого не говорить». Но ребенокъ находилъ много другихъ учителей и, къ сожалѣнію, многими уроками слишкомъ воспользовался. Вообще военная семья плохая школа для молодаго человѣка, еще не выработавшаго никакого характера, никакихъ самостоятельныхъ убѣжденій. При новой организаціи военной повинности *всѣ* молодые люди пройдутъ чрезъ эту школу. Конечно есть разница между возрастами 14—15 и 17—20 лѣтъ, но эта разница не очень велика, и вообще нѣтъ сомнѣнія, что такой усиленный милитаризмъ будетъ имѣть вредное вліяніе на нравственность народную и особенно на молодыхъ людей болѣе достаточныхъ классовъ.

Однажды Егоръ Яковлевичъ, пріѣхавъ изъ Наровчата, сказалъ мнѣ: «Ну, Филипсонъ, я тебя просваталъ. Если ты хорошій мальчикъ, скажешь мнѣ спасибо; отъ тебя будетъ зависѣть сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ». Оказалось, что полковой командиръ получилъ предписаніе выбрать изъ юнкеровъ его полка нѣсколько болѣе другихъ образованныхъ и послать въ дивизіонный штабъ. Эти юнкера назначались въ юнкерскую школу, которая, по инициативѣ начальника главнаго штаба 1-й арміи барона Толя, открывалась при главной квартирѣ въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, на новыхъ основаніяхъ.

Помню очень хорошо, что это извѣстіе меня очень обрадовало, и Егоръ Яковлевичъ за то меня ласково похвалилъ; но, кажется, другимъ юнкерамъ оно представилось иначе, потому что въ полку не оказалось *другаго* охотника. На другой же день Егоръ Яковлевичъ *представилъ меня* полковому командиру, который сдѣлалъ мнѣ

менъ: изъ данной точки на данную линію опустить перпендикуляръ, спросилъ кое-что объ Александрѣ Македонскомъ, и какой главный городъ въ Испаніи? Когда я сказалъ: Мадридъ, онъ спросилъ, а на какой онъ рѣкѣ? Ничтожнаго и мутнаго Мансанареса я бы могъ и не знать, но у меня всегда была острая память на имена и числа. Бойкій отвѣтъ мой разсмѣшилъ полковника и когда я написалъ подъ диктовку десятокъ строкъ по-русски и по-французски, онъ призналъ меня достойнымъ отправленія и прибавилъ: «учись, ты еще почти дитя, тебѣ бы и не слѣдовало покидать школьную скамью».

До отправленія въ дивизіонный штабъ мнѣ позволено было съѣздить къ моимъ старикамъ недѣли на двѣ. Сборы были не долги. Совѣстно признаться, я простился съ моимъ почтеннымъ Егоромъ Яковлевичемъ безъ особеннаго горя. Молодость живетъ въ будущемъ, и меня манила впередъ какая-то надежда на что-то лучшее. Возбуждалось самолюбіе и вмѣстѣ съ нимъ тщеславіе. Мнѣ дали отпускной билетъ, конечно съ приложеніемъ ротной печати, и по этому документу Иванъ ухитрялся въ каждой деревнѣ добывать обывательскихъ лошадей. Раза два какой-то грамотѣй возразилъ, что въ бумагѣ о лошадяхъ не сказано, но Иванъ указывалъ на слова: «оказывать всякое законное содѣйствіе» и дополнялъ ихъ убѣдительною косушкою водки.

Старики мои были очень довольны моимъ назначеніемъ; только мать плакала и усиленно кормила меня домашними снадобьями на томъ основаніи, что Богъ знаетъ, придется ли мнѣ еще когда-нибудь ѣсть родительскій хлѣбъ-соль.

Я пробылъ въ деревнѣ двѣ недѣли и отправился съ Иваномъ въ Пензу, напутствуемый благословеніями и обыкновенными наставленіями.

Въ Пензѣ я пробылъ довольно долго въ ожиданіи прибытія юнкеровъ изъ другихъ полковъ дивизіи. 2-й пѣхотный корпусъ собирался въ Пензу къ смотру Государя, корпусный штабъ уже прибылъ; но князя Горчакова еще не было, и его должность исправлялъ старшій изъ дивизіонныхъ начальниковъ, г.-л. Эмме. Здѣсь предстоялъ намъ экзаменъ болѣе серьезный. Насъ оказалось 7, изъ которыхъ я былъ младшій лѣтами и меньшій ростомъ. Остальные были молодые люди 19—20 лѣтъ, рослые и очень недовольные предстоящимъ назначеніемъ. Экзаменовалъ насъ начальникъ штаба 2-го корпуса, полковникъ В. А. Обручевъ. Всѣ мои товарищи были егеря, т. е. въ черной аммуниціи; я одинъ былъ мушкетеръ, т.-е. въ бѣлой аммуниціи и представлялъ довольно жалкую фигуру на лѣвомъ флангѣ нашей шеренги.

Началось съ портупей-юнкера Купріянова. «Вы, г. Купріяновъ, какъ далеко проходили математику?» —Математику? Не помню; кажется,

не проходилъ.—Ну да вѣдь четыре-то первыя правила ариѳметики вы знаете?—«Зналъ, но забылъ; впрочемъ, кажется, сложеніе и вычитаніе помню.

— А вы, г. Сабуровъ, учились ариѳметикѣ?

— Учился, г. полковникъ, но это было давно, и я теперь ничего не помню.

Обручевъ посмотрѣлъ на всѣхъ насъ внимательно и строго, спросилъ еще двухъ другихъ и, получивъ тѣже отвѣты, понялъ что тутъ есть стачка. «Господа, сказалъ онъ строго, вы не хотите учиться, полагая, что и безъ того будете офицерами. Я даю вамъ честное слово, что пока я здѣсь, ни одинъ изъ васъ не будетъ произведенъ. Извольте идти въ дежурство; тамъ вы получите обратное отправленіе въ полки». Меня онъ не спрашивалъ; я былъ въ большомъ горѣ и чуть не заплакалъ. Вѣроятно Обручевъ это замѣтилъ. «И вы, Филипсонъ, ничего не знаете?» Я, не долго думая, скороговоркой сказалъ: «Я все знаю». —«Ну ужъ это слишкомъ много. Посмотримъ однакожъ». На всѣ вопросы я отвѣчалъ удовлетворительно и съ видимымъ желаніемъ быть отправленнымъ въ школу. Это, вѣроятно, расположило Обручева въ мою пользу, и онъ ласково старался облегчить мнѣ отвѣты, а иногда по-школьнически подсказывалъ. Я объ этомъ упоминаю потому, что В. А. Обручевъ послѣ былъ генералъ-губернаторомъ Оренбургскимъ и былъ всѣмъ извѣстенъ, какъ человѣкъ суровый и большой педантъ.

Изъ 5-й дивизіи я одинъ, а изъ 6-й двое получили отправленіе въ Могилевъ. Въ Рязани мы должны были соединиться съ юнкерами 4-й дивизіи и ѣхать далѣе вмѣстѣ.

Мы отправились на почтовой тройкѣ. Товарищи мои, Стрекаловъ и Войтъ, были гораздо старше меня и смотрѣли на меня, какъ на мальчика, съ видомъ покровительства. Въ Рязани мы прождали недѣли двѣ и употребили это время на игру въ горку, спанье и гулянье. Изъ 4-й дивизіи прибыло 5 юнкеровъ и въ томъ числѣ два брата Никифоровыхъ, изъ которыхъ второй былъ молодой человѣкъ съ замѣчательными способностями, но съ несноснымъ самолюбіемъ. Онъ былъ старше меня годами четырьмя, но съ нимъ я особенно подружился.

Въ бытность нашу въ Рязани, чрезъ этотъ городъ проѣхалъ императоръ Александръ Павловичъ въ Пензу, гдѣ онъ долженъ былъ сдѣлать послѣдній въ его жизни смотръ корпуса. Я его видѣлъ издали, когда онъ вышелъ изъ собора, окруженный большою свитою.

Изъ Рязани мы ѣхали черезъ Москву и Смоленскъ день и ночь. Все это было для меня ново и возбуждало во мнѣ наивное любопытство и удивленіе, надъ чѣмъ смѣялись мои болѣе опытные товарищи. *Въ Августѣ ночи* бываютъ холодны, а на мнѣ была одна солдатс

шинель. Я согрѣвался только тѣмъ, что соскакивалъ съ телѣги и бѣжалъ рядомъ съ ней саженъ по сотнѣ.

Когда мы пріхали въ Могилевъ, нашъ старшій, Ляпуновъ, представилъ насъ начальнику школы юнкеровъ, майору Волкову, который принялъ насъ сурово и сказалъ: «Здѣсь только двѣ дороги: быть хорошимъ офицеромъ или солдатомъ; выбирайте». Это нагнало на насъ большой страхъ; особливо, когда прежде насъ пріѣхавшіе товарищи разсказали намъ о строгостяхъ въ школѣ.

Намъ предстоялъ экзаменъ, который долженъ былъ рѣшить: кто изъ насъ поступитъ въ 1-й, и кто во 2-й классъ. Отъ этого зависѣло, пробыть ли въ школѣ годъ или два. Я порядочно боялся этого экзамена, но онъ сошелъ съ рукъ очень удачно. По странному случаю, изъ математики, которой я особенно боялся, мнѣ дали именно тѣ вопросы, на которые я отвѣчалъ Обручеву и при его содѣйствіи.

Изъ девяти юнкеровъ нашего корпуса только два брата Никифоровы и я поступили въ 1-й классъ, гдѣ кромѣ насъ было еще пятнадцать юнкеровъ. Это было очень счастливо: на насъ смотрѣли совсѣмъ иначе, чѣмъ на юнкеровъ младшаго класса, которыхъ было человѣкъ 70, и конечно въ такой семьѣ обошлось не безъ уродовъ. Въ продолженіи года, двухъ (Дудинскаго и Гельмана) разжаловали въ рядовые за дурное поведеніе *для примѣра*. Признаюсь, мнѣ всегда казалось это слово наглымъ сознаніемъ власти въ умышленномъ неправосудіи. Наказаніе должно быть соразмѣрно съ преступленіемъ; на судѣ можно принимать только соображенія, относящіяся собственно къ преступнику, его товарищи тутъ не при чемъ; иначе власть войдетъ въ роль Спартанскаго отца, который сѣкъ безвиннаго илота, чтобы показать только сыну примѣръ. Я хорошо помню, что церемонія разжалованія двухъ нашихъ товарищей вызвала въ насъ искренніе слёзы объ ихъ участи и недоброе чувство къ власти.

Юнкерская школа при главной квартирѣ показала, какъ много хорошаго можно сдѣлать съ малыми средствами, но при доброй волѣ и просвѣщенномъ взглядѣ на дѣло. Всѣмъ своимъ новымъ устройствомъ она обязана начальнику главнаго штаба 1-й арміи барону Толю, который преобразовалъ ее изъ прежней неудовлетворительной школы и вновь учредилъ офицерское училище для приготовленія офицеровъ въ генеральный штабъ и въ спеціальныя войска. На содержаніе юнкеровъ отпускалось по 15 к. мѣдью въ день на каждаго; къ этому прибавлялся намъ провіантъ и жалованье по 5 р. асс. въ треть. На такую ничтожную сумму насъ кормили незатѣйливо, но сытно, и сверхъ того сберегли столько, что могли завести столовое бѣлье, оловянную посуду и ложки. Вездѣ виденъ былъ порядокъ и зоркій глазъ хозяина.

Всѣмъ распоряжался майоръ Василій Яковлевичъ Волковъ. Это былъ человѣкъ замѣчательный, лѣтъ подъ 40, худощавый, порядочно образованный, толковый и безупречно-честный. Василій Яковлевичъ былъ строгъ до суровости, но подъ этою корою было доброе, чувствительное сердце. Онъ очень хорошо зналъ фронтовую службу и считался отличнымъ офицеромъ. Мнѣ казался онъ человѣкомъ съ твердымъ характеромъ; къ сожалѣнію, послѣдствія какъ будто доказали противное. Послѣ начальствованія школою, онъ служилъ въ корпусѣ жандармовъ и имѣлъ важныя порученія, въ которыхъ онъ выказалъ свою распорядительность и строгую честность, но пристрастился къ излишнему употребленію спиртныхъ напитковъ. Я съ нимъ встрѣтился въ 1834 году и душевно пожалѣлъ, что такой достойный человѣкъ подчинился такой жалкой слабости.

Учителями у насъ были офицеры, которые получали за то довольно скудную прибавку къ жалованью. Только Законъ Божій преподавалъ 2-му классу оберъ-священникъ 1-й арміи Маджугинскій. Въ нашемъ классѣ Закона Божія не преподавалось.

Занятія наши начались въ Сентябрѣ. Для меня они были легки; но я долженъ признаться, что я не довольствовался изученіемъ того, что̀ требовалось, а всегда забѣгалъ впередъ или составлялъ себѣ для занятій болѣе обширную и нерѣдко нелѣпую программу. Такъ, однажды мнѣ пришла фантазія составить *систему рѣкъ въ Россіи*. Для этого я выписалъ съ довольно подробной карты всѣ рѣки, расположивъ ихъ по морямъ и озерамъ, куда впадаютъ вливающіяся въ нихъ рѣки, съ правой и лѣвой стороны, со всѣми ихъ притоками, какіе только были названы на картѣ. Все это было расположено систематически подъ Римскими и Арабскими цифрами и буквами разныхъ алфавитовъ. Помнится, что въ одну Волгу названо было притоковъ 200; большія Сибирскія рѣки имѣли ихъ немногимъ менѣе. Страховъ случайно увидалъ у меня эту тетрадку, похвалилъ и взялъ къ себѣ. Не безъ удивленія увидѣлъ я, что въ послѣдствіи онъ внесъ значительную часть моего труда въ свой курсъ географіи; но хуже всего было то, что товарищи узнали автора этой чепухи и порядочно меня поколотили. Въ числѣ строгихъ критиковъ моего географическаго труда былъ и князь Гагаринъ, съ которымъ я послѣ подружился, помѣнялся крестами и прожилъ по-братски 42 года. Объ немъ я буду имѣть случай говорить подробнѣе.

Лѣтомъ насъ отправили на топографическую съемку въ д. Карабаново, въ 3 верстахъ отъ Могилева, а въ Сентябрѣ мѣсяцѣ мы явились *на годичный* экзаменъ. Тутъ присутствовали: главнокомандующій *графъ Сакенъ*, начальникъ главнаго штаба баронъ Толь,

3

нералъ-квартирмейстеръ Бутурлинъ и много другихъ чиновъ главной квартиры. Экзаменъ былъ вообще удовлетворителенъ, а мнѣ особенно посчастливилось, такъ что баронъ Толь обратилъ на меня вниманіе и сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ.

Офицерское училище имѣло только одинъ годичный курсъ и помѣщалось въ зданіи Іезуитскаго монастыря, передѣланномъ по изгнаніи Іезуитовъ. Изъ корридора во всю длину втораго этажа, по обѣ стороны, были двери въ небольшую переднюю, изъ которой направо и налѣво было по одной отдѣльной комнатѣ. Въ нихъ мы помѣщались по одному и по два. Изъ того же корридора былъ ходъ въ столовую, классную и актовую залы. Нижній этажъ былъ занятъ хозяйственными службами и квартирою инспектора училища, подполковника Кононова, который былъ и начальникомъ своднаго баталіона, расположеннаго въ казармахъ на томъ же дворѣ. Кононовъ служилъ прежде въ саперахъ. Онъ былъ ограниченнаго ума, любилъ выпить и принималъ нѣжное участіе въ экономѣ, который, по его избранію, не безъ грѣха завѣдывалъ нашимъ столомъ. Для этого отпускалось отъ казны на каждаго изъ офицеровъ по 200 р. асс., въ видѣ прибавочнаго жалованья.

Курсъ офицерскаго училища былъ продолженіемъ курса юнкерской школы съ прибавленіемъ артиллеріи и фортификаціи. Въ числѣ учителей были полковники генеральнаго штаба (въ то время еще называвшагося свитой Е. И. В. по квартирмейстерской части) баронъ Зеддлеръ и Притвицъ: оба люди очень образованные и даровитые, съ которыми мнѣ въ послѣдствіи не разъ случалось встрѣчаться. Первый читалъ исторію, другой географію, и оба очень хорошо. Математику, т.-е. стереометрію, прямолинейную тригонометрію и аналитику читалъ майоръ Сухотинъ, хорошій математикъ, человѣкъ добрый, но чрезвычайно странный и часто нетрезвый.

Мы еще застали своихъ предшественниковъ, изъ которыхъ четверо были переведены въ генеральный штабъ. Въ томъ числѣ былъ Нестеровъ, съ которымъ я подружился и послѣ не разъ встрѣчался при различныхъ обстоятельствахъ. Это былъ молодой человѣкъ замѣчательно пріятной наружности, съ большимъ практическимъ толкомъ, но крайне лѣнивый. Взаимныя поздравленія двухъ курсовъ вызвали нѣсколько кутежей, въ которыхъ я былъ покуда только свидѣтелемъ. Внѣ классовъ мы пользовались полной свободой.

Вспоминая весь обиходъ офицерскаго училища, я отдаю полную справедливость просвѣщенному и практическому уму учредителя этого полезнаго заведенія. Оно завершило систему военныхъ училищъ, начинавшуюся корпусными юнкерскими школами. Кстати сказать, что

въ головѣ всей этой системы военнаго образованія стоялъ начальникъ военныхъ училищъ 1-й арміи генералъ-майоръ Кратцъ; помнится даже, что мы его раза два-три видѣли, но ни съ кѣмъ изъ насъ онъ не говорилъ, и мы знали объ немъ только, что онъ человѣкъ добрый и безвредный. Спеціальныя войска и особенно генеральный штабъ получали этимъ путемъ хорошихъ офицеровъ съ весьма небольшими денежными пожертвованіями отъ казны. Инженерныя войска и артиллерія имѣли тогда свои спеціальныя училища, а генеральный штабъ пополнялся преимущественно изъ Финляндскаго Кадетскаго Корпуса и изъ Муравьевской Школы Колоновожатыхъ. Тогда господствовало убѣжденіе, что офицеръ генеральнаго штаба долженъ быть хорошій математикъ и отличный съемщикъ. Энциклопедическаго образованія въ наукахъ и особеннаго въ наукахъ военныхъ стали требовать только по учрежденіи Военной Академіи въ 1832 г. По мѣрѣ надобности недостатокъ офицеровъ этого вѣдомства пополнялся переводомъ изъ арміи и гвардіи, и выборъ дѣлался не всегда съ безпристрастіемъ и разборчивостію.

Вечеромъ, въ послѣднихъ дняхъ Ноября (1825 г.), мы узнали о смерти императора Александра, и намъ велѣно приготовиться, чтобы утромъ идти къ общей присягѣ новому Императору. Я былъ такъ молодъ, что это событіе не произвело на меня никакого впечатлѣнія, и едвали даже я спросилъ: кто вступаетъ на престолъ? Оказалось, что это великій князь Константинъ Павловичъ. Присяга совершалась въ огромномъ экзерциргаузѣ, гдѣ собраны были нѣкоторыя части войскъ, множество генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и вся главная квартира съ главнокомандующимъ. Оберъ-священникъ прочиталъ форму присяги, всѣ держали поднятую руку и затѣмъ поочередно прикладывались къ кресту и Евангелію.

Казалось, все уладилось тихо и мирно, безъ всякихъ замѣшательствъ; войска и чиновники присягнули Константину, и въ высшихъ сферахъ пошла ломка взаимныхъ отношеній: надежды и опасенія пріурочивались къ новому царствующему лицу. Вдругъ, къ общему изумленію, чрезъ нѣсколько дней потребовали снова къ присягѣ. Въ томъ же экзерциргаузѣ прочитана переписка, хранившаяся въ Сенатѣ, и отреченіе Константина Павловича отъ престола... Приказано присягнуть Николаю Павловичу... Ну и присягнули.

Дѣло однакожъ далеко не ясно. Порядокъ престолонаслѣдія утвержденъ былъ императоромъ Павломъ. Этотъ органическій законъ Имперіи не могъ быть измѣненъ завѣщаніемъ императора Александра; *но всѣ знали,* что это завѣщаніе существуетъ и хранится въ *Сенатѣ съ надписью на* конвертѣ: «прочесть по смерти моей; но»

«ступая до того ни къ какимъ дѣйствіямъ». Другой экземпляръ хранился у митрополита Филарета. По полученіи извѣстія изъ Таганрога, Государственный Совѣтъ и Сенатъ собрались. Всѣ молчатъ; одинъ графъ Милорадовичъ настойчиво потребовалъ присяги законному наслѣднику, Константину. Въ тотъ-же день Николай отправилъ въ Варшаву Опочинина, отставнаго д. с. совѣтника, извѣстнаго только по репутаціи картежнаго игрока. Ему поручено было напомнить Константину объ его отреченіи отъ престола и звать его самого въ Петербургъ, чтобы устранить всѣ дальнѣйшія недоразумѣнія. Михаилъ былъ въ Варшавѣ во время полученія тамъ прямо изъ Таганрога извѣстія о смерти Александра. Михаилъ привезъ изъ Варшавы только извѣстіе, что Константинъ не приводитъ къ присягѣ войска и гражданъ, между тѣмъ всѣ остальныя войска и вся Россія ему присягнули. Онъ фактически сталъ Императоромъ. Чтобы отказаться отъ престола, ему нужно было издать манифестъ и лично явиться народу въ Петербургѣ. Ни того, ни другаго сдѣлать онъ не хотѣлъ. Манифестъ съ приложеніемъ завѣщанія и отреченія, сдѣланнаго Константиномъ въ 1822 году въ письмѣ къ императору Александру, изданъ былъ лично Николаемъ; а Опочининъ, возвратившись уже послѣ присяги Николаю, не привезъ отъ Константина никакого письма, которое могло бы быть обнародованнымъ. Такимъ образомъ восшествіе на престолъ Николая имѣло видъ узурпаціи для каждаго мыслящаго человѣка. Всѣмъ было извѣстно существованіе въ Россіи тайныхъ обществъ, имѣвшихъ цѣлью измѣненіе государственнаго строя. Въ войскахъ были колебанія, в. к. Николай былъ непопуляренъ. Нельзя было не ожидать, что тайныя общества воспользуются смутнымъ временемъ для совершенія переворота; но съ самаго начала всѣ недоразумѣнія происходили отъ шаткости убѣжденій, отъ незнанія Россіи и войскъ, и безъ сомнѣнія отъ слабости характера новаго вѣнценосца, мало приготовленнаго къ высокому сану, на который, по обыкновенному порядку престолонаслѣдованія, онъ не имѣлъ никакого права. Да простятъ меня тѣ, которые привыкли восхищаться желѣзнымъ характеромъ и непреклонною волею императора Николая: упрямство совсѣмъ не доказываетъ твердости характера.

Я не стану описывать событій, извѣстныхъ подъ именемъ [illegible] кабря, во 1-хъ потому, что тогда они меня интересовали то[illegible] разсказъ о небываломъ событіи, а во 2-хъ правдивая ист[illegible] пленія Николая на престолъ до сихъ поръ не написана н[illegible] *за границей*. Начало и развитіе въ Россіи тайныхъ общ[illegible] *воровъ съ цѣлью измѣнить* государственный строй изло[illegible] *въ рапортѣ слѣдственной* коммиссіи, учрежденной послѣ[illegible]

Въ этомъ изложенiи находится множество умышленныхъ неточностей и видно желанiе выставить все дѣло и дѣятелей въ жалкомъ и смѣшномъ видѣ. Редакторомъ этого донесенiя былъ графъ Блудовъ, который потомъ въ свою долгую жизнь раскаявался въ этомъ поступкѣ.

Въ одно время узнали мы о бунтѣ Черниговскаго полка и о Петербургской катастрофѣ 14 Декабря. Однажды ночью, часовъ въ 11, мы услышали въ нашемъ корридорѣ шумъ и бряцанiе цѣпей. Я еще не спалъ и выбѣжалъ изъ своей комнаты. По корридору двигалась цѣлая толпа. Впереди шелъ жандармскiй полковникъ Гаяриновъ съ нашимъ Кононовымъ; сзади нихъ, окруженные четырьмя часовыми, шли трое арестантовъ въ цѣпяхъ, за ними жандармскiй офицеръ, фельдъегерь, и нѣсколько личностей, мнѣ неизвѣстныхъ. Арестантовъ помѣстили въ двухъ порожнихъ комнатахъ. На другой день и въ слѣдующiе продолжались такiе-же приводы арестантовъ. Ихъ перебывало у насъ до 50 и, какъ помѣщенiя уже не доставало, то насъ стѣснили по два и по три въ одной комнатѣ. Это все были офицеры Черниговскаго полка и другихъ полковъ 1-й и 2-й армiи, расположенныхъ въ юго-западной Россiи. Ихъ содержали въ кандалахъ и съ большою строгостiю: у каждаго окна въ ихъ комнатѣ стоялъ часовой, безъ штыка и шомпола, а въ общей для двухъ комнатъ передней сидѣлъ унтеръ-офицеръ. Сверхъ того было по часовому на обоихъ концахъ корридора; на дворѣ противъ оконъ ходили три часовыхъ съ заряженными ружьями. Надзоръ за исправностiю карауловъ возложенъ былъ на дежурнаго, которымъ ежедневно назначали одного изъ насъ: мы обязаны были навѣщать арестантовъ утромъ и вечеромъ и по нѣскольку разъ днемъ и ночью. Въ первое время наши посѣщенiя происходили съ серьезною важностью и въ молчанiи; потомъ, мало по малу, мы присмотрѣлись къ арестантамъ, стали понемногу съ нѣкоторыми разговаривать, а наконецъ, въ [illegible] дежурства, проводили у нихъ большую часть свободнаго врем[illegible] эти посѣщенiя особенно нравились, и я [illegible]едневно [illegible] за себя или за другихъ. Особенно [illegible]съ Леб[illegible] Мо[illegible]новымъ, которые впосл[illegible] отъ [illegible] Майоръ Лебедевъ [illegible]рниговск[illegible]мя бунта нахо-[illegible]днепров[illegible]было никакихъ [illegible]шило [illegible] мѣсяца полто-[illegible] оче[illegible]ованный, харак-[illegible]го, [illegible]брое расположе-[illegible] [illegible]фицеръ какого-то [illegible]началъ службу юн-[illegible]анiи этого полка за

возмущеніе въ 1820 г. былъ юнкеромъ-же переведенъ въ армію. Когда онъ былъ уже прапорщикомъ, генералъ Ротъ обратилъ на него особенное вниманіе, взялъ его къ себѣ за адъютанта, показывалъ ему большое расположеніе, даже искалъ его дружбы; когда же узналъ о бунтѣ Черниговскаго полка, тотчасъ велѣлъ его арестовать и, закованнаго въ цѣпи, отправилъ въ главную квартиру. Молчановъ былъ близкій родственникъ князя Вадбольскаго, былъ съ нимъ друженъ и велъ частую переписку. Князь Вадбольскій игралъ видную роль въ тайныхъ обществахъ того времени, и Ротъ, которому существованіе этихъ обществъ было конечно извѣстно, хотѣлъ чрезъ Молчанова узнавать все, что́ тамъ происходитъ. Этотъ маневръ, который на полицейскомъ языкѣ называется ловкостью, а у простыхъ людей подлостью, не удался. Молчановъ былъ молодой человѣкъ лѣтъ 26-ти, даровитый, образованный и съ замѣчательнымъ житейскимъ толкомъ. У него найдены письма Вадбольскаго, но его отвѣтныя письма успѣли сжечь до ареста Вадбольскаго.

Молчановъ мнѣ очень понравился, и я проводилъ съ нимъ почти каждый вечеръ. Разговоры шли у насъ на Французскомъ языкѣ, потому что свидѣтелями этихъ бесѣдъ были два часовыхъ, стоявшихъ у оконъ комнаты. Съ дѣтскимъ простодушіемъ я не стѣснялся въ выраженіи своихъ мыслей о предметахъ политическихъ, пока опытный и толковый Молчановъ не разсказалъ мнѣ, какъ онъ въ Петербургѣ, ѣдучи на извощикѣ съ своимъ пріятелемъ, говорилъ откровенно по-французски, а на другой же день былъ приглашенъ въ 3-е отдѣленіе. Оказалось, что извощикъ не хуже его зналъ этотъ языкъ. Анекдотъ, если онъ и былъ вымышленъ, послужилъ мнѣ полезнымъ предостереженіемъ. Вообще я долженъ сказать, что сообщество политическихъ арестантовъ навело многихъ изъ насъ на новыя мысли и понятія и въ первый разъ заставило подозрѣвать, что не все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Важнѣйшіе изъ арестантовъ, какъ Пестель, Муравьевъ, Бестужевъ-Рюминъ и другіе пробыли въ Могилевѣ по нѣскольку дней, остальные гораздо долѣе и, наконецъ, Молчановъ прожилъ полгода. Мѣсяца чрезъ полтора послѣ пріѣзда, съ него и съ Лебедева сняты кандалы, а подъ конецъ Молчановъ пользовался въ домѣ и нѣкоторою свободою.

При главной квартирѣ учреждена была слѣдственная и военносудная коммисія, которая засѣдала въ нашемъ-же актовомъ залѣ. Главными дѣльцами были генералъ-аудиторъ 1-й арміи Шмаковъ и оберъ-аудиторъ Чекалинъ. Первый имѣлъ репутацію человѣка жестокаго, второй—способный дѣлецъ, но горькій пьяница. Молчановъ, имѣвшій хорошее состояніе, доставлялъ обильную пищу этой его

страсти, и былъ ему много обязанъ тѣмъ, что такъ дешево отдѣлался.

Коммиссія засѣдала очень усердно, а аудиторы работали часто за полночь. Вѣроятно мы имъ порядочно мѣшали; потому что, при нерѣдкихъ празднествахъ, веселая компанія расхаживала по корридору и шумѣла. Кононова мы почти никогда не видѣли, но это не помѣшало ему взвалить общую вину на нѣкоторыхъ, а особливо на меня. Надобно признаться, что въ нашихъ шалостяхъ и затѣяхъ я игралъ не послѣднюю роль, но особенное нерасположеніе Кононова заслужилъ тѣмъ, что однажды, за тухлую говядину и дерзкій отвѣтъ, нѣсколько разъ ударилъ чубукомъ эконома. Къ тому же я и учился неровно: иногда очень усердно, иногда лѣниво. Однимъ словомъ, я попалъ на дурное замѣчаніе у начальства.

Между тѣмъ вышло наше производство въ прапорщики. При этомъ я былъ переведенъ въ гренадерскій е. к. в. принца Евгенія Виртембергскаго полкъ, по неумѣстной любезности Государя переименованный изъ славнаго въ свое время Таврическаго полка. Наше производство было подписано 26 Февраля 1826 года. Нечего и говорить, какъ радостно встрѣчаютъ всегда это событіе. Что-то въ этомъ родѣ, но безъ молодой простодушной веселости, бываетъ при производствѣ въ генералы. Но мы такъ долго ожидали, что встрѣтили извѣстіе безъ большой радости, тѣмъ болѣе, что и прежде носили офицерскую форму.

Лѣтомъ мы отправились на съемку въ Палыковичи, имѣніе Римскаго-Корсакова, въ 7 верстахъ отъ Могилева. Старинный деревянный домъ, огромный, хотя въ одинъ этажъ, оставался пустымъ со всей мебелью, бывшею при Римскомъ-Корсаковѣ, въ концѣ XVIII вѣка. Мы занимали двухъ-этажный каменный домикъ, въ которомъ были когда-то службы.

Около этого времени я особенно подружился съ княземъ Гагаринымъ и обмѣнялся съ нимъ крестами, по старому Русскому обычаю, на вѣчное братство. Отецъ кн. Ив. Вас. Гагарина былъ деревенскій помѣщикъ, Тульской губерніи. У него было душъ 400 крестьянъ и большое семейство. Жена его была прежде крѣпостной его дѣвушкой. Сынъ часто вспоминалъ о своей матери, какъ о созданіи добромъ, кроткомъ и любящемъ. Ихъ было 4 брата и 3 сестры. Старшій Николай служилъ въ кавалеріи, имѣлъ нѣсколько дуэлей, вышелъ въ отставку, поселился въ деревнѣ и въ свою очередь женился на крѣпостной дѣвушкѣ, остальные три брата были въ юнкерской школѣ въ Могилевѣ, и одинъ Иванъ, младшій, былъ произведенъ въ одно со мною время; другой его братъ, Левъ, произведенъ чрезъ годъ, а 3-й, Вас

лій, вялый, сонный и болѣзненный, вышелъ въ отставку юнкеромъ, облѣнился въ деревнѣ, сдѣлался псовымъ охотникомъ и отцомъ многочисленнаго импровизованнаго семейства.

Князь Иванъ Гагаринъ былъ старше меня двумя годами. Это былъ добрый и честный человѣкъ. Наружность его не имѣла ничего особеннаго; лицо было испорчено оспою, но доброта и искренность свѣтились въ его глазахъ. Въ дѣтствѣ золотуха повредила его слуховые органы; особенно правымъ ухомъ онъ плохо слышалъ (у меня это наоборотъ). Умственныя способности его были довольно остры, особливо въ словесныхъ и политическихъ наукахъ; математики онъ не любилъ и тратилъ на нее много труда и усилій, чтобы слѣдовать за курсомъ. Вообще воображеніе преобладало у него надъ глубиною мысли. Вѣроятно, воспитаніе его въ томъ было много виновато. Онъ воспитывался дома, подъ надзоромъ своей старшей сестры, старой дѣвы чрезвычайно доброй и мечтательной. Первыя чтенія его почти въ ребяческомъ возрастѣ были: Ключъ къ таинствамъ натуры Экарсгаузена; Ночныя размышленія Юнга Штилинга; Угрозъ Свѣтовостоковъ, Сведенборгъ и подобная дребедень, въ которой онъ доискивался таинственнаго смысла. Это дало ему мистическое направленіе, которое не покидало его во всю жизнь и едва ли не ускорило его кончину. Ученіе Христово находило отголосокъ въ его любящей душѣ; но онъ не высоко цѣнилъ православную обрядность; фанатическая и невѣжественная исключительность нашего духовенства возмущала его такъ же, какъ и всякое другое проявленіе деспотизма. Его политическія убѣжденія были своеобразны; онъ часто былъ недоволенъ настоящимъ строемъ Россіи, выражалъ иногда рѣзко свое осужденіе къ лицу государя; но идея самодержавія, выработанная тысячелѣтнею исторіею Россіи, была для него неприкосновенна. Онъ любилъ Россію, любилъ Русскихъ, способенъ былъ на восторженное самоотверженіе за общее благо, но изъ знаменитаго девиза Французской республики, равенства онъ не понималъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такія воззрѣнія сложились подъ вліяніемъ его воспитанія и семейныхъ обычаевъ. Когда грудное дитя измараетъ пеленки, его кормилица говоритъ: «князь Иванъ Васильевичъ изволилъ помараться». Въ этомъ выросъ и состарѣлся этотъ гидальго въ дырявомъ плащѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что на него вліялъ и примѣръ его доброй матери, для которой мужъ былъ прежде всего князь, потомокъ князей, которымъ раболѣпно служили ея предки. Такое міросозерцаніе не исключало чувствъ искренняго благорасположенія къ народу. Христіанская любовь къ ближнему была ему доступна безъ всякаго надъ собою насилія; но, обнимая своихъ меньшихъ братьевъ, онъ

требовалъ, чтобы они безпрекословно признали его старшимъ братомъ, а подчасъ и своимъ опекуномъ.

Конечно, многое изъ того, что я здѣсь сказалъ, въ 1826 году представляло только намеки и темныя черты, изъ которыхъ впослѣдствіи выработался нравственный характеръ князя Ивана Гагарина. Собственно говоря, политическихъ убѣжденій ни у него, ни у меня въ то время не было; мы почти ничего не читали о политическомъ строѣ другихъ государствъ и народовъ; Гагаринъ, къ сожалѣнію, и не зналъ ни одного иностраннаго языка, а въ нашей литературѣ свирѣпствовала цензурная инквизиція. Не смотря на то, разность мнѣній рождала у насъ безпрестанные и горячіе споры. Онъ не отличался особенною твердостью характера, но упрямо стоялъ за свои основныя убѣжденія. Наши характеры были не совсѣмъ сходны, а въ соціальныхъ вопросахъ мы часто были противуположнаго мнѣнія; но вмѣсто того, чтобы насъ отдалять другъ отъ друга, это-то несходство насъ болѣе сближало: молодой пылъ, почти дѣтское простодушіе и какой-то оттѣнокъ великодушія и самоотверженія въ стремленіяхъ покрывали всѣ шероховатости. Мы были почти неразлучны, а послѣ съемки жили втроемъ въ одной комнатѣ. Въ городѣ у насъ знакомыхъ не было, а часто проводили вечера у подпоручика Мызникова, одного изъ учителей младшаго класса юнкерской школы. Эти вечера проходили въ чтеніяхъ Русскихъ авторовъ, въ литературныхъ и другихъ преніяхъ. Часто бесѣда наша въ троемъ продолжалась за полночь. Я съ признательностью вспоминаю о добромъ Василіѣ Яковлевичѣ: бесѣды съ нимъ доставляли мнѣ особенное удовольствіе и были полезны особливо потому, что отвлекали отъ инаго провожденія времени. Душевно радъ, что чрезъ 35 лѣтъ случай доставилъ мнѣ возможность быть ему полезнымъ въ трудныхъ для него обстоятельствахъ.

Василій Яковлевичъ Мызниковъ былъ человѣкъ для того времени развитой и образованный. Онъ родился въ Остзейскихъ губерніяхъ и потому владѣлъ Нѣмецкимъ языкомъ такъ же свободно, какъ и Русскимъ; зналъ и любилъ литературу и самъ былъ немного писателемъ въ прозѣ и стихахъ. Онъ былъ человѣкъ очень добрый, немного восторженный и страстный поклонникъ прекраснаго пола. Впрочемъ, образъ жизни его былъ самый правильный и скромный. Съ нами онъ очень сблизился, хотя былъ старше меня десятью годами.

Въ Могилевѣ былъ у меня и родственникъ, полковникъ Ник. Ѳед. Герценъ, бывшій тогда адъютантомъ при начальникѣ артиллеріи 1-й арміи князѣ Яшвилѣ. Это былъ братъ генералъ-маіора Петра Ѳед. Герцена, *который* въ *1828* г. донесъ Государю о лживости донесенія *генерала Рота объ* одномъ сраженіи въ Европ. Турціи, и представивъ

правдивое описаніе этого несчастнаго дѣла, гдѣ мы потерпѣли большой уронъ, по винѣ самого Рота. Военный судъ приговорилъ Геркена къ разжалованію въ рядовые; а Государь, по сродному ему милосердію, приказалъ только исключить его изъ службы. Это былъ человѣкъ очень образованный, страстный поклонникъ Наполеона, котораго всѣ войны онъ зналъ съ большими подробностями. Братъ его мнѣ былъ несимпатиченъ, и я у него рѣдко бывалъ.

Послѣ съемки нѣкоторые учителя оканчивали свой курсъ, другіе дѣлали репетиціи, которыя продолжались довольно долго. Намъ объявлено, что публичнаго экзамена не будетъ; а вдобавокъ мы узнали, къ большому огорченію, что изъ нашего курса никто не будетъ переведенъ въ генеральный штабъ. Новый Императоръ прогнѣвался на это вѣдомство, изъ котораго многіе офицеры знали о тайныхъ обществахъ или играли тамъ видную роль. Какъ и всегда, они были самые даровитые молодые люди между своими сослуживцами и могли принести большую пользу въ будущемъ. Жизнь и карьера ихъ были безвозвратно испорчены. Впрочемъ, Николай Павловичъ не любилъ такъ называемыхъ ученыхъ, справедливо подозрѣвая, что они молча или открыто осуждаютъ его правленіе. Онъ не разъ говорилъ во всеуслышаніе, что ему нужны не умники, а усердные исполнители его воли.

По этому случаю я вспоминаю исторію одного моего хорошаго знакомаго, Ал. Вас. Алферова. Онъ былъ поручикомъ Корпуса Путей Сообщенія и адъютантомъ генерала Дестрема. По неудовольствію къ генералу, адъютанта его посадили на гауптвахту за незастегнутую пуговицу мундира. Алферовъ вышелъ въ отставку и два года въ крайней бѣдности ожидалъ обѣщаннаго ему мѣста въ государственномъ контролѣ. Это былъ человѣкъ даровитый и съ сильнымъ характеромъ. Отъ голодной смерти онъ спасался только, рисуя для литографіи Беггрова разные виды и сцены. Сошедшись съ нѣсколькими другими полуголодными, онъ задумалъ издавать журналъ для народа, чтобы сообщать самыя общеполезныя свѣдѣнія простымъ, но правильнымъ языкомъ. Цѣну своему журналу они назначили самую низкую, чтобы только покрыть издержки и самимъ не голодать. Конспектъ журнала представленъ министромъ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровымъ, на высочайшее соизволеніе. Государь потребовалъ особаго мнѣнія министра о томъ: полезно-ли будетъ для народа такое изданіе? И вотъ министръ народнаго просвѣщенія побѣдоносно разрѣшилъ вопросъ и доказалъ, что народу просвѣщеніе отнюдь не полезно. Самъ Николай Павловичъ задумался, но затѣмъ махнулъ рукой и сказалъ: «Запретить. У меня есть 1000 дураковъ генераловъ, я всѣхъ ихъ знаю, а этихъ сорванцовъ, литераторовъ и журналистовъ, ни одного не знаю».

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ кончился нашъ курсъ, и мы должны были отправиться на службу къ своимъ частямъ. Гагаринъ и Никифоровъ 2-ой переведены были въ саперы, а меня предположено было перевести въ гарнизонъ, за шалости и лѣность. Кому пришла прекрасная мысль погубить полу-ребенка на всю жизнь и за чтó? Не знаю. Вѣроятно, для примѣра; а, можетъ быть, какъ мнѣ говорили, за то, чтó я не лѣзъ въ глаза начальству и никого не поздравлялъ съ праздникомъ. Мнѣ сказалъ это Гагаринъ, и въ тоже время узналъ я о горячемъ заступничествѣ за меня генеральнаго штаба полковника Притвица, одного изъ нашихъ учителей и инспектора юнкерской школы. Въ послѣдствіи онъ въ этомъ не сознавался, но это не мѣшало мнѣ всегда помнить его доброе дѣло.

Притвицъ былъ однимъ изъ блистательныхъ офицеровъ генеральнаго штаба того времени. Съ хорошими способностями онъ соединялъ блестящее образованіе и самый ровный и уживчивый нравъ. Въ обществѣ это былъ умный и пріятный собесѣдникъ; между товарищами онъ не имѣлъ враговъ и пользовался общимъ уваженіемъ и сочувствіемъ. У него былъ замѣчательный талантъ къ рисованію. Все это заставляло ожидать для Павла Карловича блестящей служебной карьеры, тѣмъ болѣе, что онъ былъ близкій родственникъ бар. Дибича, который тогда стоялъ во главѣ военнаго вѣдомства. Но ожиданія не сбылись: Притвицъ кончилъ жизнь генералъ-лейтенантомъ и сенаторомъ, бывъ долгое время вице-директоромъ департамента военныхъ поселеній, а талантъ его въ живописи ограничился остроумными и очень бойкими каррикатурами. Можетъ быть, виною тому были его лѣнь, безпечность и чрезвычайная разсѣянность, доходившая до того, что одинъ разъ, говорятъ, онъ забылъ свое имя.

Меня отправили въ полкъ, котораго командиру предписано было доносить ежемѣсячно о моемъ поведеніи. Дальнѣйшихъ послѣдствій это распоряженіе не имѣло. Простился я съ кн. Гагаринымъ и добрыми товарищами. Въ молодости не вѣрится, чтобы разставанье могло быть навсегда, но многихъ я уже съ тѣхъ поръ не видалъ.

Чрезъ нѣсколько дней я пріѣхалъ въ г. Мосальскъ (Калужск. губ.), гдѣ былъ штабъ нашего полка. Имущество мое состояло изъ маленькаго чемодана, коробки съ киверомъ и двугривеннаго въ кошелькѣ; но я былъ уже дома въ своей полковой семьѣ.

Полковой командиръ, полковникъ Ст. Герас. Соболевскій, принялъ меня просто, но очень ласково, поручилъ одному капитану Глазову позаботиться обо мнѣ и пригласилъ къ себѣ обѣдать. Такъ началась моя дѣйствительная офицерская служба. На первое время она была необременительна. Полкъ стоялъ на зимнихъ квартирахъ въ двухъ уѣздахъ;

большая часть офицеровъ, кромѣ ротныхъ командировъ, жили въ штабѣ, и единственная обязанность ихъ была являться каждый день обѣдать къ полковому командиру. Дѣйствительно, я нашелъ въ его столовой многочисленное общество. Соболевскій ласково представилъ меня товарищамъ, и, когда я въ разговорѣ называлъ его г. полковникомъ, онъ добродушно и съ рѣзкимъ малороссійскимъ акцентомъ говорилъ: «меня, сударь мой, зовутъ Степаномъ Герасимовичемъ».

Миръ душѣ его! Это былъ добрый и простой человѣкъ, простой въ евангельскомъ смыслѣ, потому что его добродушіе происходило отнюдь не отъ скудоумія, хотя его образованіе не шло дальше грамотности. Онъ участвовалъ въ войнахъ 12, 13, 14 годовъ и, безъ сомнѣнія, служилъ какъ слѣдуетъ честному и храброму офицеру. Полкомъ онъ командовалъ уже лѣтъ шесть, былъ взыскателенъ, но весьма любимъ и уважаемъ. Старый холостякъ, онъ имѣлъ при себѣ двухъ племянниковъ. Я засталъ ихъ обоихъ прапорщиками и подружился съ ними; Петръ былъ моихъ лѣтъ, другой Павелъ, двумя годами моложе меня. Скоро я сдѣлался какъ-бы третьимъ племянникомъ Степана Герасимовича. У него я завтракалъ, обѣдалъ, пилъ чай, а иногда и ужиналъ. Когда мой двугривенный пришелъ къ концу, онъ далъ мнѣ въ счетъ жалованія 25 р. съ такимъ добрымъ и ласковымъ привѣтомъ, что я и до сихъ поръ вспоминаю съ признательностію. Любилъ онъ кормить своихъ знакомыхъ. Самъ ѣлъ не много, но иногда почти силой заставлялъ другихъ ѣсть больше, чѣмъ слѣдуетъ. Впослѣдствіи времени, когда онъ командовалъ 13 пѣх. дивизіей, стоявшей въ Севастополѣ, у моряковъ ходилъ разсказъ, что онъ двухъ адмираловъ закормилъ до смерти. Если кто-нибудь изъ офицеровъ, живущихъ въ городѣ, не приходилъ къ обѣду, онъ за нимъ посылалъ и полушутя, полусерьезно дѣлалъ замѣчаніе. Такъ было и со мною, пока я не привыкъ къ этому порядку вещей. «Семеро одного у каши не ждутъ. А можетъ быть, сударь мой, ты привезъ отличнаго повара, то съ нами не церемонься, «пригласи насъ всѣхъ къ себѣ обѣдать, а съ своимъ уставомъ въ «чужой монастырь не ходи». Всѣмъ офицерамъ онъ говорилъ «ты»; исключеніе было только для тѣхъ, которыми онъ былъ очень недоволенъ.

Гостепріимство Ст—а Гер. относительно своихъ офицеровъ могло имѣть и полезную цѣль. Онъ близко узнавалъ своихъ подчиненныхъ и у многихъ отнималъ возможность проводить время въ не совсѣмъ приличномъ обществѣ. Ежедневно, за однимъ столомъ, офицеры сближались между собою, составляли одну семью, но это нисколько не вредило дисциплинѣ. Ст. Гер. держалъ себя съ достоинствомъ: его не только любили, но и боялись. Нужно сказать еще, что всегда готовый,

сытный столъ его значительно улучшалъ вседневный бытъ офицеровъ, изъ которыхъ большая часть не имѣли своего состоянія, а жалованье было скудно до неимовѣрности. Какъ прапорщикъ, я получалъ въ годъ 450 р. асс., изъ которыхъ 2% вычитали въ инвалидный капиталъ. Такое гостепріимство существовало тогда почти во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ войскъ, хотя, можетъ быть, не всегда предлагалось съ такимъ простодушнымъ радушіемъ. Мало-по-малу этотъ прекрасный обычай сталъ исчезать; долѣе другихъ войскъ, онъ держался въ артиллеріи, которая и до сихъ поръ сохраняетъ свои очень почтенныя особенности. Государю Николаю Павловичу казалось, что это ведетъ къ фамильярности. Немудренно, что на эту мысль навели его свѣжія воспоминанія 14 Декабря. Это несчастное событіе положило печать на все его тридцатилѣтнее царствованіе. Онъ постоянно старался поставить чинъ на мѣсто человѣка. Иначе нельзя было объяснить странныхъ назначеній какъ на высшія, такъ и на менѣе важныя административныя должности.

Другою причиною ослабленія военной семьи было то, что средства командировъ отдѣльныхъ частей сократились. Въ то время полки стояли очень просторно и въ хлѣбородныхъ губерніяхъ. Полковой командиръ бралъ на себя довольствіе полка по назначеннымъ ему цѣнамъ. Всякій остатокъ обращался въ его законную собственность. Отъ удешевленія цѣнъ при покупкѣ муки и крупы на мѣстѣ изъ первыхъ рукъ и отъ уступки крестьянами провіанта оставалась значительная экономія. Нѣкоторые полковые командиры наживали порядочныя состоянія, но содержаніе войскъ обходилось казнѣ гораздо дешевле; нижніе чины были хорошо довольствуемы, крестьяне находили сбытъ своихъ произведеній безъ посредства коммисіонеровъ, перекупщиковъ и подрядчиковъ, которые всегда оставляютъ себѣ львиную долю, и наконецъ бытъ офицеровъ, вещественный и нравственный, несомнѣнно улучшался. Нынѣ первый значительно измѣнился къ лучшему, но это сдѣлано на счетъ государственнаго бюджета, котораго третья часть поглощается военнымъ вѣдомствомъ. Нижнимъ чинамъ назначено болѣе обильное и существенное продовольствіе, и оно до нихъ дѣйствительно доходитъ; жалованье офицерамъ увеличено. Все это вмѣстѣ съ другими гуманными и почти либеральными мѣрами, принятыми въ военномъ вѣдомствѣ, особливо въ послѣдніе тринадцать лѣтъ (1873), во многомъ измѣнило положеніе войскъ. Болѣзненность и смертность уменьшились въ войскахъ, побѣги почти прекратились. Но многое еще остается сдѣлать, а нѣкоторые изъ новыхъ порядковъ, какъ *мнѣ кажется*, полезно было бы измѣнить.

Наибольшая часть полевыхъ войскъ расположена близъ западной границы, слѣд. въ краю бѣдномъ и котораго особенности неблагопріятны для войскъ. Теперь идетъ рѣчь объ устройствѣ казармъ, чтобы окончательно уничтожить постоянную квартирную повинность въ городахъ и селеніяхъ. Это потребуетъ огромнаго капитала на постройку и большихъ расходовъ на содержаніе и ремонтъ казармъ, тѣмъ болѣе что всѣ казенныя и общественныя постройки у насъ дѣлаются не всегда по совѣсти, а непрѣменно по урочному положенію. Едва-ли земство, и безъ того доходящее до нищенства, въ состояніи будетъ принять на себя этотъ новый расходъ. Казарменная жизнь вредна для здоровья нижнихъ чиновъ и слишкомъ разъединяетъ солдата съ народомъ. Говорятъ, что это устранитъ одну изъ причинъ порчи народной нравственности. Я въ этомъ сомнѣваюсь: для этого нужны бы были болѣе строгія карантинныя мѣры, а онѣ невозможны. Императрица Екатерина смотрѣла на это съ болѣе практической точки зрѣнія. Когда ей доложили, что въ Ладожскомъ уѣздѣ населеніе вырождается, мельчаетъ и хилѣетъ, она приказала послать въ этотъ уѣздъ на два или три года кавалергардскій полкъ, расположивъ его на просторныхъ квартирахъ. Говорятъ, мѣра эта оказалась полезною. Впрочемъ, народная нравственность въ этомъ отношеніи стоитъ вообще на низкомъ уровнѣ, особливо въ Великорусскихъ западныхъ провинціяхъ.

Въ домашнемъ быту и хозяйствѣ войскъ произошла тоже существенная перемѣна противъ прежняго. Первымъ поводомъ къ этому было опасеніе высшаго начальства, что недостатокъ контроля въ расходованіи солдатскихъ и для войскъ отпускаемыхъ казенныхъ суммъ ведетъ ко многимъ злоупотребленіямъ, вреднымъ для сбереженія нижнихъ чиновъ и для сохраненія дисциплины въ войскахъ. Все это было справедливо; но едва-ли лекарство не было хуже болѣзни. Зло происходило не отъ недостатка контроля, а отъ болѣе общихъ и важныхъ причинъ. Въ государствѣ, гдѣ $^3/_4$ доходовъ получались отъ виннаго откупа, т. е. отъ умышленнаго спаиванья народа, гдѣ откупщикъ держалъ на жалованьѣ всю администрацію, гдѣ народное образованіе было на самой низкой степени, гдѣ существовало въ полной силѣ крѣпостное право, сложившееся во времена Татарскаго ига, Московскаго
тизма и Екатерининской безнравственности, гдѣ было пол
ствіе не только политическихъ, но и гражданскихъ пра
ственное и преданное грязнымъ интересамъ духовенс
вало только обрядную сторону религіи и грубыя су
вательно не было ни у кого никакого общаго инт
отвлекало отъ ежедневной грязи къ другимъ бол
вѣчнымъ побужденіямъ, — въ такомъ государств

чины упадка народной нравственности въ какихъ-нибудь случайныхъ явленіяхъ: оно необходимо обусловливается всѣмъ общественнымъ строемъ. Безполезно призывать мозольнаго оператора, когда вся нога поражена гангреной и гніетъ. Съ того времени многое измѣнилось, но и до сихъ поръ наибольшая часть конфирмацій надъ офицерами, сужденными военнымъ судомъ, произносится за растрату казенныхъ или солдатскихъ денегъ. Къ этому вопросу я возвращусь впослѣдствіи.

Въ Мосальскѣ полкъ пробылъ при мнѣ только два мѣсяца: въ Февралѣ мы получили приказаніе отправиться на постоянныя квартиры въ Старорусскій округъ Новгородскаго поселенія. Переходъ въ 550 верстъ мы сдѣлали въ мѣсяцъ и въ концѣ Марта прибыли въ с. Великое, Старорусскаго округа, назначенное штабомъ полка.

Здѣсь я долженъ сказать нѣсколько словъ о военномъ поселеніи, объ этомъ уродливомъ чадѣ Аракчеева, наводившемъ невольный ужасъ на каждаго, кого судьба туда забрасывала. Мысль объ учрежденіи въ Россіи военныхъ поселеній явилась въ концѣ десятыхъ годовъ этого столѣтія. Иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала несомнѣнно графу Аракчееву, которому вполнѣ развязалъ руки императоръ Александръ Павловичъ, предавшійся въ то время мистическимъ мечтамъ, не мѣшавшимъ ему однакоже безпрестанно разъѣзжать по конгрессамъ въ Западной Европѣ. Странное и, кажется, не совсѣмъ разгаданное явленіе представлялъ этотъ Государь, котораго событія вознесли на верхъ славы и окружили какимъ-то таинственнымъ обаяніемъ. Сынъ Павла Петровича, любимый внукъ Екатерины II, воспитанникъ республиканца Лагарпа, онъ началъ царствованіе попытками либеральныхъ реформъ, обѣщалъ Россіи конституцію, былъ членомъ Масонскаго общества и, кончилъ тѣмъ, что наскучивъ всѣми этими ролями, возложилъ все государство на А. А. Аракчеева, человѣка ограниченнаго, малограмотнаго, но съ дикою энергіей, упрямаго и жестокаго, но прикрывавшаго беззавѣтною преданностью Государю свои варварства, отъ которыхъ содрогается позднѣйшее потомство. [illegible] фуртѣ, въ 1808 году, Наполеонъ сказалъ объ Александрѣ [illegible] n Grec du Bas-Empire; а когда учрежденіе въ Р[illegible] [illegible]оселеній сдѣлалось извѣст[illegible] Европ[illegible] [illegible]залъ: «видно, Русское пра[illegible] [illegible]штыковъ». То и другое [illegible] [illegible]оваться, что перемѣ[illegible] [illegible]ія Веллингтона до [illegible]

[illegible], Аракчеевъ уже былъ [illegible]жали приносит[illegible]

кіе плоды, и недостаточно было тридцатилѣтняго царствованія Николая Павловича для того, чтобы ихъ окончательно заглушить.

Кажется, еще въ 1817 или 1818 г. переведена была въ Новгородъ 1-я гренадерская дивизія, вслѣдъ за тѣмъ истребованы туда же третьи баталіоны 2-й гренадерской дивизіи. Съ этаго началось Новгородское военное поселеніе, но успѣло въ 1826 г. получить окончательное устройство только для 1-й гренадерской дивизіи; въ округѣ же 2-й дивизіи оно только начиналось. Старорусскій округъ былъ раздѣленъ на полковые округа съ подраздѣленіями на четыре района поселенныхъ ротъ, которыя составляли поселенный баталіонъ полка. Нашъ полкъ расположился въ округѣ своего имени, и въ вѣдѣніе полковаго командира поступили какъ 3-й, такъ и поселенный баталіоны.

Третій баталіонъ былъ составленъ изъ небольшаго числа прежнихъ старыхъ солдатъ и изъ мѣстныхъ поселянъ, которыхъ дѣти, по достиженіи 21 года, должны были непремѣнно поступать въ солдаты на общихъ правахъ. Поселяне военной службы не несли, но должны были носить форменную одежду и брить бороды. Аракчеевъ дополнилъ реформу Петра Великаго: заставилъ крестьянина обрить бороду, совершенно измѣнить свой бытъ и вѣковые обычаи. Но какими страшными варварствами была достигнута эта нелѣпая цѣль! Многіе крестьяне, которыхъ фанатизмъ былъ въ высшей степени возбужденъ, самоубійствомъ избавляли себя отъ этой операціи, памятной народу подъ названіемъ забривки. Въ этомъ краѣ было много раскольниковъ. Между послѣдними было немало примѣровъ, что цѣлыя семейства уходили во мхи, т.-е. болотистые лѣса и тамъ добровольно умирали голодною смертью.

Тѣже самыя явленія происходили въ южныхъ поселеніяхъ, въ губерніяхъ Харьковской, Екатеринославской. Потративъ безчисленные милліоны денегъ, исковеркавъ насильственно народный бытъ, достигли наконецъ того, что отняли у человѣка его личность, обратили его въ орудіе для исполненія воли начальства во всѣхъ, даже вседневныхъ, его дѣйствіяхъ, заглушили въ немъ всякую инициативу, всякое желаніе улучшить свое положеніе, и были довольны, что безчисленнымъ рядомъ варварскихъ мѣръ устроили порядокъ, который живо напоминалъ государство Іезуитовъ въ Парагваѣ, въ XVII столѣтіи.

Въ Апрѣлѣ баталіонъ нашъ переведенъ былъ на лѣто въ бараки, выстроенные близъ гор. Старой-Русы, и назначенъ для дѣланія кирпича на казенныя постройки. Меня назначили адъютантомъ 1-го баталіона, которымъ командовалъ подп. Петръ Григорьевичъ Поляковъ. О немъ и женѣ его я долженъ сказать нѣсколько словъ, не забывая того, чѣмъ я имъ обязанъ. Мальчика 17 лѣтъ они приласкали съ

искреннимъ и радушнымъ участіемъ. «Дорого яичко въ Христовъ день», говоритъ пословица. Впослѣдствіи я много разъ встрѣчался съ ними въ жизни и различныхъ положеніяхъ.

П. Г. Поляковъ дѣлалъ кампаніи 1813 и 14 гг. адъютантомъ генерала Писарева. По возвращеніи въ Россію, генералъ его женился на дочери ген. Дурасова, человѣка богатаго, извѣстнаго въ Москвѣ тѣмъ, что онъ кончилъ жизнь схимонахомъ въ монастырѣ. Вслѣдъ за генераломъ адъютантъ женился на другой дочери Дурасова, противъ воли ея матери. Бракъ былъ по любви. Мать долго сердилась и давала молодымъ супругамъ только по 10 т. р. асс. въ годъ на ихъ расходы. Поляковъ произведенъ былъ въ подполковники и назначенъ въ нашъ полкъ, гдѣ конечно считался Крезомъ. Онъ былъ человѣкъ очень добрый, вспыльчивый, очень гостепріимный и страстный псовый охотникъ. Супруга его, Катерина Михайловна, и нынѣ вдовствующая (1873 г.), существо исковерканное Московскимъ аристократическимъ воспитаніемъ. Русскій языкъ знала плохо, и если видѣла у кого Русскую книгу, то всегда спрашивала: «Чтò это у васъ за гадость?» Она была очень капризна и не отличалась супружескою вѣрностію. Мужъ смотрѣлъ сквозь пальцы и платилъ тою же монетою. Но, по наружности, ихъ жизнь шла мирно и гладко. Оба они были плохо образованы; но онъ понатерся между порядочными людьми, а она бренчала на фортепіано, рисовала цвѣты и читала Французкіе романы и стихотворенія. Какъ бы то ни было, я проводилъ у нихъ большую часть времени. Все же, общество, которое встрѣчалъ я въ ихъ домѣ, было во всѣхъ отношеніяхъ гораздо лучше того, въ которомъ живутъ наибольшая часть офицеровъ. У Катерины Михайловны оказался большой сундукъ съ книгами. Онъ отданъ былъ въ мое распоряженіе. Большею частью это было старье Французской и Русской беллетристики. Выборъ былъ скудный, но я до того времени такъ мало читалъ, что радъ былъ и этому.

Въ 1827 году я былъ произведенъ въ подпоручики и, мнѣ удалось побывать у своихъ стариковъ, жившихъ тогда въ Пензѣ.

Вскорѣ послѣ того Ст. Гер. былъ произведенъ въ генералъ-майоры, а командиромъ нашего полка назначенъ полковникъ Обрадовичъ, до того семь лѣтъ командовавшій Новоингерманландскимъ полкомъ.

Сдача полка была всегда Дамоклесовымъ мечомъ надъ головою полковаго командира. Люди разсчетливые заранѣе къ тому приготовлялись, или лучше сказать приготовляли свой кошелекъ. Нашъ старикъ крѣпко задумался, когда за пріемъ взялся человѣкъ очень бывалый. Но дѣло обошлось мирно. Ст. Гер. сдалъ полкъ въ двѣ недѣли, продолжая въ это время кормить всѣхъ своихъ офицеровъ бор-

щемъ и жаренымъ гусемъ, къ досадѣ новаго полковаго командира, привезшаго съ собою Француза-повара.

Наконецъ мы разстались съ нашимъ добрымъ командиромъ. Прощаніе было искреннее, но обошлось безъ обычнаго въ нынѣшнее время обѣда и безъ спичей, которые тогда не получили у насъ права гражданства. Признаюсь, я ихъ не люблю; они совсѣмъ не въ Русскихъ нравахъ. Слушая этотъ потокъ фразъ, мнѣ все хочется спросить: кого здѣсь надуваютъ?

Новый полковой командиръ нашъ былъ опытный человѣкъ и большой служака. Родомъ Сербъ, изъ окрестностей Рагузы, онъ, кажется, родился и воспитывался въ Россіи. Когда-то онъ былъ очень красивымъ молодымъ человѣкомъ; но въ то время ему было лѣтъ 45, и видно было, что сильныя причины состарили его прежде лѣтъ. Онъ былъ человѣкъ очень неглупый и, я прибавлю, даже добрый, хотя не всѣ со мною согласятся, потому что на немъ лежала толстая кора казарменной жизни и командирской возни съ солдатами и подчиненными офицерами. Онъ былъ очень строгъ, и на словахъ старался казаться даже жестокимъ. Съ офицерами своего полка онъ не сближался. Во многихъ отношеніяхъ онъ былъ противоположенъ своему доброму предмѣстнику. Отличный хозяинъ, онъ извлекалъ, не всегда безъ грѣха, возможныя выгоды изъ своего полка, но любилъ азартныя игры на сторонѣ. Впослѣдствіи оказалось, что его грызло неудовлетворенное честолюбіе. Онъ кончилъ жизнь въ концѣ тридцатыхъ годовъ самоубійствомъ, не получивши награды, на которую имѣлъ право.

Осенью 1828 года меня назначили командиромъ учебной команды, при полковомъ штабѣ. Видно было, что Обрадовичъ готовилъ меня въ ротные командиры и старался посвятить во всѣ таинства фронтовой и гарнизонной службы. Мѣсяца три я добросовѣстно и неутомимо несъ это ярмо и въ концѣ года назначенъ былъ командующимъ 1-ой гренадерской роты, которой командиръ капитанъ Зезевитовъ былъ посланъ къ рекрутскому пріему. Въ то время мнѣ было 20 лѣтъ, житейской опытности у меня было мало, за то много желанія учиться. Рота была въ хорошемъ порядкѣ; унтеръ-офицеры старые, а фельдфебель Василій Алексѣевичъ Колпаковъ—человѣкъ очень опытный и въ своемъ родѣ оригинальный. Лѣтъ подъ 45 отъ роду, онъ былъ некрасивъ собой и ростомъ не болѣе двухъ аршинъ и 4 вершковъ, что особенно бросалось въ глаза при составѣ роты изъ людей рослыхъ и красивыхъ. Правый флангъ роты начинался 10½ вер., а лѣвый кончался 7-ми вер. Колпаковъ былъ неграмотенъ, но считался въ полку лучшимъ фельдфебелемъ. Онъ дѣлалъ войны 1813, 14 гг., имѣлъ Кульмскій крестъ и знакъ отличія военнаго ордена. Съ такими помощни-

нами дѣло пошло хорошо, хотя меня постоянно мучила мысль, чтобы не сказали, что безъ настоящаго хозяина рота опустилась.

Въ Мартѣ 1829 года возвратился капитанъ Зезевитовъ, а я былъ назначенъ командиромъ 2-ой фузилерной роты, которую принялъ отъ Павла Соболевскаго, командовавшаго ею временно, по случаю устраненія бывшаго командира за растрату денегъ и безпорядки.

Новая моя рота не была похожа на прежнюю. Ею лѣтъ 10 командовалъ Ал. Тих. Бурковскій. Рутину службы онъ зналъ, но въ ротѣ у него были всѣ кумовьями; женатыхъ солдатъ много, нѣкоторые солдаты были въ особенной милости, и всѣ они промышляли продажей водки. Это—великое зло, хотя очень нерѣдко встрѣчающееся въ войскахъ. Справедливость и дисциплина бываютъ невозможными, нижніе чины входятъ въ долги, привыкаютъ къ безпорядочной жизни и разстраиваютъ свое здоровье, употребляя водку разбавленную водой съ разными одуряющими специями. Послѣ Бурковскаго, года полтора командовалъ ротою пор. Рогульскій,—картёжный игрокъ, и человѣкъ вообще ненадежной нравственности. Онъ еще болѣе увеличилъ зло, съ которымъ трудно было справляться бѣдному Павлу Соболевскому, имѣвшему едва 18 лѣтъ. Рагульскій былъ всѣмъ долженъ; расходъ ротныхъ денегъ производился небезупречно; жалованье и аммуничныя деньги раздавалъ несвоевременно, а многіе солдаты ихъ и совсѣмъ не получали. Претензій не показывали, боясь мщенія ротнаго командира, который, при почти неограниченномъ правѣ, не отличался мягкостью нрава.

Я принялся за дѣло смѣло, но круто, съ увлеченіемъ слишкомъ молодаго человѣка. Обрадовичъ назначилъ смотръ одиночнаго ученія моей роты, былъ недоволенъ всѣмъ и особенно мною; ко всему придирался и передъ ротой дѣлалъ мнѣ выговоры въ выраженіяхъ грубыхъ и совершенно, какъ мнѣ казалось, несправедливо. Уходя съ плаца, онъ приказалъ наказать палками человѣкъ двадцать солдатъ, за замѣченныя имъ ошибки. Когда я пришелъ провожать его, онъ встрѣтилъ меня съ улыбкой: «Ну, вотъ вы вѣрно на меня очень сердитесь. Я старый солдатъ, а вы молоды. Я пріѣхалъ помогать вамъ. Солдаты будутъ меня ругать, что я такъ зло нападаю на ихъ ротнаго командира и требую почти невозможнаго; объявите ротѣ, что по вашей убѣдительной просьбѣ я простилъ тѣхъ, кого велѣлъ наказать. За все, что видѣлъ въ вашей ротѣ, благодарю, но совѣтую впередъ вести дѣло не такъ круто, а постепенно; торопливостью можно только испортить, а не поправить.»

Я постарался воспользоваться совѣтомъ по крайнему разумѣнію *и не имѣлъ причины* раскаяваться. Воздухъ въ ротѣ видимо очищ-

ся, и въ тоже время рота сдѣлала такіе успѣхи, что лѣтомъ на высочайшемъ смотру была далеко не послѣднею въ полку.

Послѣ смотра началась опять однообразная жизнь въ моемъ ротномъ дворѣ, дер. Зехинѣ, въ 35 вер. отъ Старой Русы, и въ 20 отъ полковаго штаба. Въ городъ я никогда не ѣздилъ, а въ штабъ ходилъ иногда только по дѣламъ службы. Я говорю: ходилъ, потому что ѣздить было не на чемъ. Хотя осенью 1829 г. я былъ произведенъ въ поручики, и слѣд. получалъ уже 600 р. асс., но этой прибавки едва доставало на нѣкоторыя прихоти, которыя я сталъ себѣ позволять, какъ напр.: чай и ружейную охоту. Впрочемъ, долговъ я никогда не имѣлъ и, лѣтомъ, на сборахъ, когда нижніе чины ѣдятъ изъ своего котла, я довольствовался ихъ пищей, съ небольшими прибавками. Впрочемъ, тутъ для меня не было никакого лишенія: рота моя славилась хорошимъ приваркомъ. На это расходовалась артельная сумма, которую нижніе чины почти не считали своею, потому что на руки она выдавалась только при отставкѣ, а рѣдкій мечталъ объ этомъ при 25 л. службѣ. Предметы расхода артельной суммы были строго опредѣлены положеніемъ, и всѣ покупки производились, по распоряженію ротнаго командира, артельщикомъ, который повѣрялся капральными унтеръ-офицерами и ефрейторами. Послѣдствія этой повѣрки и состояніе ротной артели объявлялись ротѣ, отъ которой зависѣлъ выборъ артельщика. Большею частью артельщикъ дѣлалъ покупки не одинъ, а съ нѣсколькими старыми солдатами или унтеръ-офицерами, которые и удостовѣряли дѣйствительность расхода. Я изложилъ нѣсколько подробно этотъ порядокъ, потому что въ настоящее время онъ измѣненъ и, какъ мнѣ кажется, не совсѣмъ удачно. Это измѣненіе сдѣлано прежде всего главнымъ штабомъ дѣйствующей арміи. Побудительною причиной послужило нерѣдко встрѣчавшееся произвольное и незаконное распоряженіе ротныхъ командировъ солдатскою артелью. Издана была подробная регламентація, въ основаніи которой положено совершенное устраненіе ротнаго командира отъ хозяйственныхъ распоряженій. Всѣ покупки должны дѣлаться не иначе, какъ по письменному приговору роты и повѣряться избранными ею людьми, такъ что, въ этомъ self-governement'ѣ, командиръ не получалъ даже права veto. Это постановленіе введено было во всѣхъ остальныхъ войскахъ; съ тѣхъ поръ случаи растратъ и злоупотребленій солдатскою артелью не сдѣлались рѣже прежняго. Кажется, тутъ нужны бы были другія общія мѣры, какъ-то: 1) поднятіе *образованія во всѣхъ* военныхъ чинахъ, 2) развитіе чувства законности, 3) *ограниченіе* дикаго самодурства начальствующихъ, порожденнаго *безправіемъ* подчиненныхъ, 4) болѣе строгій выборъ началь-

никовъ частей, выборъ, основанный не на одномъ знаніи фронтовой службы. Кой-что изъ этого теперь и дѣлается; но оно, кажется, должно бы предшествовать, а не слѣдовать за постановленіями, которыя въ то время противорѣчили всему строю и обычаямъ военнаго вѣдомства, а между тѣмъ подрывали уваженіе нижнихъ чиновъ къ своему ротному командиру, которому само правительство оказываетъ недовѣріе, не потому что онъ того лично заслуживаетъ, а потому что онъ ротный командиръ. Во всемъ государствѣ выборное начало не существовало или было смѣшнымъ призракомъ, а хотѣли ввести его въ войскахъ т. е. именно тамъ, гдѣ оно, кажется, менѣе всего умѣстно. Впрочемъ, и въ настоящее время такое либеральное постановленіе какъ-то странно не сходится напр. съ закономъ, который даетъ начальнику право уволить офицера отъ службы безъ прошенія, причемъ уволенный не имѣетъ права ни жаловаться, ни даже спрашивать, за что́ онъ уволенъ; а между тѣмъ вторично на службу онъ можетъ быть принятъ только по личному за него ручательству начальника части, въ которую онъ желаетъ поступить. Сколько офицеровъ сдѣлались жертвою самодурства, если не другихъ, еще менѣе почтенныхъ, побужденій своихъ ближайшихъ начальниковъ!

Въ мое время въ ротахъ была или могла быть еще такъ называемая экономическая сумма; она употреблялась на такіе расходы, которыхъ нельзя было дѣлать изъ артели. Эта сумма составлялась изъ разныхъ источниковъ, отыскиваніе которыхъ зависѣло отъ изобрѣтательности ротнаго командира. Нижніе чины очень дорожили этою суммой, потому что она доставляла ротѣ много разныхъ удобствъ и избавляла людей отъ нѣкоторыхъ тяжелыхъ работъ и обязанностей. Сумма эта хранилась у артельщика и не подлежала повѣркѣ при инспекторскихъ смотрахъ. Съ удовольствіемъ вспоминаю, что при принятіи роты я не нашелъ въ ней ни гроша, а при сдачѣ въ ней оказалось 960 рубл., т. е. едвали не болѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ ротахъ полка вмѣстѣ.

Обрадовичъ былъ доволенъ моими распоряженіями по строевой и хозяйственной частямъ, но я и самъ видѣлъ успѣхъ въ своихъ стараніяхъ. Всѣми мѣрами я освободилъ роту отъ солдатокъ и отъ кумовства; по фронту и обмундированію моя рота была изъ первыхъ въ полку. Капральные унтеръ-офицеры скоро поняли то, чего отъ нихъ требовали, между ними два оказались очень хорошими, другихъ двухъ я назначилъ вновь; фельдфебель Калугинъ былъ менѣе надеженъ, но, къ счастію, его скоро произвели въ подпоручики. Рота, какъ знаменная, состояла *большею* частью изъ молодыхъ солдатъ, которые скоро *привыкли къ новому* порядку и, что́ мнѣ всего болѣе было пріятно

это очень значительное уменьшеніе случаевъ, когда необходимо было прибѣгать къ строгости. Однажды въ ротѣ оказалось воровство; воръ открытъ; это былъ молодой солдатъ, который и прежде былъ на дурномъ замѣчаніи; я собралъ роту и отдалъ вора на ихъ судъ съ тѣмъ, чтобы они сами и наказали его. Это было очень некстати, потому что рота присудила дать ему 150 палокъ, и наказаніе было такъ сильно, что бѣдный солдатъ былъ отправленъ въ полковой лазаретъ. Полковой штабъ-лекарь доложилъ Обрадовичу, а этотъ, узнавъ дѣло, показалъ только знакомъ, что нужно смотрѣть сквозь пальцы; со мной же онъ объ этомъ даже и не говорилъ. Больной очень скоро выздоровѣлъ; я его обласкалъ, показывалъ довѣріе и старался, чтобы рота не упрекала въ его проступкѣ. Впослѣдствіи однакоже, бывши у меня на вѣстяхъ, онъ былъ схваченъ въ то время, какъ вытаскивалъ изъ моего чемодана деньги и бѣлье. Это, впрочемъ, единственный примѣръ неблагодарности, котораго мнѣ случилось быть жертвою; а случаевъ къ тому было много, потому что я, никогда не искавъ благодарности, всегда въ нее вѣрилъ.

И въ 1830 году, отбывъ лагерь и высочайшій смотръ, полкъ нашъ возвратился на прежнія квартиры, а я въ туже деревню, Зехино. Время тянулось однообразно. Я не скучалъ только потому, что много работалъ на службѣ и много читалъ, хотя безъ всякой критики и системы, а просто что̀ попадалось.

Въ Декабрѣ, въ 2 ч. ночи, я былъ разбуженъ фельдфебелемъ, который, только что возвратясь изъ полковаго штаба, принесъ мнѣ приказъ по полку о выступленіи нашего полка въ походъ по маршруту, который данъ до пограничнаго города Россіены; извѣстно же было, что мы идемъ въ Бельгію и будемъ имѣть войну съ Французами. Выступленіе было назначено чрезъ недѣлю.

Нельзя передать, какъ всѣ обрадовались походу, начиная съ ротнаго командира до послѣдняго солдата. Но еще не успѣли мы двинуться, какъ маршрутъ нашъ былъ отмѣненъ, и намъ данъ новый, форсированный, на Гродно и Бѣлостокъ. Возмущеніе въ Польшѣ вызвало эту перемѣну. Это поубавило нашу радость. Говорятъ, что императоръ Николай сказалъ: «j'irai en France et je roulerai par la Pologne.»

Обрадовичъ пошелъ еще далѣе: онъ приказалъ взять съ собою вторые солдатскіе мундиры, потому что войны быть не можетъ, а мы будемъ стоять въ Польшѣ въ видѣ военной экзекуціи. Событія, впрочемъ, не оправдали догадки ни Императора, ни полковаго командира: вторые мундиры были брошены на переходѣ чрезъ границу Польши, *еще до перваго сраженія.*

Передъ выходомъ изъ Старой Русы, насъ, по полкамъ, смотрѣлъ генералъ-адъютантъ Клейнмихель, который, послѣ паденія своего патрона Аракчеева, принялъ начальство надъ военными поселеніями. Онъ былъ совсѣмъ не военный человѣкъ и нисколько въ войскахъ не популяренъ. Прошедши по фронту, Клейнмихель сказалъ нѣсколько словъ, которыхъ конечно никто не слышалъ; но всѣ дружно кричали: ура! хотя голосами довольно хриплыми, потому что въ строю было много пьяныхъ, на прощаньяхъ. На чтò было напутственное благословеніе Клейнмихеля—это сказать трудно.

Походъ нашъ до Польской границы совершился безъ всякихъ событій и безъ утомленія. Вступивъ въ Витебскую губ., мы чувствовали, что вступили въ міръ Поляковъ и Жидовъ, двухъ національностей для меня очень несимпатичныхъ, хотя, въ частности, я встрѣчалъ между Поляками немало людей очень хорошихъ.

Проходя по Бѣлоруссіи и Литвѣ, мы вездѣ слышали сужденія о Варшавскихъ событіяхъ. Почти всѣ помѣщики въ этомъ краѣ были Поляки, многіе даже плохо знали Русскій языкъ, но всѣ безусловно обвиняли Поляковъ за мятежъ и съ какимъ-то азартомъ заявляли свои вѣрноподданническія чувства. Тогда мнѣ казалось это страннымъ столько же, какъ и въ послѣдствіи, когда я узналъ, что нѣкоторые изъ этихъ жаркихъ патріотовъ Россіи были повѣшены или сосланы въ Сибирь за измѣну и вооруженный мятежъ, для котораго они считали минуту удобною, когда разныя неблагопріятныя обстоятельства затянули эту войну. Только ознакомившись съ нашей западной окраиной, я понялъ, что эта двуличность и наклонность къ измѣнѣ и заговорамъ есть не болѣе, какъ неизбѣжный продуктъ тысячелѣтней исторіи Польши, съ ея государственной неурядицей, буйной шляхтой и фанатическимъ католицизмомъ. Не надобно однакоже думать, что вся вина на одной сторонѣ. Русское правительство имѣетъ тутъ свою широкую долю. Здѣсь, какъ и вездѣ, главная бѣда въ томъ, что слово и дѣло расходились въ противоположныя стороны. Въ послѣднія два столѣтія Польша переходила изъ рукъ въ руки и постоянно теряла свою самостоятельность. Республика съ избирательнымъ королемъ, но безъ королевской власти и безъ республиканскихъ нравовъ, Польша была разлагающимся хотя нарумяненнымъ трупомъ, задолго до того какъ Костюшко подъ Маціовицами сказалъ: Finis Poloniae! Наполеонъ возстановилъ тѣнь самобытности въ небольшой части Польши, но далъ ей титулъ герцогства Варшавскаго. Послѣ его паденія, герцогство не могло существовать самостоятельно: неизбѣжно должно оно было подвергнуться раздробленію, или сдѣлаться добычею одного изъ сосѣдей. *Императоръ Александръ* былъ тогда въ апогеѣ славы и могущества.

Въ первые годы царствованія его считали великодушнымъ и либеральнымъ. Этого было достаточно, чтобы герцогство Варшавское отдалось подъ его могущественное покровительство. Торжественная депутація въ 1815 году предложила ему корону Пястовъ и Ягеллоновъ. Естественно было ожидать, что императоръ Александръ при этомъ взвѣситъ прежде всего интересы своего государства и, присоединяя къ нему герцогство Варшавское, не сдѣлаетъ ничего противнаго вѣковой политикѣ своихъ предшественниковъ и общему строю имперіи. Тщеславіе и остатокъ либеральнаго чада увлекли его въ противную сторону. Варшавское герцогство присоединено къ Россійской Имперіи подъ титуломъ Царства Польскаго, получило конституціонныя формы правленія, отдѣльную армію и суды, устроенные по Наполеоновскому кодексу. Но и этого было мало: въ рѣчи на сеймѣ Александръ сказалъ торжественно, что въ непродолжительномъ времени онъ намѣренъ ввести тѣже реформы правленія въ Литвѣ и что туже долю онъ приготовитъ и остальной имперіи. Къ сожалѣнію, это были только слова, т.-е., по выраженію Гоголя, неосязаемый чувствами звукъ; дѣла же были иныя. Главнокомандующимъ въ Польшу назначенъ великій князь Константинъ Павловичъ, знаменитый только дикимъ, неукротимымъ нравомъ, доводившимъ его до крайнихъ предѣловъ неразборчиваго деспотизма. Заёнчекъ, назначенный намѣстникомъ, т.-е. главою гражданскаго управленія, покорился роли ничтожества, въ которое поставило его необузданное самовластіе цесаревича, находившее въ Петербургѣ поддержку и одобреніе. Произошло то, что̀ вездѣ бываетъ при такихъ обстоятельствахъ: дикій произволъ Константина не зналъ предѣловъ, неудовольствіе было повсюду, Польша преизобиловала угодниками власти и шпіонами, никто не могъ ручаться за цѣлость своей особы, чести и имущества; явно совершались дѣла возмутительныя, безъ всякой разумной цѣли, а только по внушенію необузданнаго произвола. Сеймъ не былъ созываемъ, конституціонный строй былъ фактически разрушенъ, хотя и продолжалъ существовать на бумагѣ. Общее недовольство и ропотъ заглушались въ тюрьмахъ и Сибири. Войска были такъ же недовольны, какъ и граждане, хотя великій князь былъ почему-то увѣренъ въ преданности ему войскъ. Фанатическое духовенство и люди крайнихъ политическихъ оттѣнковъ воспользовались общимъ ропотомъ, чтобы вызвать взрывъ *).

---

*) Намъ кажутся эти отзывы преувеличенными, и причины взрыва не вѣрно указанными: Польская шляхта въ 1830 г. принялась бунтовать наканунѣ *освобожденія крестьянъ съ землею, вполнѣ приготовленнаго* въ то время Россіею, точно также какъ *бунтовала она и тридцать лѣтъ спустя*; а Европейскимъ державамъ всякая наша смута на руку. *П. Б.*

Для великаго князя этотъ взрывъ былъ совершенною неожиданностью. Толпа шпіоновъ ничего объ немъ не знала, а, можетъ быть, и не хотѣла знать. Великій князь полуодѣтый ускользнулъ изъ Бельведера, въ который ворвалось нѣсколько молодыхъ людей изъ школы подхорунжихъ. Нѣсколько баталіоновъ остались ему вѣрными и, непреслѣдуемые, проводили его до Русской границы, откуда онъ ихъ отпустилъ обратно въ Варшаву, сказавъ, что «отечество ихъ тамъ ожидаетъ». Любопытно было бы спросить, что̀ его высочество называлъ отечествомъ.

Въ городѣ была ночная рѣзня. Погибло немало людей Русскихъ или которыхъ считали преданными Россіи. Варѳоломеевы ночи и Сицилійскія вечерни—въ обычаѣ въ Польшѣ, гдѣ ярый католическій фанатизмъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ, особливо когда соединяется съ политическими возбужденіями, въ которыхъ много громкихъ, опьяняющихъ фразъ и никакого здраваго смысла. Какъ бы то ни было, энтузіазмъ былъ общій *). Образовалось временное правительство, во главѣ котораго поставили генерала Хлопицкаго, ветерана Наполеоновскихъ войнъ, человѣка очень популярнаго, но который благоразумными совѣтами скоро возбудилъ къ себѣ недовѣріе. Созвали сеймъ и дѣятельно принялись за устройство войскъ и мѣръ къ оборонѣ края. Элементы для этого были готовы: Русское правительство передъ тѣмъ только въ изобиліи снабдило крѣпости и арсеналы оружіемъ и всѣми военными потребностями. 36 т. регулярныхъ войскъ послужили ядромъ для образованія сильной арміи. Все это произошло такъ быстро, какъ перемѣна декорацій въ какой-нибудь волшебной піесѣ.

Мы перешли чрезъ границу Польши 25 Января. Погода была теплая, снѣгъ таялъ, пахло весной. Наша 2-я гренадерская дивизія соединилась, но шла до Венгрова безъ военныхъ предосторожностей. 2-го Февраля въ Венгровѣ было первое небольшое дѣло; мы пришли уже когда оно кончилось и могли видѣть только нѣсколько нашихъ раненыхъ. Изъ Сѣдльца мы шли уже со всѣми военными предосторожностями. Наша дивизія составляла при главной квартирѣ отдѣльный отрядъ, къ которой прикомандировали какую-то армейскую батарею, потому что наша артиллерія не могла перейти чрезъ рѣки по ненадежности льда. 5 Февраля было первое сраженіе, въ которомъ мы участвовали, при м. Калушинѣ. Картина была прекрасная. Дивизія вышла изъ лѣсу на разсвѣтѣ и построилась въ боевой порядокъ, вер-

*) Любопытно было бы дознаться, когда именно Варшава получила свой многознаменательный *гербъ Сирены съ мечемъ.* П. Б.

стахъ въ $1^1/_2$ отъ мѣстечка, занятаго непріятелемъ. Предъ началомъ атаки бригадный командиръ г.-м. Чеодаевъ проѣхалъ по фронту, вѣроятно, чтобы ободрить войска. Нелѣпая рѣчь этого жалкаго рыцаря съ блѣдными губами могла бы имѣть на солдатъ вредное дѣйствіе, еслибы не возбудила общаго смѣха. Непріятель не держался и отступилъ изъ Калушина по двумъ дорогамъ; мы его преслѣдовали весь день и взяли нѣсколько десятковъ новобранцевъ, имѣвъ десятокъ раненыхъ.

Отъ Калушина до Минска движеніе происходило въ лѣсистомъ краю. Пороху сожжено много; но ни та, ни другая сторона много не потерпѣли. Въ одномъ мѣстѣ, на полянѣ, Екатеринославскій полкъ неожиданно наткнулся на непріятеля, занимавшаго опушку лѣса. Съ обѣихъ сторонъ открытъ сильный батальный огонь; но когда непріятель отступилъ, оказалось, что ни съ той, ни съ другой стороны потери не было. Это показываетъ, какъ мало боевой опытности имѣли и наши войска въ началѣ войны. 7-го Февраля подъ Минскомъ было болѣе серіозное сраженіе, но наша дивизія туда не поспѣла. Наконецъ, мы вышли изъ лѣсовъ и увидѣли вдали Варшаву, раскинувшуюся на возвышенномъ лѣвомъ берегу Вислы. Мы расположились на Гроховскихъ поляхъ, верстахъ въ $4^1/_2$ отъ Праги.

Я не имѣю никакого желанія писать исторію Польской войны, но поневолѣ долженъ сдѣлать нѣсколько указаній на общее положеніе края и арміи, хотя эти соображенія не могли въ то время быть доступными фронтовому поручику.

Планъ кампаніи сдѣланъ былъ графомъ Дибичемъ, при назначеніи его главнокомандующимъ. Планъ этотъ былъ смѣлъ и обѣщалъ скорый конецъ войны, но непредвидѣнныя обстоятельства разстроили всѣ соображенія. Раннее открытіе весны, ненадежность льда и знаменитая въ томъ краѣ грязь, которую Наполеонъ назвалъ пятою стихіей, замедлили движеніе обозовъ и артиллеріи. Армія тремя направленіями вошла въ Царство Польское, но до соединенія подъ Варшавой разныя части имѣли мало между собой сообщенія и потому не всегда могли согласовать между собой свои дѣйствія. 1-я и 3-я гренадерскія дивизіи, перешедшія чрезъ границу въ Ковно, подъ начальствомъ корпуснаго командира князя Ивана Леонтьевича Шаховскаго, двигались отдѣльно, и имъ назначено присоединиться къ арміи подъ Прагой, чтобы принять участіе въ генеральномъ сраженіи, причемъ онѣ должны составить правый флангъ арміи. Гвардейскій корпусъ былъ далеко позади, у границы, и его не считали боевой силой. Непріятель рѣшился съ главными силами ожидать насъ подъ стѣнами Праги и ввѣрить свою судьбу генеральному сраженію въ виду Варшавы. Ледъ на

Вислѣ еще стоялъ, но уже былъ очень ненадеженъ. Прага была сильно укрѣплена, какъ предмостное укрѣпленіе, прикрывающее единственный чрезъ Вислу мостъ. Изъ этого видно, что положеніе непріятеля могло сдѣлаться отчаяннымъ въ случаѣ потери сраженія и рѣшительнаго преслѣдованія. Очевидно разсчитывали на нравственныя силы Польскихъ войскъ, защищающихъ послѣдній оплотъ своей отчизны. И дѣйствительно, воодушевленіе было общее; новобранцы смотрѣли старыми солдатами, даже Жиды національной гвардіи гордо расхаживали во всеоружіи по улицамъ Варшавы, конечно до поры до времени. Городъ все болѣе наполнялся волонтерами, которые съ двухствольными ружьями шли въ застрѣльщичью цѣпь, какъ на охоту.

Князю Шаховскому приказано было ускорить движеніе и избѣгать дѣла. Начальникъ штаба генералъ-маіоръ Владиміръ Осиповичъ Гурко сдѣлалъ противное. Два дня были потеряны на безплодныя движенія при Бялоленкѣ и Непорентѣ. Главнокомандующій рѣшился начать генеральное сраженіе 13-го Февраля, все еще въ надеждѣ, что князь Шаховской примкнетъ къ правому флангу арміи и своимъ движеніемъ вдоль праваго берега Вислы будетъ угрожать непріятелю отрѣзаніемъ отступленія въ Прагу. Надежда эта не сбылась: князь Шаховской пришелъ только на другой день послѣ битвы на Гроховскихъ поляхъ.

Съ обѣихъ сторонъ дрались упорно и понесли большую потерю; нѣкоторыя части были почти уничтожены. 4-й линейный полкъ, имѣвшій большую славу въ Польской арміи, былъ совершенно истребленъ. Гроховская ольховая роща много разъ переходила изъ рукъ въ руки и, наконецъ, осталась за нами. Наша первая бригада 2-й гренадерской дивизіи назначена была для поддержанія атаки кирасирской бригады. Атаку блистательно началъ кирасирскій принца Альбрехта Прусскаго полкъ. Свѣжіе люди, на свѣжихъ лошадяхъ, ринулись на непріятеля, пробили двѣ линіи, но не достигли никакого положительнаго результата, кромѣ славы. Атака отмѣнена, когда уже одинъ дивизіонъ погибъ, а другой сильно потерпѣлъ. Изъ 2-го дивизіона нѣсколько человѣкъ проскакали Прагу и были взяты у моста чрезъ Вислу. Между ними, говорятъ, было нѣсколько убитыхъ, которыхъ окоченѣлыя руки охватили несшую ихъ лошадь. Человѣкъ восемь героевъ уцѣлѣло и были съ большимъ почетомъ приняты Поляками. Я видѣлъ ихъ послѣ взятія Варшавы, въ имѣніи г. Шимановскаго, гдѣ они все время жили на честномъ словѣ. Зачѣмъ была предпринята эта атака и почему отмѣнена,—никто не понималъ, а все приписывали интригамъ, которыми изобиловала главная квартира.

Бой кончился вечеромъ. Поляки отступили за Вислу, оставивъ сильный отрядъ въ Прагѣ. Обѣ стороны приписываютъ себѣ побѣду.

Какъ мнѣ кажется, обѣ одинаково правы и неправы. Едва ли это не была безполезная бойня. Мы удержали за собой поле сраженія, нашъ авангардъ занялъ предмѣстье Праги; но тѣмъ и ограничились наши успѣхи. Преслѣдованія или другихъ наступательныхъ дѣйствій не было, и мы двѣ недѣли простояли подъ Прагой въ бездѣйствіи. Говорятъ, причиной былъ недостатокъ продовольствія, зарядовъ и патроновъ, потому что вагенбургъ и большая часть артиллеріи еще не присоединились къ арміи. Дѣйствительно, въ продовольствіи былъ большой недостатокъ, такъ что нѣкоторые полки дня два были совсѣмъ безъ сухарей. У насъ этого не было, благодаря распорядительности полк. Обрадовича. Лично для меня это время памятно тѣмъ, что я нѣсколько дней долженъ былъ свой супъ ѣсть съ порохомъ вмѣсто соли, которой ни у кого не было. Особенно въ Дибичевскій періодъ войны армія довольствовалась *реквизиціей*. Это иностранное слово можно перевести порусски *грабежъ края*. Для довольствія лошадей это было необходимо; но понятно, что, отыскивая сѣно и овесъ, которые жители старались прятать, нѣкоторые фуражиры искали его между прочимъ въ кладовыхъ и сундукахъ. Между тѣмъ, что́ генералъ-интендантъ предполагалъ дѣлать для довольствія арміи, при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, и тѣмъ, что̀ дѣйствительно дѣлалось, была огромная разница. Я видѣлъ цѣлыя деревни ограбленныя начисто и брошенныя жителями. Въ нѣкоторыхъ оставались еще полуголодные жители; съ какимъ-то отупѣлымъ равнодушіемъ они смотрѣли, какъ у нихъ отнимали послѣдній кусокъ хлѣба. Народнаго ожесточенія не было и слѣда. Фуражиры иногда давали росписки, и я самъ видѣлъ цѣлую пачку такихъ росписокъ, данныхъ одному помѣщику на Русскомъ языкѣ. Въ этомъ курьезномъ документѣ было сказано: «Росписка дана сія пану №№ въ томъ, что чѣмъ тебя я огорчила, ты скажи любезный мой. Лубенскаго гусарскаго полка поручикъ №№». Фамилія была невымышлена и написана чётко. Офицера этого я послѣ зналъ. Ихъ было два брата. Этотъ былъ младшій.

Нѣтъ, это не была народная война, какъ она была въ Россіи въ 1812 г. Старостихи Вавилы и Иваны-Крестители иначе бы распорядились съ этими фуражирами и мародёрами. Это была одна изъ шляхетскихъ революцій, которыми преизобилуетъ исторія Польши. Народъ былъ тутъ ни при чемъ; онъ просто шелъ умирать, куда его посылали панъ или ксёндзъ: двѣ многовѣковыя язвы Польши, къ сожалѣнію, неизцѣлимыя.

За сраженіе подъ Гроховымъ я получилъ орденъ св. Анны 4 ст. съ надписью «за храбрость». Я былъ на своемъ мѣстѣ и отличія никакого не оказалъ; но такова была, а, можетъ быть, и понынѣ есть—

система наградъ. Во всей нашей дивизіи всѣ поручики получили этотъ орденъ, шт.-капитаны и капитаны св. Анны 3 ст. съ бантомъ; шт.-офицеры св. Владимира 4 ст. съ бантомъ и т. д. Тогда я былъ очень доволенъ, но послѣ догадался, что такая система, развивая безполезное тщеславіе, уничтожая соревнованіе, отнимаетъ цѣну и уваженіе у награды. Въ первый разъ эта система принята была, кажется, Паскевичемъ въ Азіатской Турціи, гдѣ онъ сыпалъ кресты только что не четвериками. Тамъ же значительно усовершенствовано было искусство писать реляціи, до того, что участники въ этой войнѣ не узнавали ни мѣстъ, ни дѣйствій. Напримѣръ, взятіе Эривани было изображено до такой степени рельефно, что Государь пожаловалъ Паскевичу титулъ графа Эриванскаго. Можно было полагать, что эта сильная крѣпость, тогда какъ это небольшой Азіатскій городъ, окруженный стѣнкой изъ глины. Ермоловъ, узнавъ о новомъ графѣ, сказалъ, что слѣдовало бы назвать его не Эриванскимъ, а Іерихонскимъ, потому что и тутъ стѣны упали почти отъ одного звука трубнаго.

Первоначальный Дибичевскій планъ кампаніи былъ очевидно разстроенъ окончательно. Армія двинулась изъ подъ Праги на Югъ къ Вѣпржу. Думали переправиться черезъ Вислу, чтобы атаковать съ западной стороны Варшаву, которая тогда не была еще укрѣплена. Для этого дѣлали марши и контръ-марши. Войска встрѣчались и на взаимные вопросы отвѣчали, что идутъ «впередъ». Начальникъ главн. штаба графъ Толь дѣлалъ усиленную рекогносцировку къ Замостью, но никакого существеннаго результата не достигнуто; а между тѣмъ непріятель сильно потѣснилъ барона Розена, который съ Литовскимъ корпусомъ стоялъ предъ Прагой. Розенъ отступилъ къ Бресту, и непріятель очутился у насъ почти въ тылу. Литовскій корпусъ оказался слишкомъ ненадежнымъ. Онъ состоялъ изъ уроженцевъ западной окраины. Офицеры были большею частью Поляки, и въ полкахъ слышенъ былъ только Польскій языкъ. Здѣсь представилась очевидная невозможность для Россіи имѣть мѣстныя войска по системѣ Пруссіи. Казалось бы этого достаточно было, чтобы отвергнуть эту систему; вышло не такъ: систему приняли, отвергнувъ только то, что̀ въ ней раціонально.

Около половины Апрѣля наша дивизія пришла въ Сѣдльце. Здѣсь мы въ первый разъ встрѣтились съ холерой. 3-я гренадерская дивизія пришла туда нѣсколько дней прежде. Отправившись отыскивать Сибирскій полкъ, я былъ пораженъ какимъ-то уныніемъ въ почти пустыхъ улицахъ города. Ни одного веселаго или живаго звука не слышалось; не видно было обыкновенной на улицѣ суеты: всѣ встрѣчавшіеся смотрѣли какъ-то пасмурно и озабоченно. Въ одномъ дворѣ ходил

часовой какого-то гренадерскаго полка, а на воротахъ крупными буквами мѣломъ написано: «холера». Часовой объяснилъ мнѣ, что онъ поставленъ тутъ, потому что всѣ жильцы этого дома вымерли... Часовой оказался Сибирскаго полка. Онъ помогъ мнѣ найти Базилёва, который только что заболѣлъ холерою. Отъ него узналъ я, что князь Гагаринъ уже съ недѣлю боленъ холерою и начинаетъ поправляться. Печальная встрѣча! Гагарина я нашелъ въ постелѣ, въ комнаткѣ мезонина. За нимъ ухаживала дочь хозяйки дома, а деньщикъ его былъ уже въ госпиталѣ. Тогда вѣрили въ безусловную заразительность холеры и, какъ предохранительное средство, употребляли частыя обмыванія хлоровой водою, конечно безъ пользы, но не безъ вреда. Леченіе же состояло въ кровопусканіи и сильныхъ пріемахъ жидкаго опіума и мятнаго масла. Базилёвъ славился въ дивизіи тѣмъ, что никто изъ его больныхъ не умиралъ. Гагарина я нашелъ очень измѣнившимся и въ сильной испаринѣ. Это считалось хорошимъ знакомъ. Три дня я провелъ съ нимъ, а ночевалъ у себя въ лагерѣ. На четвертый день, подъѣзжая верхомъ къ его квартирѣ, я съ ужасомъ увидѣлъ подлѣ дома часоваго и на воротахъ зловѣщую надпись. Къ счастію, Гагаринъ видѣлъ меня издалека и показался у окна. Оказалось, что въ эту ночь умерло все доброе семейство хозяевъ, а 11 лѣтняя дочь неизвѣстно куда убѣжала!... Ходъ болѣзни былъ тогда вообще скоротечный.

Благодаря Бога, оба больные мои быстро поправлялись, когда чрезъ недѣлю полкъ нашъ выступилъ изъ Сѣдльца.

Послѣ нѣсколькихъ движеній къ Минску, Калушину и Эндржеіеву, наша дивизія расположилась на позиціи при Жуковѣ, въ прекрасной сѣянной, дубовой рощѣ, которая, конечно, быстро исчезала на лагерные огни и на вареніе пищи. Это было въ концу Апрѣля. Дни были жаркіе, ночи довольно холодныя, и къ утру бывали заморозки. Въ войскахъ у насъ была холера. Мой бѣдный слуга Аѳанасій отчаянно заболѣлъ, но Базилёвъ его спасъ. Я былъ совершенно здоровъ; но, послѣ ночи, проведенной на аванпостахъ, и у меня сдѣлалась холера. Къ счастью моему, мы простояли на этой позиціи недѣли три, и я успѣлъ управиться съ этой болѣзнью, благодаря пособію и заботливости Базилёва.

Расположеніе нашей арміи на театрѣ войны было, кажется, неудовлетворительно, безъ всякой видимой причины. Гвардейскій корпусъ былъ въ сѣверо-восточномъ углу Польши, вдали отъ главныхъ силъ арміи. Онъ составлялъ отдѣльный отрядъ, подъ начальствомъ великаго князя Михаила Павловича, который проявлялъ свои воинскія дарованія исключительно на парадномъ плацѣ. Это дало мысль Скржинецкому, главнокомандующему Польскихъ войскъ, всѣми силами уда-

рить на гвардейскій отрядъ, который, будучи застигнутъ въ расплохъ, бросилъ свои тяжести и быстро отступилъ въ предѣлы Россіи. Скржинецкій былъ прежде полковникомъ генеральнаго штаба и былъ извѣстенъ какъ офицеръ, выходящій изъ общаго уровня способностями и образованіемъ. Движеніе его хорошо задумано и энергически исполнено, но, отдалясь отъ Варшавы, онъ подвергался самъ опасности быть отрѣзаннымъ отъ своего основанія главными силами нашей арміи, которыя, тотчасъ по полученіи извѣстія, были двинуты форсированнымъ маршемъ ему въ тылъ на Высокомоховецкое и Остроленку. Это было въ началѣ Мая, но дни были жаркіе и ясные. По мѣрѣ приближенія къ Остроленкѣ движеніе наше ускоривалось, и наконецъ 13 Мая мы прошли 56 верстъ почти безъ остановокъ и безъ горячей пищи. Войска очень утомились. 14 Мая рано утромъ нашъ полкъ остановили предъ Остроленкой, гдѣ уже кипѣлъ бой. Когда скомандовали: стой! рядовой 2-й гренадерской роты Асинцовъ, запѣвало и пѣсельничій атаманъ, вскричалъ съ досадой: «экое начальство! Остановили, а ноги только что расходились». Солдаты расхохотались и забыли о своей усталости. Асинцовъ былъ золотой человѣкъ. Онъ уже былъ лѣтъ двадцать въ службѣ, но долженъ былъ служить *вѣчно*, потому что былъ штрафованъ и не отличался особенною трезвостью. Это былъ человѣкъ неглупый, очень остроумный и всегда готовый на какую-нибудь забавную выходку, а особливо въ трудную минуту, когда и старые солдаты готовы носъ повѣсить. Въ полку его всѣ знали и почти оффиціально признавали за нимъ титулъ пѣсельничьяго атамана. Я вспомнилъ объ немъ какъ объ явленіи, почти невозможномъ въ настоящее время при короткомъ срокѣ службы и при невозможности на долго удержать старыхъ солдатъ подъ знаменами.

Скржинецкій отступалъ такъ же быстро, какъ и двигался впередъ для атаки гвардіи. Едва достигъ онъ Остроленки, какъ былъ живо атакованъ шедшей ему на перерѣзъ нашей арміей. Пришлось дать сраженіе въ позиціи очень невыгодной для Поляковъ: г. Остроленка лежитъ на вершинѣ изгиба Нарева, котораго возвышенный лѣвый берегъ значительно командуетъ правымъ. Варшавское шоссе, перешедъ чрезъ Наревъ въ самой вершинѣ изгиба, круто поворачиваетъ влѣво и идетъ параллельно теченію рѣки. Очевидно, что на этой позиціи необходимо было во что бы то ни стало держаться на лѣвомъ берегу Нарева и въ Остроленкѣ; иначе, при нашемъ численномъ превосходствѣ, Поляки не только не могли удержаться на другой сторонѣ рѣки въ ея исходящемъ углу, но могли быть отрѣзаны отъ ихъ прямаго и удобнѣйшаго пути отступленія, отъ Варшавскаго шоссе. Съ другой стороны, и наше положеніе на правомъ берегу Нарева имѣло то огр

ное неудобство, что отступленіе могло совершиться только по двумъ полуразрушеннымъ мостамъ въ тѣсномъ углу изгиба рѣки. Понятно, что съ той и другой стороны можно было ожидать отчаянныхъ усилій. Въ случаѣ неудачи Поляки могли быть отрѣзаны отъ Варшавы, а намъ грозила катастрофа Фридланда, по близкому сходству мѣстности съ тою, на которой рѣшилась участь кампаніи 1807 года.

Нашъ полкъ вошелъ въ Остроленку, когда городъ былъ уже занятъ нашими войсками, изъ которыхъ четыре батальона перешли на лѣвую сторону по двумъ полуразрушеннымъ мостамъ и на плечахъ Поляковъ. Туда же какъ-то перетащили два легкихъ орудія. Другіе полки постепенно переходили, но позиція не позволяла имъ свободно развернуться. Все толпилось во входящемъ углу рѣки и вдоль возвышеннаго шоссе. Непріятель, отступившій сначала на покрытую перелѣсками равнину, вправо отъ шоссе, дѣлалъ отчаянныя усилія, чтобы отбросить наши войска за Наревъ. Восемь разъ 16 Польскихъ батальоновъ ходили въ атаку, всегда были отбиты и преслѣдуемы по равнинѣ. Удаляясь отъ рѣки, наша пѣхота была атакуема съ боку Польскою кавалеріею. Въ это время поставлены были большія батареи на лѣвой сторонѣ; перекрестными выстрѣлами онѣ покровительствовали нашей пѣхотѣ, постепенно усиливавшейся новыми войсками. Наша 1-я бригада 2-й гренадерской дивизіи долго стояла въ самомъ городѣ, въ резервѣ, и подвергалась только незначительному артиллерійскому огню. Городъ горѣлъ во многихъ мѣстахъ. Когда насъ перевели за рѣку, позиція была окончательно за нами, и непріятель началъ свое безпорядочное отступленіе.

Небольшое пространство, на которомъ бой кипѣлъ весь день, было буквально покрыто трупами, разными обломками и изрыто ядрами. На этой позиціи намъ пришлось простоять три дня, при страшной жарѣ и зловоніи отъ гніющихъ труповъ, которые постепенно зарывались; но, особливо, лошади такъ не глубоко, что копыта торчали изъ земли. Я находилъ отраду только купаясь нѣсколько разъ въ день въ Наревѣ; но и тутъ ноги въ водѣ безпрестанно наступали на трупы утонувшихъ при переходѣ по полуразрушеннымъ мостамъ.

Преслѣдованія разбитаго непріятеля не было. Благовидную причину этого бездѣйствія вѣроятно нашли; но намъ тогда показалось это особенно страннымъ, потому что весь гвардейскій отрядъ оставался въ 6 верстахъ отъ поля сраженія, а почти вся кавалерія не участвовала въ бою, по свойству самой мѣстности. Къ этому нужно прибавить, что Польская армія, въ которой было много новобранцевъ, была почти дезорганизована въ первые дни послѣ Остроленскаго боя. Движеніе къ Пултуску было мирное, и армія расположилась на позиціи, гдѣ ей

суждено было потерять своего стараго и встрѣтить новаго главнокомандующаго. Наша дивизія расположилась въ трехъ верстахъ отъ Пултуска, близъ мызы Клешева, гдѣ помѣстилась главная квартира.

Дибича войска мало знали. Съ солдатами онъ никогда не говорилъ. Неудачный ходъ войны дѣлалъ его мало популярнымъ. Носились слухи, что онъ неумѣренно употребляетъ крѣпкіе напитки. Каждый день мы видѣли его невзрачную фигуру съ длинными всклоченными волосами, когда на маршѣ онъ обгонялъ идущія войска, окруженный многочисленною главною квартирой.

Гораздо бо́льшею популярностью пользовался въ арміи начальникъ главнаго штаба графъ Толь. Не смотря на свою иностранную фамилію и на Остзейское происхожденіе, онъ смотрѣлъ Русскимъ человѣкомъ, хорошо зналъ Русскій языкъ и умѣлъ сказать при случаѣ горячее слово. Онъ былъ очень серьёзенъ и строгъ. Его всѣ боялись, и едва ли не ему обязаны были нѣкоторою тѣнью порядка въ многочисленной, разноплеменной, вѣчно-интригующей главной квартирѣ и въ войскахъ.

Однажды утромъ, часовъ въ шесть, я услышалъ разговоръ своей прислуги за палаткою. Разсказывалъ съ особеннымъ жаромъ цирюльникъ моей роты, взятый въ главную квартиру и гордившійся незавидною честью брить и стричь самого Дибича. «Умеръ, говорю вамъ, умеръ! Кому же знать какъ не мнѣ? Вчера брилъ; былъ здоровёхонекъ, а ночью Богу душу отдалъ. Вишь, холера... кто ихъ знаетъ!!» Рѣчь шла о главнокомандующемъ, котораго всѣ мы видѣли наканунѣ часовъ въ семь вечера совершенно здороваго, съ зрительной трубкой, на холму, противъ расположенія нашего полка.

Отъ Кіевскаго полка потребовали роту со знаменемъ въ почетный караулъ къ тѣлу. Графъ Толь, какъ начальникъ главнаго штаба, вступилъ въ командованіе арміею и тотчасъ-же, со всею главною квартирою, перешелъ въ Пултускъ. На другой день моя рота вступила въ почетный караулъ. Страшная картина представилась мнѣ на мызѣ и въ домѣ, гдѣ лежало тѣло бывшаго главнокомандующаго. Два дня тому назадъ здѣсь кипѣла жизнь, все суетилось, слышался говоръ на всѣхъ языкахъ, и все это вращалось вокругъ маленькаго, некрасиваго человѣчка, небрежно одѣтаго, съ всклоченными волосами; теперь тѣло этого человѣчка неподвижно лежитъ на парадномъ одрѣ, окруженномъ табуретами, съ орденами и звѣздами, а въ головѣ одра безмолвно стоятъ два уборныхъ унтеръ-офицера съ ружьями у ноги. Въ домѣ и на мызѣ ни души. Тѣло было покрыто парчевымъ покрываломъ, но *лице можно было видѣть*; я могу сказать только, что на немъ не *видно было никакихъ* признаковъ смерти отъ холеры. Эта болѣзнь ст

талась тогда безусловно заразительною, и зараза сообщалась особенно изверженіями и трупомъ холерика. Странно, что убѣжденіе въ заразительности сдѣлало исключеніе для трупа главнокомандующаго: его не только выставили открыто, но предварительно бальзамировали. Наканунѣ смерти Дибича къ нему пріѣхалъ изъ Петербурга генералъ-адъютантъ графъ А. Ѳ. Орловъ. Въ арміи припомнили легенды, связанныя съ фамиліею Орловыхъ, и изъ всего этого составилось почти общее убѣжденіе, что Дибичъ умеръ неестественною смертью. Послѣ узнали, что Паскевичъ уже былъ въ Петербургѣ и долженъ былъ замѣнить Дибича, котораго дѣйствіями Государь былъ недоволенъ. Возможно, что неудача и разрушеніе всѣхъ его плановъ заставили его самого прекратитъ свою жизнь. Миръ душѣ его! Знавшіе его близко добромъ вспоминаютъ его, какъ человѣка. Бывшій адъютантъ его А. И. Будбергъ говорилъ мнѣ: «Вотъ какая разница между Дибичемъ и Паскевичемъ: одинъ во всѣхъ его окружающихъ старался отыскивать и употреблять на пользу хорошую и честную сторону, другой—напротивъ». Крупная похвала!

Черезъ часъ послѣ моего вступленія въ караулъ пріѣхали графъ Толь и графъ Орловъ съ огромною свитою. Они на минуту входили въ залу, гдѣ лежало тѣло. При выходѣ изъ дому караулъ отдалъ честь. Графъ Орловъ, съ позволенія Толя, поздоровался съ гренадерами и сказалъ: «Я ѣду къ Государю, что̀ прикажете ему сказать отъ васъ?» Солдатъ нашъ не привыкъ разговаривать съ начальствомъ, да и начальство рѣдко считаетъ нужнымъ дѣлать вопросы, кромѣ тѣхъ, которые уже освящены обычаемъ, и отвѣтъ на нихъ заученъ солдатами до малѣйшихъ оттѣнковъ интонаціи. Вопросъ графа Орлова не входилъ въ этотъ скудный реперторій; многіе вопроса не слыхали или не поняли; но рота, въ одинъ голосъ, съ громкою оффиціальною интонаціею, крикнула на всякій случай: «Ради стараться, ваше сіятельство!»—«Такъ и скажу Государю, что вы ради стараться», отвѣчалъ графъ Орловъ и прямо изъ Клешева отправился обратно въ Петербургъ.

Въ началѣ Іюня прибылъ новый главнокомандующій, графъ Паскевичъ-Эриванскій. Въ арміи знали только, что онъ послѣ Ермолова былъ начальникомъ на Кавказѣ и кончилъ войну съ Персіянами и въ Азіятской Турціи. Узнали и то, что, при назначеніи его въ Польшу, Ермоловъ, умѣвшій вставить кстати свое меткое и крѣпкое словцо, сказалъ: «на Ванькахъ-то не далеко уѣдешь» (и Дибича, и Паскевича звали Иваномъ).... Николаю Павловичу нуженъ былъ герой его выбора

Новый главнокомандующій объѣхалъ войска и сказалъ солдатамъ *нѣсколько привѣтливыхъ* словъ, изъ которыхъ предъ нашимъ пол-

комъ я разслышалъ только: «пора въ Варшаву»... Остальныя слова были покрыты дружнымъ: «ради стараться, ура!»

Однако въ Варшаву мы не очень торопились. Мы двинулись на Сѣверъ только 22 Іюня и дошли до Плоцка безпрепятственно. Здѣсь мы пробыли до 29 Іюня. Петровъ день—праздникъ Кіевскаго гренадерскаго полка. Командиръ его, полковникъ Мандерштернъ, имѣлъ любезность пригласить къ себѣ на праздникъ всѣхъ Георгіевскихъ кавалеровъ нашего полка, а своимъ кавалерамъ представилъ право позвать къ себѣ по два человѣка знакомыхъ; такимъ образомъ, изъ моей роты отправились человѣкъ двадцать унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ.

День былъ дождливый, знаменитая Польская стихія совсѣмъ растворилась. Вдругъ прискакалъ Донской офицеръ, и спросилъ графа; ему указали на городъ, и онъ поскакалъ туда, сломя голову и крича: «тревога, непріятель идетъ». Не знаю, кто приказалъ ударить тревогу, но она была принята всѣми войсками и произвела страшную суматоху, какъ въ войскахъ, такъ особенно въ главной квартирѣ. Большая часть гостей прибѣжали изъ Кіевскаго полка полупьяными; нѣкоторыхъ успѣли протрезвить обливаніемъ водой, въ чемъ помогалъ проливной дождь. Жаль мнѣ было унтеръ-офицера своей роты Алексѣя Петрова, молодаго, расторопнаго человѣка, никогда не замѣченнаго въ пьянствѣ. Бѣднякъ совершенно не могъ стоять на ногахъ, но былъ въ полной памяти и упрашивалъ меня, чтобы я оставилъ его на позиціи, накрывъ лагерной соломой и разнымъ хламомъ; онъ бы навѣрное пропалъ или попалъ въ плѣнъ, еслибы вся тревога не была слѣдствіемъ недоразумѣнія: Донской офицеръ искалъ не графа Паскевича, а графа Витта, который командовалъ аріергардомъ и въ это время былъ въ Плоцкѣ. Появленіе непріятеля или его передвиженіе было событіе ежедневное въ арьергардѣ и могло касаться не болѣе какъ арьергарда, а тутъ офицера привели прямо къ главнокомандующему. Проскакавъ нѣсколько верстъ, офицеръ, конечно, неспокойнымъ тономъ доложилъ о появленіи непріятеля и произвелъ всю эту тревогу. Обозы главной квартиры загромоздили улицы Плоцка; безпорядокъ былъ такой, что главнокомандующій съ своей свитой, съ величайшими затрудненіями, могъ выбраться изъ города.

Войска выстроились въ боевой порядокъ и простояли такъ часа три, потомъ двинулись всей линіей, прошли версты три и опять стали. Всю ночь перетаскивали съ прежней позиціи обозы, завязшіе въ непроходимой грязи. Люди всю ночь не спали и стояли подъ ружьемъ на проливномъ дождѣ. Не смотря на то, что недоразумѣніе давно разъяснилось, мы все еще стояли и двигались въ боевомъ порядкѣ, какъ бы ожидая нападенія непріятеля, хотя хорошо было извѣстно

что за нами слѣдуетъ только 10 т. отрядъ Ушинскаго. Въ Жидахъ, въ Польшѣ, кажется, нѣтъ недостатка; но мы невсегда имѣли вѣрныя свѣдѣнія. За то непріятель зналъ не только всѣ наши настоящія, но и предполагаемыя движенія. Разсказывали, что нѣсколько времени въ главную квартиру пріѣзжалъ, въ числѣ адъютантовъ, Польскій офицеръ, выписывалъ вмѣстѣ съ другими приказанія и диспозиціи на слѣдующій день и благополучно отвозилъ въ свой лагерь. Этотъ анекдотъ относится къ Дибичевскому періоду. Надо сказать, что при Паскевичѣ вообще порядку было больше, и особливо уменьшилось грабительство, потому что снабженіе арміи провіантомъ сдѣлалось правильнѣе. За то всѣ движенія наши стали медленными, а частыя, продолжительныя остановки костически приписывались сушенію сухарей. Впрочемъ на этотъ разъ причиной медленности было изготовленіе переправы черезъ Вислу на самой границѣ Пруссіи, близъ Торна.

7 Іюля мы перешли черезъ Вислу въ м. Осекъ. Мостъ устроенъ былъ на судахъ, купленныхъ и нанятыхъ въ Пруссіи. Туда-же были доставлены по Вислѣ большіе запасы провіанта и боевыхъ припасовъ, такъ что, при дальнѣйшемъ движеніи къ Варшавѣ, наше основаніе было не въ Россіи, а въ Пруссіи.

Съ недѣлю мы двигались отъ переправы къ Ловичу безпрепятственно. Польскія войска стянулись къ Варшавѣ, въ которой кипѣла работа укрѣпленія города на лѣвомъ берегу Вислы. Народный энтузіазмъ еще разъ ярко вспыхнулъ: знатныя дамы и дѣвицы передниками носили землю на укрѣпленія. Это было мило и эффектно.

На позиціи близъ Ловича мы простояли около двухъ недѣль. Авангардъ нашъ былъ въ Ніоборовѣ, имѣніи князя Радзивила. Тамъ его великолѣпный дворецъ съ богатой картинной галлереей, которую всѣмъ позволялось осматривать, хотя во дворцѣ квартировалъ начальникъ авангарда графъ Виттъ. Это была первая картинная галлерея, которую мнѣ довелось видѣть. Кажется, природа не щедро одарила меня чувствомъ изящнаго. Мнѣ случалось довольно равнодушно смотрѣть на произведенія знаменитыхъ мастеровъ, тогда какъ въ другое время сильно дѣйствовали на меня картины живописцевъ, не пользующихся никакою славою. Можетъ быть, тоже бываетъ и со многими другими; я только имѣю дерзость въ этомъ признаваться.

Ловичъ можно бы назвать порядочнымъ городомъ, если бы въ немъ не было много Жидовъ. Характеръ Польскихъ городовъ и помѣщичьихъ усадьбъ не похожъ на то, что̀ мы видимъ въ коренной Россіи. Въ усадьбахъ главную роль играютъ хозяйственныя заведенія и постройки; помѣщичьи дома большею частью имѣютъ скромную наружность. Вообще сельское хозяйство въ Польшѣ ведется гораздо

лучше нашего, хотя и тамъ, какъ и у насъ, люди богатые и знатные въ имѣніяхъ не живутъ. Польскіе магнаты часто ѣздили и жили по долгу за границею и особенно въ Парижѣ. Вообще, Польская интеллигенція тяготѣла отнюдь не къ Россіи, а къ Западной Европѣ. Если какой-нибудь богатый самодуръ поселялся въ провинціи, то строилъ себѣ что-нибудь въ родѣ рыцарскаго замка съ сторожевыми башнями, стрѣльчатыми сводами и готическими окнами. Таковъ былъ именно замокъ генерала Клицкаго въ Ловичѣ. Всѣ находили, что эта новенькая постройка вѣрно передаетъ видъ баронскаго замка феодальныхъ временъ. Я его осматривалъ внутри и снаружи, и нашелъ только, что потрачено очень много денегъ для того, чтобы имѣть самое неудобное жилье. Тоже можно сказать и о виллѣ князя Радзивила Аркадія, близъ Ловича. Садъ великолѣпенъ, а жилой домъ представляетъ хижину, покрытую соломой; стѣны сдѣланы изъ огромныхъ и толстыхъ зеркальныхъ стеколъ. Внутри большая зала, уставленная хрусталемъ, который при освѣщеніи долженъ производить большой эффектъ. Кромѣ залы есть двѣ маленькія комнаты. Вообще, эта хижина не болѣе, какъ очень дорогая прихоть, но никакъ не сдѣлана для житья. Въ саду можно видѣть ротонду, посвященную памяти одной княгини Радзивилъ. Тамъ видѣлъ я стѣнную живопись какого-то славнаго художника. Это была копія извѣстной картины, кающейся Маріи Магдалины. Мнѣ было 23 года. Признаюсь, видъ полуобнаженной красавицы, въ полномъ цвѣтѣ юности и здоровья, произвелъ на меня не то впечатлѣніе, которое, вѣроятно, желалъ вызвать художникъ.

Непріятельскій авангардъ находился въ это время въ м. Болимовѣ, а аванпосты расположены были на открытой равнинѣ въ виду нашей передовой цѣпи. Перестрѣлка между аванпостами происходила часто и если не дѣлала большаго вреда, то безпрестанно держала передовыя войска въ тревогѣ. Тогда рѣшились послать въ цѣпь Финскій стрѣлковый батальонъ, единственную часть нашихъ войскъ, вооруженную хорошими штуцерами и очень хорошо обученную цѣльной стрѣльбѣ. Черезъ полчаса Поляки должны были перемѣнить цѣпь, а еще черезъ полчаса стали отступать. Графъ Толь, которому долгое бездѣйствіе наше очень не нравилось, сдѣлалъ усиленную рекогносцировку, дошелъ до Болимова и занялъ его; оказалось, что за мѣстечкомъ была болотистая рѣка. Поляки, при отступленіи, уничтожили мостъ, а сзади гребли видны были небольшія части пѣхоты и нѣсколько орудій. Главныя силы непріятеля вѣроятно были за лѣсомъ, который тянется вдоль берега рѣки. Генеральнаго штаба полковникъ Бутовскій взялся сдѣлать рекогносцировку. Съ нѣсколькими казаками этотъ лихой наѣздникъ отыскалъ бродъ, проѣхалъ лѣсъ и прискакалъ

доложить, что непріятель въ полномъ отступленіи. Графъ Толь послалъ сказать главнокомандующему, что необходимо тотчасъ же начать преслѣдованіе. Много часовъ прошло въ нетерпѣливомъ ожиданіи, и дѣло кончилось тѣмъ, что наши войска отступили опять на прежнія свои позиціи. Между Паскевичемъ и Толемъ никогда не было гармоніи.

Наконецъ, 3 Августа мы двинулись къ Варшавѣ. Въ два дня мы дошли до м. Блоне. Едва успѣли мы расположиться на позиціи, какъ меня потребовали въ корпусный штабъ. Я еще не сказалъ ничего о лицахъ, составлявшихъ этотъ штабъ. Гренадерскимъ корпусомъ командовалъ генералъ отъ инфантеріи князь И. Л. Шаховской, одинъ изъ героевъ Бородинскаго боя. Въ корпусѣ онъ извѣстенъ былъ какъ человѣкъ замѣчательно добрый и, можетъ быть, слишкомъ довѣрчиво вручившій бразды правленія своему начальнику штаба, генералъ-маіору В. С. Гурко. Въ мирное время все шло хорошо, но въ военное желательно было бы больше самостоятельности въ начальникѣ корпуса, тѣмъ болѣе, что Гурко во всю свою долгую боевую жизнь не выказалъ нигдѣ военныхъ способностей. Въ его характерѣ было много Польскаго, хорошее общее образованіе и свѣтскій лоскъ дѣлали его замѣтнымъ между генералами, которыхъ общій уровень былъ тогда довольно низокъ. Самоувѣренность и докторальный тонъ его заставляли иногда предполагать, что позади всей этой наружной обстановки есть что-то болѣе существенное. Это предположеніе не всегда сбывалось. Гурко имѣлъ много качествъ хорошихъ и дурныхъ, которыя въ то время были одинаково полезны, чтобы выдвинуться изъ общаго строя. Третье въ штабѣ лице, о которомъ стоитъ вспомнить—это оберъ-квартирмейстеръ полковникъ баронъ И. А. Зальца. Это былъ человѣкъ очень образованный, свѣтскій, съ хорошими способностями, но чрезвычайно лѣнивый и любившій покутить. Еслибы онъ свой умственный капиталъ не размѣнялъ на мелкую монету, онъ могъ бы играть болѣе видную роль. Товарищи и подчиненные офицеры генеральнаго штаба его очень любили. Изъ этихъ офицеровъ Бруновъ и Бергенстролле были Шведы изъ Финляндскаго корпуса; Бергенгеймъ Нѣмецъ, а Дайнезе—неизвѣстной націи, родомъ изъ Перы. Первые два были хорошіе люди и практическіе офицеры; военное же теоретическое образованіе ихъ было не обширно, какъ и вообще всѣхъ офицеровъ, которыми снабжалъ генеральный штабъ Финляндскій кадетскій корпусъ.

Былъ въ штабѣ еще Кауфманъ, маленькій, юркій офицерикъ, довольно ничтожный. Этотъ былъ изъ Турецкаго генеральнаго штаба. Такой эпитетъ требуетъ объясненія. Въ генеральномъ штабѣ давно уже чувствовали большой недостатокъ въ офицерахъ; онъ еще увеличился, когда Государь Николай Павловичъ, послѣ событія 14-го Де-

кабря, возненавидѣлъ это вѣдомство, послѣ того какъ оно названо генеральнымъ штабомъ вмѣсто прежняго страннаго названія: «Свита Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части». При началѣ Турецкой войны 1828 г. нашли необходимымъ пополнить недостатокъ офицеровъ этаго вѣдомства переводомъ лучшихъ и болѣе образованныхъ офицеровъ изъ войскъ. Выборъ предоставленъ былъ частнымъ начальникамъ, и потому въ число переведенныхъ много попало такихъ, которые нисколько не соотвѣтствовали потребностямъ этаго рода службы; за ними надолго осталось названіе Турецкаго генеральнаго штаба. Лучшими офицерами этого вѣдомства были тогда вышедшіе изъ Муравьевской школы колоновожатыхъ и изъ Финляндскаго корпуса. Офицерское училище главной квартиры первой арміи дало также съ десятокъ хорошихъ офицеровъ. Во время Польской войны, офицеровъ изъ войскъ прикомандировывали къ генеральному штабу въ видѣ испытанія и потомъ переводили въ это вѣдомство или возвращали въ свои части. Такихъ было въ штабѣ гренадерскаго корпуса три: Нееловъ, Печковскій и Петровскій; оба послѣдніе были мои товарищи по Могилёвской школѣ. Печковскій былъ переведенъ въ генер. штабъ, а Петровскій послѣ войны получилъ мѣсто старшаго адъютанта въ корпусномъ дежурствѣ. Съ обоими я во всю жизнь ихъ часто встрѣчался и былъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Оказалось, что меня потребовали въ штабъ именно по ихъ указанію, чтобы поручить мнѣ исправленіе дороги и моста въ томъ направленіи, по которому армія должна была идти. Мнѣ дали сборную команду въ 1000 человѣкъ съ двумя офицерами. Начальникъ штаба Гурко указалъ мнѣ на картѣ это мѣсто и далъ проводника, сказавши, что для исправленія моста я найду на нашихъ аванпостахъ инженернаго офицера.

Было уже совсѣмъ темно, когда я выступилъ изъ лагеря. Прошедъ верстъ пять къ сторонѣ Варшавы, мы встрѣтили деревню, въ которой расположенъ былъ резервъ нашихъ аванпостовъ. Онъ состоялъ изъ 2-хъ или 3-хъ эскадроновъ Новоархангельскаго уланскаго полка и нѣсколькихъ сотенъ Донцовъ. Аванпосты были въ полуверстѣ; но мѣсто, гдѣ должна была производиться моя работа, находилось еще впереди нашихъ аванпостовъ. Начальникомъ этой части аванпостовъ былъ уланскій маіоръ, котораго я нашелъ въ помѣщичьемъ домѣ за ужиномъ, съ 5-ю или 6-ю офицерами, въ числѣ которыхъ оказался и мой инженеръ. Это былъ человѣкъ лѣтъ за 30, съ южнымъ типомъ лица и большою лысиной. Онъ сказалъ нѣсколько словъ маіору, и тотъ сейчасъ велѣлъ двинуть всю цѣпь аванпостовъ впередъ на полверсты за оврагъ, гдѣ мы должны были работать.

Въ комнатѣ пахло кушаньями и табачнымъ дымомъ, слышались веселые разговоры улановъ, кончившихъ свой ужинъ. Инженеръ спросилъ, не хочу ли я ужинать? Я признался, что въ этотъ день я не обѣдалъ. «Такъ прикажите скорѣе подать себѣ ужинъ, пока передвигаютъ аванпосты». Развѣ здѣсь трактиръ?—«Нѣтъ. Но вотъ хозяйка дома». «Но я съ ней незнакомъ, и мнѣ совѣстно». Инженеръ посмотрѣлъ на меня насмѣшливо и, кликнувъ хозяйку, рѣзко приказалъ подать мнѣ ужинъ, прибавивъ: «Только живо, потому что намъ недосугъ дожидаться». Это приказаніе онъ выразилъ на чистомъ Польскомъ языкѣ. Хозяйка нашла, кажется, все это естественнымъ, и чрезъ минуту мнѣ подали супу и жаркаго. Инженеръ оказался человѣкомъ очень опытнымъ въ жизни аванпостной. Онъ состоялъ въ качествѣ офицера генеральнаго штаба при г.-м. Власовѣ, походномъ атаманѣ Донскихъ казаковъ, о которомъ онъ мнѣ разсказывалъ много оригинальныхъ анекдотовъ, пока мы шли къ мѣсту работъ. Этотъ дикарь безъ рода и племени началъ съ того, что былъ писаремъ у графа М. И. Платова. Кромѣ грамоты онъ не имѣлъ никакого образованія, но былъ хитеръ, сметливъ, расторопенъ и храбръ, любилъ выпить и не стѣснялся строгостію правилъ нравственности. Около 1820 года онъ былъ наказнымъ атаманомъ Черноморскаго войска и на голову разбилъ подъ Калаусомъ трехтысячную партію Черкесовъ, вторгнувшуюся въ наши предѣлы для грабежа. Партія была почти вся истреблена или потоплена въ болотахъ, въ которыхъ и до сихъ поръ отыскиваютъ оружіе и панцыри. Объ этомъ бѣдствіи у Черкесовъ сложено было много жалобныхъ пѣсенъ. Впослѣдствіи времени онъ былъ наказнымъ атаманомъ на Дону, гдѣ, какъ говорятъ, не отличался справедливостію и безкорыстіемъ. Онъ умеръ около 1850 г., оставивъ сестрѣ, безграмотной, пьяной старухѣ, значительное наслѣдство. Во время Польской войны квартиру генерала Власова можно было узнать, потому что на трубѣ дома сидѣлъ Донской казакъ съ зрительною трубой. Жилъ онъ и пировалъ на счётъ края, нисколько не церемонясь съ обывателями. Впрочемъ, казаки его любили и имѣли довѣріе къ его боевой опытности и предпріимчивости. Однимъ словомъ, онъ былъ спеціалистъ казацкаго дѣла и могъ быть отличнымъ партизаномъ, если бы его умѣли хорошо употребить.

Всю ночь продолжалась наша работа. Было за полночь, когда ко мнѣ пріѣхалъ съ аванпостовъ офицеръ сказать, что весь нашъ авангардъ двигается и потому я долженъ самъ позаботиться о своемъ охраненіи. Я выставилъ вокругъ себя посты съ резервомъ на дорогѣ и ждалъ прохода мимо меня войскъ авангарда; но, до самаго разсвѣта,

все было тихо. Инженеръ уѣхалъ около полуночи, окончивъ исправленіе моста. Къ разсвѣту и моя работа была окончена. Возвращаясь по той же дорогѣ, я не нашелъ уже ни улановъ, ни казаковъ въ деревнѣ, гдѣ былъ ихъ резервъ. Всѣ мы очень устали, и потому, не доходя версты три до м. Блоне, я сдѣлалъ привалъ, и всѣ мы часа четыре отдохнули и выспались. Когда мы возвратились въ Блоне, около полудня, тамъ уже были трофеи внезапнаго нападенія нашихъ передовыхъ войскъ на непріятельскій арьергардъ. Трофеи эти состояли изъ раненнаго начальника аріергарда генерала Голоа, около 2 т. плѣнныхъ и 6-ти или 7 орудій. Авангардъ нашъ уже былъ въ виду Варшавы, гдѣ произвелъ большую тревогу.

Мы пришли въ лагерь нашей дивизіи какъ разъ въ то время, когда полки становились въ ружье для движенія впередъ. Переходъ былъ не великъ, и вечеромъ мы расположились верстахъ въ 20 отъ Варшавы, впереди мѣстечка Надаржинъ, гдѣ помѣстилась главная квартира.

Исчезновеніе Польской арміи съ выгодной позиціи подъ Болимовымъ объяснилось переворотомъ, который въ это время совершился въ Варшавѣ. Несчастный народъ Польскій, жертва многовѣковыхъ, собственныхъ недостатковъ и вѣроломной политики своихъ сосѣдей, давно уже потерялъ центръ тяжести и теперь находился подъ вліяніемъ слѣпаго фанатизма ксендзовъ и крайней революціонной партіи. Скржинецкій лишился начальства надъ войсками. Онъ, кажется, дѣйствительно, излишне вдавался въ политику и ждалъ скораго прибытія легіоновъ изъ Франціи и выраженія сочувствія изо всей Западной Европы. Многіе были заподозрѣны въ тайныхъ сношеніяхъ съ Русскими и въ измѣнѣ. Это стоило жизни подозрѣваемымъ и многимъ Русскимъ, неуспѣвшимъ выѣхать изъ Варшавы въ началѣ революціи. Императоръ Николай былъ объявленъ лишеннымъ престола, Польская республика возстановленною въ предѣлахъ 1772 г. Наши ошибки много содѣйствовали этой заносчивости Польскихъ патріотовъ. Мы слишкомъ понадѣялись на твердость нашего положенія въ провинціяхъ, присоединенныхъ отъ Польши. Варшавскіе эмиссары приготовили волненіе въ этихъ провинціяхъ распространеніемъ истинныхъ и ложныхъ извѣстій съ театра войны и изъ Западной Европы. Еще вскорѣ послѣ движенія главной части нашей арміи отъ Праги къ Вѣпржу, Польскій отрядъ успѣлъ проникнуть на Волынь, а послѣ Остроленки мелкіе отряды проходили въ сѣверную часть Литвы и вездѣ находили сочувствіе и содѣйствіе. Скоро стали составляться шайки повстанцевъ, и весь Западный *край былъ* охваченъ открытымъ бунтомъ, при дружномъ *содѣйствіи трехъ главныхъ* элементовъ всѣхъ переворотовъ, ко-

торыми такъ изобилуетъ исторія Польши, а именно: ксендзовъ, женщинъ и общаго легкомыслія. Немало помогла возстанію и наша администрація своими дѣйствіями и поступками, слишкомъ живо напоминающими Татарскій періодъ нашей исторіи. Для подавленія бунта въ огромномъ краѣ отъ Курляндіи до Днѣстра, покрытомъ лѣсами и болотами и гдѣ почти всѣ помѣщики и вся интеллигенція были Поляки, потребовалось организованіе особой арміи, подъ названіемъ резервной. Непріятель вездѣ исчезалъ и вездѣ вновь являлся; возни было немало. Кромѣ пушекъ и ружей пущены въ ходъ висѣлицы и Сибирь, которыя пользы сдѣлали мало, а поселили или укрѣпили сѣмена народной ненависти. Кстати вспомнить, что незадолго предъ тѣмъ произошелъ бунтъ въ Старорусскомъ военномъ поселеніи. Поводомъ къ тому была укоренившаяся въ народѣ молва, что холера происходитъ отъ того, что Поляки отравляютъ воду въ рѣкахъ и колодцахъ. Хотѣли употребить противъ бунтовщиковъ резервные батальоны 2-й гренадерской дивизіи; но эти части, въ которыхъ $^{3}/_{4}$ солдатъ были изъ туземцевъ, или отказались дѣйствовать противъ своихъ близкихъ, или явно стали на сторону бунтовщиковъ, выдавъ имъ своихъ офицеровъ. 96 офицеровъ были изуродованы побоями или варварски убиты. Въ числѣ послѣднихъ былъ генералъ-маіоръ Леонтьевъ. Но самымъ страшнымъ въ этой кровавой комедіи былъ ея финалъ. По усмиреніи бунта начались наказанія: кнутъ и шпицрутены долго и усиленно работали. Цѣлый Старорусскій округъ разоренъ, и значительная часть его жителей переселена въ Сибирь. Повернулись ли въ землѣ кости графа Аракчеева, который былъ главнымъ виновникомъ этой кровавой, но неизбѣжной катастрофы? Бунтъ въ Новгородскомъ поселеніи не имѣлъ прямаго отношенія къ войнѣ въ Польшѣ, но возмущеніе въ Западныхъ провинціяхъ представляло существенное затрудненіе: армія не имѣла другаго вѣрнаго сообщенія съ основаніемъ своимъ, кромѣ какъ по Вислѣ и чрезъ Пруссію; отряды, дѣйствовавшіе на правомъ берегу Вислы, выше Варшавы, были разъединены съ главными силами и имѣли съ ними и съ Россіей необезпеченное сообщеніе.

Мы простояли подъ Надаржиномъ недѣли двѣ съ половиною. Въ продолженіе этого времени дѣлались приготовленія къ штурму Варшавы, стягивались всѣ отряды, заготовлялись туры, фашины, штурмовыя лѣстницы, войска обучались штурмованію полевыхъ укрѣпленій, нарочно для того устроенныхъ. Изготовленіе штурмовыхъ принадлежностей было поручено мнѣ. Трудовъ было немало, лѣсу изведено *гибель,* а въ дѣло ничто не пошло: все было брошено далеко не *доходя Варшавы.*

Отряду барона Розена велѣно было наступить къ Варшавѣ, чтобы вызвать оттуда часть войскъ, а затѣмъ стараться отвлечь ихъ какъ можно далѣе, отступая хотя до предѣловъ Россіи. Этотъ маневръ удался. Противъ барона Розена высланъ изъ Варшавы 18 т. корпусъ Ромарино, который такъ увлекся преслѣдованіемъ, что не могъ уже принять участія въ оборонѣ Варшавы. Поляки приписываютъ это измѣнѣ Ромарино и Круковецкаго, который въ это время имѣлъ диктаторскую власть. Нѣтъ сомнѣнія, что подозрѣнія могутъ имѣть нѣкоторое основаніе, потому что отсутствіе 18 т. лучшихъ войскъ въ рѣшительный моментъ имѣло сильное вліяніе на исходъ штурма. Но съ другой стороны нужно замѣтить, что въ Польшѣ не было ни одного сколько-нибудь значительнаго лица, которое бы не обвиняли въ измѣнѣ. И Хлопицкій здрàдзилъ, и Скржинецкій здрàдзилъ, и вшисцы здрàдзили. И эта несчастная нація мечтала о республикѣ!

Наконецъ, наступилъ день Варшавскаго штурма. Съ 24 на 25 Августа мы всю ночь передвигались къ тому мѣсту, гдѣ намъ назначено было находиться при началѣ штурма. Всѣ войска перемѣняли позицію, и это совершалось не безъ большихъ недоразумѣній и безпорядковъ. Войска разныхъ частей и оружій сталкивались вмѣстѣ, мѣшались и загромождали проходы чрезъ деревни и мосты. Однакоже до восхода солнца мы были уже на мѣстѣ, влѣво отъ Калишскаго шоссе и противъ главнаго передоваго укрѣпленія, Волы.

Съ восходомъ солнца раздались первые пушечные выстрѣлы. Наша дивизія была въ резервѣ. Переднія войска взяли два отдѣльныхъ передовыхъ укрѣпленія передъ Волой и съ трехъ сторонъ двинуты на штурмъ самой Волы. Бой кипѣлъ на всей линіи; ружейнаго огня не было слышно за непрерывной пушечной пальбой, при чемъ ярко отдѣлялись только выстрѣлы изъ большихъ крѣпостныхъ орудій, поставленныхъ на главномъ городскомъ валу.

Вола защищалась упорно и стоила обѣимъ сторонамъ немало крови. Это было не полевое, а временное укрѣпленіе очень сильной профили и съ палисадами во рву. Внутри укрѣпленія былъ знаменитый Вольскій костелъ, въ которомъ короновались короли. Это конечно поддерживало воодушевленіе защитниковъ, и безъ того напряженное увѣренностью, что въ этотъ день рѣшается судьба всего ихъ дѣла, если не ихъ отечества, потому что послѣдняя давно уже рѣшена безвозвратно. Сила взяла свое. 3-я гренадерская дивизія овладѣла укрѣпленіемъ и въ немъ расположилась. Во все это время наша 2-я гренадерская дивизія стояла впереди взятыхъ передовыхъ укрѣпленій и терпѣла только отъ артиллерійскаго огня. Наступилъ моментъ тишины кругъ нашей позиціи. Зная, что Сибирскій полкъ былъ на штурмѣ

Волы, я отпросился сходить туда, чтобы узнать о князѣ Гагаринѣ. Вошедъ въ Волу, я увидѣлъ свѣжіе слѣды отчаяннаго боя. Вездѣ были трупы и кровь. Оружія и аммуниція разбросаны по землѣ; между деревьями какого-то сада ходили кучками солдаты и убирали раненыхъ. Всѣ были озабочены и, какъ будто, чего-то искали. Въ свою очередь я тоже искалъ встрѣтить кого-нибудь изъ Сибирскаго полка, а наткнулся неожиданно на графа Паскевича, который шелъ и разговаривалъ съ дежурнымъ генераломъ Обручевымъ. Чтобы избѣжать встрѣчи, я бросился къ костелу и тамъ увидѣлъ страшную картину. Послѣдній отчаянный бой происходилъ въ стѣнахъ этого древняго зданія, видѣвшаго другія времена. Горсть Поляковъ съ какимъ-то безногимъ генераломъ (кажется Соболевскимъ) держалась до послѣдней крайности. Всѣ они тутъ погибли. Въ костелѣ устроенъ перевязочный пунктъ, и нѣсколько докторовъ, безъ сюртуковъ, съ засученными рукавами рубахъ, всѣ въ крови, дѣлали операціи, рѣзали руки и ноги; болѣе 1000 раненыхъ ожидали перевязки. Въ воздухѣ пахло кровью и свѣжимъ мясомъ, и слышались стоны тысячи раненыхъ и умирающихъ!.. Къ счастью, я встрѣтилъ офицера Сибирскаго полка и узналъ, что Гагаринъ цѣлъ и невредимъ, только осколкомъ гранаты у него сорвало верхнюю часть кивера на головѣ. Полкъ ихъ потерпѣлъ менѣе, чѣмъ можно было ожидать. Теперь всѣмъ казалось, будто сраженіе кончено, хотя непріятельскія ядра безпрестанно летали и косили молодыя деревца сада. Кажется, Поляки попробовали раза два снова овладѣть Волою, но неуспѣшно. Они отступили къ Варшавѣ, и тишина дѣйствительно водворилась.

Пробывъ нѣсколько времени съ Гагаринымъ, я воротился на свою позицію и узналъ, что заключено перемиріе, и ведутся переговоры о сдачѣ Варшавы. Ночь прошла спокойно; на другой день по утру Крюковецкій со свитою пріѣхалъ въ Волу и былъ принятъ Паскевичемъ въ корчмѣ безъ оконъ и дверей, съ разстрѣлянными стѣнами. Отъ Поляковъ требовали безусловной покорности. Наглый тонъ Крюковецкаго былъ причиною того, что переговоры прерваны, и ему дано было время до часу пополудни. Срокъ этотъ прошелъ, и штурмъ возобновился.

Передовыя укрѣпленія были взяты по всей линіи, когда графъ Паскевичъ былъ контуженъ ядромъ въ руку. Ему открыли кровь и сдѣлали перевязку.

Вступившій въ командованіе арміею графъ Толь тотчасъ же двинулъ войска на штурмъ главнаго вала. Въ этомъ актѣ почетное мѣсто принадлежало гренадерскому корпусу. Наша дивизія была переведена на правую сторону шоссе и стала противъ предмѣстья Чисте,

которое было атаковано и занято армейской пѣхотой. Вслѣдъ за тѣмъ ген. штаба капитанъ Бруновъ повелъ нашу бригаду въ это же предмѣстье, довольно далеко выдающееся за городовой валъ. Вошедъ въ Чисте, мы повернули круто вправо и направились на флешъ, дававшую фланговую оборону длиннымъ фасамъ городоваго вала. Правѣе этой флеши валъ дѣлалъ поворотъ, и на исходящемъ углу его были Іерусалимскіе ворота.

По выходѣ изъ Чисте, мы должны были идти почти параллельно къ длинному фасу городоваго вала. Появленіе наше было, кажется, неожиданно и произвело у непріятеля большое смятеніе. Насъ встрѣтили и провожали сильнѣйшимъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ; но тутъ было больше шуму, чѣмъ опасности: страшная масса пуль летала чрезъ наши головы, а непріятельскихъ головъ, за брустверомъ, мы почти не видали. Нѣсколько ядеръ съ флеши выхватили цѣлые ряды, и возлѣ меня упали прапорщикъ Богородскій и двое рядовыхъ 2-й гренадерской роты. Въ эту минуту раздался громкій крикъ Асинцова: «пѣсельниковъ къ атаману!» Кучка, человѣкъ въ 50, собралась къ нему на маршѣ, и онъ запѣлъ веселую пѣсню: «ахъ, зачѣмъ было огородъ городить?» съ непечатными прибавленіями. Хоръ весело подхватилъ, и пѣсня продолжалась, пока полкъ подошелъ къ самой флеши и, съ громкимъ ура! бросился на штурмъ по обѣ стороны этого передоваго укрѣпленія.

Непріятель слабо защищался, и овладѣнье флешью и городовымъ валомъ намъ обошлось очень недорого, не смотря на то, что укрѣпленія были очень сильной профили (отъ 22 до 23 ф. отъ дна рва до кроны бруствера), съ палисадами во рву и съ достаточною фланговою обороною. Упадокъ духа обороняющагося соразмѣряется съ силою позиціи и рѣшительностью наступленія. Примѣры этого упадка нерѣдки въ военной исторіи.

Какъ моя рота (знаменная) была впереди, мнѣ съ нѣсколькими солдатами удалось пробраться за городовой валъ прежде другихъ. Тамъ были сады и огороды съ одиночными строеніями. Непріятель былъ невидимъ, но производилъ сильный ружейный огонь. Полковникъ Обрадовичъ послалъ стрѣлковую цѣпь впередъ и приказалъ зажечь всѣ отдѣльныя постройки. Стрѣлки выгнали непріятеля изъ садовъ и вступили въ улицу, которой многіе дома уже горѣли. Сильная пальба слышна была вправо отъ насъ. Прибѣжалъ какой-то адъютантъ, съ приказаніемъ нашему полку идти вправо и атаковать во флангъ и въ тылъ непріятеля, упорно державшагося у Іерусалимской рогатки и по ту сторону. *Тамъ атаковала* городовой валъ карабинерная бригада *чей дивизіи.*

Двигаясь вправо, полкъ нашъ овладѣлъ Іерусалимской рогаткой, перешелъ шоссе и сталъ на открытой полянѣ, имѣя впереди какіе-то деревянные бараки. Увидавъ насъ у себя почти въ тылу, Поляки отступили отъ городоваго вала, и болѣе мы ихъ не видали.

Наступили сумерки, но отъ яркости огня пожаровъ небо казалось совершенно мрачнымъ, какъ въ темную осеннюю ночь. Изъ бараковъ сыпались на насъ пули; но мы не отвѣчали, полагая, что это могутъ быть наши карабинеры, овладѣвшіе городовымъ валомъ и расположившіеся по ту сторону баракъ. Обрадовичъ послалъ взводъ моей роты съ поручикомъ Шипинымъ, приказавъ ему зажечь бараки и войти въ сношеніе съ нашими ближайшими войсками. Добрый мой товарищъ Шипинъ живо исполнилъ порученіе, но, вмѣсто своихъ, нашелъ въ баракахъ Поляковъ, которыхъ оттуда и выгналъ. Вообще Обрадовичъ распоряжался какъ опытный и очень внимательный частный начальникъ. Онъ разсылалъ всюду по ротамъ и по взводамъ съ разными порученіями, польза которыхъ была очевидна; но, наконецъ, полку необходимо было устроиться, потому что въ строю едва оставалось три роты. Застрѣльщики наши, еще до начала нашего движенія къ Іерусалимской рогаткѣ, отдалились отъ полка въ другомъ направленіи. Ихъ нелегко было отыскать среди общаго хаоса въ улицахъ, которыхъ дома горѣли. Ихъ нашелъ и привелъ къ полку адъютантъ, поручикъ Петръ Соболевскій. Этотъ отличный офицеръ, столько же храбрый, какъ и скромный, былъ при этомъ раненъ въ ногу, но перетянулъ рану платкомъ и до конца штурма оставался въ строю.

Мало-по-малу полкъ сталъ собираться, и тогда только хватились знамени перваго батальона. Обрадовичу вообразилось, что оно досталось въ руки непріятеля, и онъ былъ въ отчаяньи, пока оказалось, что оно, послѣ взятія Іерусалимской рогатки, было оставлено тамъ подъ прикрытіемъ знамённыхъ рядовъ.

Перестрѣлка начала утихать. Наши застрѣльщики сомкнулись съ карабинерами и Кіевскимъ полкомъ, который былъ лѣвѣе насъ. Стрѣлковый резервъ занялъ какія-то зданія посреди открытой поляны, окруженныя стѣнами и большими деревьями. Стрѣлки, не долго думая, зажгли одну часть построекъ. Оказалось, что это была артиллерійская лабораторія и складъ ракетъ простыхъ и снаряженныхъ гранатъ, пороху и разныхъ артиллерійскихъ матеріаловъ. Къ счастью, стрѣлки успѣли выбраться оттуда ранѣе начала взрывовъ, такъ что, кажется, *дѣло обошлось безъ жертвъ*, и мы часа три любовались великолѣпнымъ *фейерверкомъ*.

Ночь была темная и холодная. Въ городѣ была мертвая тишина; только слышны были по временамъ вой собакъ и унылые звуки трубы, игравшей отбой.

На разсвѣтѣ мы узнали, что Польскія войска отступили за Прагу, а городъ сдался безусловно. Вслѣдъ за тѣмъ гвардейскій корпусъ вступилъ въ Варшаву; а мой добрый слуга Аѳанасій отыскалъ меня съ чаемъ, который мы выпили съ жадностью и въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Всѣ понимали, что война кончена. Полкъ нашъ могъ смѣло сказать, что въ этотъ день онъ честно сдѣлалъ свое дѣло. Мы потеряли менѣе, чѣмъ можно было ожидать. У насъ ранено: одинъ штабъ и три оберъ-офицера; числа выбывшихъ изъ строя нижнихъ чиновъ я не помню. У меня въ ротѣ одинъ убитъ и шесть ранено.

Непріятель отступилъ къ крѣпости Модлину, но не клалъ оружія, а показывалъ видъ, что намѣренъ идти въ Плоцкъ и тамъ сложить оружіе, какъ это требовалось манифестомъ Императора при началѣ войны.

Недѣли двѣ мы отдохнули въ Варшавѣ и окрестностяхъ, и снова двинулись по обѣимъ сторонамъ Вислы, сначала къ Модлину, а потомъ, чрезъ Раціонжъ и Безунь, къ Прусской границѣ. 23 Сентября непріятельскія войска безъ боя перешли въ Пруссію и тамъ положили оружіе. Польская революція кончена. Французскій министръ Савари сказалъ въ палатѣ депутатовъ слово, которое доставило ему печальную славу: Varsovie fut prise, et l'ordre règne *).

За штурмъ Варшавы я получилъ орденъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ. Это была валовая награда по чину.

Съ Прусской границы нашъ корпусъ отправился въ Калишское воеводство и расположился довольно просторно въ г. Серадзѣ и его округѣ. Моя рота помѣстилась въ д. Бискупицѣ, принадлежащей г-ну Сементковскому, брату ген.-адъютанта, убитаго Поляками въ Варшавѣ при началѣ революціи. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ 32, довольно ничтожный, только что возвратившійся изъ-за границы, куда попалъ еще въ началѣ войны. Онъ служилъ во 2-мъ Калишскомъ конномъ полку и наединѣ откровенно разсказывалъ мнѣ свои похожденія. Калишане съ Познанчанами сформировали два конныхъ полка. Это былъ патріотическій порывъ. Всѣ помѣщики стали въ ряды и привели съ собою всѣхъ своихъ слугъ, въ полномъ вооруженіи. Кто медлилъ или уклонялся, тому женщины или дѣвицы присылали кудель, чтобы по крайней мѣрѣ могъ прясть на пользу войскъ, сражающихся за родину. Оба Калишскихъ полка были прекрасно обмундированы, вооружены и на хорошихъ лошадяхъ. Когда они вступили въ Варшаву, энтузіазмъ былъ общій. Толпы народа встрѣтили ихъ за заста-

*) *Варшаву взяли*, и порядокъ господствуетъ.

вой и кричали: «niech žią Kaliszanie»! Мы ѣхали, говоритъ Сементковскій, гордо, гладили усы и отвѣчали: «niech zginą Kaliszanie žeb tylko oiczizna žila!» Это было великолѣпно, обѣщало много подвиговъ. Еще до Гроховскаго сраженія 2-ой полкъ, въ ничтожной аванпостной схваткѣ, показалъ тылъ и опомнился, какъ говорилъ мой разсказчикъ, только въ Петриковѣ. Первый полкъ служилъ лучше и съ Гелгудомъ положилъ оружіе въ Пруссіи. Съ какимъ-то легкомысленнымъ цинизмомъ хозяинъ мой и его племянникъ, Микорскій, смѣялись надъ своими воинскими подвигами; но сцена перемѣнялась, когда къ нимъ собирались сосѣди и на столъ являлась пулгарцувка венгржину. Послѣ второй или третьей, всѣ наперерывъ начинали разсказывать о такихъ своихъ подвигахъ, которые сдѣлали бы честь Геркулесу. Бѣдные Москали гибли тысячами подъ ихъ ударами, и обыкновенно бесѣда заключалась такою-же хвастливою мазуркою, которую пѣли хоромъ и хриплыми голосами.

Время шло довольно однообразно. Зима стояла теплая и ясная. Снѣгу почти не было. Это было первое мое знакомство съ мягкимъ, здоровымъ климатомъ Западной Европы. Рота моя была однакоже менѣе довольна своей стоянкой.

Съ самаго начала принуждены были приварокъ готовить въ артельномъ котлѣ, потому что солдаты не могли ѣсть хозяйской пищи. У Сементковскаго было большое стадо мериносовъ. Зимой начался падежъ, и каждый день овчары вытаскивали по 10 и 15 дохлыхъ овецъ. Этой операціи ожидали мужики съ нетерпѣніемъ и на расхватъ брали дохлыхъ овецъ, за одинъ день работы на помѣщика. Мясо этой дохлой скотины употреблялось въ пищу безъ всякой церемоніи на основаніи того, что ее самъ Богъ зарѣзалъ. Вообще бытъ простаго народа въ Польшѣ былъ очень не отраденъ и не совсѣмъ противорѣчилъ исторической фразѣ: «Польша—рай для шляхты и адъ для мужиковъ». По закону мужикъ былъ свободенъ и могъ два раза въ годъ оставить землю одного владѣльца и перейти къ другому; но на дѣлѣ это оказывалось почти невозможнымъ. Отходя, мужикъ долженъ сдать землю, хату, скотъ и земледѣльческія орудія, которыя онъ получилъ отъ владѣльца. Тутъ являлись безчисленныя прижимки, и споръ кончался разборомъ гминнаго войта, т.-е. тоже шляхтича и землевладѣльца. Своей земли крестьяне не имѣли. Все это родило какую-то апатію. Протестовъ на такой порядокъ вещей было мало; во 1-хъ) потому что къ нему привыкли, а во 2-хъ) потому что въ прежнія времена было *еще хуже. Сельское* хозяйство было однакоже далеко лучше нашего, *благодаря близости и* примѣру Силезіи и Познани, съ которыми *Калишане имѣли ежедневное* общеніе.

Весна приближалась. Въ Польшѣ водворилось то, чтó Савари такъ оригинально назвалъ порядкомъ, т.-е. скрытая, глухая ненависть, готовая вспыхнуть пламенемъ Варѳоломеевской ночи при удобномъ случаѣ, при возбужденіи фанатическаго духовенства и буйной шляхты, недовольной законнымъ своеволіемъ, которое ей оставлено нашимъ правительствомъ.

Въ Февралѣ мѣсяцѣ Обрадовичъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ командиромъ гренадерскаго полка короля Прусскаго. Преемникъ его, полковникъ А. С. Пухинскій принялъ полкъ въ три дня. Это былъ середній гвардейскій офицеръ, лѣтъ 32-хъ, высокаго роста, красивой наружности. Частью никакой онъ не командовалъ: служилъ прежде въ сапёрахъ, а потомъ былъ начальникомъ учебной команды. Лѣтами онъ былъ моложе большей части ротныхъ командировъ; въ военныхъ дѣйствіяхъ не участвовалъ, опытности административной не имѣлъ никакой. Онъ не могъ понять разницы между полками и учебной командой и безпрестанно заботился о томъ, чтобы нижніе чины были разсортированы по ротамъ: по цвѣту волосъ и другимъ наружнымъ особенностямъ. Выше я его назвалъ середнимъ гвардейскимъ офицеромъ, потому что такихъ обыкновенно полковыхъ командировъ назначали въ армію изъ гвардіи, чтó, конечно, не могло не оскорблять заслуженныхъ армейскихъ офицеровъ. Пухинскій былъ человѣкъ впрочемъ довольно образованный, хотя безхарактерный, но имѣвшій представительность и лоскъ человѣка натершагося въ хорошемъ обществѣ. Много другихъ было гораздо хуже его.

Полкъ нашъ получилъ приказаніе о возвращеніи въ Россію. Мы двинулись въ Мартѣ чрезъ Варшаву, Ломжу и Ковно. Пока мы шли, наши будущія квартиры нѣсколько разъ перемѣняли; мы простояли нѣсколько недѣль въ Динабургѣ, столько же въ Лифляндіи и наконецъ пришли въ гор. Лугу, въ уѣздѣ котораго полкъ расположился на постоянныхъ квартирахъ. Начались обыкновенныя фронтовыя занятія, постепенно усиливавшіяся съ приближеніемъ весны. Пухинскій былъ со мною очень любезенъ; но кто-то успѣлъ внушить ему, что я возбуждаю противъ него офицеровъ. Глупое недоразумѣніе, безъ всякой со стороны моей вины, показало мнѣ, что онъ расположенъ ко мнѣ враждебно и при случаѣ можетъ сдѣлать мнѣ немало вреда.

Въ Іюнѣ полкъ нашъ потребовали въ Петербургъ для содержанія карауловъ во время пребыванія гвардейскихъ войскъ въ лагерѣ. 137 верстъ отъ Луги до Петербурга я прошелъ пѣшкомъ съ ротою и такимъ образомъ имѣлъ торжественное вступленіе въ столицу. Квартиръ въ *натурѣ здѣсь* не отводятъ, и потому нужно было позаботиться *наймомъ* квартиры и устройствомъ своего продовольствія. Го-

родъ мнѣ былъ совершенно неизвѣстенъ, средства мои были крайне ограничены. Я вспомнилъ, что старый мой товарищъ, Никифоровъ, находится въ какой-то Военной Академіи и отправился къ нему за совѣтомъ. Онъ вышелъ ко мнѣ съ лекціи. Послѣ дружескихъ объятій онъ спросилъ меня: «Ты тоже къ намъ въ академію хочешь?» Этотъ вопросъ смутилъ меня неожиданностію. Я сказалъ, что не думалъ объ этомъ, и что во всякомъ случаѣ я не могъ бы выдержать вступительнаго экзамена, потому что семь лѣтъ не бралъ въ руки ни одной научной книги. Никифоровъ пригласилъ меня обѣдать у него и на досугѣ переговорить объ этомъ дѣлѣ, которое, кажется, его интересовало.

Признаюсь, что эта мысль запала мнѣ въ голову, и потому, не возражая, я отправился, послѣ обѣда съ Никифоровымъ, къ полковнику генеральнаго штаба Иванову и къ вице-директору Военной Академіи генералъ-маіору барону Зеддлеру, которые знали меня еще въ Могилевѣ. Первый принялъ меня радушно, второй какъ-то уклончиво. Понятно, что онъ не очень радъ былъ пріобрѣсти въ Военную Академію офицера, котораго зналъ въ офицерскомъ училищѣ какъ повѣсу, не хотѣвшаго заниматься. Онъ обѣщалъ, однакоже, доложить генералъ-адъютанту Сухозанету и военному министру, и просилъ меня пріѣхать къ нему на другой день. Дѣло приняло такой оборотъ, что на третій день я уже привезъ полковнику Пухинскому предписаніе изъ министерства о немедленномъ принятіи отъ меня роты и о моемъ прикомандированіи къ Военной Академіи.

Для всѣхъ это было неожиданностью; но когда я призвалъ каптенармуса Өедора Петровича Бѣлугина и сказалъ, чтобы приготовлялъ сдаточныя бумаги, онъ просто сказалъ: «Готовы, ваше благородіе».—Да, ты почему зналъ?—«Да, ужъ мы видѣли, что вы насъ оставляете».

Не безъ горькаго чувства я разстался со 2-ою фузилерною ротою, которою командовалъ пять лѣтъ. Я зналъ каждаго солдата, и особливо война сблизила меня съ ними и дала возможность оцѣнить ихъ по достоинству. Въ ротѣ было много людей, о которыхъ я и по сіе время храню пріятное и живое воспоминаніе. Фельдфебель Михаилъ Петровичъ Кокушкинъ, капральные Ефремъ Григорьевъ 1-й, М. С. Скворцовъ, Михель Отто и Константинъ Васильевъ; наконецъ, каптенармусъ Ө. П. Бѣлугинъ: это такія личности, которыя въ настоящее время совершенно невозможны. На разставаньи хочу сказать нѣсколько словъ о Бѣлугинѣ. Его хотя и называли каптенармусомъ, но онъ былъ рядовой и ротный писарь. Худощавый, маленькій ростомъ и некрасивый, онъ могъ быть незамѣченъ во 2-й шеренгѣ, около лѣваго

фланга; но это былъ человѣкъ очень неглупый, грамотный и съ большимъ характеромъ. Передъ моимъ вступленіемъ въ командованіе ротой, Бѣлугинъ былъ горькимъ пьяницей и часто подвергался тѣлеснымъ наказаніямъ; все это очень разстроило его здоровье. Еще до меня, послѣ жестокаго наказанія розгами, онъ далъ себѣ слово болѣе не пить водки. Я старался поддержать его рѣшимость, обращался съ нимъ почеловѣчески, называлъ Ѳедоромъ Петровичемъ и показывалъ полное довѣріе. Это средство мнѣ неразъ удавалось. Бѣлугинъ велъ себя безупречно, ротное хозяйство въ его рукахъ процвѣтало, и въ затруднительныхъ случаяхъ съ нимъ совѣтовались другіе каптенармусы. Передъ войной отъ насъ потребовали списокъ неспособнымъ къ строю нижнимъ чинамъ. Бѣлугинъ упросилъ меня помѣстить его въ этотъ списокъ, говоря, что полковой штабъ-лѣкарь обѣщалъ помѣстить его въ тотъ разрядъ, который переводился въ инвалидъ на родину. Къ сожалѣнію, я согласился, и Бѣлугинъ, вмѣсто инвалида, былъ назначенъ деньщикомъ къ подпоручику Андрееву, который вымещалъ на немъ сотни розогъ, такъ недавно достававшихся на его долю въ Дворянскомъ полку, тогда еще извѣстномъ въ народѣ подъ именемъ корпуса волонтроповъ. Этаго мало: онъ колотилъ его по зубамъ на каждомъ шагу и вообще показывалъ злобное презрѣніе къ этому несчастному. Я этого не зналъ и случайно нашелъ Бѣлугина, во время войны, лежащимъ близъ дороги, въ сильнѣйшей холерѣ; а въ Калишскомъ воеводствѣ онъ опять явился ко мнѣ въ роту по выздоровленіи изъ госпиталя. Но уже воля была сломлена: онъ даже не хотѣлъ и дать мнѣ слово, что не будетъ пить. Въ ротѣ его всѣ уважали, какъ честнаго и разумнаго человѣка. Любопытно было видѣть разныя ухищренія, которыя солдаты предпринимали, чтобы на маршѣ скрыть его отъ меня, когда онъ бывалъ пьянъ. Мнѣ не всегда можно было притворяться не видящимъ; но, до самой сдачи роты, мнѣ удалось обойтись безъ тѣлесныхъ наказаній. Не знаю, какая была судьба этого несчастнаго, жертвы тогдашней дикости нравовъ и зубодробительной дисциплины. Онъ держался до тѣхъ поръ, пока у него не отняли уваженія къ самому себѣ.

Іюнь уже былъ въ концѣ, а пріемный экзаменъ назначенъ 26 Августа, какъ нарочно въ день Варшавскаго штурма. Для меня это былъ тоже рѣшительный день. Понятно, что на экзаменъ я смотрѣлъ не какъ школьникъ, которому ничего не значитъ провалиться. Неудача была для меня непоправима и могла имѣть вліяніе на всю мою жизнь: мнѣ предстояло со стыдомъ воротиться въ полкъ.

Съ ужасомъ разсмотрѣлъ я программы пріемнаго испытанія, выданныя мнѣ изъ Академіи. Повѣряя свои знанія, я сознавалъ, что на бóльшую часть вопросовъ я совсѣмъ не могу отвѣчать; а тутъ еще были цѣлыя науки или отдѣлы наукъ, о которыхъ я понятія не имѣлъ, какъ напр. долговременная фортификація, артиллерія, тригонометрія, уставы кавалерійской и артиллерійской строевой службы. На все это оставалось около двухъ мѣсяцевъ. Помогать мнѣ никто не могъ, потому что во всемъ городѣ у меня былъ только одинъ знакомый, Никифоровъ, который самъ былъ очень занятъ. Платить за уроки мнѣ и въ голову не приходило, потому что это было рѣшительно невозможно; но я рѣшился. Въ библіотекѣ Смирдина я абонировался на чтеніе книгъ и когда потребовалъ курсъ математики Франкёра и долговременную фортификацію Бусмара, въ магазинѣ приняли меня за сумасшедшаго. Къ счастію, тутъ былъ самъ почтенный А. Ф. Смирдинъ. Онъ принялъ во мнѣ участіе и приказалъ доставлять мнѣ всѣ книги, какія потребую.

Я началъ съ ариѳметики и тотчасъ же убѣдился, что я не въ состояніи дать отвѣта на первый вопросъ программы: какъ выразилось бы данное число при двѣнадцатиричной системѣ счисленія? Я отвыкъ думать. Нужны были страшныя усилія, чтобы добиться самаго простаго результата. Тутъ только я понялъ, какъ вредны механическіе курсы математики, которые не развиваютъ мышленія, а даютъ готовые рецепты. Я бросалъ книгу, бѣгалъ по городу, садился снова, перемѣнялъ предметы. Я работалъ 17 часовъ въ сутки. Мало-по-малу дѣло пошло успѣшнѣе. Я давно уже написалъ кн. Гагарину, звалъ его въ В. Академію и въ половинѣ Іюля былъ обрадованъ его пріѣздомъ. Я тогда могъ уже ему помогать, и это было тѣмъ болѣе необходимо, что онъ не отличался особенно крѣпкимъ здоровьемъ. Какое-то неестественное напряженіе поддерживало мои силы. Одолѣвъ математику, я уже сдѣлалъ половину дѣла; во всѣхъ остальныхъ предметахъ мнѣ помогала моя хорошая память, такъ что я съ нѣкоторою увѣренностью явился 26 Августа на экзаменъ. Это было тяжелое время, и вѣроятно волненіе мое было велико, если сцены экзамена мнѣ и теперь иногда снятся. Однако я выдержалъ экзаменъ такъ удачно, что сталъ первымъ и сохранилъ это положеніе во весь академическій курсъ. Кн. Гагаринъ тоже выдержалъ экзаменъ, и мы, конечно, поселились на одной квартирѣ.

Лекціи начались съ половины Сентября. Все вошло въ свою колею, и для меня началась новая дѣятельность, совсѣмъ не похожая на ту, къ которой я привыкъ въ семь лѣтъ фронтовой службы. Но тутъ, какъ видно, силы меня оставили. Я заболѣлъ, казалось легко,

но недугъ быстро *развился* и наконецъ обратился въ воспаленіе мозга съ разными осложненіями. Меня отправили въ сухопутный госпиталь, гдѣ я три недѣли былъ между жизнью и смертью. Молодость и заботы почтеннаго главнаго доктора Флоріо меня спасли.

Мнѣ нужно сказать нѣсколько словъ о самой Военной Академіи. Мысль объ ея учрежденіи принадлежитъ барону Жомини, человѣку во многихъ отношеніяхъ замѣчательному и который остатокъ своей долгой и бурной жизни съ 1813 года провелъ въ Россіи и въ Русской службѣ. Эта мысль явилась очень естественно, при видѣ неудовлетворительности нашего Генеральнаго Штаба и способовъ его комплектованія, о чемъ въ другомъ мѣстѣ я имѣлъ уже случай говорить. Баронъ Жомини составилъ свой проектъ въ большихъ размѣрахъ. Онъ предположилъ родъ университета военныхъ наукъ, съ неопредѣленнымъ числомъ слушателей, изъ которыхъ только выдержавшіе окончательный экзаменъ могли быть переводимы или зачислены въ Генеральный Штабъ. Этотъ проектъ имѣлъ мѣстныя неудобства, которыя со временемъ могли быть устранены; съ другой же стороны, при доброй волѣ исполнителей, онъ могъ образовать разсадникъ ученыхъ офицеровъ не только для Генеральнаго Штаба, но и для всѣхъ войскъ. По крайней мѣрѣ несомнѣнно, что это учрежденіе могло быстро поднять уровень образованія офицеровъ всего военнаго вѣдомства. Государь Николай Павловичъ, не высоко цѣнившій научное образованіе въ офицерѣ, увидѣлъ въ этой мысли барона Жомини только одни недостатки. Ему казалось совершенно невозможнымъ, чтобы офицеръ два года жилъ въ Петербургѣ безъ всякой служебной обязанности, кромѣ добровольнаго посѣщенія лекцій Военной Академіи. Воображеніе тотчасъ же представляло картину разлива либеральныхъ идей, возбуждаемыхъ какъ самыми лекціями, такъ и нѣкоторой свободой жизни молодыхъ людей. Этого было достаточно, чтобы совершенно измѣнить первоначальную мысль барона Жомини. Уставомъ, высочайше утвержденнымъ въ 1832 году, число ежегодно поступающихъ въ Академію офицеровъ ограничено 25-ю; курсъ положенъ въ два года; офицерамъ назначено по 500 р. асс. столовыхъ денегъ. При пріемѣ потребовано отвѣтственное удостовѣреніе дивизіоннаго и корпуснаго командировъ о благонадежности образа мыслей и поведенія. При Академіи положено три или четыре штабъ-офицера «для надзора за обучаемыми въ оной офицерами». По тону всего устава видно, что правительство постаралось, чтобы новое учрежденіе менѣе всего походило на университетъ и сколько можно болѣе подходило къ тогдашнему идеалу военнаго воспитанія, *т.-е. къ кадетскимъ* корпусамъ или къ офицерскимъ классамъ *спеціальныхъ училищъ*. Въ довершеніе всего, президентомъ Военной

Академіи назначенъ былъ великій князь Михаилъ Павловичъ, который цинически объявлялъ себя врагомъ всякаго научнаго развитія, смѣялся надъ учеными и литераторами, а въ Академіи не только никогда не былъ, но и мимо зданія не ѣздилъ. Сторонники этой странной личности могли говорить въ его пользу только то, что онъ былъ добрый человѣкъ, и это, кажется, дѣйствительно было такъ. Другая его замѣчательная черта была—беззавѣтная преданность своему державному брату. Его страстная преданность ефрейторству, которое было доведено до безобразнаго совершенства, могла имѣть основаніемъ желаніе обратить на себя и насмѣшки, и негодованіе, возбуждаемыя въ войскахъ этими одуряющими занятіями. Назначеніе его президентомъ было конечно почетное; но этого нельзя сказать о директорѣ, который могъ имѣть и имѣлъ прямое вліяніе на ходъ этого новаго учрежденія. Въ эту должность назначенъ генералъ-адъютантъ Иванъ Онуфріевичъ Сухозанетъ, картежный игрокъ, котораго молодость была позорна, а въ старости онъ былъ героемъ безчисленнаго множества соблазнительныхъ разсказовъ. Это былъ человѣкъ злой, наглый, цинически безнравственный. Служа всегда въ артиллеріи, онъ былъ довольно образованъ и считалъ себя краснорѣчивымъ ораторомъ. Онъ отличился 14 Декабря 1825 года, приложивъ собственноручно фитиль къ пушкѣ, направленной на толпу возмутившихся. Это сдѣлало ему репутацію вполнѣ преданнаго, и онъ старался ее оправдать, безмѣрно усиливая и безъ того не мягкіе порывы державнаго раздраженія. Въ послѣдствіи онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній. Въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ случилось происшествіе. Кадетъ Житковъ, выведенный изъ терпѣнія наглымъ и грязнымъ приставаньемъ корпуснаго офицера, обнажилъ тесакъ, но кажется не былъ допущенъ до удара. Государь очень разгнѣвался и приказалъ Сухозанету ѣхать въ Москву и наказать виновнаго примѣрно. Сухозанетъ еще въ Петербургѣ сказалъ, что онъ ѣдетъ засѣчь на смерть Житкова. Онъ это и исполнилъ. Несчастнаго юношу, предъ наказаніемъ, исповѣдали и причастили и въ присутствіи всѣхъ кадетовъ корпуса сѣкли розгами, пока увѣрились, что онъ умеръ. Трудно, очень трудно воздержаться, чтобы не проклясть память этого холоднаго изверга!

Къ счастію Военной Академіи, вице-директоромъ назначенъ былъ г.-м. баронъ Зеделеръ. Это былъ человѣкъ съ блестящими умственными способностями и съ разностороннимъ образованіемъ. Онъ родомъ Венгерецъ, былъ въ Австрійской службѣ, участвовалъ въ кампаніи 1809 года и подъ Ваграмомъ получилъ рану, которая его въ послѣдствіи нерѣдко безпокоила. Въ Русскую службу онъ перешелъ послѣ 1814 года, и уже въ 1825 году я зналъ его въ Могилевѣ на

Днѣпрѣ полковникомъ Генеральнаго Штаба. Ловкій и красивый, одинаково хорошо владѣвшій Русскимъ, Французскимъ и Нѣмецкимъ языками, баронъ Зедделеръ игралъ блестящую роль какъ въ обществѣ, такъ и въ Генеральномъ Штабѣ. Основательное спеціальное образованіе, при остромъ умѣ и большой начитанности, обѣщало ему блестящую будущность. Онъ находился въ свитѣ государя Александра Павловича на всѣхъ конгрессахъ, которые были въ Европѣ съ 1814 по 1824 годъ. Товарищи и особенно молодежъ любили его за радушный и независимый характеръ. Надобно впрочемъ сказать правду, что въ послѣднее время жизнь его порядочно потрепала. Онъ женился и завелся семействомъ, которое почти ежегодно увеличивалось. Зависимость отъ службы вызвала уступки, которыя прежде показались бы невозможными. Но и эти уступки не спасли его отъ большихъ неудовольствій со стороны его наглаго и своевольнаго начальника Сухозанета.

Баронъ Зедделеръ читалъ у насъ исторію военнаго искусства. Вообще надобно сказать, что въ первые годы по учрежденіи Военной Академіи профессора спеціальныхъ военныхъ наукъ должны были, читая лекціи, составлять и руководства каждый по своему предмету. Это было тѣмъ болѣе трудно, что самые размѣры и значеніе нѣкоторыхъ предметовъ не были вполнѣ опредѣлены. Мысль о военной географіи, какъ отдѣльной наукѣ, еще только слагалась: нѣкоторые отрицали даже ея возможность, какъ самостоятельнаго предмета; другіе не соглашались въ ея разграниченіи отъ политической и физической географіи, отъ военной статистики и отъ стратегіи. Послѣдняя изъ этихъ наукъ и въ Европѣ была слишкомъ мало разработана. Всѣ сочиненія по этому предмету на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ отличались односторонностью. Разумную систему стратегіи нужно было еще создать, равно избѣгая рутины и умозрительныхъ тонкостей, невозможныхъ на дѣлѣ.

Стратегію, тактику и военную исторію читалъ г.-м. баронъ Н. В. Медемъ. Этому замѣчательному профессору мы обязаны разумнымъ направленіемъ, которое обезпечило развитіе военныхъ наукъ въ Россіи. При огромной начитанности баронъ Медемъ имѣлъ необыкновенную память. Всѣ творенія военныхъ писателей онъ изучилъ добросовѣстно, относился къ нимъ критически, не торопясь сдѣлать изъ всего читаннаго свой собственный теоретическій выводъ, чтобы не впасть въ туже односторонность, которая встрѣчалась у всѣхъ авторовъ, писавшихъ о стратегіи. Поэтому онъ, въ продолженіе двухлѣтняго курса, читалъ критическій разборъ всѣхъ въ то время извѣстныхъ системъ стратегіи, указывая ихъ хорошія стороны въ частныхъ

случаяхъ и ошибочность въ видѣ безусловной системы военной науки. Его лекціи были въ высшей степени интересны и поучительны. Онъ читалъ ихъ живымъ языкомъ, безъ всякаго педантизма, никогда не влѣзалъ на каѳедру и относился къ своимъ слушателямъ съ деликатностью, которая не часто встрѣчалась. За то мы всѣ очень уважали его и любили. Это была вообще замѣчательно-симпатичная личность. Въ 1833 году онъ передалъ лекціи тактики полковнику Генеральнаго Штаба Ив. Ѳед. Веймарну, который въ то время былъ оберъ-квартирмейстеромъ гвардейскаго корпуса. Онъ былъ настолько хорошимъ профессоромъ тактики, насколько можетъ имъ быть человѣкъ никогда не участвовавшій въ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ то время вошла въ моду военная игра. Думали найти въ ней и въ маневрахъ войскъ, во время лѣтнихъ лагерей, вѣрный образъ войны и хорошую школу для генераловъ и даже для главнокомандующихъ. Многіе изъ извѣстныхъ тогда генераловъ должны были пройти чрезъ это испытаніе предъ полученіемъ назначенія корпуснымъ командиромъ. Государь Николай Павловичъ любилъ эту игру и считалъ себя въ ней сильнымъ; въ маневрахъ онъ всегда командовалъ одною стороною, одерживалъ побѣды, которыя происходили всегда въ заранѣе назначенномъ мѣстѣ, гдѣ, къ тому времени, приготовленъ былъ обѣдъ для многочисленной свиты Государя. Ив. Ѳед. Веймарнъ считался мастеромъ въ обѣихъ этихъ игрушкахъ и едва ли не искренно вѣрилъ въ ихъ серьезное военное значеніе. Это, независимо отъ его образованія, личныхъ качествъ и связей, доставило ему славу знатока военнаго дѣла и приблизило къ Государю. Ив. Ѳед. Веймарнъ читалъ у насъ лекціи тактики по программамъ и основаніямъ, положеннымъ его почтеннымъ предмѣстникомъ. Только въ низшей тактикѣ, по примѣненію къ нашимъ уставамъ фронтовой службы, онъ былъ совершенно дома. Вообще онъ читалъ лекціи хорошо, хотя довольно сухо.

Генеральнаго Штаба подполковникъ А. П. Болотовъ былъ у насъ профессоромъ геодезіи. Воспитанникъ Муравьевской школы колонновожатыхъ, онъ не былъ глубокимъ математикомъ, но имѣлъ достаточныя и основательныя познанія, страстно любилъ свой предметъ и издалъ очень хорошее сочиненіе о геодезіи, въ которое вошли читанныя имъ лекціи.

Артиллерію читалъ намъ полковникъ Вессель. Живыя и разумныя лекціи этого ученаго артиллериста были увлекательны и особенно полезны. Этого нельзя сказать о лекціяхъ фортификаціи инженеръ-подполковника Ласковскаго. Онъ читалъ ихъ сухо, вяло, совершенно *по казенной надобности*, какъ онъ привыкъ проповѣдывать предъ

кондукторами и воспитанниками офицерскихъ классовъ въ Инженерномъ Училищѣ.

Но всѣхъ другихъ военныхъ наукъ были неудовлетворительнѣе лекціи военной географіи, между прочимъ по неопредѣленности идеи и размѣровъ этой рождавшейся науки.

Профессоромъ новѣйшей исторіи былъ у насъ И. П. Шульгинъ, котораго лекціи я слушалъ съ наслажденіемъ; а тѣ, которые слышали ихъ во многихъ другихъ мѣстахъ, говорили, что онъ давно уже не прибавляетъ къ нимъ ни одного слова.

Лекціи Русской словесности читалъ профессоръ Н. И. Бутырскій. Анекдоты были главною частію этихъ лекцій; остальное отзывалось Кошанскимъ и вообще было скучно и бѣдно. Но Бутырскій имѣлъ тонкій вкусъ и здравый, критическій взглядъ на литературу. Его разборы сочиненій были интересны и поучительны.

Кстати вспомнить, что были еще лекціи: обязанностей офицеровъ Генеральнаго Штаба. Ихъ читалъ Ген. Шт. полковникъ Апол. Ал. Ивановъ, который самъ удивился, когда въ концѣ курса увидалъ у насъ составленныя и обработанныя его лекціи, представлявшія нѣчто какъ будто серьезное и особенно систематическое.

Вотъ все, чтó я могу сказать о лекціяхъ и лекторахъ. Въ первые годы въ В. Академію брали не всегда лучшее, а принуждены были довольствоваться тѣмъ, чтó было подъ рукою. Всѣ эти разноцвѣтные лоскутки долженъ былъ склеивать и давать имъ общій колоритъ вице-директоръ баронъ Зеддслеръ. Этотъ не легкій трудъ составляетъ его главную заслугу.

Вскорѣ послѣ моего выздоровленія, мои старики прислали мнѣ брата моего Николая, красиваго и способнаго мальчика 15 лѣтъ, котораго домашнее воспитаніе и образованіе было не блестящее. Я долженъ былъ опредѣлить его въ Дворянскій полкъ, который въ это время былъ преобразованъ почти на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и остальные кадетскіе корпуса. Эта операція, для всѣхъ не легкая, мнѣ удалась, благодаря участію моего академическаго начальства. Братъ пробылъ въ Дворянскомъ полку три года и былъ выпущенъ прапорщикомъ въ гренадерскій корпусъ. Во все время его пребыванія въ Дворянскомъ полку меня какъ кошмаръ мучило воспоминаніе о несчастномъ Житковѣ, засѣченномъ Сухозанетомъ, и я ставилъ предъ собою страшный вопросъ: «чтó я сдѣлаю, если подобная участь постигнетъ и моего бѣднаго брата?» Признаюсь, отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ далекъ отъ христіанскаго ученія о прощеніи обидъ.

Въ Іюнѣ 1834 года гвардейскія войска выступили въ лагерь. Съ *ними отправились* и мои товарищи, прикомандированные къ разнымъ

строевымъ частямъ. Гагарина и меня освободили отъ этой непріятной обязанности, какъ старыхъ офицеровъ и бывшихъ ротныхъ командировъ. Для содержанія карауловъ въ Петербургѣ пришла наша 2-я гренадерская дивизія. Она участвовала, вмѣстѣ со всѣми другими войсками, стоящими близъ Петербурга, при открытіи памятника императору Александру Павловичу. Самое открытіе должно было быть особенно эффектно. Памятникъ былъ завѣшенъ холстомъ. Государь долженъ былъ дернуть за шнурокъ, и въ то мгновеніе когда упадетъ завѣса, войска должны сдѣлать на караулъ. Государь дергалъ нѣсколько разъ и наконецъ оборвалъ шнурокъ, но памятникъ не открылся, пока инвалидный солдатъ не полѣзъ по лѣстницѣ и не перерѣзалъ всѣ бичевки. Можно вообразить эту комическую сцену! Подобную я видѣлъ въ 1862 году въ Мюнхенѣ, при открытіи памятника королю Людовику I-му, съ тою разницею, что тамъ публика расхохоталась.

По окончаніи лагернаго времени мы всѣ отправились на съемку, въ окрестностяхъ села Гостилицы, имѣнія и лѣтней резиденціи Тат. Бор. Потемкиной. Отдыхъ и деревенскій воздухъ были мнѣ нужны; я чувствовалъ утомленіе отъ непривычной для меня сидячей жизни, при постоянно напряженномъ вниманіи и притомъ въ Петербургѣ, который справедливо славится какъ одно изъ наименѣе здоровыхъ мѣстъ въ Европѣ. Особливо въ то время слава эта была вполнѣ заслуженною: городъ былъ грязенъ и вонючъ, полиція была въ самомъ жалкомъ видѣ, будочники умѣли только дѣлать алебардою на караулъ всѣмъ проѣзжающимъ сильнымъ земли и хватать за шиворотъ пьяныхъ.

По возвращеніи со съемки, насъ ожидалъ годичный экзаменъ. Эта перспектива испортила деревенскій отдыхъ для многихъ моихъ товарищей. Все свободное время они употребляли на приготовленіе къ экзамену. Я не раскрывалъ ни одной книги. Тоже дѣлалъ я и во время самыхъ экзаменовъ, продолжавшихся недѣли двѣ; только наканунѣ экзамена изъ геодезіи я освѣжилъ въ памяти нѣкоторыя формулы и вычисленія. Мнѣ всегда казалось, что лучше явиться съ свѣжей головой, чѣмъ съ памятью безпорядочно обремененной разными плохо-усвоенными и безсвязными обрывками. Экзаменъ для меня кончился хорошо, но при этомъ произошло событіе очень непріятное. Сухозанетъ воспользовался случаемъ, чтобы самымъ наглымъ образомъ и при постороннихъ лицахъ оскорбить генерала Зедделера. На экзаменѣ изъ исторіи военнаго искусства онъ вызвалъ меня и предложилъ разсказать устройство Македонской фаланги. Я чувствовалъ, что тутъ есть *какая-то задняя мысль,* и потому, отвѣчая, старался избѣгать всякихъ *мелкихъ подробностей* и особенно Греческихъ названій, которыми

дѣйствительно преизобиловала эта лекція б. Зедделера. Сухозанетъ ничего мнѣ не подарилъ: онъ настоятельно требовалъ, чтобы я высказалъ всѣ синтагмы, дифалангархіи, тетрафалангарфіи, даже лохагоса и урагоса. Сухозанетъ поздравилъ меня съ острою памятью, но совѣтовалъ какъ можно скорѣе выбросить изъ головы всю эту чепуху, которую намъ навязали, и что знаніе всѣхъ этихъ пустяковъ столько же подвинетъ насъ въ изученіи военнаго искусства, какъ если бы мы выучили наизусть именной списокъ перваго баталіона Преображенскаго полка. Эту наглую выходку Сухозанетъ кончилъ словами: «Генералъ Зедделеръ, это я вамъ говорю». Баронъ Зедделеръ покраснѣлъ, но, не сказавъ ни слова, вышелъ изъ зала. Едва ли и послѣ этого было между ними какое объясненіе; но поутру мы узнали, что баронъ Зедделеръ уволенъ отъ службы, безъ мундира и пансіона, и переѣхалъ съ семействомъ на Карповку. Мы съ Гагаринымъ ѣздили туда, и это посѣщеніе нашего почтеннаго опальнаго начальника казалось тогда актомъ гражданскаго мужества. Послѣ мы узнали, что отставка бар. Зедделера была не болѣе какъ слѣдствіе убѣжденія Государя, что нужно поддержать дисциплину и показать примѣръ. Мнѣ кажется, дисциплина дѣлается невозможною именно отъ того, что высоко ставятся люди подобные Сухозанету и поддерживаются во чтó бы то ни стало самодержавной властью. Баронъ Зедделеръ скоро опять былъ принятъ на службу и назначенъ инспекторомъ всѣхъ кантонистскихъ школъ и баталіоновъ. Эта синекурія была для него изобрѣтена, а въ тоже время Государь возложилъ на него главное редакторство «Военно-Энциклопедическаго Лексикона», тогда задуманнаго. Баронъ Зедделеръ трудился много и сдѣлалъ все, чтó могъ тогда сдѣлать человѣкъ съ умомъ, съ многостороннимъ образованіемъ и съ любовью къ дѣлу. Говорили, что онъ нерѣдко и неумѣренно пилъ пуншъ по вечерамъ. Мнѣ никогда не случалось видѣть его не только въ нетрезвомъ, но и въ возбужденномъ состояніи. Въ послѣдній разъ я былъ у него въ Петербургѣ въ 1848 году. Мнѣ памятно это посѣщеніе потому, что баронъ показалъ мнѣ графную вѣдомость о числѣ солдатскихъ дѣтей во всей Россіи. Число этихъ несчастныхъ было слишкомъ 224 т. Это были дѣти отцовъ, здоровье и жизнь отдавшихъ на трудную и безотрадную службу отечеству; дѣти, которымъ неизбѣжно предстояла участь своихъ отцовъ, если только они переживутъ варварское воспитаніе въ школахъ военныхъ кантонистовъ, гдѣ ихъ систематически забивали и съ какимъ-то бездушнымъ равнодушіемъ истребляли голодомъ, нуждою и безпрестанными *тѣлесными наказаніями*. Это называлось Спартанскимъ воспитаніемъ, *которое должно* было приготовлять закаленныхъ воиновъ. Исто-

рія благословитъ память того, кто въ первый же годъ восшествія на престолъ уничтожилъ это дикое и безчеловѣчное учрежденіе.

Въ Сентябрѣ возобновились наши лекціи. По уставу Военной Академіи, курсъ долженъ быть двухгодичный. Въ первый годъ предполагалось кончить всѣ теоретическія лекціи, а второй посвятить практическимъ занятіямъ по разнымъ отраслямъ военнаго искусства. Но это оказалось невозможнымъ. Лекціи продолжались оба года, и только часть времени посвящалась рѣшенію задачъ по тактикѣ и фортификаціи. Впрочемъ, въ эти первые годы существованія Военной Академіи, все носило на себѣ печать новизны и неустановившагося порядка.

При переходѣ въ практическое отдѣленіе, офицерамъ присвоенъ былъ аксельбантъ по цвѣту пуговицъ мундира. Это была почти невѣроятная милость Государя къ Академіи. Это дѣлало насъ замѣтными въ обществѣ и въ строю. Людямъ тщеславнымъ лестно было походить на флигель-адъютантовъ, но въ тоже время эта особенность формы позволяла нашему президенту издали узнавать академика. Зоркій и опытный глазъ в. к. Михаила Павловича тотчасъ замѣчалъ или шляпу съ поля, или разстегнутые крючки, и вольнодумецъ отправлялся на гауптвахту. Я долженъ признаться, что новое отличіе мнѣ было не въ пользу. Никто меня не принималъ за флигель-адъютанта, а одинъ почтмейстеръ упорно принималъ за фельдъегеря, хотя хорошо зналъ, что у нихъ воротникъ черный, а у меня былъ красный. Вѣроятно въ моей наружности и пріемахъ ничего не было грознаго и внушающаго. Однажды, когда я былъ уже генераломъ и начальникомъ штаба войскъ Кавказской линіи, мы съ братомъ, бывшимъ тогда у меня старшимъ адъютантомъ и поручикомъ, переѣзжали чрезъ Донъ на паромѣ. Мы оба были въ шинеляхъ. Братъ, высокаго роста и въ щегольской шинели, раскричался на старика-есаула, завѣдывавшаго переправой. Старикъ подошелъ ко мнѣ и тихонько сказалъ: «Вотъ собака-то! Какъ это вы служите съ такимъ генераломъ?» Братъ былъ десятью годами моложе меня.

Мои занятія шли очень хорошо. Я предавался имъ съ какимъ-то лихорадочнымъ увлеченіемъ и произвольно увеличивалъ свою обязательную работу посторонними занятіями. Такъ у меня явилась мысль изученія восточныхъ языковъ. Конечно, можно было придумать для этого много важныхъ и основательныхъ причинъ; но я долженъ признаться, что тогда меня побуждали къ этой работѣ жажда новизны и какое-то инстинктивное влеченіе къ Востоку. Не безъ того, что слава въ Европѣ Рунджитъ-Синга Лагорскаго, къ которому стремились офицеры всѣхъ Европейскихъ націй, имѣла вліяніе на направленіе туда моихъ неясныхъ мечтаній. Я сошелся въ этомъ намѣреніи съ двумя

изъ своихъ товарищей, Горемыкинымъ и Вуичемъ. Первый числился въ л.-гв. Московскомъ, другой въ конно-гвардейскомъ полку; оба были одарены замѣчательными способностями, много обѣщали въ будущемъ, и оба мало сдержали, хотя не по ихъ винѣ.

Ѳ. Ив. Горемыкинъ воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, но вѣроятно самъ или съ постороннимъ пособіемъ, дополнилъ въ своемъ образованіи то, чего не могли давать кадетскіе корпуса. Добрый и любящій отъ природы, онъ былъ любимъ своими товарищами, и если можно было въ чемъ-нибудь его осуждать, то развѣ въ излишней страсти къ женщинамъ и въ непомѣрномъ честолюбіи, которое нерѣдко переходило въ тщеславіе. Иванъ Вас. Вуичъ былъ гораздо моложе насъ. Кажется, воспитывался онъ дома и получилъ блестящее образованіе въ набожной и почтенной семьѣ. Онъ хорошо владѣлъ Французскимъ, Нѣмецкимъ, Англійскимъ и Итальянскимъ языками. Вообще къ изученію языковъ онъ имѣлъ замѣчательную способность и, кажется, ему первому изъ насъ трехъ пришла мысль заниматься восточными языками. Вуичъ былъ идеальный юноша. Красавецъ, строгаго Греческаго или Сербскаго типа, съ изящными свѣтскими манерами, умный, скромный, добрый и услужливый—Вуичъ былъ такою личностью, которой нельзя было не замѣтить. Я привязался всей душой къ этимъ добрымъ моимъ товарищамъ и этимъ воспоминаніемъ плачу имъ за ихъ дружбу. Съ Горемыкинымъ я былъ ближе, но Вуичъ былъ мнѣ симпатичнѣе.

Мы поручили Вуичу войти въ переговоры съ мирзою Джафаромъ Топчибашевымъ, профессоромъ Персидскаго языка въ университетѣ и въ училищѣ восточныхъ языковъ при Азіатскомъ Департаментѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Мирза Джафаръ съ особенною готовностью принялъ небывалое приглашеніе и отказался отъ всякаго вознагражденія за уроки. Это былъ почтенный старикъ лѣтъ 55, природный оріенталистъ, родомъ изъ Тифлиса, основательно знавшій Персидскій, Турецкій и Арабскій языки и ихъ богатую литературу. Мы начали съ Персидскаго языка, потомъ ознакомились съ главными грамматическими формами Арабскаго и, наконецъ, серьозно принялись за Турецкій языкъ, который собственно и былъ тотъ, который мы хотѣли изучить основательно. Занятія наши мы держали въ тайнѣ отъ академическаго начальства и даже отъ своихъ товарищей. Я предавался имъ съ большимъ увлеченіемъ и настойчивостью, къ досадѣ моего сожителя кн. Гагарина, котораго часто будилъ ночью, стараясь выработать произношеніе гортанныхъ звуковъ восточныхъ языковъ. Мирза Джафаръ былъ очень доволенъ нашими успѣхами. Къ концу 1834 года мы въ состояніи были читать прозу и многіе стихи изъ Персидской

христоматіи Болдырева и Турецкаго сочиненія Хаджи-Хелифэ. Въ разговорномъ языкѣ мы не имѣли никакой практики.

Независимо отъ этихъ занятій, требовавшихъ много трудовъ и времени, мы имѣли еще и частныя лекціи. Почтенный нашъ профессоръ геодезіи А. П. Болотовъ читалъ намъ у себя дифференціальное и интегральное исчисленія, послѣ чего мы отправлялись на публичныя лекціи химіи Гессе или на лекціи физики профессора Нелюбина. Я долженъ признаться, что изъ всѣхъ этихъ лекцій у меня остались въ головѣ только поверхностныя понятія, которыя нельзя было приложить ни къ жизни, ни къ какому-нибудь спеціальному дѣлу. Я вспоминаю объ нихъ потому только, что въ настоящее время мнѣ самому непонятно, какъ я могъ безъ крайняго утомленія выносить такую упорную работу, посвящая ей не менѣе 16 часовъ въ сутки.

Скажу нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ другихъ моихъ товарищахъ, съ которыми впрочемъ я мало сближался, встрѣчаясь только на лекціяхъ. Старше всѣхъ насъ годами былъ артиллеріи поручикъ М. И. Богдановичъ, племянникъ автора «Душеньки». Признаюсь, что мы съ Гагаринымъ очень ошибались, думая, что онъ не болѣе какъ труженикъ: за безпримѣрной его усидчивостью мы не видали его положительныхъ дарованій. Можетъ быть, на насъ имѣли вліяніе его наружность и манеры не совсѣмъ симпатичныя. Впослѣдствіи времени онъ былъ профессоромъ стратегіи въ Военной Академіи, слѣдовалъ направленію, данному б. Медемомъ и кончалъ свои лекціи словами: «Я изложилъ вамъ, милостивые государи, мысли о стратегіи мои и лучшихъ писателей. Если я вселилъ въ васъ полное недовѣріе ко всѣмъ этимъ заключеніямъ и выводамъ, то я вполнѣ достигъ своей цѣли». Кажется, лекторъ пропустилъ выразить желаніе, чтобы слушатели, самостоятельнымъ трудомъ и изученіемъ, пополняли недостатки существующихъ системъ стратегіи. Покинувъ каѳедру, Богдановичъ занялся исторіею войскъ Россіи въ XIX столѣтіи, а теперь занятъ исторіею царствованія императора Александра Перваго. Всѣ появившіяся сочиненія его составляютъ капитальный вкладъ въ нашу небогатую военную литературу.

Шлегель 2-й, тоже артиллеристъ, молодой человѣкъ, хорошо приготовленный, скромный, но съ замѣтными способностями, обѣщалъ выйти изъ рядовъ; но, къ сожалѣнію, слишкомъ рано умеръ.

А. Н. Шіяновъ, сынъ милліонера, Кіевскаго откупщика, человѣкъ моихъ лѣтъ, но попробовавшій всѣхъ возможныхъ родовъ службы, отъ казака до дипломатическаго чиновника, былъ для насъ непонятнымъ явленіемъ. При огромныхъ способностяхъ онъ обладалъ множествомъ основательныхъ познаній, особливо по части высшей мате-

матики. Онъ написалъ: Traité sur les minimes, которое высоко цѣнилъ Остроградскій, прочитавъ его въ рукописи. Шіяновъ прекрасно владѣлъ Русскимъ, Французскимъ, Нѣмецкимъ и Англійскимъ языками. Я читалъ на Французскомъ языкѣ его описаніе природы Кавказа, гдѣ онъ былъ у немирныхъ горцевъ, по порученію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Подъ этимъ блестящимъ и поэтическимъ описаніемъ Шатобріанъ смѣло могъ бы подписать свое имя. Лѣнь, неустойчивость характера и совершенная безпорядочность въ образѣ жизни были причиною того, что Шіяновъ скоро оставилъ службу и ученыя занятія и гдѣ-то пропалъ въ толпѣ.—Всѣхъ насъ было въ этомъ курсѣ 18, но на окончательный экзаменъ въ Сентябрѣ явилось только 14. Этотъ заключительный актъ былъ особенно торжественъ; на немъ присутствовали: военный министръ князь Чернышевъ, графъ Толь, бывшій тогда главноуправляющимъ путей сообщенія, генералъ-квартирмейстеръ Шубертъ и много другихъ важныхъ лицъ. Князь Чернышевъ предоставилъ распоряженіе экзаменомъ графу Толю, какъ старшему его въ чинѣ и почетному гостю, и онъ дѣйствительно принялъ въ немъ участіе, какъ военный человѣкъ съ обширными свѣдѣніями и огромною опытностью.

Для всего курса, а для меня особенно, экзаменъ кончился блистательно. Къ крайнему моему удивленію, графъ Толь вспомнилъ меня и конечно вспомнилъ какъ повѣсу-прапорщика, который ничѣмъ не хотѣлъ заниматься въ Могилевскомъ офицерскомъ училищѣ. Онъ далъ мнѣ изъ военныхъ наукъ тему: написать диспозицію къ бою для арріергарда, данной силы и на извѣстной мѣстности предъ Краснымъ Селомъ. Я сдѣлалъ это, какъ умѣлъ. При чтеніи графъ Толь сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ и возраженій, изъ которыхъ произошелъ споръ. Мое положеніе было щекотливо: я судилъ о мѣстности по топографической картѣ, а всѣ присутствовавшіе знали ее въ натурѣ. Съемка производилась подъ руководствомъ генерала-квартирмейстера Шуберта, тутъ присутствующаго и который стоялъ за ея вѣрность. Графъ Толь понялъ это и вывелъ меня изъ затрудненія, сказавъ: «Видно, что вы не были на мѣстѣ и потому можете повѣрить намъ нá-слово, что этотъ оврагъ гораздо круче, чѣмъ здѣсь выражено». За тѣмъ, сказавши мнѣ нѣсколько добрыхъ и симпатичныхъ словъ, графъ Толь кончилъ экзаменъ тѣмъ, что поздравилъ военнаго министра съ приготовленіемъ отличныхъ офицеровъ Генеральнаго Штаба. Скоро оказалось, что и Государь былъ очень доволенъ нашимъ выпускомъ. Всѣ мы были причислены къ Генеральному Штабу. Какъ первый по баламъ, я получилъ чинъ капитана, потому что еще 1 Апрѣля этого года и по какому-то странному случаю былъ произведенъ въ штабсъ-

капитаны на вакансію, которой я не занималъ. Сверхъ того, я получилъ большую серебряную медаль, очень неудачно составленную.

По положенію Военной Академіи мы имѣли право воспользоваться четырехмѣсячнымъ отпускомъ съ производствомъ жалованья. Князь Гагаринъ немедленно отправился къ своимъ въ Тулу, а оттуда въ Кіевъ, къ своему мѣсту, а я просилъ о назначеніи меня на Кавказъ. Всѣмъ такая просьба казалось странною; всѣ находили, что я могъ бы ожидать бо́льшихъ успѣховъ по службѣ, оставаясь при войскахъ гвардейскаго корпуса. Объясненіе было очень просто: я не имѣлъ состоянія, столичная жизнь и дѣятельность мнѣ не нравились, а Востокъ продолжалъ привлекать меня къ себѣ. Желаніе мое было исполнено и, сверхъ того, Государь разрѣшилъ мнѣ выдать 1500 р. ассиг. на путевыя издержки. Въ первый разъ въ жизни у меня была въ рукахъ такая громадная сумма: до сихъ поръ я не дерзалъ мечтать далѣе третнаго не въ зачетъ жалованья. Это было очень кстати: не смотря на крайнюю умѣренность, князь Гагаринъ, распоряжавшійся нашимъ общимъ хозяйствомъ, оставилъ на мою долю 125 р. долгу портному. Это былъ первый мой долгъ и, прежде чѣмъ я могъ его заплатить, я за полверсты обходилъ домъ моего кредитора. Оказалось, что Виспольскій, портной офицеровъ путей сообщенія, надо мною же посмѣялся, когда я принесъ ему деньги и требовалъ, чтобы онъ далъ мнѣ росписку. Онъ показалъ мнѣ книгу, толстѣйшій in folio, гдѣ въ алфавитномъ порядкѣ были записаны почти всѣ офицеры этаго вѣдомства. Долговъ было на 60 т. рубл., изъ которыхъ безнадежные разложены, по его словамъ, на другихъ заказчиковъ, въ томъ числѣ и на меня.

Въ добавокъ ко всему, мнѣ разрѣшили пробыть въ Петербургѣ до конца Декабря и только съ того времени воспользоваться отпускомъ. Эти три мѣсяца я употребилъ на занятія восточными языками вмѣстѣ съ моими добрыми товарищами Вуичемъ и Горемыкинымъ. Оба они отлично кончили экзаменъ: Вуичъ вторымъ, Горемыкинъ третьимъ, получили слѣдующіе чины и назначены въ гвардейскій Генеральный Штабъ. На конференціяхъ мое первенство не было признано всѣми; были голоса и за Вуича, и мнѣ неизвѣстно, по какимъ соображеніямъ меня предпочли. Имя мое и теперь находится на мраморной доскѣ въ Военной Академіи; но я долженъ признаться, что самъ его не видалъ и въ домъ Академіи ни разу не входилъ. Богдановичъ и Шлегель 2-й получили слѣдующіе номера и были тоже произведены, хотя не по уставу Академіи, а по особому монаршему благоволенію.

Можетъ быть, я слишкомъ распространился объ этомъ хорошемъ періодѣ моей жизни. Эти воспоминанія мнѣ особенно дороги. Я чувствовалъ, что самъ, безъ чужой помощи, круто повернулъ свою жизнь

на другую дорогу. Самолюбіе было возбуждено, блестящая бабочка-надежда летѣла передо мною и манила куда-то и къ чему-то невѣдомому. Человѣкъ очень серьезный и положительный, графъ Толь неожиданно подстрекнулъ мои мечты о будущемъ. Когда я пришелъ съ нимъ проститься, онъ обласкалъ меня совершенно по-отечески и сказалъ: «Вы далеко пойдете, если молодость не собьетъ васъ съ дороги. Я знаю, что я не дурной пророкъ». Оказалось, что тутъ и съ его стороны была нѣкоторая доля самообольщенія.

Я пріѣхалъ въ Пензу въ послѣднихъ числахъ Декабря. Стариковъ своихъ я нашелъ здоровыми; но отецъ уже устарѣлъ, хотя держался бодро, какъ старый солдатъ. Ему было тогда 72 года. Двѣ сестры были за мужемъ, двѣ другія подростали. Мужья старшихъ сестеръ, Протопоповъ и Акаевскій, были мѣстные чиновники и жили безбѣдно, хотя на средства, условно признанныя честными. Вообще ихъ среда была довольно грязна. Пензенская губернія имѣла ту особенность, что отъ губернатора до послѣдняго чиновника всѣ были на жалованьи у виннаго откупщика. Мелкіе чиновники окладъ свой получали не деньгами, а натурою, и потому пьянство было всеобщее и безобразное. Я былъ счастливъ тѣмъ, что доставилъ своимъ старикамъ нѣсколько радостныхъ минутъ. Конечно мы собрались всей семьей въ Казань казать роднымъ мои капитанскіе эполеты и золотой аксельбантъ. Мы пробыли въ Капрёвѣ около мѣсяца. Дядя Петръ Степановичъ очень постарѣлъ, а тетка Клавдія Андреевна, рожденная Ханенёва, была въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ. Это была прекрасная личность, всѣми любимая и уважаемая. Двѣ хорошенькія дочери были уже почти невѣсты, сынъ учился въ Петербургѣ въ Институтѣ Путей Сообщенія. Семейство дяди мы считали своимъ и потому провели этотъ мѣсяцъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Тетка, Марья Степановна Горемыкина, узнавъ о нашемъ пріѣздѣ, тотчасъ сама пріѣхала въ Капрёво съ своими двумя дочерьми. Послѣ масляницы вся компанія отправилась къ теткѣ въ Семиключи и прогостила у ней недѣли двѣ. Приближеніе весны заставило насъ возвратиться въ Пензу, а 4-го Апрѣля я простился съ своими стариками, изъ которыхъ отца мнѣ уже болѣе не суждено было видѣть.

9 Апрѣля я переѣхалъ чрезъ Вонючій Егорлыкъ, служившій границею Ставропольской губерніи, а въ 2 часа ночи былъ въ Ставрополѣ. У меня было какое-то предчувствіе, что меня здѣсь задержатъ, и потому я поднялъ на станціи большой шумъ, требуя скорѣе лошадей по дорогѣ въ Тифлисъ. Можно вообразить мою досаду, когда смотритель подалъ мнѣ предписаніе явиться къ оберъ-квартирмейстеру войскъ Кавказской линіи и состоять въ его распоряженіи. Всѣ мои

мечты о Востокѣ разлетѣлись какъ дымъ! Цѣлую ночь я проходилъ изъ угла въ уголъ по небольшой станціонной горницѣ въ самомъ мрачномъ расположеніи духа.

Въ 10 часовъ я явился къ полковнику Горскому, который какъ-то сонливо-равнодушно сказалъ, что меня давно ожидали. Я съ раздраженіемъ отвѣчалъ, что не имѣли никакого права давно меня ожидать, потому что срокъ моего отпуска оканчивается еще чрезъ 10 дней. Горскій улыбнулся и сказалъ: «Чего же вы сердитесь; я совсѣмъ не думалъ дѣлать вамъ упрека». Мнѣ стало совѣстно. Передо мной стоялъ маленькій, невзрачный человѣкъ, въ странномъ костюмѣ, но съ добрымъ, простодушнымъ выраженіемъ лица и съ манерами, въ которыхъ ничего не было начальническаго.

Устроивъ кое-какъ свое несложное хозяйство, я хотѣлъ ознакомиться съ краемъ и моими новыми обязанностями. Я спросилъ оберъ-квартирмейстера: что̀ прикажетъ мнѣ дѣлать? — «А что́ хотите».—Но, какія же будутъ мои служебныя обязанности?—«А никакихъ. Да что вы торопитесь? Дѣло не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ». Въ этотъ разъ я засталъ Горскаго въ какомъ-то зеленомъ архалукѣ, въ шароварахъ верблюжьяго сукна и въ очень порыжѣлой Кабардинской папахѣ. Это былъ его всегдашній, домашній костюмъ. Для полноты картины надо прибавить, что онъ не выпускалъ изо рта сигары неперваго сорта. Я засталъ его за работой: онъ рисовалъ акварелью большую картину, представлявшую сцену изъ Кавказской боевой жизни. Это было его любимое и почти единственное занятіе.

Горскій представилъ меня своей женѣ. Оба просто и радушно пригласили меня обѣдать. Это было доброе и почтенное семейство, о которомъ мнѣ пріятно вспомнить. Н. И. Горскій, оберъ-квартирмейстеръ войскъ Кавказской линіи и Черноморіи, былъ старый полковникъ, стараго генеральнаго штаба. Онъ не отличался особенно бойкими способностями и серьезнымъ образованіемъ, былъ добръ, честенъ и храбръ, какъ шпага. Онъ былъ безпеченъ и апатиченъ въ мирное время и въ сильнѣйшемъ боевомъ огнѣ. Жена его, урожденная фонъ-Дерфельденъ, была, напротивъ, красивая женщина, хорошо образованная и очень пылкаго характера. Супруги уживались, сколько могли, при такой разности характеровъ. Въ ихъ домѣ все было просто и искренно; всѣ офицеры генеральнаго штаба какъ будто принадлежали ихъ семьѣ: приходили обѣдать незваные и всегда встрѣчали радушный пріемъ. Впрочемъ, гостепріимство было общею Кавказскою *добродѣтелью*.

О Кавказѣ и Кавказской войнѣ я имѣлъ смутное понятіе, хотя *профессоръ Языковъ* на лекціяхъ военной географіи проповѣдывалъ

намъ о томъ и другомъ; но по его словамъ выходило какъ-то, что самое храброе и враждебное намъ племя были Кумыки. За то оказывались на Кавказѣ стратегическія линіи и пути. Еще подъ вліяніемъ этихъ ученыхъ воспоминаній, я пошелъ провѣрять ихъ въ управленіе генеральнаго штаба. Тамъ я нашелъ заурядъ-хорунжаго Янкова, который велъ единично всю несложную переписку по генеральному штабу, и прапорщиковъ корпуса топографовъ, Александрова и Горшкова, завѣдывавшихъ топографическимъ отдѣленіемъ.

Управленіе помѣщалось въ двухъ большихъ комнатахъ, изъ которыхъ въ одной уголъ былъ заваленъ связками бумагъ. Это былъ архивъ. Все было бѣдно и не совсѣмъ опрятно. Горскій уже съ недѣлю не былъ въ управленіи.

Янковъ подалъ мнѣ нѣсколько новыхъ донесеній съ лѣваго фланга о военныхъ дѣйствіяхъ. Одно было на имя командующаго войсками отъ подполковника Пулло, начальника Сунжинской кордонной линіи, съ представленіемъ копіи донесенія ему отъ его подчиненнаго, начальника кордоннаго участка, о предпринятомъ имъ набѣгѣ на одинъ Чеченскій аулъ. Начальникъ участка, штабсъ-капитанъ, собравъ наскоро небольшой отрядъ пѣхоты и казаковъ при двухъ орудіяхъ, двинулся ночью къ аулу, чтобы напасть на него предъ разсвѣтомъ, врасплохъ, но былъ открытъ пастухами не доходя аула. Сдѣлалась тревога, Чеченцы собрались, и завязалась перестрѣлка. Штабсъ-капитанъ овладѣлъ ауломъ открытою силою и послѣ упорнаго сопротивленія сжегъ его. Съ десятокъ горцевъ убито, 8 взяты въ плѣнъ; но казаки, какъ сказано въ донесеніи, въ пылу ожесточенія, сбросили ихъ со скалы. Сверхъ того, у непріятеля отбито болѣе ста лошадей, довольно много овецъ и рогатаго скота. У насъ одинъ рядовой убитъ и два казака ранены.

Представляя это донесеніе, полковникъ Пулло доносилъ, что раззоренный аулъ былъ изъ мирныхъ и отличался вѣрностью, что штабсъ-капитанъ не спрашивалъ его разрѣшенія на этотъ набѣгъ; при личномъ же объясненіи доложилъ ему, что совершенно убѣдился въ измѣнническомъ поведеніи жителей аула, а спрашивать разрѣшенія на набѣгъ не могъ, чтобы не открыть заранѣе своего предпріятія. Въ заключеніе рапорта, Пулло просилъ командующаго войсками воспретить кордоннымъ начальникамъ дѣлать такіе набѣги безъ его разрѣшенія.

Рапортъ этотъ былъ доложенъ командующему войсками, который приказалъ только внести происшествіе въ военный журналъ. Другія донесенія были о мелкихъ хищничествахъ въ нашихъ предѣлахъ, но стоившихъ жизни нѣсколькимъ мирнымъ обывателямъ, а одинъ былъ взятъ горцами близъ Пятигорска и увлеченъ за Кубань. Въ послѣд-

немъ хищничествѣ участвовали жители Бабуковскаго аула, находящагося въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Пятигорска. Бабуковцы—выходцы изъ Кабарды и входятъ въ составъ линейнаго казачьяго войска.

Наконецъ, былъ тутъ же запросъ по высочайшему повелѣнію: почему не было донесено, какъ о чрезвычайномъ происшествіи, о нападеніи горцевъ на шихтмейстера, ѣхавшаго съ конвоемъ по Военно-Грузинской дорогѣ, причемъ шихтмейстеръ былъ убитъ, а конвойные казаки ускакали. На этотъ запросъ командующій войсками отвѣчалъ просто и ясно, что такое происшествіе не считалъ чрезвычайнымъ, такъ какъ подобныя бываютъ почти ежедневно.

Можно вообразить, какой хаосъ понятій о нашемъ въ краю положеніи прибавили эти донесенія къ лекціямъ Языкова о Кавказѣ. Правда, что въ донесеніяхъ не упоминалось о Кумыкахъ; но это вѣроятно потому что это храброе и враждебное, по словамъ Языкова, племя давно было покорно и имѣло нашу администрацію.

На другой день полковникъ Горскій представилъ меня командующему войсками Кавказской линіи и Черноморіи, генералъ-лейтенанту Вельяминову; а послѣ того я явился къ начальнику штаба генералъ-маіору Петрову. О послѣднемъ мнѣ не придется говорить: это была личность довольно ничтожная, несимпатичная и съ дурной славою; на дѣла, и особенно военныя, онъ не имѣлъ никакого вліянія. Вельяминовъ его не жаловалъ. Петровъ почти ничего не дѣлалъ и только щеголялъ мундиромъ генеральнаго штаба, котораго онъ не имѣлъ права носить.

О генералѣ Вельяминовѣ мнѣ придется говорить много разъ. Это былъ человѣкъ далеко выдающійся изъ рядовъ толпы. Онъ принялъ меня съ ледяною холодностью и, помнится, ровно ничего не сказалъ. Это былъ худощавый человѣкъ лѣтъ 50-ти, рыжій, съ тонкими губами и тонкими чертами лица. Одѣтъ онъ былъ въ свѣтлозеленый атласный архалукъ. Вообще тогда на Кавказѣ мало знали военную форму и нисколько ею не стѣснялись, отъ младшаго до старшаго. О киверахъ и шляпахъ помину не было; ходили въ фуражкахъ или папахахъ, а вмѣсто форменной шпаги или сабли носили Черкесскую шашку на ременной портупеѣ чрезъ плечо. Глазу моему, привыкшему на Сѣверѣ къ стройной формальности, странно было видѣть такое разнообразіе и даже иногда фантастичность военныхъ костюмовъ.

Вообще Ставрополь имѣлъ своеобразный видъ. Въ пестромъ населеніи его было много Армянъ, Грузинъ, Ногайцевъ и даже горцевъ. Первые были исключительно торговцы и за свою безцеремонную ловкость въ мелочной торговлѣ назывались не иначе какъ Армяшками. Костюмъ Ногайцевъ, Армянъ и Грузинъ подходилъ нѣсколько къ костюму Черкесовъ, который былъ въ большой модѣ у всѣхъ Русскихъ.

Большая часть офицеровъ, особенно пріѣзжихъ, носили этотъ костюмъ если не публично, то по крайней мѣрѣ въ своей квартирѣ. Довольно забавно было встрѣчать иногда какого-нибудь мирнаго секретаря или столоначальника въ черкескѣ съ 16 ружейными патронами на груди. Но Черкесское оружіе носили всегда и всѣ офицеры. Общая мода имѣла своихъ фанатиковъ и знатоковъ. Оружіе имѣло условную цѣну, иногда до нелѣпости высокую. Холодное оружіе было дѣйствительно недурно, хотя не выдержитъ сравненія съ хорошими сабельными и кинжальными клинками Солингенскими. Огнестрѣльное оружіе было гораздо хуже: кремневые замки винтовокъ и пистолетовъ были старинной, очень неудобной системы. Наружный видъ и отдѣлка оружія были своеобразны и очень красивы. Русскіе переняли отъ Черкесовъ старательное сбереженіе оружія. Чистый Черкесскій костюмъ взятъ въ образецъ для служебныхъ мундировъ линейнаго казачьяго войска и нѣсколько измѣненъ былъ въ Черноморіи. Вообще какъ костюмъ и оружіе, такъ сѣдло и убранство лошади были красивы, удобны и приспособлены къ климату и роду войны.

Я пріѣхалъ въ Ставрополь именно въ то время, когда прошлогодніе прикомандированные офицеры собирались уѣзжать и за стаканомъ Кахетинскаго разсказывали пріѣзжающимъ, новымъ прикомандированнымъ, свои похожденія и передавали свои впечатлѣнія на Кавказѣ, обѣтованной землѣ для всякаго, кому надоѣла сонная, пустая, однообразная жизнь въ Россіи и особенно въ Петербургѣ. Офицеры прикомандировывались ко всѣмъ частямъ Кавказскаго корпуса на одинъ годъ для участвованія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Эта мѣра была не безполезна, но не нравилась мѣстнымъ войскамъ, потому что слишкомъ часто гости дѣлались счастливыми соперниками хозяевъ при полученіи наградъ. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Ставрополѣ было видно особенное оживленіе. Всѣ заняты были приготовленіями къ экспедиціямъ, которыя обыкновенно начинались въ Маѣ. Главныя военныя дѣйствія въ этомъ году должны были производиться на правомъ флангѣ противъ Закубанскихъ горцевъ. Отрядомъ долженъ былъ командовать самъ Вельяминовъ. — Н. И. Горскій предложилъ мнѣ на выборъ отправиться въ отрядъ, или на съёмку, которая должна была дѣлаться двумя партіями топографовъ: въ Черноморіи и въ окрестностяхъ минеральныхъ водъ. Я выбралъ послѣднее, думая, что полезнѣе для меня будетъ ознакомиться со всѣми особенностями края, прежде чѣмъ принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Кстати же мнѣ нужно было немного и отдохнуть въ хорошемъ климатѣ: Петербургская жизнь и занятія отзывались большою усталостью.

2 Мая я выѣхалъ изъ Ставрополя съ четырьмя топографами, которые должны были составлять мою партію. Съёмка моя должна была примыкать съ восточной стороны къ той, которая была прежде доведена до укрѣпленія и урочища Каменный Мостъ на Малкѣ, а съ западной и южной къ Кубани и Карачаю. Большая часть съёмки назначена въ 200 саж. въ дюймѣ, и только самая западная часть отъ Эшкакона къ Кубани въ масштабѣ — верста въ дюймѣ. Край этотъ до того мало былъ извѣстенъ, что составленная мною карта, изъ всѣхъ имѣвшихся въ Генеральномъ Штабѣ свѣдѣній, оказалась впослѣдствіи невѣрною на 30 верстъ между Каменнымъ Мостомъ на Малкѣ и Кубанью.

Я поселился въ ст. Кисловодской, въ трехъ верстахъ отъ укрѣпленія Кисловодскаго, куда знаменитый Нарзанъ привлекалъ посѣтителей, больныхъ и здоровыхъ, изо всей Россіи. Все лѣто я провелъ въ разъѣздахъ для осмотра работъ топографовъ, которые были размѣщены верстъ на полтораста. Мѣстá, гдѣ производилась съёмка, считались не безопасными, а потому при каждомъ топографѣ было отъ 15 до 20 линейныхъ казаковъ, и кромѣ того у меня въ конвоѣ было человѣкъ 12, въ числѣ которыхъ были и изъ мирныхъ горцевъ. Я съ наслажденіемъ дышалъ полною грудью ароматическимъ, здоровымъ воздухомъ горъ и степей. Поѣздки мои совершались всегда верхомъ и часто продолжались по недѣлѣ и болѣе. На всемъ пространствѣ съёмокъ не было почти никакого жилья; только безпрестанно встрѣчались по балкамъ пространства, заросшія крапивой и высокимъ бурьяномъ. Это были мѣста ауловъ, жители которыхъ въ 1811 г. вымерли отъ чумы или разбѣжались. Природа въ этой странѣ великолѣпна и величественна. Мѣстность постепенно возвышается къ Югу и образуетъ два отрога Кавказа, тянущихся на разстояніи болѣе двухсотъ верстъ и перерываемыхъ ущельями Кубани, Кумы, Подкумка, Малки и ихъ притоковъ. Дальній, т. е. южный, отрогъ имѣетъ уже значительную высоту. Нѣкоторыя вершины, какъ напр. Бермамытъ, Эшкаконъ и другія, имѣютъ до 7000 ф. высоты. Лѣса хвойные и лиственные ростутъ вообще только по долинамъ и ущельямъ рѣкъ, остальное пространство покрыто густой, сочной, ароматической, но невысокой травою, питающей огромныя стада овецъ, принадлежащихъ Кабардинцамъ и Карачаевцамъ, которыхъ аулы были за десятки верстъ за Малкою и въ вершинахъ Кубани. Эти стада служили лучшими заложниками вѣрности Карачаевцевъ, живущихъ у подножія Эльбруса, *въ верхнихъ частяхъ* долины Кубани, въ горномъ краѣ, трудно до*ступномъ, покрытомъ* хвойными лѣсами. Ихъ пастбища доставляютъ *сочный кормъ овцамъ* только въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы и по мѣрѣ

того, какъ жары начинаютъ уменьшаться, Карачаевскія стада спускаются съ горъ и наконецъ зимуютъ въ долинѣ Кубани ниже Хумары, въ ущельяхъ Кумы, Подкумка, Эшкакона и Учкуля.

Во время моихъ разъѣздовъ я часто ночевалъ или отдыхалъ на ихъ кошахъ и лакомился шашлыкомъ, которымъ пастухи угощали насъ съ патріархальнымъ радушіемъ. Карачаевская баранина вкуснѣе лучшей телятины и имѣетъ какой-то особенный ароматъ, вѣроятно отъ горныхъ травъ, между которыми много пахучихъ цвѣтовъ. Мнѣ удалось познакомиться со многими Карачаевцами, и я съ любопытствомъ изучалъ этотъ добрый и смирный народъ. Карачаевцы, которыхъ число могло быть до 5 т. душъ муж. пола, были когда-то покорены Кабардинцами и освободились только въ то время, когда сами завоеватели подпали подъ власть Россіи. Не смотря на то, въ ихъ аулѣ жилъ всегда одинъ изъ Кабардинскихъ князей Атаджукиныхъ и считался главою народа. Своихъ князей у нихъ не было, а по обычаямъ горцевъ народъ не могъ дѣйствовать оружіемъ противъ какой-нибудь хищнической партіи, въ которой есть лицо княжескаго рода. Карачаевцы воинственны и хорошо вооружены, но едва ли когда отличались особеннымъ хищничествомъ, подобно Закубанцамъ. Въ 1828 году, командовавшій войсками Кавказской линіи генералъ Эмануэль занялъ ихъ аулъ безъ особенныхъ затрудненій и потерь. Карачаевцы присягнули на подданство, дали заложниковъ и съ тѣхъ поръ оставались спокойными подъ управленіемъ нашего пристава. Карачаевцы говорятъ Тюркскимъ нарѣчіемъ, мало отличающимся отъ Ногайскаго, но народный типъ совершено ничего не имѣетъ похожаго на Ногайскій. Между ними много русыхъ, съ голубыми глазами, обильной бородой и чертами лица, очень сходными съ типомъ мужиковъ средней Россіи. Итальянскимъ писателямъ среднихъ вѣковъ они извѣстны подъ именемъ Карачіоли, а Туркамъ Кара-черкесъ. Съ племенемъ Адиге, которое мы и Турки называемъ Черкесами, Карачаевцы ничего общаго не имѣютъ, но слогъ *Кара* въ ихъ имени указываетъ или на ихъ порабощеніе или на особенную древность поселенія въ этомъ краѣ. Ни одна рѣчка въ ихъ землѣ не называется Кара-чай или Кара-су. Между Карачаевцами есть немало людей богатыхъ. Въ мое время говорили, что Крымъ-шаукалъ имѣлъ до 200 т. овецъ. Ихъ стада постоянно находятся въ дали отъ ауловъ и зимуютъ подъ скалами, въ такихъ ущеліяхъ, гдѣ они болѣе укрыты отъ зимней непогоды. Пастухи едва однажды въ годъ бываютъ въ своемъ аулѣ и живутъ бездомными и безсемейными кочевниками. Замѣчательно, что такихъ пастуховъ Карачаевцы, какъ и Осетины, называютъ казаками.

Пространство, на которомъ производилась моя съёмка, къ Югу отъ Кисловодска до Малки и ея притока Хасаута, до горы Бермамыта, чрезъ Кумбаши и по ущелью Мары до Кубани, образовало Кисловодскую кордонную линію, которой начальникъ, артиллеріи подполковникъ баронъ Ганъ, жилъ въ Есентукахъ и былъ подчиненъ начальнику праваго фланга генералъ-майору Зассу, котораго мѣстопребываніе было въ Прочномъ-Окопѣ. Баронъ Ганъ былъ человѣкъ очень серьёзно образованный, но большой пьяница. Чрезмѣрная тучность дѣлала его совершенно неспособнымъ къ кордонной службѣ; за то онъ мало объ ней и заботился. На постахъ былъ безпорядокъ; постовые начальники, большею частью урядники или хорунжіе линейнаго войска, отпускали казаковъ въ домà за условную плату, такъ что, пріѣхавъ однажды ночью на постъ Кабардинскій, я нашелъ тамъ однѣхъ собакъ. Надо однакоже признаться, что хищничества случались въ этомъ краѣ нечасто, благодаря особенно удаленію жилищъ непокорныхъ горцевъ. Для обезпеченія минеральныхъ водъ отъ вторженія значительныхъ партій, выставлялось на передовой линіи нѣсколько отрядовъ, и именно: на Кичмалкѣ, на Каменномъ Мосту (на Малкѣ), гдѣ было постоянное укрѣпленіе, на Хасаутѣ, въ вершинахъ Эшкакона, на Кумбаши, и при укрѣпленіи Хумара, близъ устья Мары и Кубани. Отряды эти состояли изъ одной роты пѣхоты, 2-хъ полевыхъ орудій и полсотни казаковъ. На Эшкаконѣ было двѣ роты и сотня казаковъ, а на Каменномъ Мосту цѣлый батальонъ, 2-го Мингрельскаго егерскаго полка, съ 4-мя орудіями. Хотя эта передовая линія, выставленная съ 1-го Іюля по 1-е Сентября, была учреждена генераломъ Вельяминовымъ, отлично знавшимъ край; но можно сомнѣваться въ ея особенной пользѣ, какъ событія и показали въ Августѣ этого года. Сильная партія Абадзеховъ въ 1.500 человѣкъ, возвращаясь послѣ нападенія на Кисловодскъ, переночевала въ виду Эшкаконскаго отряда, который не смѣлъ носа показать изъ-за своего укрѣпленія, импровизованнаго на лѣто изъ навоза и разнаго мусору. Правда, что этотъ случай относится къ неудобствамъ кордонной системы болѣе, чѣмъ къ сообразному устройству этой передовой линіи, такъ какъ эти три временныхъ поста имѣли еще спеціальною цѣлью прикрывать пространство въ вершинахъ Подкумка и Эшкакона, гдѣ дирекція минеральныхъ водъ вырубала сосновыя деревья на постройки при водахъ.

Въ началѣ Августа, я переѣхалъ изъ Кисловодской станицы въ *аулъ* Тохтамышевскій, верстахъ въ 8 отъ Кубани и ст. Баталпашин*ской. Мнѣ хотѣлось видѣть ближе* быть туземцевъ. Огромный аулъ *населенъ былъ Ногайцами*; но ихъ обычай, образъ жизни и вооруже-

ніе совершенно одинаковы съ Черкесами и Абазинцами, ихъ сосѣдями. Аулъ съ давняго времени покоренъ, но очень нерѣдко жители его по одиначкѣ присоединялись къ хищническимъ партіямъ немирныхъ горцевъ, участвовали въ разбояхъ, служили вожаками или укрывали хищниковъ. На туземномъ языкѣ говорилось, что это молодежъ шалитъ. Но эти шалости имѣли всегда характеръ трагическій и какъ повторялись почти ежедневно, то въ Русскомъ населеніи укоренилась ненависть къ такъ-называемымъ «мирнымъ», и ихъ не безъ основанія считали болѣе вредными, чѣмъ племена, находившіяся въ явно враждебномъ къ намъ отношеніи. Впрочемъ, край былъ очевидно въ переходномъ положеніи: Кубанскіе Ногайцы и Абазинцы мало по малу теряли свою самостоятельность и даже воинственность по мѣрѣ того какъ наши дѣйствія отодвигали немирныя, горскія племена далѣе къ Западу отъ верхнихъ частей Кубани. Поручикъ Алкинъ, бывшій въ то время приставомъ Кубанскихъ Ногайцевъ, говорилъ мнѣ. «Вѣдь «это они только теперь присмирѣли, а въ началѣ двадцатыхъ годовъ «какіе они намъ задавали бои! Выѣзжало иногда до 5.000 всадниковъ, «изъ которыхъ очень много было панцырниковъ». Надобно признаться, что наше начальство, до нѣкоторой степени, виновно въ томъ, что воинственность и страсть къ разбойническимъ подвигамъ все еще сохранялась между мирными. Изъ нихъ набирались милиціи для отраженія вторженій или для наступательныхъ движеній. Этимъ пріобрѣтали только весьма ненадежное, дорого стоющее и совершенно безпорядочное войско. Сверхъ того, надобно замѣтить одну туземную особенность: горцы считаютъ разбой и грабежъ не порокомъ, а напротивъ удальствомъ и заслугою. Русскіе отчасти заразились подобнымъ же убѣжденіемъ. Горецъ славился своими подвигами и если ожидалъ, что Русское начальство подвергнетъ его наказанію, то бѣжалъ къ немирнымъ и тамъ старался обратить на себя особенное вниманіе предпріимчивостью и удальствомъ. Часто такіе бѣглецы дѣлались извѣстными предводителями хищническихъ партій. Случалось и то, что изъ мирныхъ бѣжали къ немирнымъ люди, ни за что̀ не преслѣдуемые, но собственно, чтобы прославиться своими подвигами и усовершенствоваться въ разбойничьей войнѣ. Чрезъ такую высшую академію прошли многіе молодые люди, какъ напримѣръ Абазинскій князь Маматъ-Гирей Лоовъ, Адиль-Гирей Каплановъ-Нечевъ, впослѣдствіи бывшіе генералъ-майорами, носившіе тонкое бѣлье и курившіе хорошія сигары. Изъ нихъ первый—человѣкъ хитрый и энергическій, красавецъ и отличный наѣздникъ, отправляясь къ немирнымъ *Абадзехамъ*, предалъ порученнаго ему капитана генеральнаго *штаба барона* Торнау, который вызвался проѣхать чрезъ земли не-

покорныхъ горскихъ племенъ для собранія всякаго рода свѣдѣній. Это предпріятіе показываетъ, вопервыхъ, какъ мало мы знали край, въ которомъ нѣсколько дѣсятковъ лѣтъ велась война, а вовторыхъ, какіе странные пріемы употребляли для собранія этихъ свѣдѣній. Еще въ 1830 году преемникъ Ермолова, Паскевичъ послалъ артиллерійскаго поручика Новицкаго въ горы съ такимъ же порученіемъ. Новицкій обрилъ голову, отпустилъ бороду, надѣлъ Черкесскія рубища, выпачкалъ лицо и руки и, представляя глухонѣмаго нукера, проскакалъ отъ Прочнаго-Окопа до Анапы. Проводникомъ его были извѣстные Шапсугскіе дворяне Абатъ и Убыхъ Неморѐ, подкупленные за значительное вознагражденіе. Они ѣхали по ночамъ, а дни проводили у знакомыхъ Абата. Не смотря на то, Новицкаго узнали по мозолямъ на ногахъ, и онъ едва не поплатился жизнью за свой безполезный подвигъ. Все это не помѣшало однакоже Новицкому представить Паскевичу толстую тетрадь, въ которой систематически, хотя невсегда вѣрно, были описаны Черкесскій край и племена, обитающія не только по пути его проѣзда, но и по южной покатости хребта до самой Абхазіи. Разумѣется, самъ Новицкій ничего этого не видѣлъ и не слышалъ, а всѣ свѣдѣнія сообщены ему были Таушемъ и Люлье, переводчиками, служившими прежде въ кампаніи Де-Скасси и жившими около 15 лѣтъ между горцами. Объ этихъ двухъ личностяхъ я буду имѣть случай еще говорить, а здѣсь упоминаю только для того, чтобы показать, въ какой степени безполезна отважная поѣздка Новицкаго. Вѣроятно тѣже результаты имѣла бы и попытка барона Торнау, еслибы не измѣна Маматъ-Гирея. Несчастный Торнау пробылъ нѣсколько лѣтъ въ плѣну и съ большимъ трудомъ и издержками правительства могъ спастись бѣгствомъ. Перенесенныя имъ во время плѣна лишенія и бѣдствія разстроили только его здоровье.

Въ концѣ Августа, съёмка моихъ топографовъ приближалась къ концу, а пребываніе въ аулѣ мнѣ начало надоѣдать. Въ саклѣ, безъ оконъ и дверей, ни на одну минуту нельзя быть свободнымъ отъ докучливыхъ посѣтителей, которые, нисколько не стѣсняясь, входили и уходили, вступали въ разговоръ или во время чаепитія запускали грязную лапу въ сахарницу и раздавали куски мальчишкамъ, которыхъ всегда штукъ 15 глазѣло въ дверныя и оконныя отверстія. Я переѣхалъ въ станицу Баталпашинскую, куда вскорѣ собрались и мои топографы, чтобы вычерчивать брульоны своихъ съёмокъ. Я пробылъ тамъ до конца Ноября и былъ доволенъ тѣмъ, что этотъ случай доставилъ мнѣ возможность близко ознакомиться съ своеобразнымъ бытомъ линейныхъ казаковъ. Съ «межевымъ», какъ меня тамъ называли, никто не церемонился, и я видѣлъ все въ будничномъ видѣ.

Однообразіе моей станичной жизни было скоро нарушено однимъ замѣчательнымъ происшествіемъ. Часовъ въ 6 вечера пушечный выстрѣлъ съ вала, окружающаго станицу, возвѣстилъ тревогу. Поднялись страшная суета и бѣготня. Всѣ способные къ оружію схватили шашку и ружье, и бросились на станичный валъ; женщины бѣжали туда же, отведя дѣтей въ каменную церковную ограду, служившую цитаделью. Станица была очень большая; но, какъ большая часть служилыхъ казаковъ были на службѣ по дальнимъ постамъ, а регулярныхъ войскъ не было, то защищать такое обширное и при томъ очень слабое укрѣпленіе было дѣломъ нелегкимъ. Оказалось впрочемъ, что горцы не имѣли никакого намѣренія нападать на эту станицу. Ихъ партія открытой силой перешла чрезъ Кубань у поста Черноморскаго и двинулась мимо Тохтамышскаго аула по направленію къ станицѣ Бекешевской. Отъ станицы Баталпашинской ихъ густая толпа проскакала верстахъ въ 4-хъ, и не смотря на то, по нимъ стрѣляли изъ шестифунтовыхъ чугунныхъ пушекъ, чтобы сдѣлать тревогу въ краѣ и дать знать непріятелю о своей готовности къ бою. Часа черезъ три прискакалъ съ казаками и Ногайской милиціей генералъ-майоръ Зассъ, начальникъ праваго фланга. Я въ первый разъ видѣлъ эту далеко недюжинную личность. Тогда Зассъ явился мнѣ въ ореолѣ множества легендарныхъ объ немъ разсказовъ и въ обстановкѣ какъ нельзя болѣе марціальной и поэтической. Это былъ человѣкъ средняго роста, съ тонкими чертами лица, длинными русыми усами и плутоватыми глазами. Онъ и всѣ лица его свиты были одѣты въ живописный Черкесскій костюмъ и щеголяли оружіемъ. Я былъ молодъ, воображеніе дополняло дѣйствительность. Только впослѣдствіи времени въ этой блестящей картинѣ оказались темныя мѣста. Польза этихъ рыцарскихъ подвиговъ оказалась сомнительною, но это нисколько не умаляетъ заслугъ Засса. Въ настоящее время это былъ бы идеальный партизанскій генералъ, который въ Европейской войнѣ могъ бы играть важную роль при нынѣшнемъ устройствѣ и вооруженіи войскъ.

При генералѣ Зассѣ состоялъ прикомандированный къ Генеральному Штабу гусарскій поручикъ Цеге-фонъ-Мантейфель. Отъ него я узналъ, что ворвавшееся въ наши предѣлы скопище состояло изъ Абадзеховъ и Убыховъ до 1500 человѣкъ подъ предводительствомъ Али-Хырсыза, извѣстнаго разбойника, какъ видно уже и изъ самаго его имени (хырсызъ значитъ разбойникъ). Этой кличкой Али особенно гордился, и она-то вѣроятно и доставила ему честь быть предводителемъ въ смѣломъ набѣгѣ. Вообще воровство и разбой, какъ въ древней Спартѣ, были у Черкесовъ въ чести; позорно было той

быть пойманнымъ въ воровствѣ. Мнѣ памятенъ одинъ характеристичный случай. Въ 1842 году, къ начальнику отряда, дѣйствовавшаго въ странѣ Натухайцевъ, контръ-адмиралу Серебрякову, пріѣхала депутація для переговоровъ. Изъ пяти человѣкъ четверо были сѣдые старики, пятый безбородый юноша. Серебряковъ говорилъ съ депутатами по-турецки безъ переводчика и началъ съ того, что упрекнулъ народъ Натухайскій за то, что прислалъ для переговоровъ такого мальчика, которому слѣдуетъ только молчать и слушать старшихъ; я былъ при этомъ разговорѣ. Серебряковъ спросилъ меня, понялъ ли я отвѣтъ одного изъ стариковъ депутатовъ. Я сказалъ, что, если не ошибаюсь, старикъ говоритъ, что, хотя молодой человѣкъ дѣйствительно молодъ, но онъ сынъ очень почтеннаго родителя, которому 80 лѣтъ и который никогда не воровалъ.—«Плохо-же вы поняли», сказалъ Серебряковъ; «онъ 80 лѣтъ воровалъ, но ни разу не былъ пойманъ; отъ того его сыну и сдѣланъ такой почетъ».

Цѣль вторженія партіи составляла безусловную тайну и вѣроятно извѣстна была одному предводителю; иначе нашлось бы немало желающихъ продать эту тайну Зассу или другому кордонному начальнику. Это составляетъ характеристическую черту Черкесовъ. У всѣхъ нихъ была общая ненависть къ Русскимъ и общая жадность къ рублямъ. Лазутчикъ, измѣнически выдавшій тайну партіи, летитъ опять къ ней и дерется противъ насъ съ самоотверженіемъ. Лазутчиковъ мы имѣли во всѣхъ сословіяхъ, начиная отъ князей до послѣдняго пастуха. Экстраординарная сумма, отпускавшаяся безотчетно кордоннымъ начальникамъ на подарки горцамъ, производила разрушительное дѣйствіе на нравственность этого дикаго народа и могла бы окончательно его развратить, если бы значительная часть этой суммы самовольно не отклонялась отъ своего назначенія. Впрочемъ горецъ, получивъ наши рубли, никогда не употреблялъ ихъ на улучшеніе своего быта, и, если не сбывалъ ихъ Армянамъ на оружіе или его украшеніе, то зарывалъ въ землю, опасаясь открытія его сношеній съ Русскими.

Партія ночевала передъ этимъ верстахъ въ 80 отъ Кубани; бо́льшая часть всадниковъ были о-дву-конь, т.-е. имѣли въ поводу запасную лошадь. Это указывало на дальнюю и серьозную цѣль набѣга. Генералъ Зассъ, по первому извѣстію о движеніи непріятельской партіи, собралъ все, что́ было возможно и двинулся къ Баталпашинску. Здѣсь онъ долженъ былъ остаться нѣсколько часовъ, чтобъ дать вздохнуть лошадямъ, и особливо, чтобы получить вѣрныя свѣдѣнія о направленіи партіи. Для этаго Ногайская милиція была немедленно послана по слѣдамъ партіи.

Событія разъигрались съ необыкновенною быстротою. Партія, проскакавъ въ виду Векешевской станицы на правый берегъ Кумы, поднялась на лѣсистые и пересѣченные берега р. Дарьи и тамъ имѣла нѣсколько часовъ отдыха. Еще до разсвѣта, горцы пустились въ дальнѣйшій путь по направленію къ ст. Есентукской, но наткнулись на двухъ Донскихъ казаковъ, посланныхъ въ ст. Боргусантскую съ извѣстіемъ о тревогѣ. Они гнались за казаками нѣсколько верстъ, своротивъ къ ст. Боргусантской. Одинъ Донской казакъ былъ схваченъ и изрубленъ; другой, изъ Калмыковъ, проскакалъ мимо станицы, гдѣ уже была тревога и ворота заперты, и бросился по дорогѣ къ Кисловодску. Можно думать, что гонка за казаками отвлекла горцевъ отъ ст. Есентукской и, какъ тревога уже распространилась по всему краю, они рѣшились броситься на Кисловодскъ.

То что̀ называлось городомъ, состояло изъ нѣсколькихъ улицъ, съ маленькими турлучными домиками, принадлежавшими офицерамъ и солдатамъ гарнизона; тамъ были двѣ роты и штабъ-квартира линейнаго батальона. На бастіонахъ маленькой крѣпостцы было нѣсколько орудій, изъ которыхъ едва ли когда-нибудь стрѣляли. Возможность открытаго нападенія на Кисловодскъ едва ли кому-нибудь приходила въ голову, тѣмъ болѣе, что передовые отряды войскъ еще не были сняты, хотя курсъ минеральныхъ водъ уже кончился и только оставалось нѣсколько запоздалыхъ посѣтителей. Рано утромъ Калмыкъ подскакалъ къ запертымъ воротамъ казачьяго поста, находящагося на краю города у подножія возвышенности, на которой была крѣпостца. Горцы схватили Калмыка и бросились на постъ и окрестные дома. Въ одномъ изъ нихъ они изрубили помѣщицу Шатилову, которой, по чрезвычайной тучности, не могли увезти. Казаки отстрѣливаясь успѣли отступить; горцы зажгли постъ. Въ городѣ происходила страшная суматоха: жители прятались, солдаты бѣжали въ крѣпость; туда же прибѣжалъ 60-лѣтній старикъ, Ѳедоровъ, подпоручикъ гарнизонной артиллеріи. Нужно было открывать огонь по непріятелю, находившемуся въ какихъ-нибудь 150 саженяхъ, но фитилей не оказалось. Принесли огня, когда горцы уже стали уходить. Изъ первыхъ на тревогу явилась извѣстная въ то время генеральша Мерлина, верхомъ, показачьи, съ шашкой и нагайкой, которой чуть не досталось старику Ѳедорову. Наконецъ, открыли огонь ядрами. Тутъ наѣздница выказала замѣчательныя тактическія соображенія. Она закричала на Ѳедорова: «Старая крыса, стрѣляй гранатами впередъ непріятеля, а когда разрывъ снарядовъ остановитъ толпу въ ущельѣ, валяй картечью». Старикъ сказалъ: «слушаю, матушка, ваше превосходительство»; но выстрѣловъ гранатами не послѣдовало, горцы были уже

леко. На посту оказалось нѣсколько человѣкъ ранеными и шесть казаковъ увлечены въ плѣнъ. Все это произошло не болѣе какъ въ полчаса. У непріятеля тяжело раненъ предводитель Али-Хырсызъ. Его взвалили на лошадь, но, проскакавъ нѣсколько верстъ, увидѣли, что онъ умеръ.

Партія направилась мимо поста Красиваго, къ вершинамъ Эшкакона. Пѣхота наша пошла слѣдомъ, казаки стали со всѣхъ сторонъ собираться, но прослѣдовали вяло, по причинѣ малочисленности. Горцы къ вечеру достигли вершинъ р. Эшкакона и остановились тамъ для отдыха. Они развели огни, пѣли пѣсни, дѣлили скудную добычу и вообще нисколько не стѣснялись нашимъ передовымъ постомъ, отъ котораго были не далѣе пушечнаго выстрѣла. До разсвѣта горцы уже спокойно продолжали ѣхать чрезъ Карачаевскую землю, перешли чрезъ Кубань выше устья Мары и въѣхали въ ущелье р. Аксаута.

Впродолженіе этого времени генералъ Зассъ, узнавъ направленіе горцевъ, немедленно сдѣлалъ распоряженіе направить пѣхоту, еще не дошедшую до Баталпашинска, за Кубань, а самъ съ казаками переправился туда же и назначилъ общій соборный пунктъ въ ущельи р. Аксаута. Со всѣхъ сторонъ къ нему приходили вѣрныя извѣстія о движеніи партіи, и онъ, зная край и обычаи горцевъ, не сомнѣвался, что они будутъ возвращаться не по той дорогѣ, по которой пришли и гдѣ все въ тревогѣ, а изберутъ другое удобнѣйшее, хотя не кратчайшее направленіе. Въ этомъ предположеніи онъ быстро двинулся вверхъ по Аксауту и занялъ удобную позицію. Горцы не заставили себя долго ждать; наткнувшись на наши войска, они рѣшились пробиться, но лошади были слишкомъ утомлены, и мѣстность была для нихъ очень неудобна. Не смотря на то, имъ удалось наконецъ пройти но оставивъ 42 тѣла и бросивъ нашихъ плѣнныхъ. Казаки почти не преслѣдовали далѣе непріятеля, партія разбрелась по одиночкѣ. Зассъ, по обычаю, приказалъ отрѣзать головы убитыхъ и съ этимъ трофеемъ возвратился въ свой Прочный-Окопъ. Чрезъ годъ послѣ того, я встрѣтилъ генерала Засса въ Ставрополѣ. Онъ ѣхалъ въ саняхъ, а другія сани, закрытыя полостію, ѣхали за нимъ. «Куда это, ваше превосходительство, и что́ вы везете»?—«Ѣду, землякъ, въ отпускъ и везу Вельяминову въ сдачу рѣшенныя дѣла». Съ этимъ словомъ онъ открылъ полость, и я не безъ омерзенія увидѣлъ штукъ пятьдесятъ голыхъ череповъ. Вельяминовъ отправилъ ихъ въ Академію Наукъ.

Я довольно подробно описалъ это происшествіе, потому что для *меня оно* было своеобразною и характеристичною картиной Кавказ*ской кордонной войны*, а сверхъ того оно и само имѣло большой *общій интересъ. Это было* почти послѣднее вторженіе горцевъ въ на-

ши предѣлы открытою силою, и для нападенія на отдаленное и значительное заведеніе. Горцы, чрезъ мирныхъ, очень хорошо знали, что въ Кисловодскѣ есть регулярная пѣхота, а въ крѣпости пушки; слѣдовательно успѣхъ предпріятія могъ быть только при чрезвычайной быстротѣ и внезапности нападенія. Безпрестанные набѣги генерала Засса заставили непокорныхъ горцевъ удалить свои жилища за Лабу, такъ что ближайшіе Абадзехскіе аулы были верстахъ въ 90 отъ верхней Кубани. Въ этомъ промежуткѣ жили, по предгоріямъ, разныя мелкія племена, которыя безпрестанно покорялись и измѣняли. Они равно боялись и Русскихъ, и Абадзеховъ. Волей или неволей, они давали пристанище всѣмъ воровскимъ партіямъ и большимъ сборищамъ, готовившимся ко вторженію въ наши предѣлы или оттуда возвращавшимся. Такъ сборище Али-Хырсыза ночевало въ 80 верстахъ отъ Кубани и въ два послѣдующіе дня должно было проскакать болѣе 250 в., имѣя два небольшихъ отдыха и не болѣе получаса остановки въ Кисловодскѣ. Такая быстрота объясняется тѣмъ, что большая часть всадниковъ имѣли заводныхъ лошадей и еще болѣе тѣмъ, что горцы имѣли свой, выработанный вѣками разбойничества, способъ приготовлять лошадей для такихъ дальнихъ и быстрыхъ походовъ. Чтобы приготовить (или какъ казаки говорили, подъяровить) лошадь, нужно не менѣе мѣсяца, въ который ее держатъ въ теплой конюшнѣ, кормятъ сначала мало, а потомъ даютъ только овесъ, ячмень или просо; ѣздятъ на ней умѣренно, увеличивая постоянно разстоянія. Впрочемъ порода Черкесскихъ лошадей имѣетъ въ этомъ особенное значеніе. У горцевъ западной половины Кавказа были тогда знаменитые конскіе заводы: Шолокъ, Трамъ, Есени, Лоо, Бечканъ. Лошади не имѣли всей красоты чистыхъ породъ, но были чрезвычайно выносливы, вѣрны въ ногахъ, никогда не ковались, потому что ихъ копыта, по выраженію казаковъ «стаканчикомъ», были крѣпки, какъ кость. Нѣкоторые кони, какъ и ихъ всадники, имѣли громкую славу въ горахъ. Такъ напр. бѣлый конь завода Трамъ былъ почти столько же извѣстенъ у горцевъ, какъ и его хозяинъ Магометъ-Ашъ-Атаджукинъ, бѣглый Кабардинецъ и знаменитый хищникъ. Горцы любятъ своихъ лошадей, очень объ нихъ заботятся, но держатъ ихъ на уздѣ очень строго и безпрестанно возбуждаютъ ихъ энергію хлопаньемъ нагайки и разными поворотами. Я купилъ на Баталпашинской ярмаркѣ за 22 р. сер. молодаго мерина, мало ѣзжанаго, завода Есени, сѣрой масти, какъ и всѣ лошади этого завода. Толку въ лошадяхъ я не знаю; но могу сказать, что мой конь вѣрно служилъ мнѣ 7 экспедицій и удивлялъ меня необыкновенною выносливостью, послушаніемъ и искусствомъ лазить по горамъ. Впослѣдствіи его цѣнили въ 500 р. сер. Вѣроятно, онъ и долго

еще продолжалъ бы вѣрно служить мнѣ, если бы его не погубили: морякъ, которому я его на время поручилъ, и ученый ветеринаръ.

Съёмка моя была вычерчена, подписана и наклеена. 2 Декабря я возвратился въ Ставрополь, готовясь получить большія похвалы за безпримѣрный успѣхъ работы. Я представилъ оберъ-квартирмейстеру всѣ листы съёмки, занявшіе полъ почти всей его столовой. Горскій, посмотрѣвъ очень равнодушно, сказалъ: «Что же это вы сдѣлали? Вы сняли все пространство. Куда же мы будемъ посылать съёмочныя партіи?» Этотъ вопросъ поубавилъ мои надежды, а когда Горскій представилъ меня и мою съёмку командующему войсками, генералъ Вельяминовъ сказалъ только: «Эхая термалама!» Послѣднее выраженіе относилось къ большой пестротѣ плана края, гористаго и во многихъ мѣстахъ покрытаго лѣсами хвойными, лиственными и смѣшанными. Впослѣдствіи времени я получилъ, при общемъ представленіи, единовременно тысячу рублей, которые мнѣ были совсѣмъ не необходимы, и я ихъ отправилъ своимъ старикамъ.

Чрезъ нѣсколько дней по моемъ пріѣздѣ, полковникъ Горскій объявилъ мнѣ, что я долженъ вступить въ исправленіе должности оберъ-квартирмейстера по случаю скораго отъѣзда его, Горскаго, въ Тифлисъ, по требованію корпуснаго командира. Еще до пріѣзда въ Ставрополь я получилъ увѣдомленіе, что высочайшимъ приказомъ я переведенъ капитаномъ въ Генеральный Штабъ, по правамъ Военной Академіи. Не смотря на то, я не былъ старшимъ изъ наличныхъ офицеровъ этаго вѣдомства. Капитанъ Пассекъ былъ старше меня въ чинѣ. Горскій не принялъ этаго въ соображеніе, выразившись очень нелестно о Пассекѣ. Дѣйствительно, это былъ человѣкъ вялый отъ природы и еще болѣе изнуренный болѣзнями и непорядочною жизнью. Это былъ сынъ отъ перваго брака Пассека, сосланнаго въ Сибирь и тамъ женившагося *). Всѣ дѣти этаго втораго брака были люди способные и энергическіе. Одинъ изъ нихъ обратилъ на себя особое вниманіе на Кавказѣ и погибъ въ чинѣ генералъ-майора, во время знаменитой экспедиціи князя Воронцова въ Дарго, въ 1845 году.

Полковникъ Горскій выѣхалъ въ Тифлисъ, а до того времени ничего не дѣлалъ, или рисовалъ акварелью батальныя картины, а я исправлялъ его должность, и разъ въ недѣлю докладывалъ генералу Вельяминову, которому такой порядокъ вещей совсѣмъ не казался ненормальнымъ. Вообще, тогда на Кавказѣ не было того педантическаго формализма, который на каждомъ шагу билъ въ глаза во всей Россіи. Частный начальникъ устроивался въ своемъ управленіи болѣе или менѣе по своему личному усмотрѣнію. Особенно это относилось

*) См. Записки его въ Русскомъ Архивѣ 1863 г. П. Б.

къ начальникамъ главныхъ частей. Генералъ Вельяминовъ былъ вмѣстѣ и начальникомъ Кавказской области. Его гражданское управленіе, въ которомъ онъ имѣлъ права генералъ-губернатора, было совершенно отдѣльно отъ военнаго. Послѣднее устроилось довольно оригинально. Главныя его части, какъ и вездѣ, составляли дежурство и управленіе генеральнаго штаба. Дежурство, сверхъ обыкновеннаго круга дѣйствій, имѣло еще много другихъ занятій, обусловливаемыхъ особенностями края и производившимися въ немъ военными дѣйствіями; генеральный штабъ, напротивъ, былъ значительно стѣсненъ въ своемъ кругѣ дѣйствій. Вельяминовъ не любилъ офицеровъ этого вѣдомства. Бóльшую часть занятій по военнымъ дѣйствіямъ во всемъ краѣ онъ сосредоточилъ въ секретномъ отдѣленіи, которымъ, подъ его руководствомъ и въ его квартирѣ, управлялъ состоявшій при немъ для особыхъ порученій полковникъ Ольшевскій. Онъ прежде былъ адъютантомъ Вельяминова и теперь пользовался у него большимъ довѣріемъ. Объ этой личности я долженъ сказать нѣсколько словъ. Ольшевскій, Полякъ и католикъ, былъ сынъ какого-то шляхтича въ Бѣлоруссіи или Литвѣ, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ и потому образованіе получилъ самое посредственное. Никакого иностраннаго языка онъ не зналъ. Отъ природы онъ имѣлъ хорошія умственныя способности, на службѣ пріобрѣлъ навыкъ и рутину очень хорошаго канцелярскаго чиновника, а въ школѣ Вельяминова сдѣлался очень недурнымъ боевымъ офицеромъ. Ольшевскій былъ очень трудолюбивъ и, кажется, искренно былъ преданъ Вельяминову... Онъ былъ хорошій семьянинъ и любилъ окружать себя родными и угодниками. Послѣднихъ было у него немало въ военномъ и гражданскомъ вѣдомствахъ. Съ Горскимъ онъ былъ во враждѣ, и это невыгодно отзывалось на служебномъ положеніи офицеровъ генеральнаго штаба. Личность и характеръ Ольшевскаго были очень несимпатичны. Говорятъ, будто Вельяминову однажды кто-то сказалъ о злоупотребленіяхъ Ольшевскаго, и Вельяминовъ отвѣчалъ: «докажи, дражайшій, и тогда я его раздавлю; а если не можешь доказать, то я сплетней не желаю и слушать». Если этого и не было, то могло быть.

Настала весна 1837 года. Сѣверному жителю трудно и вообразить себѣ прелесть весны въ предгоріяхъ, подъ 45° широты. Мои несложныя занятія оставляли мнѣ много свободнаго времени. Днемъ я дѣлалъ большія прогулки пѣшкомъ и верхомъ, вечера проводилъ съ немногими товарищами, съ которыми особенно сблизился.

Изъ новыхъ знакомыхъ особенно замѣчателенъ былъ Н. В. Майеръ. Дружбѣ его я многимъ обязанъ и потому очень бы хотѣлъ изобразить его *такимъ*, какъ онъ былъ, но едвали съумѣю: такъ много

сталкивалось разнообразныхъ, а нерѣдко и противуположныхъ качествъ въ этой личности, далеко выступавшей изъ толпы.

Отецъ Майера былъ уважаемый ученый секретарь одной Академіи. Крѣпкаго сложенія, бодрый умомъ и тѣломъ, семидесятилѣтній старикъ не любилъ своего младшаго сына, который ни въ чемъ на отца не былъ похожъ. Ребенокъ провелъ дѣтство въ болѣзняхъ и страданіяхъ; отъ золотухи у него одна нога сдѣлалась на четверть короче другой. Только любовь доброй матери могла удержать жизнь въ этомъ тщедушномъ ребенкѣ. Вѣроятно, ей же онъ былъ обязанъ тѣмъ, что на всю жизнь сохранилъ любовь къ Богу и къ людямъ. Первая у него проявлялась съ значительнымъ оттѣнкомъ мистицизма, не имѣющаго впрочемъ ничего общаго съ его оффиціальнымъ вѣроисповѣданіемъ. Отецъ его былъ крайнихъ либеральныхъ убѣжденій; онъ былъ масонъ и дѣятельный членъ нѣкоторыхъ тайныхъ политическихъ обществъ, которыхъ было множество въ Европѣ между 1809 и 1825 годами. Какъ ученый секретарь Академіи, онъ получалъ изъ-за границы книги и журналы безъ цензуры. Это давало ему возможность слѣдить за политическими событіями и за движеніемъ умовъ въ Европѣ. Въ началѣ 20-хъ годовъ онъ получилъ изъ-за границы нѣсколько гравированныхъ портретовъ Итальянскихъ карбонари, между которыми у него были друзья. Его поразило сходство одного изъ нихъ, только что разстрѣляннаго Австрійцами, съ его младшимъ сыномъ, Николаемъ. Позвавъ къ себѣ мальчика, онъ поворачивалъ его во всѣ стороны, осматривалъ и ощупывалъ его угловатую, большую голову и, наконецъ, шлепнувъ его ласково по затылку, сказалъ по-нѣмецки: «однакожъ изъ этого парня будетъ прокъ!» Съ этого времени онъ полюбилъ своего Никласа, охотно съ нимъ говорилъ и читалъ и кончилъ тѣмъ, что привилъ сыну свои политическія убѣжденія. Старикъ кончилъ жизнь самоубійствомъ, добрая жена его умерла, старшій сынъ пропалъ безъ вѣсти, младшій—Николай, остался круглымъ сиротой. Онъ получилъ очень хорошее домашнее воспитаніе и поступилъ въ Медико-хирургическую Академію. Научныя занятія его были неровны, порывисты; если онъ дѣлалъ успѣхи, то только благодаря своему острому уму и огромной памяти. Онъ много читалъ и много думалъ. Въ болѣзненное дѣтство, лишенный возможности раздѣлять игры и забавы своихъ товарищей, онъ создалъ себѣ особый міръ и на всю жизнь остался почти ребенкомъ въ дѣлахъ житейскихъ.

По выпускѣ изъ Академіи, Майеръ поступилъ на службу врачемъ въ вѣдѣніе генерала Инзова, управлявшаго колоніями въ южной Россіи, а оттуда переведенъ въ Ставрополь для особыхъ порученій въ распоряженіе начальника Кавказской области, генерала Вельями-

нова. Эти порученія были несложны: зимой онъ жилъ въ Ставрополѣ, а лѣтомъ на минеральныхъ водахъ. Онъ сдѣлался очень извѣстнымъ практическимъ врачемъ; особенно на водахъ онъ имѣлъ огромную и лучшую практику, чтò совершенно его обезпечивало. Въ общественныхъ удовольствіяхъ онъ не участвовалъ; но можно было быть увѣреннымъ, что всегда встрѣтишь его въ кругу людей образованныхъ и порядочныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и человѣкомъ свѣтскимъ. Во всякомъ обществѣ его нельзя было не замѣтить. Умъ и огромная начитанность вмѣстѣ съ какимъ-то аристократизмомъ образа мыслей и манеры невольно привлекали къ нему. Онъ прекрасно владѣлъ Русскимъ, Французскимъ и Нѣмецкимъ языками и когда былъ въ духѣ, говорилъ остроумно, съ живостью и душевною теплотою. Майеръ имѣлъ много успѣховъ у женщинъ и этимъ конечно былъ обязанъ не физическимъ своимъ достоинствамъ. Небольшаго роста, съ огромной угловатой головой, на которой волосы стригъ подъ гребенку, съ чертами лица неправильными, худощавый и хромой, Майеръ нисколько не былъ похожъ на типъ гостиннаго ловеласа; но въ его добрыхъ и свѣтлыхъ глазахъ было столько симпатичнаго, въ его разговорѣ было столько ума и души, что становится понятнымъ сильное и глубокое чувство, которое онъ внушалъ къ себѣ нѣкоторымъ замѣчательнымъ женщинамъ. Характеръ его былъ неровный и вспыльчивый; нервная раздражительность и какой-то саркастическій оттѣнокъ его разговора навлекали ему иногда непріятности, но не лишили его ни одного изъ близкихъ друзей, которые больше всего цѣнили его искренность и честное прямодушіе. Преданность друзьямъ однажды едва не погубила его. Въ третій годъ бытности на Кавказѣ онъ очень сблизился съ А. Бестужевымъ (Марлинскимъ) и съ С. Палицынымъ — декабристами, которые изъ каторжной работы были присланы на Кавказъ служить рядовыми. Оба они были люди легкомысленные и тщеславные и во всѣхъ отношеніяхъ не стоили Майера. Бестужеву Полевой прислалъ бѣлую пуховую шляпу, которая тогда въ западной Европѣ служила признакомъ карбонари. Доносъ о такомъ важномъ событіи обратилъ на себя особенное вниманіе усерднаго ничтожества, занимавшаго должность губернскаго жандармскаго штабъ-офицера. При обыскѣ квартиры, въ которой жили Майеръ, Бестужевъ и Палицынъ, шляпа найдена въ печи. Майеръ объявилъ, что она принадлежитъ ему, основательно соображая, что, въ противномъ случаѣ, кто-нибудь изъ его товарищей долженъ былъ неминуемо отправиться обратно въ Сибирь. За эту дружескую услугу, по распоряженію высшаго начальства, Майеръ выдержалъ полгода подъ арестомъ въ Темнолѣсской крѣпости. На его начальника этотъ случай не имѣлъ никакого влі-

янія: генералъ Вельяминовъ отнесся къ нему совершенно равнодушно, и сохранилъ къ Майеру свое прежнее благорасположеніе.

Чрезъ Майера и у него я познакомился со многими декабристами, которые, по разрядамъ, присылались изъ Сибири рядовыми въ войска Кавказскаго корпуса. Изъ нихъ князь Валеріанъ Михайловичъ Голицынъ жилъ въ одномъ домѣ съ Майеромъ и былъ нашимъ постояннымъ собесѣдникомъ. Это былъ человѣкъ замѣчательнаго ума и образованія. Аристократъ до мозга костей, онъ былъ бы либеральнымъ вельможей, еслибы судьба не забросила его въ Сибирскіе рудники. Казалось бы, у него не могло быть рѣзкихъ противорѣчій съ политическими и религіозными убѣжденіями Майера, но это было напротивъ. Оба одинаково любили парадоксы и одинаково горячо ихъ отстаивали. Спорамъ не было конца, и нерѣдко утренняя заря заставала насъ за нерѣшеннымъ вопросомъ. Эти разговоры и новый для меня взглядъ на вещи заставляли меня устыдиться моего невѣжества. Въ эту зиму и въ слѣдующую я много читалъ, и моими чтеніями руководилъ Майеръ. Я живо помню это время. Исторія человѣчества представилась мнѣ совсѣмъ въ другомъ видѣ. Давно извѣстные факты совсѣмъ иначе освѣтились. Великія событія и характеры Англійской и особенно Французской революціи 1789 года, приводили меня въ восторженное состояніе. Майеръ и Голицынъ съ какою-то гадливостью смотрѣли на толпу и если соглашались считать братомъ грязнаго оборвыша, то только младшимъ братомъ, который обязанъ былъ признавать ихъ превосходство. Я же любилъ народъ, какъ сынъ народа. Мнѣ казалось высокимъ и великодушнымъ посвятить себя служенію народу, не только не въ видахъ его благодарности за жертвы, но съ увѣренностью, что эти жертвы не будутъ оцѣнены никѣмъ, кромѣ совѣсти и Того, Кто видитъ глубину нашей души. Было много угловатаго, порывистаго, даже безразсуднаго въ убѣжденіяхъ, которыя я тогда составилъ; но въ нихъ было много молодаго, добраго и искренняго. Вѣроятно это-то и пріобрѣло мнѣ дружбу Майера и нѣкоторыхъ другихъ товарищей, съ которыми я тогда сошелся.

Голицына и Кривцова я засталъ уже унтеръ-офицерами и съ солдатскими Георгіевскими крестами. Это было уже послѣднимъ шагомъ къ чину прапорщика. Сергѣй Ивановичъ Кривцовъ былъ большаго роста, съ рѣзкими чертами лица, порядочно образованъ, но довольно легкаго характера. Въ 1838 г. онъ былъ произведенъ въ прапорщики и на одномъ балу пустился въ плясъ. Голицынъ подошелъ къ нему и, полушутя, шепнулъ: Mon cher Кривцовъ, vous dérogez à votre dignité de pendu *).» Въ самомъ дѣлѣ, какъ-то неловко видѣть пры-

*) *Любезный Кривцовъ, вы роняете вашъ санъ висѣльника.*

гающаго между молодежью человѣка пожилаго, прошедшаго чрезъ такое страшное бѣдствіе. Бестужевъ тоже былъ произведенъ въ прапорщики линейнаго батальона, составлявшаго гарнизонъ укрѣпленія Гагры. Это укрѣпленіе выбрано для него потому, что славилось своимъ губительнымъ климатомъ. Бестужевъ отправился въ Тифлисъ и былъ прикомандированъ къ отряду, которому назначено было занять устье рѣки Мдзышты, въ землѣ Джигетовъ, гдѣ и было построено укрѣпленіе Св. Духа. Въ дѣлѣ, бывшемъ при занятіи этого мѣста, Бестужевъ былъ посланъ съ приказаніемъ отъ барона Розена, лично командовавшаго отрядомъ, и не возвратился. Вѣроятно онъ былъ убитъ въ лѣсу. Долго послѣ того его искали, но всѣ распросы у горцевъ не навели ни на какіе слѣды. Въ 1838 году я узналъ, что у Убыховъ есть въ плѣну какой-то офицеръ, но когда его выкупили за 200 пудовъ соли, оказалось, что это былъ прапорщикъ Вышеславцовъ, взятый горцами въ пьяномъ видѣ и надоѣвшій своимъ хозяевамъ до того, что они хотѣли его убить. Это не помѣшало ему однакоже отправиться въ Петербургъ, гдѣ какой-то грамотѣй описалъ его подвиги и приключенія. Бестужевъ пропалъ безъ вѣсти. Миръ душѣ его! Онъ не дожилъ до серьёзной критики своихъ сочиненій, которыя тогда читались съ упоеніемъ.

Возвращаюсь къ веснѣ 1837 года. Это было время, когда рѣшался важный вопросъ: кто куда поѣдетъ на лѣто? Всѣ старались попасть въ экспедицію, но, конечно, не всѣмъ удавалось. Исправленіе должности оберъ-квартирмейстера поставило меня въ прямыя сношенія съ командующимъ войсками, которому я докладывалъ разъ въ недѣлю. Вѣроятно, поэтому онъ назначилъ меня въ отрядъ, который долженъ былъ дѣйствовать подъ его начальствомъ въ землѣ Натухайцевъ.

Въ концѣ Апрѣля я отправился на сборный пунктъ отряда, Ольгинское мостовое укрѣпленіе, вмѣстѣ съ моими добрыми товарищами Старкомъ и Сальстетомъ. Оба они были Финляндцы, но совершенно разнаго характера. Старкъ былъ прикомандированъ на годъ для участвованія въ военныхъ дѣйствіяхъ; постоянно онъ служилъ поручикомъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, гдѣ былъ извѣстенъ какъ очень способный офицеръ. Онъ годомъ раньше меня вышелъ изъ Военной Академіи первымъ. Сальстетъ былъ прикомандированъ къ генеральному штабу, а числился прапорщикомъ въ Навагинскомъ полку. Это была олицетворенная доброта и честность. Съ нимъ я вмѣстѣ квартировалъ въ Ставрополѣ и дружно прожилъ до 1861 года. Оба они *рано умерли*.

Наша поѣздка въ Ольгинское была довольно оригинальна. Это разстояніе въ 300 верстъ мы проѣхали верхомъ. Отрядъ собрался, а въ первыхъ числахъ Мая пріѣхалъ Вельяминовъ.

Здѣсь мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ, какого рода предстояли намъ дѣйствія, а прежде всего о самомъ генералѣ Вельяминовѣ, который ихъ долженъ былъ привести въ исполненіе. Тутъ я долженъ оговориться. Я знаю, что многіе не раздѣлятъ моего мнѣнія объ этомъ не совсѣмъ обыкновенномъ человѣкѣ. Могу только поручиться, что я старался его изучить и если имъ не восхищаюсь, то, по крайней мѣрѣ, и не могу себя упрекнуть въ пристрастіи.

Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ происходилъ изъ стараго дворянскаго рода, но не имѣлъ никакихъ аристократическихъ притязаній. Однажды у него за обѣдомъ одинъ господинъ (г. Кутузовъ), думая доставить ему удовольствіе, сказалъ, что родъ его древній и что въ исторіи Россіи Вельяминовы упоминаются при Димитріѣ Донскомъ. «Ну, это ты, дражайшій, далеко хватилъ. При Иванѣ Грозномъ дѣй-«ствительно упоминается о Вельяминовѣ; но видно былъ мошенникъ, «за то и повѣшенъ». У Алексѣя Александровича былъ старшій братъ, Иванъ Александровичъ, бывшій генералъ-губернаторъ Западной Сибири, и двѣ сестры, старыя дѣвицы, жившія въ небольшомъ родовомъ имѣніи въ Тульской губерніи. Съ братомъ Алексѣй Александровичъ былъ всегда очень друженъ; смерть брата въ 1837 году ускорила и его кончину. Онъ былъ послѣднимъ въ своемъ родѣ и умеръ холостымъ. Вотъ все, что̀ я знаю объ его семействѣ; а объ его молодости мнѣ извѣстно только, что онъ служилъ въ артиллеріи и участвовалъ въ Аустерлицкомъ сраженіи (1805 г.). Онъ принадлежалъ къ кружку, изъ котораго вышло нѣсколько замѣтныхъ дѣятелей, какъ Ермоловъ, князь Меншиковъ, графъ Бенкендорфъ и другіе, съ которыми онъ сохранилъ дружескія отношенія. На Кавказѣ онъ сдѣлался извѣстенъ, какъ начальникъ штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, во время командованія А. П. Ермолова, котораго онъ былъ вѣрнымъ другомъ и помощникомъ. Они были на ты и называли другъ друга Алешей. За Елисаветпольское сраженіе Вельяминовъ получилъ Георгія 3-й степени; очевидцы говорятъ, что онъ былъ главнымъ виновникомъ побѣды, начавъ рѣшительную атаку, даже противъ воли главнаго начальника, Паскевича. Командующимъ войсками Кавказской линіи и Черноморіи и начальникомъ Кавказской области онъ былъ назначенъ, кажется, въ 1831 году. А. А. Вельяминовъ получилъ хорошее образованіе, а отъ природы былъ одаренъ замѣчательными умственными способностями. Складъ его ума былъ оригинальный. Воображеніе играло у него очень невидную роль; всѣ его мысли и заключенія носили на

себѣ видимый характеръ математическихъ выводовъ. Поэтому, вѣроятно и въ отношеніяхъ къ людямъ ему чужды были чувствительность и состраданіе, тамъ гдѣ онъ думалъ, что долгъ или польза службы требовали жертвы.

Строгость его доходила до холодной жестокости, въ которой была нѣкоторая доля цинизма. Такъ во время экспедиціи онъ приказывалъ при себѣ бить палками или нагайками солдатъ, пойманныхъ въ мародерствѣ. Онъ покойно садился на барабанъ и назначалъ время, въ продолженіе котораго должна производиться экзекуція. При этомъ онъ разговаривалъ съ другими, пока по часамъ оказывалось, что прошелъ назначенный срокъ. Однажды за обѣдомъ, при мнѣ, онъ въ разговорѣ объ одномъ преступникѣ цинически сказалъ: «Ну, чтожъ? Слѣдуетъ ему прописать Англійское стеганіе». Этимъ шутливымъ терминомъ онъ называлъ публичное наказаніе кнутомъ.

Вельяминовъ хорощо, основательно учился и много читалъ; но это было въ молодости. Его нравственныя и религіозныя убѣжденія построились на твореніяхъ энциклопедистовъ и вообще писателей конца XVIII вѣка. За новѣйшей литературой онъ мало слѣдилъ, хотя у него была большая библіотека, которую онъ постоянно пополнялъ. Онъ считался православнымъ, но кажется, былъ деистомъ, по крайней мѣрѣ никогда не бывалъ въ церкви и не исполнялъ обрядовъ. Настольными его книгами были Жильблазъ и Донъ-Кихотъ на Французскомъ языкѣ. Перваго ему читали даже наканунѣ смерти; изящная литература его нисколько не интересовала.

Вельяминовъ, былъ честный и вѣрный слуга Государя, но съ властями держалъ себя самостоятельно, а съ ближайшимъ начальникомъ, барономъ Розеномъ, не ладилъ. Сколько мнѣ изъ дѣлъ извѣстно, въ этомъ его нельзя упрекать. Придирчивость и недоброжелательство Тифлиса доходили часто до жалкой мелочности. Все это вредило и дѣлу и людямъ. Тогда я безусловно обвинялъ барона Розена и перемѣнилъ свое мнѣніе, когда опытъ показалъ, что такія отношенія между корпуснымъ командиромъ и начальникомъ войскъ на сѣверной сторонѣ Кавказа зависѣли менѣе отъ лицъ, чѣмъ отъ непрактичнаго положенія, въ которое эти лица были поставлены. Военныя дѣйствія производились постоянно на сѣверной сторонѣ Кавказа; а въ южной, гдѣ непосредственнымъ начальникомъ и войска и края былъ корпусный командиръ, они возникали только случайно и не имѣли особенной важности. Тамъ была задача болѣе мирная, но не менѣе трудная: сплотить разныя народности Закавказскаго края, слить ихъ въ одну массу подъ управленіемъ, которое бы не противорѣчило ни общему строю имперіи, ни вѣковымъ обычаямъ и историческимъ преданіямъ каждаг

племени. Сверхъ того, нужно было охранять границу отъ полудикихъ, но коварныхъ и измѣнчивыхъ сосѣдей, Персіянъ и Турокъ. Анархическое состояніе этихъ разлагающихся государствъ дѣлало чрезвычайно-труднымъ примѣнять къ нимъ Европейскія правила международныхъ отношеній. Еще болѣе: дикія и невѣжественныя племена Кавказскія питали къ нимъ однакоже сочувствіе, по единовѣрію, по общей страсти къ необузданному своеволію и разбойническимъ подвигамъ, и наконецъ, по инстинктивному сознанію, что Турки и Персіяне наши естественные враги и слѣдовательно ихъ союзники. Этимъ путемъ проникали къ намъ издавна мусульманскій фанатизмъ, контрабанда и чума. А. П. Ермоловъ успѣлъ сосредоточить въ себѣ всю военную и административную дѣятельность на всемъ Кавказѣ. При немъ все шло ровнымъ шагомъ, безъ колебаній; его имя было грозно у сосѣдей, у враговъ и у своихъ подвластныхъ. Войскъ у него было мало, но этотъ недостатокъ съ избыткомъ восполнялся несомнѣннымъ превосходствомъ главнаго начальника, полнымъ довѣріемъ и преданностью ему войскъ. Баронъ Розенъ былъ совсѣмъ въ другомъ положеніи. Назначенный командиромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса и главноуправляющимъ въ Грузіи, не въ уваженіе его предшествовавшихъ подвиговъ военныхъ и административныхъ, подвиговъ довольно скромныхъ, а по связямъ и по безотчетной прихоти Государя и Паскевича, баронъ Розенъ явился въ край, ему совершенно неизвѣстный, и долженъ былъ руководить сложнымъ дѣломъ, ему совершенно чуждымъ. Въ 1832 г. онъ попробовалъ лично принять начальство надъ войсками, дѣйствовавшими противъ Кази-муллы. Экспедиція была трудная, взятіе Гимры и истребленіе Кази-муллы надѣлали шуму, но едва ли не были однимъ изъ тѣхъ подвиговъ, которые приносятъ болѣе славы, чѣмъ пользы. Послѣ этого Розенъ утонулъ въ пучинѣ Тифлисской бумажной администраціи, предоставивъ себѣ только общее направленіе военныхъ дѣйствій на Кавказѣ. Я не думаю, чтобы онъ добровольно покорился этой роли, хотя допускаю возможность, что онъ хотѣлъ ее честно исполнить. Но—одинъ въ полѣ не воинъ. Его многочисленный штабъ съ завистью и недоброжелательствомъ смотрѣлъ на тѣхъ, которые на сѣверной сторонѣ Кавказа постоянно участвуютъ въ военныхъ дѣйствіяхъ и получаютъ болѣе наградъ. Нужно сказать, что императоръ Николай (особливо послѣ командованія Паскевичемъ на Кавказѣ) былъ столько же щедръ на награды за военныя отличія, сколько скупъ за гражданскую и мирную службу. Военныя дѣйствія на Сѣверномъ Кавказѣ и въ Дагестанѣ поручилъ онъ Вельяминову, котораго зналъ лично и не могъ не цѣнить его достоинствъ, блистательно выказанныхъ въ долговременную службу на Кавказѣ. Выборъ

былъ вполнѣ удаченъ. Я думаю, не было и нѣтъ другаго, кто бы такъ хорошо зналъ Кавказъ, какъ А. А. Вельяминовъ; я говорю Кавказъ, чтобы однимъ словомъ выразить и мѣстность, и племена, и главныя лица съ ихъ отношеніями и, наконецъ родъ войны, которая возможна въ этомъ краѣ. Громадная память помогала Вельяминову удержать множество именъ и фактовъ, а методическій умъ давалъ возможность одинаково освѣтить всю эту крайне-разнообразную картину. Изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы я считалъ его непогрѣшимымъ и признавалъ всѣ его дѣйствія геніальными. Впослѣдствіи мнѣ придется говорить объ его ошибкахъ; теперь же могу сказать только, что какъ въ военномъ дѣлѣ, такъ и въ мирной администраціи это былъ самобытный и замѣчательный дѣятель.

При такомъ обширномъ кругѣ дѣйствій А. А. Вельяминовъ былъ очень лѣнивъ. Стоило не мало усилій упросить его выслушать какой-нибудь докладъ или подписать бумаги. Приговоры по судебнымъ дѣламъ оставались по году и болѣе неподписанными, и подсудимые во множествѣ сидѣли въ острогѣ, который отличался всѣми возможными неудобствами. Мой докладъ ему по Вторникамъ былъ всегда довольно коротокъ; но одинъ разъ, пришедши въ кабинетъ съ докладнымъ портфелемъ, я нѣсколько минутъ ждалъ, пока онъ встанетъ съ кушетки, гдѣ обыкновенно лежалъ на спинѣ, заложивъ руки за шею. Когда онъ вышелъ, то покосился на меня неласково и сказалъ: «нынѣ не твой день, дражайшій». Не успѣлъ я сказать, что сегодня Вторникъ, А. А. вышелъ въ другую комнату, и я услышалъ, что онъ работаетъ на токарномъ станкѣ. Я подождалъ минутъ пять въ адъютантской и вошелъ опять въ кабинетъ, когда Вельяминовъ былъ уже тамъ. Онъ молча ходилъ взадъ и впередъ, по временамъ косясь на мой портфель; наконецъ, не выдержалъ и спросилъ съ неудовольствіемъ: «Да что это у тебя, дражайшій, сегодня такъ много къ докладу?». Тогда только я спохватился.— «Это, ваше превосходительство, проектъ покоренія Кавказа флигель-адъютанта полковника Ханъ-Гирея, присланный военнымъ министромъ на ваше заключеніе».— «А, пусто-болтанье! Положи, дражайшій, на столъ, я разсмотрю». Я положилъ въ одно изъ отдѣленій его письменнаго стола и болѣе года видѣлъ его тамъ-же, только съ возраставшимъ слоемъ пыли. Такъ онъ и не разсмотрѣлъ до своей смерти этаго проекта, въ которомъ, дѣйствительно, ничего не было существеннаго. За то если А. А. превозмогалъ свою лѣнь, то собственноручно писалъ огромныя черновыя бумаги разумно, толково, съ полнымъ знаніемъ края и дѣла, но просто до сухости и безъ всякаго притязанія на фразерство. Нужно сказать, впрочемъ, что лѣнь Вельяминова часто происходила отъ его болѣзненнаго состоянія. Онъ стра-

далъ гемороидальными припадками, которые иногда до того усиливались, что онъ не могъ ѣхать верхомъ или на дрожкахъ, и его, во время экспедиціи, однажды носили на носилкахъ. Вообще онъ былъ сложенія довольно слабаго, рыжій, средняго роста, худощавый, съ манерами и движеніями медленными; онъ вѣроятно и въ молодости не считался ни ловкимъ, ни красивымъ. Въ чертахъ лица его особенно замѣтны были его тонкія губы, острые и рѣдкіе зубы и умные серьезные глаза; онъ говорилъ всегда серьезно, степенно и умно, но безъ педантства и напускной важности. За обѣдомъ, у себя, онъ былъ разговорчивъ, но не позволялъ говорить о служебныхъ дѣлахъ. Гостепріимство его было оригинально до странности: у него обыкновенно обѣдало человѣкъ 25 или тридцать, но онъ никого не звалъ. Всякій изъ штабныхъ могъ приходить. Самъ онъ, какъ строгій гомеопатъ, обѣдалъ у себя отдѣльно и чрезвычайно діэтно, но каждый день заказывалъ повару меню «для компаніи» (какъ онъ называлъ) и выходилъ къ общему столу за вторымъ блюдомъ. Хозяйство его шло безпорядочно, но оригинально. Всѣ запасы и даже столовыя принадлежности закупались въ гомерическихъ количествахъ. Всѣмъ у стараго холостяка завѣдывалъ Ольшевскій. Однажды, когда А. А. вышелъ на крыльцо, чтобы сѣсть въ экипажъ, одинъ изъ насъ обратилъ его вниманіе на то, что его фуражка уже порядочно устарѣла; онъ снялъ ее, поворочалъ серьезно на всѣ стороны и сказалъ Ольшевскому: «Скажи, дражайшій, чтобы мнѣ сшили дюжину фуражекъ». Такъ было во всемъ: единицами онъ не считалъ. Во время экспедицій, съ нимъ была его походная кухня, которой запасы возились въ фургонахъ, и сверхъ того было 18 вьючныхъ верблюдовъ; но за то гостепріимство его не измѣнялось. Въ Ставрополѣ мнѣ случалось мѣсяца два сряду видѣть за его столомъ какого-то артиллерійскаго оберъ-офицера въ старенькомъ сюртучкѣ и въ шароварахъ верблюжьяго сукна. Однажды А. А. спросилъ меня: кто этотъ капитанъ? Я пошелъ узнать. Оказалось, что этаго офицера (поручика) никто не приглашалъ, а приходилъ онъ къ обѣду, потому что ему ѣсть нечего. Послѣ этаго я не видѣлъ этаго офицера, и увѣренъ, что Вельяминовъ велѣлъ ему помочь. Для этаго употреблялись обыкновенно деньги изъ экстраординарной суммы, которая отпускалась въ значительныхъ размѣрахъ для подарковъ горцамъ и для содержанія лазутчиковъ, но большею частью только выводилась по книгамъ въ расходъ на Мустафу или Измаила, а на дѣлѣ расходовалась совсѣмъ на другіе предметы. Въ томъ краѣ и въ то время, это было совершенно необходимо. Конечно, отъ начальника зависѣло, чтобы эта сумма была употреблена съ пользою и не попала въ его собственный карманъ. Вельями-

новъ былъ въ этомъ отношеніи внѣ всякаго подозрѣнія; но, къ сожалѣнію, этаго нельзя сказать объ его окружающихъ, пользовавшихся его довѣріемъ. Надобно признаться, что при выборѣ этихъ приближенныхъ онъ мало обращалъ вниманія на ихъ нравственную сторону. Отъ того при немъ являлись нерѣдко личности довольно темныя. Легко можетъ быть, что многія изъ нихъ были ему навязаны ***-скимъ, который пользовался его лѣнью и дѣлалъ много такого, что легло упрекомъ на память Алексѣя Александровича.

Подчиненные и войска боялись Вельяминова и имѣли полное довѣріе къ его способностямъ и опытности. У горцевъ мирныхъ и немирныхъ имя его было грозно. Въ аулахъ о немъ пѣлись пѣсни; онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Кызылъ-Дженералъ (т.-е. рыжій генералъ) или Ильменинъ. Дѣятель временъ Ермолова, онъ не стѣснялся въ мѣрахъ, которыя долженъ былъ принимать въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Деспотическія выходки его были часто возмутительны. Однажды, узнавъ, что конвой отъ Донскаго полка, при появленіи горцевъ, бросилъ проѣзжающаго и ускакалъ и что, по произведенному дознанію, въ этомъ полку было множество злоупотребленій, онъ послалъ туда штабъ-офицера и приказалъ арестовать полковаго командира и всѣхъ офицеровъ, а казаковъ всего полка по именному списку всѣхъ высѣчь ногайками. Донцы конечно подняли большой шумъ, и Вельяминову былъ сдѣланъ секретный высочайшій выговоръ.

Чтобы кончить рѣчь о Вельяминовѣ, я долженъ выставить еще одну черту его характера. Онъ не боялся декабристовъ, которыхъ много къ нему въ войска присылали. Онъ обращался съ ними учтиво, ласково и не дѣлалъ никакого различія между ними и офицерами. Многіе бывали у него въ солдатскихъ шинеляхъ, но въ Ставрополѣ и въ деревняхъ они носили гражданскую или Черкесскую одежду, и никто не находилъ этаго неправильнымъ. Впрочемъ, надобно сказать, что вообще Кавказскія войска имѣли очень своеобразное и отчасти смутное понятіе о формѣ. Однажды бригадный командиръ упрекалъ во фронтѣ капитана князя Вахвахова, что онъ не въ формѣ и именно въ томъ, что у него шашка безъ темляка. Вахваховъ, Грузинъ и ротный командиръ, былъ въ мундирѣ, эполетахъ и шарфѣ, но панталоны его были съ широкимъ очкуромъ изъ краснаго канауса, и сверхъ панталонъ висѣла разноцвѣтная шелковая кисть. Вахваховъ обидѣлся и отвѣчалъ: «Развѣ я Армяшка, чтобы темлякъ нацѣплять на шашку?» На Кавказѣ Армяне часто были маркитантами при войскахъ и въ тоже время участвовали въ военныхъ дѣйствіяхъ. Если за военныя отличія такой волонтеръ былъ производимъ въ прапорщики ми-лиціи, то спѣшилъ прицѣпить серебряный темлякъ къ шашкѣ, б

которой туземцы никогда не ходятъ, и это обезпечивало его личность при продажѣ солдатамъ водки или чихирю. Въ вышеразсказанномъ случаѣ интересно то, что бригадный командиръ, тоже доморощенный, нашелъ возраженіе капитана естественнымъ. Впрочемъ это было въ Абхазіи, краѣ дикомъ, даже по сравненію съ Ставрополемъ.

Обращаясь къ предстоявшимъ намъ военнымъ дѣйствіямъ, я долженъ сдѣлать очеркъ театра войны и нашего въ немъ положенія.

Въ обширныхъ степяхъ, по низовьямъ Волги и Дона, издавна жили въ полудикомъ состояніи отдѣльныя группы Славянъ. Во времена могущества Хазаровъ, они входили въ составъ этой разноплеменной державы, а послѣ ея паденія удержались между Волгой и Дономъ и въ княжествѣ Тмутараканскомъ. Во время нашествія Татаръ (1224 г.) они были извѣстны подъ именемъ Бродниковъ и сражались противъ Русскихъ князей, вмѣстѣ съ Татарами, въ несчастной битвѣ при Калкѣ. Воевода ихъ звался Плоскиня; они были, очевидно, Славяне и православные. Татарскія опустошенія обезлюдили Югъ Россіи, и воинственныя ватаги Бродниковъ находили тамъ просторъ и всѣ удобства. Число ихъ увеличивалось новыми выходцами, а по мѣрѣ упадка могущества Татаръ, они стали образовать отдѣльныя общины, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ ничто не мѣшало имъ заниматься единственнымъ промысломъ: войной и разбоемъ. Татары назвали ихъ *казаками*, и это имя сохранилось навсегда. Слово казакъ очевидно принадлежитъ Тюркскому языку и имѣетъ близкое отношеніе къ словамъ Кайсакъ и Косогъ. И до сихъ поръ Кавказскія племена, а особливо Татарскія, называютъ казаками людей бездомныхъ и ведущихъ бродячую жизнь. Въ половинѣ XV-го столѣтія мы уже видимъ двѣ группы этихъ казаковъ подъ именемъ Донскихъ и Запорожскихъ, образовавшихъ военныя республики на низовьяхъ Дона и Днѣпра. Въ половинѣ XVI вѣка у насъ былъ уже Терскій городокъ на рѣкѣ Терекѣ (кажется, противъ устья Сунжи) съ достаточной ратной силой, подъ управленіемъ воеводы. Съ сосѣдями Кабардинцами, образовавшими тогда сильную аристократическую республику, мы жили въ мирѣ и дружбѣ. Одна изъ женъ Ивана Грознаго была дочь Кабардинскаго князя. Кабардинцы нѣсколько разъ предлагали Русскимъ царямъ взять ихъ подъ свою высокую руку; но это не могло имѣть серьезнаго значенія и, по всей вѣроятности, дѣлалось только для того, чтобы выманить подарки. Сѣверо-западная сторона предгорія населена была въ это время Ногайскою ордою, признававшею власть Крымскаго хана. Въ самыхъ горахъ, по лѣвую сторону Кубани и по восточному берегу Чернаго моря, жило другое племя, родственное Кабардинцамъ, но уже давно отъ нихъ отдѣлившееся. Это племя мы называли Черкесами, а самъ себя этотъ народъ

называлъ Адехе. Они не были аборигенами и не далѣе, какъ съ XV вѣка стали постепенно занимать этотъ край съ Сѣверо-запада, оттѣснивъ къ Югу прежнихъ жителей Абхазскаго племени. Въ началѣ XVIII столѣтія, на низовьяхъ Кубани и до Суджукской бухты, поселились казаки, ушедшіе съ Дона подъ предводительствомъ Некрасова, во время Булавинскаго бунта на Дону. Некрасовцы оставались тамъ до 1785 и перешли въ Европейскую Турцію за восемь лѣтъ до того, какъ на Кубань переведены были княземъ Потемкинымъ другіе казаки, образовавшіе такъ названное вѣрное Черноморское войско. Эти остатки славнаго Запорожскаго коша заняли край по правому берегу Кубани отъ моря до устьевъ Лабы. Край этотъ они нашли почти безлюднымъ: Ногайцы разбрелись или переселились въ Турцію. Итальянскіе путешественники, бывшіе въ этомъ краѣ въ XVII стол., говорятъ о Черкесахъ, какъ о народѣ храбромъ и хищномъ; они называютъ ихъ настоящимъ именемъ Адехе. Джіорджіо Интеріано говоритъ, что сосѣди ихъ, Ногайцы, много терпѣли отъ ихъ набѣговъ и что одинъ Черкесъ могъ драться съ десятью Ногайцами. Не смотря на то, новые пришельцы, Запорожцы, въ первое время жили мирно и дружелюбно съ своими сосѣдями. Съ сѣверной стороны они примыкали къ землямъ Донскихъ казаковъ, но съ ними не сближались, называя ихъ Москалями. Скоро и съ восточной стороны къ нимъ примкнули другіе казаки: Кубанскіе, образовавшіеся изъ Донскихъ полковъ, поселенныхъ тамъ насильственно въ концѣ XVIII ст. и въ началѣ нынѣшняго. Кубанскіе казаки заняли обширныя степи по правому берегу Кубани отъ устья Лабы вверхъ до самыхъ Карачаевскихъ горъ и далѣе на Востокъ до Терека. По берегу этой рѣки, отъ устья Малки до Каспійскаго моря, жило болѣе древнее казачество. Еще во времена Терскаго воеводства тамъ стали селиться казаки съ Дону и съ Волги. Они образовали нѣсколько группъ, принявшихъ названія войскъ Гребенскаго, Терскаго, Семейнаго-Кизлярскаго, Моздокскаго и Горскаго. Изъ нихъ Гребенское войско было самое древнее и славное своими воинскими подвигами. Есть причины думать, что Гребенцы жили прежде и на правомъ берегу Терека, въ ладу съ своими сосѣдями Чеченцами, у которыхъ брали дѣвокъ въ жены и своихъ отдавали за Чеченцевъ. Почти всѣ эти казаки были фанатическіе раскольники, и ихъ населеніе значительно увеличилось вслѣдствіе смутъ на Дону и преслѣдованій раскола при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ. Въ 20 годахъ этого столѣтія всѣ эти войска соединены въ одно Линейное Казачье войско, раздѣленное на полки съ названіями, которыя носили до того отдѣльныя *войска*.

Такъ началось занятіе Кавказа Русскимъ народомъ; оно продолжается доселѣ и еще нескоро кончится.

Интеріано, сообщившій очень много вѣрныхъ свѣдѣній о Черкесахъ или Адехе его времени, говоритъ, что въ половинѣ XVII вѣка они были христіанами, хотя вообще не оказывали много усердія къ вѣрѣ. Ежегодно къ нимъ ѣздили изъ Терскаго городка попы (которыхъ онъ называетъ папири) для совершенія крещеній и браковъ и для благословенія могилъ. Во многихъ мѣстахъ ихъ земли до сихъ поръ можно видѣть хорошо сохранившіяся развалины христіанскихъ церквей, Византійскаго стиля.

Магометанство стало именно въ половинѣ XVII вѣка проникать къ Кавказскимъ горцамъ съ двухъ сторонъ, изъ Турціи и изъ Персіи. Персіяне, впрочемъ, оказались плохими пропагандистами: не смотря на ихъ долгое владѣніе Грузіей и Закавказскими провинціями, исламизмъ Шіитскаго толка укоренился только въ немногихъ юго-восточныхъ частяхъ Кавказскаго перешейка: все остальное населеніе приняло Сунитскій толкъ. Изъ двухъ частей Кавказа восточная всегда выказывала болѣе ревности къ вѣрѣ; въ западной сохранилась смѣсь легендъ и обрядовъ языческихъ, христіанскихъ и мусульманскихъ, при общемъ равнодушіи къ вѣрѣ. Крымскіе ханы, а съ ними и султаны Турецкіе называли себя повелителями горскихъ народовъ, но это былъ почти пустой титулъ: дѣйствительной власти ни тѣ, ни другіе не имѣли.

Въ концѣ прошлаго столѣтія Турки заняли нѣсколько пунктовъ на восточномъ берегу моря: Анапу, Суджукъ, Сухумъ и Поти. Всѣ они были укрѣплены высокими каменными стѣнами. Анапа и Сухумъ служили мѣстопребываніемъ пашей и имѣли сильный гарнизонъ. Внутри края Турки нигдѣ не удержались, хотя тратили много денегъ и посылали нерѣдко войска для поддержки и возбужденія противъ насъ горцевъ. Они успѣли только вооружить ихъ противъ насъ, сами-же не извлекли изъ того никакой выгоды и по Адріанопольскому миру, въ 1830 году, уступили Россіи земли Кавказскихъ народовъ, которыми никогда не владѣли и которыхъ жители этого и не подозрѣвали, а продолжали свои хищничества и набѣги въ наши предѣлы.

Имъ за это мстили вторженіями въ ихъ край и разореніемъ всего, что́ попадалось нашимъ отрядамъ. Такого рода временныя дѣйствія назывались *репресаліями*, особенно въ землѣ Черноморскаго войска, которое было подчинено Новороссійскому генералъ-губернатору и только впослѣдствіи поступило въ вѣдѣніе Кавказскаго начальства. Въ восточной части Кавказа было менѣе серьезныхъ военныхъ дѣйствій, чѣмъ въ западной. Чечня считалась полупокорною, хотя разбои и хищничества на линіи были нерѣдки. Осетины были совершенно по-

корны, и только Лезгинскія племена и Дагестанъ, мало намъ извѣстный, были въ явно-враждебномъ къ намъ положеніи. Въ началѣ 20-хъ годовъ тамъ возникъ «тарикатъ», фанатическое ученіе въ мусульманствѣ, породившее Кази-муллу, Гамзатъ-бека и Шамиля и стоившее намъ немало крови, впродолженіе тридцатилѣтней борьбы.

Со времени поступленія Грузіи въ подданство Россіи (въ 1801), Кавказъ получилъ для насъ болѣе важное значеніе. Первое время войска наши въ Грузіи должны были бороться съ внутренними и внѣшними врагами. Корпусъ, занимавшій Кавказъ и Кавказскій край, постепенно усиливали. Особенно важно было для насъ единственное сообщеніе чрезъ хребетъ, шедшее по Тереку, чрезъ Гутъ-гору, по Арагвѣ и Курѣ на Тифлисъ. Это сообщеніе названо Военно-Грузинской дорогой. Часть ея, отъ Моздока до выхода Терека изъ горъ, пролегала по Кабардѣ, которая только считалась вполнѣ покорною, но въ сущности была намъ враждебна. Народъ Кабардинскій, послѣ нѣсколькихъ возмущеній и усмиреній, потерялъ прежнее свое значеніе. Сильная и гордая аристократія нелегко мирилась съ своимъ униженіемъ и всегда готова была тайно и явно взяться за оружіе противъ насъ. Сообщеніе по Военно-Грузинской дорогѣ производилось подъ прикрытіемъ сильныхъ отрядовъ съ артиллеріей; случаи разбоевъ и грабежей были очень часты. Генералъ Ермоловъ построилъ при выходѣ Терека изъ горъ крѣпость, которой далъ громкое имя *Владикавказъ*. Конечно, Кавказомъ она владѣть не могла, но была первымъ шагомъ къ упроченію этаго пути, рядомъ постовъ и укрѣпленій. Образовалась вдоль дороги полоса земли, съ которой всѣ бывшіе тамъ аулы Кабардинцевъ перешли далѣе въ предгорія. Полоса эта составляла совершенную равнину, орошаемую притоками Терека, почти безлѣсную, но богатую черноземною почвою. На этой полосѣ въ 1832 году были поселены два Малороссійскихъ казачьихъ полка и образовали Владикавказскій казачій полкъ, вошедшій въ составъ Кавказскаго линейнаго войска. Военно-Грузинская дорога имѣла большія неудобства; но какъ это было единственное сообщеніе съ Тифлисомъ, то правительство употребило много денегъ и трудовъ для ея улучшенія. Очень хорошее шоссе проложено отъ ст. Екатериноградской (при впаденіи Малки въ Терекъ) чрезъ Владикавказъ. Сообщенія сдѣлались частыми и менѣе опасными отъ большихъ шаекъ; случаи же мелкихъ разбоевъ, грабежей и убійствъ въ это время (въ 1837 г.) были часты. Но главная польза отъ этой занятой Русскими и обезпеченной укрѣпленіями и станицами полосы оказалась въ томъ, чего, кажется, не ожидали: эта *полоса разъединила* сѣверную сторону Кавказа на два *отдѣльныхъ театра войны*, имѣющіе разныя народности, ничѣмъ не

ду собою не связанныя и представляющія совершенно разнородныя данныя въ смыслѣ военно-топографическомъ и политическомъ. Впослѣдствіи времени, это раздѣленіе было для насъ чрезвычайно полезно.

Въ 1830 году, по окончаніи войны съ Турціею, большой отрядъ, подъ личнымъ начальствомъ графа Паскевича, перешелъ Кубань и сдѣлалъ нѣсколько движеній въ землѣ Шапсуховъ, при чемъ были стычки съ горцами и уничтожено много ауловъ. Серьозной цѣли этаго движенія не было; прямымъ послѣдствіемъ его была постройка укрѣпленій Мостоваго-Алексѣевскаго на Кубани, Афитскаго и Ивано-Пшебскаго. Первое изъ нихъ, какъ мостовое, могло быть полезно для послѣдующихъ движеній въ землю Шапсуговъ, но этихъ движеній не было. Ивано-Пшебское скоро было упразднено по безполезности и вредному климату. Афитское укрѣпленіе, вполнѣ безполезное, долгое время занималось однимъ батальономъ Черноморскихъ казаковъ, которые, безъ сообщенія съ Черноморіей, посреди скуки и тревогъ отъ окружающихъ ихъ горцевъ, при весьма скудномъ продовольствіи, болѣли цынгою и умирали во множествѣ. Мѣсто это было ссылочнымъ, и отправленіе безъ очереди на службу въ Афитское укрѣпленіе постановлялось въ приговорахъ военнаго суда. Но еще бо̀льшій вредъ экспедиція графа Паскевича сдѣлала тѣмъ, что показала наши завоевательные замыслы и общей опасностью сблизила разныя племена Адехе, до того времени не имѣвшія общаго интереса и нерѣдко между собою враждовавшія. Съ другой стороны, эта экспедиція дала графу Паскевичу право на авторитетъ для направленія послѣдующихъ дѣйствій, чѣмъ онъ долгое время пользовался, съ увѣренностью въ своей непогрѣшимости, какъ это и всегда бываетъ, когда обстоятельства и прихоть самодержца изъ обыкновеннаго человѣка сдѣлаютъ героя и геніальнаго полководца. Въ этомъ званіи Паскевичъ состоялъ во все царствованіе императора Николая. Всѣ предположенія мѣстныхъ начальниковъ посылались на его заключеніе, и онъ, изъ Варшавы, давалъ рѣшительный отвѣтъ, вдохновляемый своимъ геніемъ и Новицкимъ, который состоялъ при немъ. Это былъ уже довольно ограниченный человѣкъ, но усердный и безгранично преданный. Вдохновенія свои онъ получалъ отъ записки, представленной имъ послѣ поѣздки чрезъ Черкесскій край, подъ видомъ глухонѣмаго нукера, записки, которой дѣйствительные авторы были Таушъ и Люлье.

Въ 1832 г. Паскевичъ составилъ въ Варшавѣ цѣлый планъ покоренія горцевъ въ западной части Кавказа. Онъ предполагалъ *проложить путь* съ Кубани прямо на Геленджикъ, по̀строить на этой *дорогѣ нѣсколько укрѣпленій* и сдѣлать ихъ основаніями для дѣйствій *отдѣльныхъ отрядовъ;* когда все это будетъ готово, то направить око-

до десяти малыхъ отрядовъ изъ разныхъ пунктовъ этой линіи, названной Геленджикскою кордонною, одновременно на Западъ съ тѣмъ, чтобы гнать передъ собою горцевъ къ Анапѣ и морю, и тамъ имъ угрожать истребленіемъ, если не покорятся. Послѣ этого прорѣзать Кавказъ другою линіею, паралельною первой, но болѣе къ Востоку, и такъ далѣе до верхней Кубани, очищая или покоряя пространство между линіями. Едва ли можно выдумать что-нибудь болѣе нелѣпаго и показывающаго совершенное незнаніе края и непріятеля, не говоря уже о томъ, что едва ли кто въ наше время отважится, вообще, предлагать кордонную систему войны въ такомъ педантическомъ, безусловномъ видѣ. Однакоже, проектъ Паскевича былъ принятъ за чистое золото въ Петербургѣ, гдѣ незнаніе Кавказа доходило до смѣшнаго. Вельяминовъ своеручно исписывалъ десятки листовъ противъ этихъ предположеній, принятыхъ въ Тифлисѣ безусловно, изъ угодничества къ Паскевичу, а отчасти и въ досаду Вельяминову. Всѣ усилія послѣдняго, до самой его смерти, избавили его только отъ облавы горцевъ; но онъ вынужденъ былъ строить Геленджикскую кордонную линію и занимать по восточному берегу Чернаго моря разные пункты, посредствомъ которыхъ Паскевичъ предполагалъ пресѣчь горцамъ сообщеніе съ Турціей, откуда направлялись къ намъ контрабандныя суда, доставлялось оружіе и могла быть занесена чума. Черновыя бумаги, собственноручно писанныя Вельяминовымъ, поучительны и показываютъ его честное отношеніе къ дѣлу. Видно, что онъ безъ особенной ловкости лавировалъ, чтобы выставить неярко нелѣпости проекта, иногда пускался даже на неловкія любезности «вождю, со славою окончившему три войны», но отъ облавы рѣшительно отказался. Выставивъ невозможность найти десять отрядныхъ начальниковъ, которые бы съ одинаковой математической точностью могли выполнить этотъ планъ, Вельяминовъ просилъ назначить для общаго распоряженія другаго, болѣе его способнаго, начальника, а себя предлагалъ въ начальники одного изъ десяти малыхъ отрядовъ.

Въ 1833 г. было построено на Кубани мостовое Ольгинское укрѣпленіе, которое должно быть началомъ, а Геленджикъ другою оконечностью Геленджикской кордонной линіи. Въ 1834 г. Вельяминовъ двинулся съ большимъ отрядомъ изъ Ольгинскаго укрѣпленія, прошелъ болотистую полосу и сталъ лагеремъ на границѣ земель Шапсуговъ и Натухайцевъ, на р. Абинѣ, гдѣ и построилъ укрѣпленіе на одинъ баталіонъ. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, по вооруженіи и снабженіи новаго укрѣпленія, Вельяминовъ предпринималъ движенія во всѣ стороны, *разоряя аулы.* Такой порядокъ былъ и въ три слѣдующіе года. *Эти періоды экспедиціи* солдаты называли: первый переводъ людей

второй переводъ. Дѣйствительно, трудовъ было много, и войска болѣе изнурялись работами, чѣмъ военными дѣйствіями. Непріятель въ этотъ годъ мало собирался и ничего серьёзнаго не предпринималъ. Въ 1835 г. было докончено Абинское и выстроено Николаевское укрѣпленіе, при впаденіи р. Атакуафъ въ Абинъ. Во второмъ періодѣ сдѣлана рекогносцировка къ Геленджику по Шедогобскому ущелью, оказавшемуся для перехода черезъ хребетъ совершенно неудобнымъ; поэтому рѣшено было вести дорогу и линію по Атакуафу черезъ перевалъ Нако и спуститься къ морю у ю. в. края Суджукской бухты; оттуда до Геленджика 16 верстъ очень удобной дороги. Во второмъ періодѣ экспедиціи движеніе отряда было значительнѣе, и непріятель въ большихъ силахъ дрался смѣло, видимо пріобрѣтая опытность въ дѣлѣ и смѣтливость, свойственную всѣмъ горцамъ. Потеря наша въ военныхъ дѣйствіяхъ была болѣе значительна, но все-таки едва ли превышала 250 или 300 человѣкъ во все время. Тогда еще потери наши не считались тысячами. Въ этой экспедиціи участвовалъ и былъ тяжело раненъ корнетъ князь Барятинскій, которому судьба назначила быть въ послѣдствіи главнымъ виновникомъ покоренія Кавказа.

Въ 1836 г. Вельяминовъ прошелъ съ отрядомъ чрезъ Нако къ Суджукской бухтѣ и построилъ тамъ, при устьѣ р. Добъ, укрѣпленіе названное Кабардинскимъ. Движенія для разоренія ауловъ и для изученія края производились между новой линіей, Анапой и Кубанью, но продолжались менѣе обыкновеннаго, потому что пронесся слухъ о появленіи въ горахъ чумы, занесенной изъ Турціи. Поэтому, въ концѣ Сентября, отрядъ выдерживалъ 14-дневной карантинъ на бивуакѣ, при Ольгинскомъ укрѣпленіи. Въ войскахъ тогда говорили, что чума выдумана была переводчиками Таушемъ и Люлье, которые между горцами имѣли много друзей. Подкупить ихъ горцы не могли, потому что нечѣмъ, но они могли сами быть обманутыми. Впослѣдствіи оказалось, что гдѣ-то между горцами была какая-то заразительная болѣзнь; но нѣтъ причины думать, чтобы это именно была чума, тѣмъ болѣе, что болѣзнь ограничилась небольшимъ пространствомъ.

Вотъ я опять пришелъ къ началу экспедиціи 1837 г. Предположенія на этотъ годъ были обширнѣе предыдущихъ, и отрядъ долженъ былъ дѣйствовать преимущественно на южной сторонѣ хребта къ Юго-востоку отъ Геленджика, въ краѣ, куда еще не проникали Русскія войска. Цѣль этихъ дѣйствій—занятіе устьевъ двухъ рѣкъ: Пшады и Вулана (Чюэпсинъ) и постройки тамъ укрѣпленій. Здѣсь я долженъ *прежде сказать нѣсколько* словъ о театрѣ военныхъ дѣйствій и о не*пріятелѣ, съ которымъ* мы должны были имѣть дѣло.

Рѣка Кубань, вытекая изъ подъ вѣчныхъ снѣговъ Эльбруса, направляется между черными горами на Сѣверъ. До Каменнаго Моста или до впаденія въ нее рѣки Теберды, она течетъ въ глубокомъ, покрытомъ лѣсомъ ущельѣ, чрезъ которое есть небольшое число переходовъ. Отъ Теберды, въ направленіи сѣверномъ, долина Кубани расширяется и постепенно теряетъ характеръ горной рѣки; близъ станицы Темишбекской она поворачиваетъ круто на Западъ и въ этомъ направленіи протекаетъ между отлогими, безлѣсными берегами, а отъ устья Лабы до самаго впаденія ближайшая къ Кубани полоса земли поросла камышемъ и при всякомъ разливѣ, въ концѣ Іюня, заливается водою. Верстахъ въ 25 за Екатеринодаромъ эта поросшая камышемъ полоса простирается въ ширину верстъ на 120 и составляетъ восточный берегъ Азовскаго моря, въ которое Кубань вливается однимъ рукавомъ (Протока), главное же русло рѣки идетъ въ западномъ направленіи и впадаетъ въ Черное море нѣсколькими рукавами.

Кубань долго составляла границу между нами и горцами. Лѣтомъ она представляла довольно серьёзное препятствіе для перехода большихъ отрядовъ и партій; но малыя хищническія партіи легко чрезъ нее прокрадывались въ наши предѣлы. Для ближайшаго наблюденія и для обороны границы по Кубани устроены были казачьи станицы, укрѣпленія и посты. По верхней Кубани до устья Лабы Кубанская кордонная линія была подъ начальствомъ барона Засса; а оттуда до Чернаго моря простиралась Черноморская кордонная линія, которой начальникъ жилъ въ Екатеринодарѣ. Въ 1828 г. отрядъ князя Меншикова взялъ Анапу при содѣйствіи Черноморскаго флота. Эта обширная крѣпость, построенная въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія Французскими инженерами, не дѣлала особенной чести ихъ искусству и знанію. Открытая съ моря, она была окружена высокою, каменною стѣною со многими бастіонами, которыхъ фланги били другъ въ друга. Турецкій гарнизонъ имѣлъ до 15 т. и до 120 орудій. Тамъ помѣстили два баталіона линейныхъ, только что для этаго сформированныхъ, и сверхъ того, въ крѣпости водворили одну изъ станицъ гражданскаго поселенія, которое, кажется, по проекту Новороссійскаго генералъ-губернатора, предположено устроить на богатыхъ и открытыхъ окрестностяхъ Анапы.

При такомъ положеніи нашей границы тревоги были часты. Казаки, особенно линейные, соревновали съ горцами въ удальствѣ, неутомимости и быстрыхъ движеніяхъ, но нерѣдко не имѣли успѣха. Въ такомъ случаѣ мѣстная тактика требовала угаданія обратнаго перехода вторгнувшейся партіи чрезъ Кубань. Это большею частью удавалось. Я разсказалъ выше удачное дѣло г. Засса противъ Абадзе-

ховъ, прорвавшихся до Кисловодска; еще гораздо ранѣе (кажется, около 1824 г.) генералъ Власовъ разбилъ сильную партію горцевъ подъ Калаусомъ при возвращеніи послѣ нападенія на ст. Полтавскую. Говорятъ, что горцы потеряли тутъ до 2500, большею частью утонувшихъ въ болотахъ, въ которыхъ и до сихъ поръ находятъ горское оружіе и панцыри. Очень немногимъ изъ этой партіи удалось спастись. Во всѣхъ Закубанскихъ аулахъ пѣли пѣсни объ этомъ бѣдственномъ походѣ.

Набѣги генерала Засса удалили немирныхъ горцевъ верстъ на сто отъ верхней Кубани, такъ что до самой Лабы были только въ небольшомъ числѣ аулы такъ называемыхъ мирныхъ. Но противъ Черноморской кордонной линіи Закубанская сторона вполнѣ принадлежала горцамъ, которыхъ аулы начинались верстахъ въ десяти по лѣсамъ, пересѣкаемымъ болотистыми притоками Кубани. Тревоги на линіи были особенно часты зимою, когда рѣка замерзала. Большую часть ночей казаки и регулярныя войска проводили подъ ружьемъ.

Такое положеніе дѣлъ показывало до очевидности, что нужны были совсѣмъ другія мѣры для прочнаго обезпеченія края, а никакъ не устройство линій, пересѣкающихъ Кавказскій хребетъ и приморской линіи укрѣпленій, отрѣзывающей горцевъ отъ Чернаго моря. Еслибы исполненіе этого проекта и было возможно, то во всякомъ случаѣ оно должно потребовать огромныхъ жертвъ людьми, деньгами и временемъ. Послѣ оказалось, что эти жертвы были принесены безъ всякой пользы.

Въ 1837 г. въ Черноморіи квартировали три полка 19 пѣх. дивизіи, съ своею артилеріею и 2 саперныя роты. Полки были четырехбатальонные. Дивизіей временно командовалъ генералъ-маіоръ Лингенъ, человѣкъ очень добрый, совершенно безотвѣтный. Но это была война не генеральская. Самую важную роль играли полковые, баталіонные и ротные командиры. Первые были изъ старыхъ Кавказскихъ служакъ. Тенгинскимъ полкомъ командовалъ полковникъ В. А. Кашутинъ, Кабардинскимъ генералъ-маіоръ Пирятинскій, оба люди боевые, опытные. Кашутина всѣ любили за доброту, беззавѣтную храбрость и радушное гостепріимство, выражавшееся часто большимъ количествомъ бутылокъ портеру. Навагинскимъ полкомъ командовалъ полк. Полтининъ, человѣкъ не безъ военныхъ заслугъ, но довольно сумасбродный и кутила. Онъ говорилъ о себѣ: Полтининъ пять разъ раненъ, три раза контуженъ и ни разу не сконфуженъ. Четвертый полкъ 19 дивизіи, Куринскій, былъ расположенъ на лѣвомъ флангѣ, и командиръ его полк. Пулло, Русскій Грекъ, жилъ въ кр. Грозной и былъ начальникомъ Сунжинской кордонной линіи. Офицера, пріѣхав-

шаго изъ Русскихъ войскъ, поражали самостоятельность и самоуваженіе ротныхъ и баталіонныхъ командировъ, разумная смѣтливость и незадерганность солдатъ въ Кавказскихъ войскахъ. Дисциплина была строга и конечно отзывалась общею дикостью того времени. Кабардинскій полкъ справедливо считался лучшимъ въ дивизіи; послѣ него добрую славу имѣлъ Тенгинскій; какая-то старая закваска держалась въ этихъ полкахъ, не смотря на довольно быстрыя перемѣны и общества офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Унтеръ-офицеры были вообще очень хороши и люди заслуженные. Въ это званіе производили не за наружность и ловкость во фронтѣ. Вообще въ войскахъ видны были остатки преданій Суворовскаго времени, еще несглаженные тонкостями фронтовой службы. Между офицерами было немало кутилъ, но старшіе берегли молодежь и честь полка. Мнѣ не трудно было бы назвать нѣсколько штабъ-офицеровъ и ротныхъ командировъ, которые пользовались заслуженною славою боевыхъ офицеровъ и отличныхъ начальниковъ.

Въ составъ дѣйствующаго отряда въ 1837 г. назначены были Тенгинскій и Навагинскій полки въ полномъ составѣ и два баталіона Кабардинскаго, двѣ роты саперъ, четыре пѣшихъ полка Черноморскаго казачьяго, нѣсколько конныхъ сотенъ линейнаго войска и три батареи, 19-й артил. бригады. О Кавказской артиллеріи можно сказать, что она была въ общемъ уваженіи и всегда держалась вполнѣ своеобразно и съ большимъ достоинствомъ. Впрочемъ, это же самое относится и вообще къ Русской артиллеріи. Батареи были осми-орудійнаго состава, и въ каждую придано, сверхъ того, по два горныхъ единорога и по двѣ Кегорновы мортирки. Командиръ 19-й бригады, полковникъ Бриммеръ, квартировалъ въ Ставрополѣ. Вельяминовъ былъ о немъ хорошаго мнѣнія; послѣдствія показали, что онъ не ошибся.

Пѣхота вооружена была старыми, кремневыми ружьями, до того плохими, что нельзя было съ увѣренностью попасть на сто шаговъ. Линейные казаки имѣли винтовки Черкескаго образца, а Черноморскіе казаки—разнообразныя, очень плохія ружья. Пѣхота стрѣляла довольно плохо, артиллерія дѣйствовала хорошо, но въ теоретической части своего дѣла Кавказскіе артиллеристы были недалеки.

Черноморскіе казаки были у всѣхъ начальниковъ въ загонѣ и держались въ черномъ тѣлѣ. Это ошибочное мнѣніе раздѣлялъ и Вельяминовъ. Четыре пѣшихъ полка этаго войска взяты были въ составъ отряда, преимущественно, какъ рабочая сила при постройкѣ укрѣпленій. На нихъ лежала вся черная работа при движеніяхъ и расположеніи *отряда. Надобно* правду сказать, начальство Черноморскихъ *казаковъ не только* не протестовало противъ такой несправедливости;

но находило въ томъ свою выгоду. Я тогда почти не зналъ Малороссійскаго элемента и потому гораздо позже оцѣнилъ Черноморцевъ по ихъ достоинству.

Линейные казаки пользовались вполнѣ заслуженною славою удальства и храбрости. На коняхъ горскихъ породъ, въ красивомъ горскомъ костюмѣ, линейные казаки многое заняли отъ горцевъ: джигитовку, удальство и блестящую храбрость съ театральнымъ оттѣнкомъ. Даже въ манерахъ и въ домашней жизни они многое переняли отъ своихъ исконныхъ враговъ. Нужно признаться, что народная нравственность была у нихъ очень нестрога; но вообще, какъ ихъ хорошія, такъ и дурныя качества, приводили въ восторгъ офицеровъ, пріѣзжавшихъ на Кавказъ изъ всѣхъ войскъ для участвованія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Для нихъ линейные казаки были постоянно окружены какимъ-то военно-поэтическимъ ореоломъ, и свои восторги они черезъ годъ развозили по всей Россіи вмѣстѣ съ Черкесскимъ костюмомъ и оружіемъ.

7 Мая прибылъ генералъ Вельяминовъ, а 9-го отрядъ выступилъ по хорошо знакомой дорогѣ на укрѣпленіе Абинское. Прошедъ Аушецкія и Тляхофиджскія болота, отрядъ двигался по открытой равнинѣ, оставя вправо глубокія колеи, сдѣланныя обозами въ предшествующіе года. Вельяминовъ ѣхалъ на своей «бачѣ», Имеретинской лошадкѣ съ отрѣзанной гривою, и окруженный довольно многочисленнымъ штабомъ. Къ нему подскакалъ полковникъ Бриммеръ. «Ваше превосходительство, отрядъ давно своротилъ съ Абинской дороги. Куда же мы такъ придемъ?»—«Не знаю, дражайшій, горнистъ трубилъ на лѣво. Спроси его». Бриммеръ понялъ свою неловкость, извинился и поспѣшилъ къ своему мѣсту. Дѣйствительно, это былъ сюрпризъ. Отрядъ вошелъ въ мѣстность пересѣченную перелѣсками и топкими ручьями въ неглубокихъ долинахъ. Вдали видно было нѣсколько ауловъ. Началась перестрѣлка. Горцы знали о нашемъ движеніи и были въ большомъ сборѣ. Въ одномъ мѣстѣ перестрѣлка очень усилилась и продолжалась нѣсколько минутъ, перемежаясь дикимъ, визгливымъ крикомъ горцевъ и громкимъ ура! Вельяминовъ, ѣхавшій очень равнодушно, подозвалъ меня и сказалъ: «поѣзжай, дражайшій, скажи этимъ болванамъ, чтобы долго не забавлялись перестрѣлкой, а если непріятель упорно держится, то прогнать его штыками». Не успѣлъ я показаться съ этимъ приказаніемъ, какъ Тенгинцы дружно крикнули: ура! Горцы только успѣли выхватить шашки какъ были опрокинуты и исчезли въ кустахъ. Къ вечеру перестрѣлка начала умолкать, аулы горѣли, и отрядъ расположился на позиціи вокругъ большаго кургана Ошхатахъ, давшаго имя всей этой мѣстности. Трофеями этаго дня

были нѣсколько труповъ горцевъ, у которыхъ отрубили головы, завернули и зашили въ холстъ. За каждую голову Вельяминовъ платилъ по червонцу и черепа отправлялъ въ Академію Наукъ. Поэтому за каждаго убитаго горца была упорная драка, которая иногда многимъ стоила жизни, съ той и съ другой стороны. Для горцевъ была другая причина упорства. Отправляясь на какое-нибудь военное предпріятіе, горцы заключали съ своими ближними друзьями военные союзы, при чемъ давали присягу не выдавать своего товарища живаго или мертваго; если нельзя унести изъ сраженія тѣла, его товарищъ долженъ, по крайней мѣрѣ, отрубить ему голову и принести ее семейству убитаго; въ противномъ случаѣ онъ обязанъ во всю жизнь на свой счетъ содержать вдову и дѣтей своего убитаго товарища. Сверхъ того, такое дѣйствіе считалось позорнымъ. Драка за трупы и отрѣзываніе головъ вошли въ нравы и обычаи Кавказскихъ войскъ. На первый разъ, не смотря на воодушевленіе новизною картинъ и впечатлѣній, видъ завернутыхъ въ холстъ головъ, привязанныхъ къ концу казачьихъ пикъ, вызвалъ у меня чувство гадливости и омерзенія.

Я исправлялъ должность оберъ-квартирмейстера отряда. Полковникъ Ольшевскій былъ начальникомъ штаба, не нося только этого титула.

Вечеромъ я долженъ былъ поставить и осмотрѣть всю цѣпь аванпостовъ и ихъ резервовъ. Послѣ этаго резервы зажигали передъ собой большіе костры, которыхъ линія показывала мѣста ихъ расположенія. Вельяминовъ не уходилъ въ свою палатку прежде, чѣмъ я доложу ему о постановленіи аванпостовъ и о томъ, какъ они заняты. Если гдѣ потухалъ костеръ или не былъ разложенъ, Вельяминовъ сердился и посылалъ начальнику резерва замѣчаніе въ выраженіяхъ, которыхъ рѣзкость никого не удивляла.

Лагерь становился обыкновенно длиннымъ четыреугольникомъ, котораго фасы составляли авангардъ, арріергардъ и два боковыхъ прикрытія. Такою же живою крѣпостью отрядъ и двигался: авангардъ и арріергардъ по ущелью или долинѣ, а боковыя прикрытія по горамъ, въ такомъ разстояніи, чтобы пули горцевъ не могли бить въ колонну, гдѣ были остальныя войска и обозъ. Дороги были вообще болѣе или менѣе дурны, мѣстность въ горахъ покрыта лѣсомъ. Чтобы держать боковыя прикрытія на своихъ мѣстахъ и чтобы цѣпи стрѣлковъ не разрывались въ закрытой и пересѣченной мѣстности, ихъ часто окликали сигнальными рожками. Этимъ способомъ и при условленныхъ заранѣе сигналахъ, передавались всѣ приказанія при движеніяхъ.

При такомъ порядкѣ, движеніе отряда никогда не могло быть быстро, и непріятель имѣлъ полную возможность сосредоточивать свои силы на мѣстахъ наиболѣе удобныхъ для обороны. Зная цѣль нашихъ движеній, горцы могли собираться противъ насъ въ значительныхъ силахъ и, при совершенномъ знаніи мѣстности, имѣли полную возможность располагать своими дѣйствіями, такъ что безъ всякой ошибки можно сказать, что вездѣ, гдѣ завязывалась упорная драка, мы были нумерически слабѣе непріятеля и находились въ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Все это съ избыткомъ вознаграждалось дисциплиной, боевой опытностью и невѣроятной выносливостью почтенныхъ Кавказскихъ войскъ. Я уже сказалъ, что пѣхота наша была очень дурно вооружена и стрѣляла плохо; въ этомъ отношеніи непріятель надъ нами имѣлъ большое превосходство. Нельзя сказать, чтобы горцы были отличные стрѣлки; но ихъ длинныя винтовки, заряженныя пулями съ сальною тряпкой, били гораздо вѣрнѣе нашихъ ружей и, при оборонительныхъ дѣйствіяхъ, они могли укрываться и выжидать приближенія нашихъ. Пользовались они мѣстностью очень хорошо, и съ инстинктомъ горца соединяли замѣчательную храбрость и легкость въ ходьбѣ по горамъ.

Самая трудная роль доставалась обыкновенно арріергарду, а самая легкая авангарду, гдѣ рѣдко бывала серьезная перестрѣлка. Въ боковыхъ прикрытіяхъ все зависѣло отъ свойствъ мѣстности; но какъ рѣдко можно было идти по гребню, образующему водораздѣлъ, то войска боковыхъ прикрытій сильно утомлялись безпрестанными спусками и подъемами, причемъ нерѣдко нужно было выбивать непріятеля изъ засадъ, которыя онъ дѣлалъ, зная напередъ, что прикрытія не минуютъ этаго мѣста. Случалось, что отрядъ растягивался верстъ на пять, и тогда конечно боковыя прикрытія усиливались войсками изъ колонны. Вельяминовъ зорко смотрѣлъ за всѣмъ и ничего не оставлялъ безъ вниманія. Каждый солдатъ и частью начальникъ былъ увѣренъ, что старый Вельяминовъ его видитъ. Войска вообще имѣли большое довѣріе къ своему начальнику. Для меня служба при немъ была лучшею военною школою.

Я нѣсколько распространился въ описаніи этого дня, потому что таковъ былъ всегдашній порядокъ движенія отряда. Можно упрекнуть Вельяминова только развѣ въ нѣсколько излишней методичности. Вообще горцы сравнивали наши экспедиціи съ грозовою тучею, которая пройдетъ полосой, надѣлаетъ шуму и разореній и умчится, не *оставивъ прочныхъ* слѣдовъ. Кажется, они правы.

День 9 Мая 1837 г. намъ обошелся не дешево. У насъ убито и ранено было 50 человѣкъ, и сверхъ того ранены полковн. Кашутинъ и нѣсколько офицеровъ. Кашутина положили въ карету, которую Вельяминовъ всегда возилъ при отрядѣ, на случай своей болѣзни или раны. Къ этой каретѣ ежедневно наряжалась сотня Черноморцевъ для вытаскиванья на рукахъ въ трудныхъ мѣстахъ, которыя въ горномъ и бездорожномъ краѣ часто встрѣчаются.

На слѣдующій день мы пришли въ укр. Абинское, почти безъ перестрѣлки. Это показывало, что наканунѣ горцы имѣли большую потерю. Слѣдующій переходъ былъ къ укр. Николаевскому при впаденіи Атакуафа въ Абинъ. Здѣсь отрядъ уже вошелъ въ предгорія, покрытыя лиственнымъ лѣсомъ, преимущественно дубомъ и берестомъ. Перестрѣлка въ этотъ и послѣдующіе дни до Геленджика была незначительна, конечно потому, что горцы привыкли уже къ движенію отряда по этому направленію и знали безвредность для нихъ этихъ движеній. Но въ первый годъ тутъ были жаркія дѣла: одна мѣстность на нашихъ картахъ названа Гвардейскою Поляной, потому что тутъ въ 1835 г. было убито и ранено нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ.

Укрѣпленіе Абинское было выстроено на лѣвомъ берегу рѣки Абина и на равнинѣ совершенно открытой. Оно составляло правильный пятибастіонный фортъ высокой профили, съ палисадами во рву. Гарнизонъ его состоялъ тогда изъ трехъ ротъ пѣхоты и полусотни конныхъ казаковъ. Укрѣпленіе Николаевское было такой-же постройки, но гораздо меньше и имѣло гарнизону одну роту. Оно было окружено горами, отъ которыхъ внутреннее пространство было по возможности дефилировано. Въ окрестностяхъ горцы имѣли двѣ или три старыхъ Турецкихъ пушки, которыя они иногда привозили на горы и стрѣляли ядрами по укрѣпленію, не дѣлая особеннаго вреда, но держа гарнизонъ въ безпрестанной тревогѣ. Оба эти укрѣпленія имѣли сообщеніе съ Черноморіей только раза два въ годъ, когда имъ привозили годичное продовольствіе, подъ прикрытіемъ сильнаго отряда. Во все остальное время между Абинскимъ и Николаевскимъ укрѣпленіями сообщеніе было возможно только чрезъ лазутчиковъ. Безпрестанныя тревоги, плохое продовольствіе, недостатокъ свѣжаго мяса, томительная скука, близость болотъ, лихорадочный климатъ—все это порождало въ гарнизонѣ болѣзни, оканчивавшіяся обыкновенно цингою. Потеря въ людяхъ ежегодно была огромная. Эти укрѣпленія считались ссылоч-

ными по преимуществу. Естественно будетъ спросить, какая же была польза отъ этихъ укрѣпленій, предположенныхъ самоувѣренною посредственностью и утвержденныхъ противъ мнѣнія Вельяминова лицемъ, котораго совершенное незнаніе края можно видѣть между прочимъ изъ слѣдующихъ примѣровъ. Въ 1835 году Вельяминовъ представлялъ подробный проектъ о покореніи горцевъ западной стороны Кавказа, въ основаніи весьма раціональный, но сильно отзывающійся математическимъ складомъ его ума. Онъ предлагалъ построить укрѣпленія на Илѣ и другихъ главныхъ притокахъ Кубани, сдѣлать ихъ складочными пунктами, изъ которыхъ отряды могли бы дѣйствовать вверхъ по долинамъ рѣкъ и такимъ образомъ очистить пространство по сѣверному скату Кавказа; на южномъ же склонѣ стѣсненное населеніе не найдетъ возможности къ существованію и должно будетъ покориться. Государь Николай Павловичъ нашелъ все это основательнымъ, но не разрѣшилъ, «потому что это помѣшаетъ окончательному покоренію горцевъ въ семъ году». Въ 1835 же году, Вельяминову сообщена высочайшая собственноручная резолюція на одномъ его рапортѣ: «дать горцамъ хорошій урокъ, чтобы они на первыхъ порахъ обожглись». Этотъ урокъ, вѣроятно, предполагалось дать постройкой Николаевскаго укрѣпленія, надъ которымъ горцы не могли не смѣяться. Наконецъ, когда рѣшено было построить рядъ укрѣпленій по восточному берегу Чернаго моря, Вельяминову высочайше повелѣно было послать изъ Геленджика одинъ баталіонъ по берегу на встрѣчу другаго баталіона, который будетъ посланъ изъ Гагръ. Эти баталіоны должны были пройти по всему берегу и возвратиться къ своимъ отрядамъ, «дабы получить ясное понятіе о топографіи этаго края». Вельяминовъ конечно этого не исполнилъ, потому что посланный имъ баталіонъ былъ бы истребленъ никакъ не далѣе слѣдующаго дня по выходѣ. Я уже не говорю о томъ, что Министерство Финансовъ предлагало устроить по всему берегу таможенные посты для воспрепятствованія ввозу контрабанды въ наши предѣлы... Въ Петербургѣ и не подозрѣвали, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ полумилліоннымъ горнымъ населеніемъ, никогда не знавшимъ надъ собою власти, храбрымъ, воинственнымъ и которое, въ своихъ горныхъ заросшихъ лѣсомъ трущобахъ, на каждомъ шагу имѣетъ сильныя, природныя крѣпости. Тамъ еще думали, что Черкесы не болѣе какъ возмутившіеся Русскіе подданные, уступленные Россіи ихъ законнымъ повелителемъ султаномъ, по Адріанопольскому трактату!

Долина Атакуафа, по которой мы двигались отъ Николаевскаго укрѣпленія, образуетъ довольно широкое ущелье, покрытое лѣсомъ. *Аулы были сожжены* еще въ прошломъ году и не возобновлялись гор-

цами; но на каждомъ шагу являлись мѣстности, удобныя для жительства, съ богатою растительностью и замѣчательно живописныя.

Отрядъ повернулъ въ долину Нако, по которой поднялся на самый гребень Кавказскаго хребта, образующаго здѣсь глубокое сѣдло. Трудно вообразить себѣ что-нибудить живописнѣе вида, который открылся съ перевала. Хребетъ въ этомъ мѣстѣ едва-ли имѣетъ болѣе 5 т. футовъ надъ поверхностью моря; южный его склонъ крутъ и изрѣзанъ глубокими балками, покрытыми лѣсомъ; по правую сторону простиралась у подножія хребта обширная Суджукская бухта, а впереди Черное море съ горизонтомъ безъ предѣловъ.

Спускъ къ укр. Кабардинскому, у юго-западнаго угла бухты, шелъ по удобному шоссе, сдѣланному въ предъидущемъ году Вельяминовымъ и напоминавшему Римскія работы. Это укрѣпленіе устроено было на одну роту. Очертаніе разбивалъ самъ Вельяминовъ, старавшійся съ особенною заботливостью дефилировать внутреннее пространство отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Отъ этого укрѣпленіе получило форму наименѣе пригодную для такого военнаго учрежденія—форму стрѣлы съ наконечникомъ на одномъ концѣ и съ перьями по обѣ стороны другаго конца. Въ 1838 г., когда эта неудобная форма возбудила удивленіе генерала Головина, преемника барона Розена, генералъ Граббе, преемникъ Вельяминова, сказалъ: «Я узнаю моего умнаго предмѣстника. Если человѣкъ большаго ума задумаетъ сдѣлать глупость, то сдѣлаетъ такую, какой всѣ дураки не выдумаютъ».

Отъ укр. Кабардинскаго до Геленджика 16 верстъ удобной дороги по мѣстности, покрытой кустарниками. Этотъ мирный переходъ мнѣ памятенъ тѣмъ, что, поѣхавъ чрезъ кусты въ сюртукѣ, я пріѣхалъ въ какой-то курточкѣ съ лохмотьями полъ. Между кустами множество березы, которую солдаты называютъ «держи дерево», потому что его безчисленное множество иголъ съ загнутымъ концомъ вцѣпляются въ одежду и ее непремѣнно разрываютъ.

Наконецъ, мы пришли въ Геленджикъ, гдѣ нашли стоящими въ бухтѣ пароходъ Язонъ и нѣсколько частныхъ судовъ, привезшихъ разные предметы для войскъ. Вельяминовъ объявилъ, что мы останемся здѣсь нѣсколько дней и что я долженъ изготовить журналъ военныхъ дѣйствій отряда. Работа эта была не трудная и не требовала ни краснорѣчія, ни богатства фантазіи. Въ предшествовавшіе два года эта обязанность лежала на прапорщикѣ Горшковѣ, офицерѣ очень хорошемъ, но едва грамотномъ. Я видѣлъ его черновыя тетради журнала. Вельяминовъ ихъ своеручно поправлялъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ *Горшковъ* ужъ слишкомъ рѣзко расходился съ грамматикой и особенно съ ороографіей. Журналъ дѣйствій представлялся коман-

Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса и въ копіи военному министру для всеподданнѣйшаго доклада. Вельяминовъ пріучилъ и Петербургскій людъ читать между строками въ его сухихъ и хорошихъ донесеніяхъ. Правда, впрочемъ, что гвардейскіе офицеры въ частныхъ письмахъ не жалѣли красокъ и краснорѣчія и дѣлались Омирами въ описаніи подвиговъ, которые они совершали какъ новые Ахиллесы. Для другаго это могло бы быть дѣломъ вѣрнаго разсчета; но старый Вельяминовъ принялъ этотъ порядокъ совсѣмъ по другимъ соображеніямъ.

На другой день по нашемъ приходѣ въ Геленджикъ намъ дали знать, что пятеро горскихъ старшинъ пріѣхали къ аванпостамъ для переговоровъ съ г. Вельяминовымъ. Это были пять стариковъ, очень почтенной наружности, хорошо вооруженные и безъ всякой свиты. Они назвались уполномоченными отъ Натухайцевъ и Шапсуговъ. Вельяминовъ принялъ ихъ съ нѣкоторою торжественностью, окруженный всѣмъ своимъ штабомъ. Въ этотъ только разъ я видѣлъ на немъ, кромѣ шашки, кинжалъ: предосторожность далеко не лишняя послѣ примѣровъ фанатизма, жертвою котораго сдѣлались князь Циціановъ, Грековъ, Лисаневичъ, князь Гагаринъ и многіе другіе.

Эта сцена была для меня новостью. Мнѣ казалось, что тутъ рѣшается судьба народа, который тысячи лѣтъ прожилъ въ дикой и неограниченной свободѣ. Въ сущности это была не болѣе, какъ пустая болтовня. Депутаты горцевъ начали съ того, что отвергли право султана уступать ихъ земли Россіи, такъ какъ султанъ никогда ихъ землею не владѣлъ; потомъ объявили, что весь народъ единодушно положилъ драться съ Русскими на жизнь и на смерть, пока не выгонитъ Русскихъ изъ своей земли; хвалились своимъ могуществомъ, искусствомъ въ горной войнѣ, меткой стрѣльбой и кончили предложеніемъ возвратиться безъ боя за Кубань и жить въ добромъ сосѣдствѣ. Переводчикъ К. И Таушъ назвалъ всѣхъ ихъ по имени. Онъ ихъ зналъ лично и, проникнутый уваженіемъ къ высшей Черкеской аристократіи, съ какою-то торжественностью титуловалъ каждаго называемаго узденемъ 1-й степени. Старикъ Вельяминовъ на длинную рѣчь депутатовъ отвѣчалъ коротко и просто, что идетъ туда, куда велѣлъ Государь, что, если они будутъ сопротивляться, то сами на себя должны пенять за бѣдствія войны, и что если наши солдаты стрѣляютъ вдесятеро хуже горцевъ, за то мы на каждый ихъ выстрѣлъ будемъ отвѣчать сотней выстрѣловъ. Тѣмъ конференція и кончилась.

Ночью лазутчики дали знать, что вблизи находится огромное сборище, котораго силу они вѣроятно увеличили, говоря, что въ немъ не менѣе 10 т. конныхъ и пѣшихъ отъ всѣхъ народовъ племени Адехе, и что всѣ приняли торжественную присягу драться съ Русскими до

послѣдней крайности, и за тайныя сношенія съ нами назначили смертную казнь. Дней семь мы получали тѣже извѣстія; лазутчики говорили еще, что сборище усилилось прибывшими дальними Убыхами. По ночамъ мы видѣли ихъ бивуачные огни на большомъ пространствѣ къ сторонѣ Мезиба. Горцы ждали нашего движенія и ничего не предпринимали противъ лагеря, огражденнаго засѣкой. Вельяминовъ не двигался, говоря: «Подождемъ, дражайшій. У нихъ генералъ-интендантъ неисправный. Когда поѣдятъ свое пшено и чужихъ барановъ, сами разойдутся». Такъ и случилось: мы простояли въ Геленджикѣ 9 дней, и когда двинулись къ Мезибу, видѣли немного горцевъ, которые вели пустую перестрѣлку съ стрѣлковыми цѣпями.

Перейдя чрезъ Адерби, который въ нижнихъ частяхъ теченія называется Мезибомъ, дорога начала подниматься по долинѣ одного изъ его притоковъ, постепенно отдаляясь отъ моря. Мы вступили въ край, въ которомъ не были еще наши войска. Аулы разбросаны были по сторонамъ долины въ мѣстахъ живописныхъ. Видно было, что тамъ жили въ довольствѣ и совершенной безопасности. Вельяминовъ строжайше запретилъ жечь или грабить аулы, которые мы впрочемъ находили всегда пустыми. По мѣрѣ движенія отряда край дѣлался болѣе гористымъ, и горцы, постепенно собираясь, стали насѣдать на боковыя прикрытія и особенно на арьергардъ. Перестрѣлка почти не прекращалась; мѣстами приходилось выбивать непріятеля штыками изъ крѣпкихъ позицій.

Въ первый день отрядъ прошелъ верстъ 12, во второй 10; дорога была довольно удобна и не требовала большой разработки, но боковыя прикрытія сильно утомлялись, слѣдуя по гребнямъ горъ или поперекъ боковыхъ ущелій. Приходили на мѣсто ночлега поздно вечеромъ, а часовъ въ 6 утра опять поднимались. На третій день мы достигли перевала изъ системы Адерби въ систему Пшада. На вершинѣ горы Черкесы дрались съ особеннымъ упорствомъ въ прекрасной дубовой рощѣ. Вельяминовъ послалъ полковника Бриммера съ тремя баталіонами занять перевалъ и разработать дорогу. Когда мы пришли, все уже было готово, и горцы удалены. Оказалось, что это была священная роща (тхахапкъ), гдѣ съ глубокой древности совершались языческіе обряды богослуженія. Дубы были тщательно сохранены; въ одномъ изъ нихъ виденъ былъ довольно крупный камень, который со всѣхъ сторонъ обхватило дерево, при постепенномъ ростѣ, и обвило корою. Можно думать, что дубу было не менѣе двухъ столѣтій.

Вельяминовъ приказалъ спилить это дерево и отпилить часть ствола, въ которомъ былъ камень. Онъ хотѣлъ послать этотъ чурбанъ въ Академію Наукъ, какъ образчикъ могучей растительности эт

края; но каково было удивленіе наше, когда при отпиливаніи пила встрѣтила другой камень, внутри самаго ствола. Осмотрѣвъ окрестную мѣстность, мы нашли много такихъ дубовъ и убѣдились, что туземцы вкладывали эти камни въ развилину молодаго дуба близъ земли и связывали оба ствола выше камня. По мѣрѣ роста и утолщенія стволовъ, они обхватываютъ камень, сливаются въ одинъ стволъ и, такъ сказать, поглощаютъ камень, если онъ не слишкомъ великъ. Кажется, это былъ одинъ изъ обрядовъ язычества и имѣлъ какое-то символическое значеніе.

Мы ночевали на перевалѣ Вуордовюè, а на другое утро начали спускаться по притоку Пшада. Въ этотъ день нѣсколько разъ возобновлялась сильная перестрѣлка въ правомъ прикрытіи, которое, по свойству мѣстности, должно было значительно отдалиться отъ колоны. Нѣсколько разъ приходилось ходить въ штыки. У насъ было человѣкъ 35 убитыхъ и раненыхъ, въ числѣ послѣднихъ командовавшій правымъ прикрытіемъ артиллерійскій генералъ-маіоръ Штейбенъ, который отъ ранъ и умеръ. Я его не зналъ; къ нему былъ хорошо расположенъ Вельяминовъ, который, вообще, не жаловалъ генераловъ.

Мы дошли до устья Пшада, и должны были повернуть круто на право по его долинѣ. Надъ самимъ поворотомъ возвышалась гора, гдѣ горцы сдѣлали завалъ и ожидали нашего прохода, въ большомъ числѣ. Вельяминовъ остановилъ отрядъ внѣ ружейнаго выстрѣла и послалъ 1-й баталіонъ Навагинскаго полка выбить непріятеля и занять гору. Взобраться туда можно было только по узкому гребню, между двумя балками и совершенно открыто, въ виду непріятеля, сидѣвшаго за заваломъ, на горѣ, покрытой лѣсомъ. Навагинцы, въ виду всего отряда, сдѣлали свое дѣло честно и съ большимъ толкомъ. Впереди шла 1-ая гренадерская рота, которою командовалъ поручикъ Егоровъ, родомъ Таганрогскій Грекъ, офицеръ храбрый и опытный. Горцы встрѣтили его у подножія горы залпомъ изъ ружей, не сдѣлавъ никакого вреда. Егоровъ, молча и бѣгомъ, сталъ подниматься на гору. Когда онъ разсчиталъ, что горцы должны были уже зарядить свои винтовки, что они дѣлали довольно медленно, Егоровъ приказалъ людямъ лечь, и не стрѣляя, кричать ура! Услышавъ этотъ крикъ, горцы сдѣлали опять безвредный залпъ, а Навагинцы стали опять молча подниматься на гору. Такой маневръ повторился раза три, пока Навагинцы, достигнувъ вершины, бросились на завалъ; но горцевъ уже тамъ не было: они отступили на другую позицію и удовольствовались одною перестрѣлкой. Въ этомъ молодецкомъ дѣлѣ, происходившемъ въ глазахъ всего отряда, у насъ было только два раненыхъ. Старый Вельяминовъ, не щедрый на похвалы, поблагодарилъ Навагинцевъ и приказалъ назвать

эту гору Навагинскою, какъ она и называется на картахъ. Государь Императоръ пожаловалъ особыя награды за это дѣло, а Егорова произвелъ въ штабсъ-капитаны и далъ ему орденъ св. Георгія 4 степени. Замѣчательно, что онъ вынужденъ былъ дать этотъ орденъ своею властью, потому что Георгіевская дума не удостоила Егорова этой награды, такъ какъ у горцевъ не было пушекъ, и потому подвигъ не подходитъ подъ статутъ ордена. Въ то время офицерскіе Георгіевскіе кресты были чрезвычайно рѣдки на Кавказѣ.

Мы ночевали на прекрасномъ плато, надъ рѣкою Пшадомъ, въ аулѣ Яндаръ-оглу, гдѣ была когда-то славная факторія Де-Скасси. Аулъ, конечно, былъ пустъ. На другой день намъ оставалось сдѣлать верстъ 12 до моря по широкой и прекрасной долинѣ Пшада. Перестрѣлка была незначительна, и довольно рано, 25 Мая, мы дошли до устьевъ рѣки и расположились вокругъ того мѣста, гдѣ предполагалось выстроить укрѣпленіе.

На другой-же день Вельяминовъ приступилъ къ разбивкѣ укрѣпленія. Это онъ всегда дѣлалъ самъ и съ большою заботливостью о дефилированіи внутренности укрѣпленія отъ окружающихъ его горъ. 27 Мая приступили къ работамъ, которыя продолжались мѣсяца полтора. Въ это время скука неподвижной жизни разнообразилась фуражировками и посылкой отрядовъ для рубки лѣса. При отрядѣ было до 2 т. лошадей, которымъ нужно было много сѣна. Часть его для артиллерійскихъ и другихъ казенныхъ лошадей доставлялась изъ Тамани на судахъ, сжатая гидравлическимъ прессомъ; остальное, равно какъ и лѣсъ, нужно было добывать съ бою. По мѣрѣ выкошенія травы въ окрестностяхъ и заборки небольшихъ Черкескихъ запасовъ сѣна, приходилось ходить все далѣе и далѣе по долинѣ Пшада и его притоковъ. Такія движенія дѣлались дня черезъ два, подъ прикрытіемъ 4-хъ или 5 батальоновъ съ 8 или 10 орудіями и сотней конныхъ казаковъ. Горцы всегда знали объ этомъ впередъ, и потому никогда такое движеніе не обходилось безъ драки, болѣе или менѣе упорной. Отряды поручались большею частью Ольшевскому или Бриммеру; офицеры генеральнаго штаба ходили поочередно. Насъ было четверо. Я часто ходилъ съ Ольшевскимъ и долженъ отдать ему справедливость. Онъ былъ хорошій ученикъ Вельяминова: не суетливъ, распорядителенъ, держалъ большой порядокъ въ отрядѣ и не баловалъ себя. У Бриммера порядку было мало, дѣлалось все больше по вдохновенію, но скоро до торопливости. Не смотря на эту разницу, у Ольшевскаго всегда было болѣе потери, чѣмъ у Бриммера.

Такъ прошло полтора мѣсяца. Строенія возводились изъ сырого *ваго кирпича и* мѣстнаго лѣсу. Эта работа утомляла войска, и все

были очень рады, когда велѣно было приготовиться къ выступленію на другое мѣсто при устьѣ Чуэпсина (Вулана), гдѣ предполагалось въ этомъ же году выстроить укрѣпленіе.

Верки укрѣпленія на Пшадѣ были готовы и вооружены; оставались неконченными только казармы и другія внутреннія постройки. Вельяминовъ назвалъ укрѣпленіе Новотроицкимъ и оставилъ въ немъ одну роту гарнизона и баталіонъ для окончанія работъ.

11 Іюля отрядъ двинулся вверхъ по Пшаду и верстахъ въ 15 повернулъ вправо по одному изъ притоковъ лѣвой стороны, а перешедъ перевалъ, вступилъ въ долину одного изъ притоковъ Вулана, правой стороны. Въ обоихъ перевалахъ мы отдалялись отъ моря верстъ на 25. Мѣстность въ обоихъ случаяхъ была одинакова, но здѣсь горы становились выше и движеніе затруднительнѣе. Переходъ до Вулана отрядъ сдѣлалъ въ трое сутокъ. Непріятель былъ въ сборѣ, и перестрѣлка не прекращалась во все время движенія. Мы имѣли въ эти три дня до 75 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. 13 Іюля, поздно вечеромъ мы, достигли устья Вулана, который близъ самаго моря, сливается съ другою рѣчкой Тешепсъ и образуетъ широкую долину. На другой день Вельяминовъ выбралъ мѣсто для укрѣпленія саженяхъ въ 150 отъ моря, на пониженномъ гребнѣ, раздѣляющемъ обѣ рѣчки. Нужно было увѣриться, могутъ ли доставать съ ближайшей горы ружейные выстрѣлы до укрѣпленія. Въ конвойной командѣ былъ лихой офицеръ Сагандаковъ, храбрый, отличный наѣздникъ и замѣчательно сильный. Вельяминовъ приказалъ ему ѣхать на гору и оттуда сдѣлать по указанному дереву по три выстрѣла изъ своей винтовки и изъ солдатскаго ружья. Насъ съ Вельяминовымъ было человѣкъ двадцать, всѣ верхомъ; мы ожидали результатовъ оригинальнаго опыта. Дерево, назначенное цѣлью, было въ шагахъ 20 отъ насъ. Первые три выстрѣла были изъ винтовки; пули упали очень вѣрно, но не долетѣли до дерева; три остальныя пули направились тоже очень вѣрно, но не въ дерево, а въ насъ. Впрочемъ, онѣ перелетѣли чрезъ насъ съ шумомъ и визгомъ очень высоко. Мѣсто откуда стрѣлялъ Сагандаковъ, впослѣдствіи опредѣлено, и оказалось въ 240 саженяхъ, но гораздо выше того, на которомъ мы были.

Вельяминовъ опредѣлилъ линію огня укрѣпленія, названнаго Михайловскимъ. Никому изъ насъ не приходило въ голову, что чрезъ 2½ года этому укрѣпленію суждено было погибнуть и въ минуту гибели быть свидѣтелемъ подвига самоотверженія, похоронившаго и своихъ и враговъ подъ развалинами. Работы начались 15 Іюля. Нужно было торопиться, потому что намъ было сообщено, что Государь прі-

ѣдетъ на Кавказъ и будетъ смотрѣть нашъ отрядъ въ Геленджикѣ. Большое обиліе лѣса въ окрестностяхъ ускоряло работы, но съ другой стороны верки укрѣпленія были гораздо обширнѣе и имѣли чрезвычайно неудобное очертаніе.

Опять началась однообразная жизнь: крѣпостныя работы, фуражировки. Въ войскахъ было много офицеровъ изъ гвардіи и изъ армейскихъ частей, прикомандированныхъ на годъ для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, между ними люди съ состояніемъ; эти коротали время картежной игрой и кутежемъ; то и другое развилось въ сильной степени. Я не участвовалъ ни въ томъ, ни въ другомъ. Со мною было нѣсколько книгъ, рекомендованныхъ мнѣ Майеромъ. Это были: Histoire de la révolution française, par Mignet; Histoire de la révolution anglaise, par Guizot; Histoire de la contre-révolution en Angleterre, par A. Carrel, и наконецъ: De la démocratie en Amérique par Tocqueville. Я ихъ прилежно изучалъ, и это дало совсѣмъ особенное направленіе моимъ мыслямъ и убѣжденіямъ. Съ товарищемъ моимъ, Старкомъ, который гораздо болѣе меня былъ знакомъ съ политической литературой, у меня были безконечные споры.

Въ Августѣ мѣсяцѣ произошелъ эпизодъ, давшій пищу для толковъ и разговоровъ на нѣсколько дней. Вельяминовъ послалъ на пароходѣ Язонъ и другомъ мелкомъ военномъ суднѣ небольшой отрядъ для сдѣланія десанта у устья рѣки Джубги и раззоренія тамъ аула, въ которомъ было гнѣздо контрабандистовъ и людей особенно намъ враждебныхъ. Это было не первое подобное предпріятіе. Въ 1834 г. наши войска высадились къ устью Джубги, сожгли одно или два контрабандныхъ судна, но не могли истребить аула, а при отступленіи понесли большую потерю. Въ числѣ раненыхъ тогда былъ Навагинскаго полка подполковникъ Полтининъ, въ 1837 г. командовавшій этимъ полкомъ. Въ этотъ разъ начальство надъ десантнымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ одной роты Тенгинскаго полка, поручено было капитану 2 ранга Серебрякову, бывшему при Вельяминовѣ дежурнымъ штабъ-офицеромъ по морской части, для фрахтованія судовъ, перевозки разныхъ предметовъ снабженія отряда и для сношеній съ Черноморскимъ флотомъ.

Лазарь Марковичъ Серебряковъ былъ личность очень замѣтная, и я долженъ объ немъ сказать нѣсколько словъ. Его служба началась въ Черноморскомъ флотѣ въ то время, когда большинство офицеровъ тамъ состояло изъ Грековъ и Армянъ. Серебряковъ принадлежалъ къ послѣдней національности. Онъ былъ родомъ изъ Карасубазара, гдѣ у него были торговая баня, домъ, жена, ходившая по-армянски въ шароварахъ, и куча дѣтей. Во флотѣ Серебряковъ игралъ очень скромную

роль и не имѣлъ славы хорошаго морскаго офицера. Въ 1829 году, князь Менщиковъ, тогда еще артиллерійскій генералъ, нашелъ его въ Ѳеодосіи на брандвахтѣ. Узнавъ, что Серебряковъ хорошо знаетъ Турецкій языкъ, князь Меньшиковъ взялъ его съ собою подъ Анапу, которую ему поручено было взять. Извѣстно, что это предпріятіе выполнено съ успѣхомъ и что съ того времени Анапа осталась въ нашихъ рукахъ. Вся эта операція, при содѣйствіи Черноморскаго флота, продолжалась не долго; но Серебряковъ успѣлъ войти въ милость у князя Меньшикова, который, какъ говорятъ, давалъ ему иногда довольно грязныя порученія. Серебряковъ имѣлъ бойкія умственныя способности, много Азіятской хитрости, расположеніе къ военному дѣлу и торговлѣ и эластическую совѣсть. По окончаніи Турецкой войны князь Меньшиковъ, уже начальникъ главнаго морскаго штаба, взялъ Серебрякова къ себѣ адъютантомъ или по особымъ порученіямъ. Въ 1837 г. Серебряковъ былъ посланъ къ Вельяминову, который цѣнилъ его дѣятельность, здравый смыслъ и распорядительность. Настоящее военное порученіе онъ исполнилъ удачно, но при отступленіи понесъ значительную потерю. Десантъ состоялъ изъ одной роты Тенгинскаго полка, но при ней было много постороннихъ офицеровъ, пожелавшихъ участвовать въ этомъ предпріятіи. У насъ ранены два штабъ-офицера и генеральнаго штаба капитанъ князь Григорій Долгоруковъ, а убитъ гвардейскій поручикъ князь Долгоруковъ. Никакой непосредственной пользы отъ этого предпріятія не было.

Наконецъ, 2 Сентября, мы двинулись обратно въ Геленджикъ, оставивъ двѣ роты гарнизономъ въ ново-построенномъ укрѣпленіи, названномъ Михайловскимъ. Обратное движеніе наше продолжалось пять дней. Горцы преслѣдовали не особенно настойчиво, хотя всѣ аулы по пути были истреблены. Исключеніе сдѣлано только для аула Яндаръ-Оглу, въ честь человѣка, оказавшаго когда-то Русскимъ услугу. За то этотъ аулъ былъ сожженъ самими горцами, а хозяинъ едва отдѣлался отъ обвиненій въ измѣнѣ.

7 Сентября мы пришли въ Геленджикъ. На другой день генералъ Вельяминовъ спросилъ меня, знаю-ли я всѣ правила для разбивки лагеря по формѣ и съ самою педантическою правильностію? Я ихъ не зналъ, и потому Вельяминовъ снабдилъ меня разными руководствами. Къ дѣлу было немедленно приступлено. Я сдѣлалъ примѣрный чертежъ глубокаго лагеря въ колоннахъ. Вельяминовъ его не одобрилъ и приказалъ устроить лагерь развернутымъ фронтомъ. Это потребовало пространство въ три версты, къ Западу отъ Геленджика. Между подножіемъ хребта и моремъ тянется полоса довольно ровной мѣстности, покрытой мелкимъ лѣсомъ. Черезъ два дня этотъ лѣсъ исчезъ,

мѣсто разчищено, и лагерь разбитъ тыломъ къ морю. Въ этомъ положеніи мы ожидали пріѣзда Государя Императора. Во все это время погода стояла прекрасная. По окрестнымъ горамъ видны были горцы, смотрѣвшіе съ любопытствомъ на невиданное для нихъ зрѣлище. Нашъ лагерь долженъ былъ казаться для нихъ грознымъ. Надобно отдать имъ справедливость: во все это время они насъ не тревожили, а во время пребыванія Государя ни одинъ изъ нихъ не приходилъ въ лагерь. Народныя старшины не прислали даже никакой депутаціи, хотя могли быть увѣрены, что если переговоры и не поведутъ ни къ какому результату, то депутаты во всякомъ случаѣ возвратятся съ богатыми подарками.

21 Сентября, наканунѣ пріѣзда Государя, задула бóра и къ вечеру такъ скрѣпчала, что большая часть солдатскихъ палатокъ были изорваны, а на кухняхъ невозможно было разводить огонь и варить кашу. Кое-гдѣ только расторопные деньщики ухитрялись разводить огонь или ставить самовары подъ кручею, у самаго берега моря. Кто не видалъ боры въ этой части восточнаго берега Чернаго моря, тому нелегко вообразить ея страшную силу. Сѣверо-восточный вѣтеръ какъ бы внезапно срывается съ гребня главнаго хребта, отстоящаго отъ моря у Геленджика верстъ на пять; но туземцы и опытные моряки узнаютъ приближеніе боры по нѣкоторымъ признакамъ, и суда спѣшатъ заранѣе выйти изъ бухты въ море, которое въ такое время бываетъ совершенно спокойно. Береговой вѣтеръ не разводитъ волненія, и во все это время бываетъ совершенно ясная погода, при довольно низкой температурѣ. Боры бываютъ чаще, продолжительнѣе и сильнѣе осенью и зимой; лѣтомъ онѣ продолжаются нѣсколько часовъ или сутки; зимою онѣ особенно опасны для судовъ, застигнутыхъ въ бухтѣ. Стремительный вѣтеръ срываетъ верхушки волнъ, обливаетъ суда, ихъ мачты и снасти и, мгновенно замерзая, обращаетъ все судно въ глыбу льда. Тогда гибель судна неизбѣжна, и съ берега невозможно подать никакой помощи. Такъ погибъ въ 1843 г. военный тендеръ въ Суджукской бухтѣ, въ глазахъ цѣлаго отряда. Судно обратилось въ комъ льда и пошло ко дну со всѣмъ экипажемъ. Всѣ попытки подать помощь были тщетны: команды посланныя къ берегу не могли идти противъ вѣтра; людей несло вѣтромъ, и кто не падалъ на землю могъ быть разбитъ, наброшенный на дерево или строеніе. Говорятъ, что въ Суджукской бухтѣ боры сильнѣе чѣмъ въ Геленджикской; я этого не замѣтилъ, но во всякомъ случаѣ онѣ составляютъ такой недостатокъ этихъ единственныхъ между Сухумомъ и Керчью бухтъ, который не обѣщаетъ имъ никакой будущности.

Бора, дувшая предъ пріѣздомъ Государя, была не изъ самыхъ сильныхъ. Вечеромъ 22 Сентября, мы наконецъ, увидѣли два парохода, на которыхъ былъ Государь со свитою. Въ первый разъ Русскій царь посѣтилъ Кавказскій край и, хотя посѣтилъ не такъ театрально, какъ бабка его посѣщала Новороссійскій край, но конечно съ неменьшею пользою.

Съ большимъ трудомъ и не безъ опасности, Государь вышелъ на берегъ въ Геленджикѣ, гдѣ ему приготовлена была квартира въ домѣ коменданта, мало отличавшемся отъ остальныхъ жалкихъ мазанокъ. Съ 1831 г. Геленджикъ мало измѣнился. Безъ сухопутнаго сообщенія, гарнизонъ нерѣдко нуждался въ самомъ необходимомъ. Непривычный климатъ, безпрестанныя тревоги и лишенія произвели общую апатію и развили болѣзни, преимущественно перемежающіяся лихорадки и цингу. Первымъ комендантомъ былъ полковникъ Чайковскій, отъ котораго я слышалъ много разсказовъ объ этой тяжелой порѣ: на первый день Пасхи офицеры всего гарнизона собирались къ нему разговляться, и при этомъ закуска состояла изъ рюмки водки и нѣсколькихъ селедокъ, составлявшихъ неслыханную роскошь.

Съ Государемъ были Великій Князь Наслѣдникъ, графъ Орловъ, князь Меньшиковъ и довольно большая свита. Не думаю, чтобы всѣ они сколько-нибудь комфортабельно провели эту ночь, тѣмъ болѣе, что на разсвѣтѣ начался пожаръ, недалеко отъ квартиры Государя и отъ пороховаго погреба, гдѣ былъ значительный складъ патроновъ и зарядовъ для отряда. Огонь охватилъ провіантскіе склады; при сильнѣйшемъ вѣтрѣ онъ сообщился множеству тѣсно стоявшихъ турлучныхъ построекъ, крытыхъ соломою и камышемъ. Съ самаго начала пожара стали поспѣшно выносить порохъ за крѣпость; все это дѣлалось въ торопяхъ, и каждую минуту можно было ожидать взрыва. Опасность была крайняя, пожарныхъ инструментовъ не было, да они были бы безполезны при такомъ вѣтрѣ. Офицеры и солдаты наперерывъ бросались въ огонь и соревновали въ самоотверженіи предъ глазами Государя. Наконецъ, его упросили выѣхать изъ укрѣпленія въ лагерь ранѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Войска были готовы къ смотру.

Еще съ весны Вельяминовъ предупредилъ всѣхъ о предстоящемъ смотрѣ и просилъ озаботиться тѣмъ, чтобы нижніе чины и офицеры имѣли одежду и вооруженіе по формѣ. Регулярныя войска исполнили это приказаніе по крайнему разумѣнію, а четыре пѣшихъ полка Черноморскихъ казаковъ были поставлены въ прикрытіе. Ихъ резервы по безлѣснымъ вершинамъ хребта составляли прекрасную картину и придавали всему лагерю и смотру военный колоритъ. Войска были

построены въ одну линію развернутымъ фронтомъ. Нижніе чины были въ боевой амуниціи и въ фуражкахъ. Фронтъ былъ прямо противъ вѣтра. Когда Государь подъѣхалъ къ правому флангу, почти всѣ фуражки были унесены вѣтромъ; нижніе чины, держа ружье на караулъ, должны были отставить лѣвую ногу впередъ, чтобъ удержаться на мѣстѣ. Весь фронтъ кричалъ ура! а вѣтеръ въ открытые рты несъ песокъ, пыль и мелкіе камешки. Картина была своеобразная...

Государь убѣдился, что ѣхать верхомъ по фронту невозможно. Онъ сошелъ съ коня, мы сдѣлали тоже и такимъ образомъ дошли до лѣваго фланга, безпрестанно набрасываемые вѣтромъ на фронтъ. Церемоніальнаго марша не было. Войска отпущены въ лагерь, въ которомъ не было ни одной цѣлой палатки; только двѣ Калмыцкихъ кибитки въ штабѣ и палатка Вельяминова уцѣлѣли. Послѣднюю восемь линейныхъ казаковъ держали на оттяжкахъ. Государь вошелъ въ палатку и, напившись чаю, приказалъ Вельяминову позвать солдатъ, кто въ чемъ есть, подъ одинокое дерево, которое онъ указалъ впереди лагеря. Ему хотѣлось сказать милостивое слово этому доблестному войску, въ первый разъ видящему своего Государя. Ординарцы поскакали по всему лагерю; солдаты бѣжали со всѣхъ сторонъ къ сборному мѣсту. Они буквально исполнили высочайшую волю: кто былъ въ мундирѣ, кто въ шинели, а кто безъ того и другаго. Вокругъ Государя и Наслѣдника образовался кружокъ, внутри котораго было нѣсколько офицеровъ. Я былъ отъ него въ двухъ шагахъ, а подлѣ меня генералъ-маіоръ Лингенъ, въ сюртукѣ, съ шашкой чрезъ плечо. Изъ подъ сюртука на цѣлую четверть виденъ былъ бешметъ изъ Турецкой шалевой матеріи. Рядомъ съ нимъ стоялъ полковникъ Горскій, только что пріѣхавшій къ отряду. Онъ былъ одѣтъ по формѣ, но чрезъ плечо; на ремнѣ висѣла Черкесская нагайка. Государь, читавшій, вѣроятно, наши реляціи, спросилъ Лингена: «а гдѣ тутъ Аушецкія и Тляхофидскія болота?» Старый Лингенъ объ нихъ не слыхивалъ; Горскій не зналъ ихъ имени, хотя оба они много разъ чрезъ нихъ проходили. У меня всегда была очень острая память на имена, и я поспѣшилъ доложить, что эти болота на сѣверномъ предгоріи. Толпа все росла, но говорить было невозможно за сильнымъ вѣтромъ. Кружокъ съузился, и Государь, стоя подъ деревомъ, спросилъ: «а гдѣ у васъ Кононъ Забуга?» Это былъ унтеръ-офицеръ Кабардинскаго полка, недавно отличившійся и упомянутый въ реляціи. На вопросъ Государя, раздался надъ его головою громкій голосъ: «Здѣсь, Ваше Императорское Величество». Забуга, въ одномъ бѣльѣ, сидѣлъ на деревѣ, чтобы лучше видѣть. Государь приказалъ ему слѣзть и когда тотъ

почти кубаремъ свалился на землю, Государь поцѣловалъ его въ голову, сказавши: «Передай это всѣмъ твоимъ товарищамъ, за ихъ доблестную службу». Забуга бросился на землю и поцѣловалъ ногу Государя. Вся эта сцена, искренняя и неподготовленная, произвела на войско гораздо болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ краснорѣчивая рѣчь, которой никто бы и не слышалъ. Войска съ гордостію смотрѣли на мужественную красоту и царственную осанку своего Государя и на прекраснаго 19-ти лѣтняго юношу, его Наслѣдника. Надобно отдать справедливость, Николай Павловичъ умѣлъ говорить отъ души горячее слово, которое шло прямо въ душу. Выраженіе его лица, въ минуты благоволенія, было чрезвычайно симпатично. Его ласковое и простое обращеніе могло довести неопытнаго и непривычнаго собесѣдника до забвенія его высокаго сана. За то, въ минуты гнѣва и раздраженія, его наружность мгновенно измѣнялась.

Государь былъ въ самомъ лучшемъ расположеніи. Независимо отъ желанія поблагодарить войска за ихъ трудную и честную службу, онъ выражалъ свое довольство непривычною ему обстановкою, величественною природою, даже бо́рою и наивными усиліями все дѣлать и одѣваться по формѣ; а между прочимъ своеобразныя отступленія безпрестанно бросались въ глаза ему, привыкшему къ педантической точности въ гвардіи и при смотрахъ армейскихъ войскъ. Говорятъ, что онъ сказалъ: «Я очень радъ, что не взялъ съ собою великаго князя Михаила Павловича; онъ бы этаго не вынесъ!» Говорятъ еще, что онъ приказалъ Вельяминову подать списокъ разжалованыхъ, которыхъ было много въ отрядѣ. Это приказаніе онъ, будто бы, повторилъ два раза; но почему-то Вельяминовъ этаго не сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ до отъѣзда Государя.

Къ вечеру бо́ра начала утихать. Государь ночевалъ на пароходѣ, а утромъ 24 Сентября пароходы снялись съ якоря и пошли къ Поти, откуда Государь чрезъ Кутаисъ поѣхалъ въ Тифлисъ. Его путешествіе по Закавказскому краю было неудачное и оставило въ немъ непріятное впечатлѣніе. Проѣзжая черезъ Горійскій уѣздъ, гдѣ былъ расположенъ Грузинскій гренадерскій полкъ, Государь увидѣлъ въ лѣсу солдата, котораго онъ принялъ сначала за туземца. Солдатъ былъ въ рубищахъ, напоминающихъ солдатскую шинель и папаху. На вопросъ Государя солдатъ отвѣчалъ, что онъ третій годъ пасетъ свиней своего полковаго командира, а прежде пять лѣтъ былъ въ угольной командѣ. Это чрезвычайно разсердило Государя. Вѣроятно, еще прежде ему было доложено о многихъ другихъ дѣйствіяхъ полковника князя Дадьяна по командованію полкомъ. Этотъ штабъ-офицеръ былъ нисколько не хуже другихъ полковыхъ командировъ, но онъ

былъ женатъ на дочери барона Розена, которымъ тоже Государь былъ недоволенъ. Въ этомъ случаѣ онъ явился козлищемъ отпущенія за общіе грѣхи, до нѣкоторой степени неизбѣжные по мѣстнымъ обстоятельствамъ. По пріѣздѣ въ Тифлисъ Государь предъ разводомъ приказалъ снять съ князя Дадьяна флигель-адъютантскіе аксельбанты (усердные исполнители сорвали ихъ) и предать его суду за злоупотребленія. Впрочемъ, при этомъ же разводѣ онъ пожаловалъ званіе флигель-адъютанта сыну барона Розена, гвардейскому поручику. Въ довершеніе всѣхъ неудачъ, при выѣздѣ изъ Тифлиса, спускаясь съ горы, лошади понесли экипажъ, въ которомъ сидѣли Государь и графъ Орловъ; на крутомъ поворотѣ экипажъ опрокинулся, и Государь упалъ на краю глубокаго обрыва. Къ счастію, это паденіе не имѣло никакихъ серьезныхъ послѣдствій.

На другой день по отъѣздѣ Государя изъ Геленджика, мы выступили въ обратный путь на Кубань. Горцы почти не дрались, зная, что въ этомъ году мы уже ничего болѣе не предпримемъ. 29 Сентября мы пришли въ Ольгинское укрѣпленіе; экспедиція кончена, и отрядъ распущенъ на зимнія квартиры. Я отправился въ Ставрополь, гдѣ снова началась моя легкая служба въ должности оберъ-квартирмейстера и однообразная жизнь въ кругу нѣсколькихъ добрыхъ товарищей. За экспедицію 1837 года я получилъ орденъ Св. Владиміра 4 степени съ бантомъ.

Генералъ Вельяминовъ отправился во Владикавказъ, на встрѣчу Государю, при его возвращеніи изъ Грузіи. Оттуда до Екатеринограда, 104 версты, онъ сопровождалъ Государя верхомъ. Конвой былъ конный, ѣхали довольно скоро; старый Вельяминовъ совершенно изнурился; вѣроятно, это ускорило у него развитіе болѣзни, которая свела его въ могилу. Въ Ставрополѣ Государь не останавливался.

Скоро оказались плоды посѣщенія Государемъ Кавказа. Вельяминовъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго съ алмазами, баронъ Розенъ назначенъ сенаторомъ въ Москву, начальникъ корпуснаго штаба Вадковскій—командиромъ армейской бригады въ Россіи; начальникъ гренадерской бригады г.-л. Фроловъ, давшій Грибоѣдову типъ Скалозуба—кажется, по арміи. Оберъ-квартирмейстеръ, полковникъ Фонъ-деръ-Ховенъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ начальникомъ штаба Сибирскаго корпуса. Кромѣ этихъ главныхъ, въ Закавказскомъ краѣ было много другихъ перемѣщеній и удаленій по военному и гражданскому вѣдомствамъ. Погромъ былъ общій. Князь Дадьянъ, по суду, былъ разжалованъ въ солдаты.

Я провелъ зиму по-прежнему, почти исключительно въ обществѣ *Майера и князя* Голицына. Съ первымъ я очень подружился. У него

я познакомился со многими Декабристами и особенно сблизился съ Сатинымъ, молодымъ человѣкомъ, присланнымъ изъ Московскаго университета въ Саратовъ, подъ надзоръ полиціи, за какое-то ребяческое политическое преступленіе. Изъ Саратова онъ получилъ позволеніе ѣхать на Кавказскія минеральныя воды и, по окончаніи курса, остался зимовать въ Ставрополѣ въ ожиданіи слѣдующаго курса водъ. Это былъ очень хорошій молодой человѣкъ, съ доброй и теплой душою, но съ плохимъ здоровьемъ; онъ хорошо учился, много читалъ и былъ либераломъ Московскаго пошиба. Сатинъ жилъ вмѣстѣ съ Майеромъ и княземъ Голицынымъ на одномъ дворѣ. По прежнему нашимъ спорамъ не было конца.

Между тѣмъ зимою наше положеніе на лѣвомъ флангѣ и въ Дагестанѣ начинало дѣлаться болѣе серьезнымъ. Туда переведенъ былъ Кабардинскій полкъ изъ Черноморіи и помѣщенъ на Кумыкской плоскости, въ крѣпости Внезапной и Хасафъ-юртѣ. Начальникъ дивизіи генералъ-лейт. Фези дѣлалъ набѣги и присылалъ громкія реляціи о своихъ подвигахъ и покореніяхъ разныхъ народовъ. Вельяминовъ не давалъ имъ никакой вѣры и вообще, кажется, не придавалъ особенной важности тамошнимъ дѣламъ. Немудрено, что онъ до нѣкоторой степени ошибался, подъ вліяніемъ мнѣнія, составившагося еще во времена Ермолова.

Я не могу описывать событія на лѣвомъ флангѣ и въ Дагестанѣ, потому что хорошенько не знаю ни мѣстности, ни послѣдовательности хода дѣлъ въ томъ краѣ. Извѣстно, что фанатическій шаракатъ возникъ еще въ началѣ 20-хъ годовъ. Непонятно, какъ Ермоловъ не придалъ этому никакого значенія. Не знаю, сознalъ ли онъ послѣ свою ошибку, но послѣдствія стóили намъ слишкомъ дорого. Первый имамъ, который пріобрѣлъ въ томъ краѣ большую силу и вліяніе, намъ прямо враждебное, Кази-мулла, погибъ въ Гимрахъ, въ 1832 г.; второй, Гамзатъ-бекъ умерщвленъ измѣннически въ мечети; но одинъ изъ мюридовъ Кази-муллы, Шамиль, раненый спасся во время Гимринской рѣзни. Онъ провозгласилъ себя имамомъ и былъ признанъ. Это былъ человѣкъ умный, ученый въ смыслѣ мусульманскомъ, свирѣпый фанатикъ, кровожадный горецъ со всѣми типическими свойствами своего племени. Съ 1833 г. онъ постепенно усиливался въ Дагестанѣ; но и въ Чечнѣ замѣтно было волненіе, которое не предсказывало ничего хорошаго. Въ 1838 г. тамъ предположены болѣе серьезныя военныя дѣйствія. На правомъ флангѣ предполагалось продолжать занятіе пунктовъ по восточному берегу Чернаго моря, но рѣшено занимать ихъ *десантами, при содѣйствіи* Черноморскаго флота. Это рѣшеніе основано было, *кажется*, на увѣреніи Тауша и Люлье (непререкаемыхъ

авторитетовъ), что за Вуланомъ уже нѣтъ возможности двигаться отряду съ артиллеріей, иначе какъ по самому берегу моря, а этотъ проходъ очень опасенъ, часто-же и совсѣмъ невозможенъ: горы упираются обрывами въ самый берегъ моря, и узкая полоса морскаго прибоя затопляется при всякомъ морскомъ вѣтрѣ. Это конечно справедливо относительно приморскаго пути: но невозможность найти проходъ, подобный тому, по которому отрядъ шелъ изъ Геленджика до Пшада и Вулана, очень сомнительна. Довольно вѣроятно, что наши Черкескіе дипломаты не знали края къ Югу отъ Вулана или почему-нибудь не хотѣли, чтобы отрядъ шелъ по этому пути. Предположено было занять устье Шапсуха и Туапсе и построить тамъ укрѣпленія.

Самое простое соображеніе представлялось бы: идти съ отрядомъ сухимъ путемъ отъ Кубани къ устью Туапсе или Шапсуха, такъ какъ намъ было извѣстно, что въ этихъ мѣстахъ хребетъ не достигаетъ снѣжной полосы, перевалъ удобенъ и дорога проходима. Но разстояніе отъ Екатеринограда до берега моря 120—150 верстъ, и потому необходимо было бы устроить одно или два промежуточныхъ укрѣпленія для склада запасовъ, а это было уже отвергнуто въ Петербургѣ, гдѣ все еще сохраняли надежду на очень скорое покореніе горцевъ; при томъ же, это не входило въ планъ дѣйствій, предположенный Паскевичемъ и которому покорился Вельяминовъ, когда его возраженія были не уважены.

Рѣшеніе занимать десантами пункты по восточному берегу Черпаго моря повело за собой устройство береговой линіи, стоившее много милліоновъ, много десятковъ тысячъ людей, сдѣлавшихся жертвою губительнаго климата и давшихъ взамѣнъ всего этаго слишкомъ ничтожные результаты.

Зимою стали прибывать на Кавказъ новыя лица, назначенныя вмѣсто смѣненныхъ и удаленныхъ. Командиромъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса и главноуправляющимъ въ Грузіи назначенъ генералъ-лейтенантъ Евгеній Александровичъ Головинъ, начальникомъ корпуснаго штаба генералъ-маіоръ ****, а оберъ-квартирмейстеромъ полковникъ Мендъ. Всѣ трое проѣхали чрезъ Ставрополь безъ большаго шума. Головинъ проѣздомъ навѣстилъ А. А. Вельяминова, котораго здоровье и силы быстро упадали, и онъ уже не выходилъ изъ дома.

Головинъ до назначенія былъ начальникомъ дивизіи. Это былъ человѣкъ не старый, но разрушенный физически и морально. Отъ природы онъ имѣлъ очень хорошія умственныя способности, былъ хорошо образованъ, очень хорошо писалъ на Французскомъ и Русскомъ языкахъ. Въ молодости онъ имѣлъ несчастіе попасть въ общество мистиковъ и былъ иллюминатомъ; знаменитая жрица этой секты, Т

таринова, присовѣтовала ему еженедѣльно открывать себѣ кровь для умерщвленія плоти. Отъ этаго, или по другимъ причинамъ, но подъ старость онъ сдѣлался неспособнымъ къ усидчивому труду, засыпалъ при докладахъ, не имѣлъ ни характера, ни силы воли, такъ необходимыхъ при его разнообразной дѣятельности. Впрочемъ, онъ былъ человѣкъ строго-честный, нравственный и доброжелательный. Его военныя и административныя способности были не блестящи; послѣ каждой войны или управленія краемъ онъ писалъ длинныя, оправдательныя статьи, очень убѣдительныя и написанныя хорошимъ языкомъ. Читавшіе эти статьи находили, что лучше было такъ хорошо дѣлать, чѣмъ оправдываться.

И къ намъ на Кавказскую линію назначили новаго начальника штаба, флигель-адъютанта генеральнаго штаба полковника А. С. Троскина. Генералъ Петровъ какъ-то стушевался; никто не жалѣлъ. А. С. Троскинъ былъ сынъ полковника Сем. Ив. Троскина, командовавшаго въ Казани учебнымъ карабинернымъ полкомъ, извѣстнаго своимъ огромнымъ ростомъ и страстью къ фронтовой службѣ.

Старикъ былъ сослуживцемъ моего отца и поэтому я ребенкомъ бывалъ въ ихъ домѣ; но А. С—ча тогда уже тамъ не было, а я игралъ вмѣстѣ съ Константиномъ, его младшимъ братомъ, который впослѣдствіи убитъ въ Чечнѣ, въ чинѣ полковника.

Александръ Семеновичъ былъ лѣтъ 32-хъ. Его ростъ, болѣе чѣмъ средній, былъ незамѣтенъ при его чрезвычайной толщинѣ. Онъ былъ то, что́ Французы называютъ viveur: любилъ хорошій столъ, удобства жизни и особливо женщинъ. Онъ имѣлъ хорошія умственныя способности, образованіе свѣтское, но не солидное, владѣлъ хорошо Русскимъ и Французскимъ языками, хорошо зналъ бюрократическую рутину, работалъ скоро и усердно. Отъ природы былъ добръ, но порядочно испорченъ средою, въ которой прошла его молодость. Всю свою службу провелъ онъ въ Петербургѣ и въ Военномъ Министерствѣ. Мало по-малу онъ обратилъ на себя особенное вниманіе министра Чернышева и сдѣлался у него необходимымъ человѣкомъ. По службѣ онъ дѣлалъ быстрые успѣхи; женитьба на баронессѣ Вревской доставила ему состояніе и особенно связи. Его жена была побочная дочь, кажется, князя Куракина или кого-нибудь другаго изъ сильныхъ земли. Она была красавица и очень милая особа (я видѣлъ ея портретъ у Троскина). Онъ имѣлъ несчастіе скоро ея лишиться; дѣтей у него не было. Говорятъ, что Троскинъ испортилъ свою карьеру тѣмъ, что сталъ въ обществѣ слишкомъ много говорить о своемъ участіи въ дѣлахъ Военнаго Министерства и что князь Чернышевъ воспользовался удобнымъ случаемъ съ почетомъ удалить его отъ себя на Кавказъ.

Когда я былъ въ Военной Академіи, Троскинъ былъ членомъ конференціи. Въ военныхъ дѣйствіяхъ онъ не участвовалъ и если нюхалъ пороху, то развѣ на Красносельскихъ маневрахъ.

Больной Вельяминовъ предоставилъ Троскину устроить штабъ по его усмотрѣнію. Перемѣнъ было много, но онѣ были разумны и полезны. Генеральный штабъ вышелъ изъ своего опальнаго положенія; въ него передана большая часть дѣлъ изъ секретнаго отдѣленія. За то Ольшевскій понизилъ голосъ не на одну октаву. Я продолжалъ исправлять должность оберъ-квартирмейстера, но уже докладывалъ Троскину, а не Вельяминову.

Въ концѣ зимы явилось въ Ставрополѣ новое замѣтное лице. Генералъ маіоръ Раевскій назначенъ начальникомъ 1-го отдѣленія Черноморской прибрежной линіи. Это мѣсто изобрѣтено было Вельяминовымъ для генерала Штейбена, но онъ умеръ отъ раны. Въ проѣздъ съ Кавказа Государь сказалъ Вельяминову: «Раевскій просится опять на службу. Возьми его къ себѣ». Вельяминовъ зналъ его и его отца, одного изъ героевъ 12 года, и потому охотно взялъ сына и испросилъ ему вышесказанное, странное и нелестное назначеніе. 1-е отдѣленіе Черноморской прибрежной линіи образовано было изъ прибрежныхъ укрѣпленій отъ Анапы до Михайловскаго включительно. Въ нихъ были расположены три Черноморскихъ линейныхъ баталіона. Начальнику 1-го отдѣленія присвоены права бригаднаго командира. 2-е отдѣленіе не существовало. Раевскій, въ послѣднее время, былъ въ опалѣ, и потому принялъ это назначеніе и пріѣхалъ въ Ставрополь. Здоровье Вельяминова все болѣе и болѣе разстроивалось. Явились признаки водяной. Я, кажется, сказалъ уже, что Вельяминовъ былъ фанатическій гомеопатъ; поэтому онъ самъ себя лечилъ и не хотѣлъ принимать никакихъ совѣтовъ отъ алопатовъ. Онъ почти безвыходно сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, гдѣ была и библіотека. Онъ былъ очень радъ пріѣзду Раевскаго, какъ любезнаго и пріятнаго собесѣдника, который могъ говорить ему о славномъ прошедшемъ и о лицахъ, съ которыми онъ когда-то былъ въ близкихъ отношеніяхъ. Онъ помѣстилъ Раевскаго у себя въ домѣ и проводилъ съ нимъ почти все время. Вельяминовъ не зналъ опасности своего положенія и потому продолжалъ собираться съ отрядомъ въ походъ.

Государь, узнавъ о его болѣзни, прислалъ ему гомеопата доктора Шеринга, но уже было поздно: болѣзнь очень усилилась, и Шерингъ убѣдился въ безнадежности своего паціента, но объявилъ ему только, что болѣзнь можетъ не дозволить ему весною отправиться съ отрядомъ. Тогда Вельяминовъ рѣшился поручить, до своего пріѣзда, *командованіе отрядомъ* Раевскому. Онъ заботился о составленіи

него временнаго штаба, снабдилъ его палатками, кухней и всей бивачной принадлежностью, но предупреждалъ, что по пріѣздѣ къ отряду возметъ все это обратно. Въ послѣднее время онъ впалъ въ дѣтство; его забавляли чтеніемъ, разговорами о гастрономіи, въ которой Раевскій былъ силенъ и, наконецъ, каплуненіемъ пѣтуховъ, въ чемъ очень искуснымъ оказался докторъ Шерингъ. Я былъ назначенъ отряднымъ оберъ-квартирмейстеромъ. Раевскій со мной нѣсколько разъ говорилъ о краѣ и горцахъ и показывалъ мнѣ хорошее расположеніе.

Въ половинѣ Апрѣля Раевскій отправился въ Керчь съ Серебряковымъ, который за экспедицію 1837 г. былъ произведенъ въ капитаны 1 ранга и оставленъ при Вельяминовѣ въ должности дежурнаго штабъ-офицера по морской части. Весна была въ полномъ развитіи, а Вельяминовъ доживалъ послѣдніе дни. Онъ уже зналъ свое положеніе, но не жаловался и молчалъ. Ему, поочередно, читали Жиль-Блаза. Баронъ Ганъ очередовался въ этомъ съ Сабатинымъ, Подольскимъ помѣщикомъ, жившимъ подъ надзоромъ полиціи, человѣкомъ умнымъ, образованнымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ. Онъ читалъ то мѣсто, гдѣ Жильблазъ, убѣжавъ отъ разбойниковъ, размышлялъ, что̀ ему предпринять, и рѣшился идти въ Мадритъ, гдѣ всемогущимъ министромъ былъ герцогъ Лерма, которому Жильблазъ когда-то оказалъ услугу въ трудномъ положеніи. «Вѣрно онъ не забудетъ моего благодѣянія и въ свою очередь поможетъ мнѣ». Когда Сабатинъ прочиталъ эти слова, умирающій довольно твердымъ голосомъ сказалъ: «дожидайся, дражайшій!» Ольшевскій, видя, что онъ въ памяти и не лишился языка, предложилъ ему прибѣгнуть къ утѣшеніямъ вѣры, исповѣдаться и причаститься. «Въ грѣхахъ моихъ я исповѣдался Богу, а попу до этаго дѣла нѣтъ». Это были его послѣднія слова. Началась агонія, и на разсвѣтѣ мы узнали, что Вельяминова не стало. Миръ душѣ его! Многое было ему дано, и много съ него спросится; но судъ надъ нимъ совершился не по человѣческой правдѣ, предъ которой не оправдается всякъ живый. Съ нимъ похороненъ гербъ фамиліи Вельяминовыхъ. Тѣло его перевезено въ Тульскую губернію, гдѣ было ихъ небольшое родовое имѣніе.

Упрекъ, который, кажется, можно сдѣлать Вельяминову, какъ общественному дѣятелю, это за его равнодушіе къ порочнымъ наклонностямъ и безнравственности другихъ. Самъ онъ былъ стоически-честенъ, но къ порочнымъ поступкамъ своихъ подчиненныхъ относился слишкомъ снисходительно, если только видѣлъ, что ихъ умомъ, дѣловою опытностью и способностями можно воспользоваться съ выгодою для службы. И въ этомъ, какъ во всемъ, онъ былъ математикомъ, а не поэтомъ.

Вскорѣ послѣ смерти Вельяминова я отправился въ Тамань, гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ отряда и мѣсто амбаркаціи. Полковникъ Ольшевскій пріѣхалъ въ тоже время и вступилъ въ должность начальника штаба отряда. Раевскій былъ въ Керчи, откуда успѣлъ съѣздить въ Севастополь, гдѣ Черноморскій флотъ вышелъ на рейдъ и готовился къ отплытію. Раевскій успѣлъ обворожить моряковъ, начиная съ главнаго командира М. П. Лазарева, своеобразною угодливостью и полною готовностью быть полезнымъ лицамъ, которыхъ укажетъ Лазаревъ. Себя же и отрядъ свой онъ поручалъ благосклонному вниманію знаменитаго героя Наваринской битвы.

Амбаркація войскъ на своемъ берегу, въ мирное время, вещь совсѣмъ не трудная, но требующая большой точности, а на берегу бурливаго Чернаго моря—благопріятной погоды. Съ отрядомъ должно было доставить двухмѣсячное продовольствіе и комплектъ боевыхъ зарядовъ и патроновъ. Артиллерійскихъ лошадей предположено взять на четыре легкихъ орудія, каждое съ однимъ зряднымъ ящикомъ. Остальныя лошади и ящики должны были перевезтись впослѣдствіи. Для нагрузки лошадей и тяжестей зафрахтованы были Серебряковымъ частныя суда, и сверхъ того назначены три большихъ военныхъ транспорта. Эскадра состояла изъ шести линейныхъ кораблей, трехъ фрегатовъ, нѣсколькихъ пароходовъ и парусныхъ судовъ меньшаго ранга. Начальство надъ эскадрой, по убѣдительной просьбѣ Раевскаго, принялъ на себя М. П. Лазаревъ.

Всѣ разсчеты по амбаркаціи сдѣлалъ Ольшевскій и, не смотря на новость дѣла, сдѣлалъ ихъ разумно и съ большою точностью, такъ что не было никакого замѣшательства. Серебряковъ распорядился также хорошо по своей болѣе скромной, но существенной и нелегкой обязанности. Мы пробыли въ Тамани съ недѣлю, какъ однажды утромъ нарочный прискакалъ съ мыса Тузлы съ извѣстіемъ, что флотъ видѣнъ въ морѣ. Погода была прекрасная, корабли шли подъ всѣми парусами и къ вечеру стали на якорь. Это было 4 или 5 Мая; на другой день всѣ войска были посажены на суда, а на разсвѣтѣ, 7 Мая, эскадра снялась съ якоря и двумя линіями направилась вдоль восточнаго берега Чернаго моря.

Штабъ Раевскаго и одинъ баталіонъ Тенгинскаго полка были на адмиральскомъ сто-пушечномъ кораблѣ Силистрія, котораго командиромъ былъ капитанъ 1 ранга П. С. Нахимовъ. Адмиралъ Лазаревъ принялъ насъ очень любезно и вообще показывалъ особенное расположеніе не только къ самому Раевскому и его штабу, но вообще къ *всѣмъ сухопутнымъ* войскамъ. Это былъ разумный примѣръ для

подчиненныхъ, потому что между моряками и сухопутными войсками никогда не было особенной пріязни.

Я долженъ сказать нѣсколько словъ о Черноморскомъ флотѣ и объ его знаменитомъ главномъ командирѣ. М. П. Лазаревъ пять лѣтъ служилъ въ Британскомъ флотѣ и дѣлалъ три кругосвѣтныхъ путешествія. Въ 1827 г. онъ командовалъ нашимъ кораблемъ Азовъ и былъ въ соединенной эскадрѣ Британо-французско-русской, подъ начальствомъ лорда Кодрингтона. Турецкій флотъ укрылся въ Наваринской бухтѣ, подъ покровительствомъ сильной крѣпости. Соединенная эскадра не имѣла намѣренія атаковать непріятеля; благородный лордъ, вѣрный исконной политикѣ своей націи, не хотѣлъ рѣшительнаго дѣйствія, могшаго быть гибельнымъ для Турецкаго флота. Корабль Азовъ, по диспозиціи, долженъ былъ первымъ войти въ бухту. Лазаревъ на всѣхъ парусахъ подошелъ на близкое разстояніе, убралъ паруса и сталъ на якорь. Увлеченные соревнованіемъ союзники заняли мѣста въ той же линіи. Говорятъ, что первый выстрѣлъ изъ орудія Турецкаго флота былъ сдѣланъ нечаянно. Какъ бы то ни было, это было сигналомъ къ бою, въ которомъ самая важная и опасная доля досталась кораблю Азовъ, ближайшему къ непріятельскому флоту и береговымъ батареямъ. Сраженіе продолжалось недолго: Турецкій флотъ былъ истребленъ, Наваринъ сдался и былъ занятъ. Корабль Азовъ получилъ много поврежденій и понесъ чувствительную потерю убитыми и ранеными. Кодрингтонъ, прежде знавшій Лазарева, назвалъ его первымъ морякомъ нашего времени. Старшимъ лейтенантомъ на кораблѣ Азовъ былъ тогда П. С. Нахимовъ, а В. А. Корниловъ мичманомъ: два лица особенно пользовавшіяся довѣріемъ Лазарева и сдѣлавшіяся въ послѣдствіи знаменитыми въ Севастопольскую войну. Наваринская битва, а вѣроятно и отзывъ лорда Кодрингтона заставили наше правительство обратить особенное вниманіе на Лазарева. Послѣ Грейга онъ назначенъ (въ 1833 г.) главнымъ командиромъ Черноморскаго флота и портовъ. Онъ былъ въ то время уже вице-адмираломъ и генералъ-адъютантомъ.

Черноморскій флотъ обязанъ Лазареву той славой, которую онъ справедливо заслужилъ, какъ флотъ по преимуществу боевой и практическій. М. П. Лазаревъ имѣлъ страсть къ морю и умѣлъ вдохнуть ее въ своихъ подчиненныхъ, но ему пришлось сначала образовать для себя сотрудниковъ,которыхъ не приготовилъ ему его предмѣстникъ. Во флотѣ было много офицеровъ изъ Грековъ. Бойкіе и расторопные въ младшихъ чинахъ, они въ старшихъ болѣе всего заботились о своихъ выгодахъ, не всегда безгрѣшныхъ. Вообще Черноморскій флотъ у главнаго морскаго начальства былъ пасынкомъ, а Балтійскій любимымъ

сынкомъ. Часто ненадежные офицеры переводились сюда изъ Петербурга, въ видѣ наказанія. Уровень образованія и нравственности между офицерами былъ не высокъ; пьянство было обыкновеннымъ явленіемъ; злоупотребленія по хозяйственому управленію вошли въ пословицу. Севастополь и Николаевъ, исключительно морскіе города, составляли какъ будто отдѣльное государство съ своими законами, обычаями, убѣжденіями и взглядомъ на вещи. Тамъ все поражало моряка своеобразіемъ. Говорили въ шутку, что у моряковъ дважды два не четыре, а пять, но что это между моряками не дѣлало никакого замѣшательства, потому что этотъ выводъ всѣ признавали. Только въ сношеніяхъ съ не моряками это производило недоразумѣнія. На сухопутныя войска моряки смотрѣли съ высоты своего величія, и въ этомъ не всегда были не правы, потому что общій уровень образованія между армейскими офицерами былъ еще ниже.

М. П. Лазаревъ былъ главнымъ командиромъ 18 лѣтъ (1833—1851). Очень многое старое онъ измѣнилъ или замѣнилъ новымъ, но многое осталось нетронутымъ. Онъ приготовилъ много отличныхъ офицеровъ, которые составили славу флота. Заведеніе большаго числа мелкихъ судовъ новаго устройства, и употребленіе ихъ для крейсерства вдоль восточнаго берега Чернаго моря образовало опытныхъ и энергичныхъ командировъ. Я не могу исчислить всѣхъ заслугъ М. П. Лазарева; скажу только, что всѣ его подчиненные, отъ матроса до адмирала, признавали въ немъ строгаго, но справедливаго, разумнаго начальника и непререкаемый авторитетъ во всемъ, что́ относится до морскаго дѣла. Слѣдуетъ однакоже сказать, что въ дѣлѣ фронтовыхъ тонкостей Черноморскій флотъ далеко отставалъ отъ Балтійскаго, и это доставляло сѣвернымъ морякамъ поводъ къ злымъ насмѣшкамъ надъ своими южными сослуживцами.

Въ 1838 г. М. П. Лазареву было 50 лѣтъ. Онъ былъ средняго роста, коренастъ, съ сѣдыми, коротко обстриженными волосами. Черты лица его были довольно мелки, но выражали добродушіе и энергію. Знавшіе его коротко цѣнили въ немъ человѣка столькоже, какъ и типическаго моряка. Я имѣлъ случай видѣть его въ разныхъ мѣстахъ и положеніяхъ, но могу представить его фигуру не иначе какъ на ютѣ корабля съ зрительной трубой подъ мышкой. Нѣкоторые ставили ему въ упрекъ особенное расположеніе къ нѣсколькимъ лицамъ, которыхъ называли его камариллой. Чтобы понять несправедливость этого упрека, стоитъ только сказать, что эту камариллу составляли: Корниловъ, Нахимовъ, Путятинъ, Метлинъ, Панфиловъ, Истоминъ

имена принадлежащія славной исторіи Черноморскаго флота. По незнанію, я могъ выпустить нѣкоторыя другія.

Корниловъ въ 1838 г. былъ капитаномъ 2 ранга и начальникомъ штаба на эскадрѣ. Мнѣ онъ показался умнымъ и образованнымъ человѣкомъ, съ свѣтскими манерами и симпатичной наружностью. Говорятъ, онъ былъ и хорошій морякъ. Въ немъ не было этого общаго практическимъ морякамъ оттѣнка грубоватости и вообще, по развитію и способностямъ, онъ стоялъ выше наибольшей части своихъ товарищей. Онъ былъ ближе всѣхъ къ Лазареву; вѣроятно онъ и тогда мечталъ со временемъ сѣсть на его мѣсто.

Совсѣмъ другаго рода человѣкъ былъ П. С. Нахимовъ. Въ немъ не было ничего бросающагося въ глаза, но это былъ чистый типъ стараго моряка со всѣми его своеобразными оттѣнками. Его всѣ любили и уважали. Во флотѣ онъ былъ извѣстенъ за лучшаго командира корабля. Его слава началась Наваринскою битвою, а кончилась Синопомъ и славною смертью на укрѣпленіяхъ Севастополя. Нахимовъ былъ изъ тѣхъ людей, которые, при случаяхъ, оказываются героями, а не будь случая они бы всю жизнь оставались въ тѣни. Мнѣ доводилось сходиться съ нѣкоторыми другими изъ близкихъ къ Лазареву моряковъ, но я буду говорить о нихъ въ послѣдствіи, а теперь возвращаюсь къ нашему плаванію.

Это было мое первое морское путешествіе, и при какой обстановкѣ! Корабли шли двумя линіями, легкій вѣтерокъ едва надувалъ паруса, море было совершенно покойно. Закатъ солнца привелъ меня въ восторгъ. Я не могъ оторваться отъ этого великолѣпнаго зрѣлища. На противоположной сторонѣ тянулся длинной темною полосою Кавказскій хребетъ. Ночь была лунная, вѣтерокъ подулъ съ берега, воздухъ былъ пропитанъ ароматами. Въ 5 часовъ насъ позвали обѣдать къ адмиралу. Хорошій столъ Англійской кухни и хорошее вино были предложены хозяиномъ съ радушіемъ гостепріимства. Это продолжалось всѣ дни плаванія. Во флотѣ для всѣхъ военныхъ пассажировъ отпускаются порціонныя деньги по чинамъ, поэтому и всѣ офицеры отряда пользовались столомъ въ общей каютъ-компаніи.

Утромъ, 8 числа, погода начала портиться: морской вѣтеръ скрѣпчалъ и сдѣлался противнымъ. Эскадра лавировала, но мало подавалась впередъ. 9 числа вѣтеръ утихъ и сдѣлался мертвый штиль. Корабли начало наваливать другъ на друга. Спустили всѣ гребныя суда, и буксиромъ отводили корабли, слишкомъ сблизившіеся. Эта картина имѣетъ свою комическую сторону: 20 или болѣе баркасовъ, въ одну линію тянутъ огромную массу корабля. Наши сухопутные вспоминали лубочную картину какъ мыши кота хоронятъ. М. П. Лазаревъ

почти не сходилъ съ юта; телеграфъ и сигналы работали непрестанно, но ни шуму, ни суеты не было: всѣ работы экипажъ дѣлалъ бѣгомъ и молча. Слышенъ былъ только голосъ старшаго лейтенанта.

Въ слѣдующіе дни, погода часто измѣнялась; многіе изъ моихъ товарищей страдали отъ морской болѣзни. Качка на кораблѣ для непривычнаго несноснѣе, чѣмъ на малыхъ судахъ. Я вообще морской болѣзни не подвергаюсь, и самая сильная качка производитъ у меня усиленіе аппетита и сонливость.

Только 11 Мая достигли мы устья р. Туапсе и стали на якорь вечеромъ. Десантъ назначенъ на слѣдующее утро.

Высадка войскъ на непріятельскій берегъ есть одна изъ самыхъ трудныхъ военныхъ операцій. Ея успѣхъ зависитъ отъ мѣстности, очертанія морскаго берега, грунта и глубины, а всего болѣе отъ состоянія погоды и отъ предпріимчивости непріятеля. Тотчасъ по высадкѣ части войскъ на берегъ, они заслоняютъ дѣйствіе морской артиллеріи и вполнѣ предоставлены самимъ себѣ, тѣмъ болѣе, что ихъ артиллерія не можетъ быть выгружена въ одно время съ людьми, и во всякомъ случаѣ число выгруженныхъ первымъ рейсомъ съ войсками орудій можетъ быть весьма ограничено. Это самая критическая минута десанта.

12 Мая, на разсвѣтѣ, флотъ приблизился къ берегу и сталъ отъ него въ двухъ кабельтовахъ, т.-е. около полуверсты. Корабли образовали пологую дугу, на оконечностяхъ которой стали фрегаты. Пароходъ Язонъ сталъ еще ближе къ берегу, противъ самаго устья рѣки Туапсе. Долина этой рѣки при устьѣ имѣетъ значительную ширину, которая еще увеличивается тѣмъ, что съ главной долиной сливаются двѣ другія, составляющія русло рѣчки Тешепсъ и другаго ручья, котораго балку впослѣдствіи назвали Екатерининскою. Эта балка, обросшая лѣсомъ, дѣлаетъ, предъ самимъ устьемъ, крутой поворотъ, за которымъ непріятель могъ найти безопасное убѣжище отъ морской артиллеріи. Самый морской берегъ представлялся довольно ровнымъ и открытымъ; а далѣе, по долинѣ, видны были почти сплошныя рощи лиственнаго мелколѣсья. Жилищъ нигдѣ не было видно. Горцы давно знали о нашемъ намѣреніи занять устье Туапсе. Они были въ большомъ сборѣ. Когда флотъ наканунѣ подходилъ къ берегу, видны были толпы пѣшихъ и конныхъ въ разныхъ мѣстахъ; по горамъ горѣли сигнальные огни, а ночью берегъ освѣтился кострами на дальнее разстояніе.

По данному съ адмиральскаго корабля сигналу спустили гребныя суда, которыхъ, по благоразумному распоряженію Лазарева, корабли *взяли съ собой* почти двойное количество. Начали грузить войска

перваго рейса и съ ними четыре горныхъ единорога, безъ лошадей. Все шло безъ суеты и замѣшательства, по разсчету, сдѣланному Ольшевскимъ и Корниловымъ. Когда нагруженныя гребныя суда выстроились между кораблями, флотъ открылъ огонь по берегу. По условію, обстрѣливанье берега изъ 250 орудій продолжалось ½ часа. Трескъ и громъ были страшные, ядра большихъ калибровъ рыли землю и косили деревья. Непріятеля не было видно. По новому сигналу матросы всего флота взбѣжали на ванты съ крикомъ: ура! а гребныя суда дружно двинулись къ берегу, стрѣляя изъ коронадъ, находившихся на носу большей части гребныхъ судовъ; фланговые фрегаты и пароходы продолжали артиллерійскій огонь, пока не были совсѣмъ заслонены десантомъ. Картина была выше всякаго описанія. Раевскій пригласилъ съ собою молодаго живописца Айвазовскаго, который тогда только начиналъ входить въ славу. Онъ изобразилъ именно этотъ моментъ десанта. Его большая картина находится въ Зимнемъ дворцѣ. Знатоки признаютъ ее за одно изъ лучшихъ произведеній Айвазовскаго, который тогда задумывалъ и выполнялъ свои художественныя произведенія не такъ скоро, какъ впослѣдствіи.

Генералъ Раевскій, въ своемъ обычномъ костюмѣ, т.-е. въ рубахѣ съ раскрытой грудью, въ шараварахъ, съ шашкой черезъ плечо, опередилъ гребныя суда на вельботѣ и первый ступилъ на берегъ. Три батальона съ 4 горными единорогами быстро выстроились на берегу и заняли стрѣлками опушку лѣса. Кое-гдѣ началась перестрѣлка, но серьезнаго нападенія не было. Дикари, ошеломленные новымъ для нихъ громомъ, нигдѣ не показывались въ большихъ силахъ. Высадка была сдѣлана лѣвѣе устья Туапсе. Когда же прибылъ второй рейсъ, то мы заняли пониженный хребетъ, спускающійся между Тешепсомъ и Екатерининской балкой. Въ 75 саженяхъ отъ моря, на этомъ хребтѣ оказалась площадка, на которой впослѣдствіи было выстроено укрѣпленіе Вельяминовское. Къ вечеру весь отрядъ расположился лагеремъ и устроилъ засѣки для прикрытія передовыхъ постовъ. Во весь этотъ день у насъ было человѣкъ десятокъ раненыхъ. Флотъ значительно удалился отъ берега; а утромъ адмиралъ Лазаревъ, посѣтивши насъ на новосельѣ, простился съ нами и ушелъ со всѣмъ флотомъ въ море. Я долженъ откровенно сказать, что онъ былъ настоящимъ героемъ этого дня. Подходить съ парусными флотомъ такъ близко къ берегу и еще у Туапсе, не замедлившаго выказать свои гибельныя свойства, по всей справедливости можно назвать больше, чѣмъ смѣлостью.

Вмѣстѣ съ сухопутными войсками съ флота былъ посланъ *сводный морской баталіонъ*. Матросы были совершенно счастливы этой *прогулкой*. *Они стрѣляли* безпрестанно, конечно не по непріятелю, ко-

тораго не видѣли, и успокоились только тогда, когда выпустили всѣ патроны. Раевскій, конечно, съ жаромъ благодарилъ ихъ за храбрость и убѣдительно просилъ Лазарева позволить ему войти съ представленіемъ объ отличившихся, по указанію флотскаго начальства. Отказа, конечно, не было. Вообще, поведеніе Раевскаго съ моряками было очень благоразумно. Моряки побратались съ солдатами; офицеры убѣдились, что успѣхъ нашихъ дѣлъ имъ столько же полезенъ, какъ и намъ, особливо когда увидѣли, что, по представленію Раевскаго. всѣ отличившіеся были щедро награждены.

Н. Н. Раевскій былъ высокаго роста, смуглъ, крѣпко сложенъ и вообще массивенъ. Черты лица его были выразительны; онъ всегда носилъ очки. О наружности своей онъ не заботился, а о костюмѣ еще менѣе. Въ это время онъ еще не былъ женатъ, и потому его еще нельзя было видѣть иначе, какъ въ рубахѣ съ открытой почернѣвшей отъ солнца грудью и въ шараварахъ. Въ особенныхъ случаяхъ и предъ дамами онъ прибавлялъ къ этому сюртукъ; съ очками и трубкой онъ былъ неразлученъ. Оправдывался онъ тѣмъ, что у него грудь раздавлена зряднымъ ящикомъ во время сраженія; но по его здоровью и по всей его наружности этого нельзя бы было предполагать. Онъ разсказывалъ, что когда ему случилось провести недѣли двѣ въ домѣ графа Воронцова, то графиня, чтобы не лишиться пріятнаго собесѣдника, сшила ему мѣшокъ изъ трехъ юпокъ, и подъ этимъ мѣшкомъ онъ могъ оставаться въ своемъ обычномъ костюмѣ. Вообще онъ не любилъ стѣсняться. Не только въ лагерѣ, но и въ Керчи. онъ нерѣдко въ этомъ костюмѣ отправлялся чрезъ городъ на пароходную пристань, а за нимъ бѣжали два казака-ординарца съ сюртукомъ, изношенной фуражкой и огромнымъ мѣшкомъ табаку.

Кажется, Николай Николаевичъ получилъ домашнее воспитаніе, по тогдашнему времени, очень тщательное, но одностороннее, какъ это обыкновенно было въ то время. Онъ очень хорошо владѣлъ Французскимъ языкомъ, зналъ его литературу, много читалъ; подружившись съ А. С. Пушкинымъ и его кружкомъ, познакомился и съ Русской литературой. Изъ естественныхъ наукъ онъ зналъ только ботанику, которая давала упражненіе его огромной памяти. У него была большая библіотека, въ которой много было Латинскихъ и Греческихъ классиковъ, но во Французскомъ переводѣ. Англійскій языкъ онъ зналъ плохо, а Нѣмецкій еще хуже. Въ то время какъ я его зналъ, онъ на досугѣ занимался только легкимъ чтеніемъ, какъ напр. романами Вальтеръ-Скотта и Купера.

Способности ума Раевскаго были болѣе блестящи, чѣмъ глубоки. У него было много остроумія и особливо доброй, простодушной вес

дости. Въ его обращеніи всегда видно было что-то искреннее и молодое. Онъ говорилъ и писалъ очень хорошо; впрочемъ вѣрнѣе будетъ сказать, что онъ диктовалъ; если же самому приходилось написать нѣсколько строкъ, выходила безсмыслица. У него мысль далеко опережала механизмъ руки. Къ серьезному и усидчивому труду онъ былъ не способенъ. Однажды ему пришла мысль написать исторію Стеньки Разина. Онъ собралъ много матеріаловъ, нѣсколько рѣдкихъ свѣдѣній и документовъ, началъ и бросилъ.

Николай Николаевичъ не отличался особенною твердостью характера и еще менѣе твердостью политическихъ убѣжденій. Въ молодости онъ увлекался героями первой Французской революціи и былъ замѣшанъ въ драмѣ, кончившейся кровавою развязкою 14 Декабря, но счастливо отдѣлался. Впрочемъ, главныя лица въ тайныхъ обществахъ относились къ нему недовѣрчиво. Большую часть Декабристовъ, которые присылались къ нему для участвованія въ военныхъ дѣйствіяхъ, онъ прежде зналъ лично, но теперь не хотѣлъ узнавать и ни съ кѣмъ изъ нихъ не говорилъ. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что раскаявшійся грѣшникъ готовъ былъ по пути исправленія идти далѣе предѣловъ, которые указываютъ совѣсть и уваженіе къ самому себѣ. На эту мысль меня навело одно обстоятельство, которое мнѣ хотѣлось бы приписать если не какимъ-либо уважительнымъ побужденіямъ, то по крайней мѣрѣ легкомысленному увлеченію. Религіозныхъ убѣжденій у него никакихъ не было; его вѣра была полное равнодушіе къ вѣрѣ. О Богѣ онъ вспоминалъ только въ минуты тяжкой болѣзни.

Раевскій, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Александромъ, былъ адъютантомъ Дибича, а потомъ командовалъ Закавказскимъ Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ и дѣлалъ войну 1826, 28, 29 г. въ Персіи и Азіатской Турціи. Этотъ старый Кавказскій полкъ давно заслужилъ почетную извѣстность. Въ эти войны на его долю досталось нѣсколько удачныхъ и блестящихъ дѣлъ, которыя молодой полковой командиръ конечно безъ особенной скромности сдѣлалъ извѣстными. Главнокомандующій Паскевичъ показывалъ ему особенное расположеніе; въ главной квартирѣ у него было множество друзей. Извѣстно, что это стоитъ не дешево, а Раевскій былъ не богатъ. Средства для широкаго гостепріимства доставлялъ полкъ или, лучше сказать, казна.

Раевскій не только ничего не упускалъ, но едва ли не бралъ съ казны болѣе своихъ предмѣстниковъ. Все это шло на улучшеніе полка *и быта нижнихъ* чиновъ и на представительность. Раевскій всегда *былъ выше всякаго подозрѣнія* въ любостяжаніи. По окончаніи войны, *какое-то нелѣпое обстоятельство* навлекло на него гнѣвъ и преслѣдо-

ваніе Паскевича. Онъ былъ отчисленъ генералъ-маіоромъ по кавалеріи и отправился въ свое маленькое имѣніе Тесели, на южномъ берегу Крыма. На половинѣ пути у него уже недостало денегъ на прогоны, и онъ занялъ 300 рублей у ближайшаго помѣщика. Вообще, надобно сказать, что личное хозяйство его было всегда въ большомъ безпорядкѣ. Знатокъ въ гастрономіи, онъ ѣлъ что̀ попало и цѣлый день пилъ чай, который варили ему, какъ декоктъ, ординарцы, линейные казаки. Жизнь велъ онъ безпорядочную: цѣлый день лежалъ почти раздѣвшись, а ночью занимался дѣлами, читалъ или диктовалъ. Физически онъ былъ крайне лѣнивъ, но умъ его былъ всегда въ работѣ. Въ обществѣ его невозможно было не замѣтить. Вездѣ онъ старался взять на себя первую или, по крайней мѣрѣ, видную роль. Его самолюбіе доходило иногда до тщеславія. Иногда, чтобы выдѣлиться изъ толпы, онъ выдумывалъ въ себѣ пороки, которыхъ не имѣлъ. Такъ онъ часто говорилъ: «Я самъ трусъ и люблю трусовъ. Храбрецы — вредные люди; они не довольствуются честнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, а ищутъ отличій, предоставляя своимъ товарищамъ и подчиненнымъ расплачиваться своей шкурой за ихъ безполезные подвиги». Конечно, онъ совсѣмъ не былъ трусъ, но его военныя и административныя способности были не блестящи. Свои безпорядочныя привычки и занятія онъ вносилъ и въ свою администрацію: но онъ былъ счастливъ въ выборѣ людей и умѣлъ заставить ихъ работать. Однажды онъ спросилъ только что пріѣхавшаго къ нему изъ Петербурга флигель-адъютанта Баранова: «Что у васъ говорятъ обо мнѣ? Вѣроятно, говорятъ, что я дуракъ и что за меня все дѣлаетъ N? Я вамъ скажу, любезный другъ, по секрету: N дѣйствительно глупъ, но ему велѣлъ быть умнымъ».

Въ служебныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ онъ не напускалъ на себя важности и все дѣлалъ какъ будто шутя. Диктуя самую серьозную бумагу, онъ не могъ удержаться, чтобы не ввернуть какую-нибудь остроту, насмѣшку или намекъ. Его языка и пера очень боялись въ Ставрополѣ и въ Тифлисѣ. Въ сношеніяхъ съ Петербургомъ онъ показалъ большую ловкость. Всѣ его донесенія туда были тщательно выглажены и имѣли много саркастическаго юмору и вообще оригинальнаго. Онъ былъ плохой подчиненный и то, что̀ онъ часто писалъ о своихъ непосредственныхъ начальникахъ никому другому не сошло бы съ рукъ, а его донесенія Государь читалъ съ удовольствіемъ, хохоталъ и приказывалъ военному министру разрѣшить или дать то, чего Раевскій проситъ. Я долженъ сказать, что въ этихъ донесеніяхъ не всегда была строгая правда; особливо съ цыфрами Николай Николаевичъ не церемонился. Однажды при мнѣ онъ диктовалъ донесеніе

въ которомъ, между прочимъ, говорилъ, что разстояніе между двумя извѣстными укрѣпленіями 80 верстъ. Я, какъ офицеръ генеральнаго штаба, счелъ своею обязанностью сказать, что тутъ только 35 верстъ. Онъ поглядѣлъ на меня серьозно и спросилъ: «Cela vous fera-t-il du «tort si j'écris 80 verstes?—Non certainement, mais... — Eh bien, allez toujours, сказалъ онъ и потомъ съ тою же серьезностью продолжалъ диктовать: «отъ Новороссійска до Геленджика 60 верстъ».—Suis-je généreux? Je vous fais cadeau de 20 verstes» *). А дѣло было въ томъ, что ему нужно было доказать невозможность двинуться съ отрядомъ отъ одного мѣста въ другое.

Раевскій любилъ общество молодыхъ людей, любилъ хорошій столъ и хорошее вино, въ чемъ былъ и знатокъ, но легко обходился безъ всякихъ прихотей. Между молодежью онъ былъ веселъ, шутливъ и никого не стѣснялъ; не смотря на то, каждый изъ его веселыхъ собесѣдниковъ ни на минуту не забывалъ его служебнаго положенія. Его всѣ любили. Молодые офицеры, прикомандированные изъ гвардіи и изъ арміи для участвованія въ военныхъ дѣйствіяхъ, возвращаясь въ Петербургъ, разсказывали объ немъ множество анекдотовъ, которые достигали самыхъ высшихъ сферъ и придавали его фигурѣ какое-то фантастическое освѣщеніе. Впрочемъ, при его связяхъ и родствѣ въ высшемъ кругу, онъ хорошо зналъ всѣ отношенія лицъ и всегда находилъ возможность услужить дядюшкамъ и тетушкамъ, доставляя награды ихъ племянничкамъ. Безусловно похвалить этого конечно нельзя; но извинить можно только тѣмъ, что на Кавказѣ всѣ и всегда дѣлали тоже самое.

Вотъ я много написалъ о личности Н. Н. Раевскаго; но чувствую, что не сказалъ довольно, чтобы обрисовать эту фигуру, оригинально и рельефно выдающуюся изъ толпы. Лично я ему много обязанъ. Съ самаго начала нашего знакомства, онъ показывалъ мнѣ особенное расположеніе, которое, постепенно увеличиваясь, дошло до какой-то отеческой нѣжности, хотя разность нашихъ лѣтъ не такъ велика, чтобы я могъ быть ему сыномъ.

Донесеніе о десантѣ на Туапсе сдѣлано было очень ловко; картина десанта выставлена рельефно и яркими красками; приложены всѣ разсчеты войскъ по кораблямъ, порядокъ самой высадки, разсыпаны перлы похвалъ флоту и войскамъ, но ни слова не упомянуто о самомъ начальникѣ отряда. Въ Петербургѣ всѣ, начиная отъ Государя,

---

*) *„Отъ этого развѣ васъ убудетъ, если я напишу 80 верстъ“.—„Нѣтъ, конечно, но....“—„И такъ продолжайте. Я ли не великодушенъ? Дарю вамъ 20 верстъ.*

были довольны. Раевскій вошелъ въ моду и сдѣлался популяренъ. Государь пожаловалъ ему чинъ генералъ-лейтенанта и орденъ Бѣлаго Орла. Вмѣстѣ съ донесеніемъ Раевскій послалъ письмо военному министру князю Чернышеву, въ которомъ просилъ для пользы службы о производствѣ меня въ подполковники. Высочайшій приказъ о моемъ производствѣ подписанъ 11 Іюня 1838 г. Обѣ эти награды военный министръ сообщилъ Раевскому съ особеннымъ фельдъегеремъ.

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о новой личности, съ которою я познакомился. Это былъ Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, младшій братъ великаго поэта, извѣстный болѣе подъ именемъ Левушки. Въ то время онъ былъ капитаномъ, состоялъ по кавалеріи и при генералѣ Раевскомъ, съ которымъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Въ литературномъ кружкѣ, гдѣ были лучшіе тогдашніе молодые писатели; личность Льва Пушкина была охарактеризована двумя стихами:

„А Левушка нашъ радъ.
„Что брату своему онъ братъ".

Между братьями было большое наружное сходство, кромѣ цвѣта кудрявыхъ волосъ на головѣ: у поэта они были черные, а у брата почти бѣлые. Поэтому онъ называлъ себя бѣлымъ арапомъ. Левъ Пушкинъ былъ хорошо образованъ, основательно зналъ Французскую и особенно Русскую литературу; сочиненія своего брата онъ зналъ наизусть и прекрасно ихъ читалъ. Вообще онъ имѣлъ замѣчательную чуткость къ красотамъ литературы. Онъ былъ пріятный и остроумный собесѣдникъ; искренняя веселость, крайняя беззаботность и добродушіе невольно привлекали къ нему; но нужно было его хорошо узнать, чтобы другіе недостатки и даже пороки не оттолкнули отъ него. Онъ слишкомъ любилъ веселую компанію, пилъ очень много; но я не видалъ его пьянымъ. Образъ жизни велъ самый безпорядочный и даже выдумывалъ на себя грязные пороки, которыхъ, можетъ быть, и не имѣлъ. Общество великосвѣтской молодежи втянуло его съ дѣтства въ свой омутъ и сдѣлало его какимъ-то Россійскимъ кревё *). Впослѣдствіи онъ былъ членомъ Одесской таможни, женился и сталъ вести порядочную жизнь. Послѣднему желалъ бы вѣрить, потому что чувства добра и чести въ немъ не заглохли подъ корою легкомысленной распущенности нравовъ.

---

*) *Crévé—забулдыга.*

Пушкинъ былъ почти неразлученъ съ генераломъ Раевскимъ. Послѣдній былъ большой мастеръ утилизировать людей, но не могъ заставить Пушкина заниматься чѣмъ-нибудь серьёзно, кромѣ писанія подъ его диктовку. Кажется, въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку онъ былъ его адъютантомъ; по крайней мѣрѣ, объ этой эпохѣ онъ шутя говорилъ: «когда мы съ генераломъ Раевскимъ командовали Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ». Если это правда, то я сомнѣваюсь въ особенномъ благоустройствѣ того полка.

Однообразіе бивуачной жизни во время постройки укрѣпленія было въ этомъ году еще болѣе томительно, чѣмъ въ предшествовавшемъ. При отрядѣ было не такъ много лошадей, и онѣ довольствовались привозимымъ на суднахъ пресованнымъ сѣномъ. Фуражировокъ, которыя разнообразили бивуачную жизнь, совсѣмъ не дѣлалось. Скука и недостатокъ движенія имѣли вліяніе на здоровье войскъ, особливо когда начались лѣтніе жары и неразлучныя съ ними перемежающіяся лихорадки. Мѣсто занятое лагеремъ, особливо по берегу Туапсе, было покрыто лѣсомъ и густыми кустами. Когда все это было вырублено и мѣстность обнажена на ружейный выстрѣлъ отъ засѣки, солнечные лучи потянули міазмы изъ сырой почвы и особенно усилили лихорадки. Это же было и въ послѣдующіе годы, и чѣмъ южнѣе, тѣмъ болѣзни дѣлались упорнѣе. Въ 1837 г. отрядъ, подъ личнымъ начальствомъ барона Розена, занялъ и выстроилъ укрѣпленіе при устьи р. Мдзымты, въ землѣ Джигетовъ. Изъ этого отряда едва ли третья часть вернулась, остальная сдѣлалась жертвою климата вреднаго, на рѣкѣ Мдзымтѣ и еще болѣе губительнаго въ кр. Поти, гдѣ былъ устроенъ общій для отряда госпиталь. Онъ былъ снабженъ всѣмъ для 600 больныхъ, а ихъ бывало до 1.500. Врачи терпѣли столько же, какъ и больные. Были случаи, что изъ всего медицинскаго персонала оставались на ногахъ фельдшеръ и цирульникъ. Первый визитировалъ больныхъ, варилъ для всѣхъ укрѣпительную микстуру (mixtura roborans, которую солдаты называли *рубанецъ*) или же дѣлалъ порошки такого же невиннаго свойства. Выборъ одного изъ этихъ лекарствъ предоставлялся больнымъ. Ихъ разносилъ по палатамъ, въ ведрѣ и мѣшкѣ, цирульникъ, человѣкъ суроваго нрава, исправлявшій должность всѣхъ фельдшеровъ и потому не позволявшій больнымъ долго его задерживать. Мнѣ это разсказывали два очевидца, бывшіе въ то время солдатами и находившіеся за болѣзнью въ Потійскомъ госпиталѣ, и однакоже они остались живыми. Выздоравливали и другіе. Это однакоже никакъ не говоритъ въ пользу нашихъ госпиталей, особенно на Кавказѣ. Полковые лазареты большею частью были несравненно лучше. Полковымъ командирамъ давались большія средства для ихъ со-

держанія и, при вниманіи главнаго начальства, между полковыми командирами являлось соревнованіе въ улучшеніи лазаретовъ и содержаніи больныхъ. Раевскій мнѣ разсказывалъ, что во время войны въ Азіятской Турціи (1828 — 1829 г.) у нихъ однажды долго не было при войскахъ маркитантовъ, такъ что и въ главной квартирѣ не было бутылки вина. Вдругъ пріѣхалъ какъ-то маркитантъ Нижегородскаго драгунскаго полка и привезъ нѣсколько дюжинъ бутылокъ хорошаго портвейну. Раевскій купилъ все вино и приказалъ давать его выздоравливающимъ въ лазаретѣ. Главнокомандующій присылалъ къ нему просить для себя хотя одну бутылку. Раевскій отвѣчалъ, что вино назначено исключительно для выздоравливающихъ въ его лазаретѣ, и что постороннее лицо можетъ получить его не иначе, какъ поступивши въ его лазаретъ. Правда, что это было въ то время, когда Раевскій былъ въ большой милости у Паскевича. И, не смотря на щедрыя средства, которыя давались на полковые лазареты, ихъ содержаніе обходилось гораздо дешевле гошпиталей, которые издавна были излюбленнымъ поприщемъ грабительства безчисленнаго множества учрежденій и лицъ, начиная съ коммисаріатскаго департамента до смотрителя гошпиталя.

Когда лагерь вполнѣ устроился и окружился прочною и высокою засѣкою, горцы оставили насъ въ покоѣ. Только изрѣдка, по ночамъ, они подползали и дѣлали нѣсколько выстрѣловъ безвредныхъ, но производившихъ тревогу въ лагерѣ. Впрочемъ, такія ночныя тревоги часто происходили и не отъ горцевъ, а отъ свѣтящихся бабочекъ, которыхъ прерывчатый свѣтъ аванпосты принимали за сигналы горцевъ и открывали ружейный огонь по всей линіи. Мирныхъ сношеній съ горцами у насъ совсѣмъ не было; лазутчики говорили, что кругомъ лагеря строгіе караулы и всѣмъ измѣнникамъ назначена безпощадная смерть. Однакоже, не только лазутчики, но и наши плѣнные часто проходили безнаказано. Нѣкоторые изъ плѣнныхъ по десятку лѣтъ находились у горцевъ, терпѣли большую нужду и дурное обращеніе, и теряли надежду когда-нибудь избавиться отъ плѣна. Неожиданное появленіе Русскаго отряда на Туапсе оживило ихъ. Впрочемъ, былъ и добровольный выходецъ. Однажды поднялась частая пальба въ цѣпи. Изъ лѣсу показался днемъ человѣкъ, котораго приняли за горца. Это былъ старикъ за 80 лѣтъ, едва прикрытый рубищемъ. Онъ былъ родомъ изъ Крыма и провелъ 68 лѣтъ въ тяжкой неволѣ. Старикъ почти одурѣлъ и разсказывалъ, что хозяинъ отказался его кормить и *выбросилъ его на волю.* Конечно, ни одна наша *пуля въ него* не попала, но старикъ упалъ на камни и разсѣкъ себѣ *колѣно,* отчего и умеръ, проживъ въ лагерѣ недѣли двѣ. Забав-

было слышать, съ какимъ участіемъ онъ уговаривалъ насъ уходить скорѣе, пока Крымскій ханъ не узналъ: иначе онъ ни одного изъ насъ живымъ не выпуститъ.

Конецъ Мая ознаменовался страшною бурею, которая по всему восточному берегу Чернаго моря причинила судамъ много бѣдствій. 30 Мая съ утра воздухъ былъ тяжелъ, и горизонтъ на Западѣ мраченъ, но вѣтра совсѣмъ не было. На рейдѣ Туапсе были военныя суда: пароходъ Язонъ, бригъ Ѳемистоклъ, тендера: Лучъ и Скорый, транспортъ Ланжеронъ, и восемь купеческихъ судовъ, привезшихъ разные грузы для отряда. Съ моря шла юго-западная зыбь и быстро увеличивалась. Моряки ясно видѣли приближеніе бури, но парусныя суда не могли сняться при совершенномъ безвѣтріи; а пароходъ, кажется, упустилъ время, не ожидая опасности. Съ полудня вѣтеръ скрѣпчалъ и скоро обратился въ штормъ. Сняться съ якоря сдѣлалось уже невозможнымъ. Вѣтеръ дулъ отъ Зюдъ-Веста, т.-е. прямо на берегъ; рейдъ Туапсе образуетъ углубленіе берега, ограниченное съ Сѣверо-Востока выдающимся мысомъ; теченіе въ морѣ было юго-восточное. На какой бы галсъ ни снялось судно, оно будетъ выброшено на берегъ, прежде чѣмъ успѣетъ взять ходъ. Этотъ опасный рейдъ никому не былъ извѣстенъ, и потому суда, для удобнѣйшей выгрузки, стояли довольно близко къ берегу. На пароходѣ были готовы пары, всѣ суда отдали вторые якоря, но и это не помогло. Вѣтеръ и волненіе достигли такихъ страшныхъ размѣровъ, что суда дрейфовало съ якорями. Большое трехмачтовое судно, подъ Австрійскимъ флагомъ, стоявшее ближе къ берегу, видя неминуемую бѣду, обрубило якоря и какъ щепка было выброшено на берегъ. Экипажъ спасся, кромѣ одного матроса, который былъ раздавленъ другимъ судномъ, наброшеннымъ на Австрійца. Это было небольшое двухмачтовое судно Херсонской постройки. Оно ударилось срединою борта въ носъ Австрійскаго, и такова была сила вѣтра и прибоя, что Херсонецъ былъ какъ бы разрѣзанъ пополамъ, и его носъ сошелся съ кормою. Вслѣдъ затѣмъ море стало выбрасывать и остальныя, сначала купеческія, а потомъ и военныя суда. Одинъ тендеръ Скорый успѣлъ срубить мачту. Онъ былъ выброшенъ противъ устья Туапсе. Изъ остальныхъ судовъ: Ланжеронъ выброшенъ внутри расположенія лагеря, какъ и всѣ купеческія суда; но тендеръ Лучъ и бригъ Ѳемистоклъ были выброшены за Туапсе, въ 150 саженяхъ отъ нашихъ аванпостовъ, и подъ самою горою, образующею лѣвую оконечность долины Туапсе. Пароходъ долго держался, помогая якорямъ дѣйствіемъ машины, но наконецъ, когда волненіемъ залило огонь въ печахъ, Язонъ былъ выброшенъ на берегъ, внутри расположенія отряда.

Крушеніе судовъ продолжалось за полночь. Буря ревѣла такъ, что на берегу нельзя было слушать человѣческаго голоса, дождь лилъ всю ночь, и отъ вѣтра трудно было держаться на ногахъ. На берегу никто не сомкнулъ глазъ во всю эту страшную ночь. Всѣхъ давило чувство полной невозможности помочь гибнущимъ.

День 31 Мая освѣтилъ страшную картину. Всѣ тринадцать судовъ были на берегу. Пароходъ былъ выброшенъ саженяхъ въ 30-ти отъ берега, но всѣ наши усилія передать на пароходъ конецъ каната оказались безплодными. Экипажъ не могъ держаться на палубѣ, съ которой волненіе уже смыло нѣсколько матросовъ. Всѣ бросились на ванты и тамъ провели всю ночь. Нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ лейтенантъ Беѳани и одинъ мичманъ, раздѣлись и бросились въ воду, надѣясь доплыть до берега. Всѣ они погибли и унесены въ море. Командиръ парохода, капитанъ-лейтенантъ Хомутовъ, сидѣлъ на вантѣ, ниже его машинистъ Англичанинъ Шоу и нѣсколько матросовъ, надъ ними лейтенантъ Данковъ и одинъ матросъ. Пароходъ раскачивало волненіемъ и било килемъ о каменистое дно. Данковъ былъ хорошій пловецъ; онъ и матросъ раздѣлись и, выждавъ минуту, бросились въ море, но матросъ запутался въ такелажѣ, а Данкова на лету ухватила за ногу какая-то болтавшаяся около мачты веревка. Несчастнаго ударило о мачту и размозжило ему голову; матросъ имѣлъ туже участь, но трупъ его висѣлъ за руку. Хомутовъ и Шоу не умѣли плавать. Шоу былъ въ долгополомъ, незастегнутомъ сюртукѣ, который, какъ и его густые кудрявые волосы, развѣвался по вѣтру; окровавленные трупы Данкова и матроса висѣли на равнѣ съ Англичаниномъ и при каждомъ наклоненіи парохода били его по лицу. Картина была ѳантастическая и отвратительная. Къ полудню 31 Мая буря начала утихать, но волненіе и прибой были огромные. Когда волна отступала отъ берега, пароходъ былъ не болѣе какъ въ 25 шагахъ въ водѣ, но это пространство невозможно было переплыть, потому что новая волна съ моря выбрасывала обратно на берегъ. Попробовали за отливающею волною подкатить чугунное 12-ѳунтовое орудіе на крѣпостномъ лаѳетѣ, чтобы имѣть твердую точку въ концѣ отлива: первая же волна выбросила на берегъ какъ щепку и орудіе, и лаѳетъ. Раевскій все время былъ на берегу и принималъ живое участіе въ спасеніи погибающихъ. На вантахъ парохода были, кромѣ капитана и машиниста, еще нѣсколько матросовъ; всѣ же тѣ, которые бросились вплавь, погибли. Вѣтеръ утихалъ. Раевскій, по колѣна въ водѣ, закричалъ: «Эй, молодцы, 500 р. тому, кто спасетъ капитана!» Бросились вплавь линейный казакъ и горнистъ Тенгинскаго полка. *Нѣсколько сотъ* человѣкъ смотрѣли съ замираніемъ сердца на т

отчаянныя усилія; три раза волна выбрасывала ихъ на берегъ, въ четвертый имъ удалось добраться до парохода. Каждый изъ нихъ имѣлъ конецъ бичевки, которой другой конецъ былъ на берегу. Такимъ образомъ сообщеніе было устроено: бичевкой перетянули толстую веревку, а держась за нее, можно почти безопасно достигнуть берега. Капитанъ и матросы были спасены, но мистеръ Шоу упорно держался на вантѣ и рѣшился ждать окончанія бури. Онъ уже 18 часовъ былъ въ этомъ положеніи; можно было опасаться, что силы окончательно измѣнятъ ему, и онъ упадетъ въ море. Раевскій приказалъ снять его съ ванты насильно и на веревкѣ перетащить на берегъ. Въ этой операціи была комическая сторона, развеселившая солдатъ. Вытащенный на берегъ, Шоу отдалъ соленую воду, которой наглотался во время своего невольнаго движенія по водѣ и подъ водой, но чувствъ не потерялъ, а, увидя Раевскаго, сказалъ по-англійски: «послѣ Бога—вы, генералъ».

Тѣмъ не кончились бѣдствія этого дня. Я уже сказалъ, что военный бригъ Ѳемистоклъ и тендеръ Лучъ были выброшены, внѣ лагеря, саженъ 150 за Туапсе и у самаго подножія покрытой лѣсомъ горы. Военныя суда были пробиты и затоплены водою; экипажъ не могъ ничего спасти и даже не могъ взять съ собою никакого оружія. Оба судна почти повалило на бокъ къ сторонѣ горы. Это было уже ночью. До утра все было спокойно; но съ разсвѣтомъ, горцы, увидя положеніе выброшенныхъ судовъ и зная, что чрезъ рѣку не можетъ быть перехода, стали спускаться съ горы и стрѣлять по матросамъ, толпившимся около своихъ судовъ. Командиры послали часть своего экипажа въ лагерь, но получили только извѣстіе о невозможности перейти рѣку. Между тѣмъ горцы, подстрекаемые жадностью къ добычѣ и беззащитностью матросовъ, стали подходить ближе и наконецъ по одиночкѣ бросались къ судамъ съ шашками. Моряки вооружились веслами и всѣмъ что́ было подъ рукою и стали отступать по открытому морскому берегу къ устью Туапсе. При этомъ доходило дѣло и до рукопашной схватки. Одинъ матросъ такъ сильно ударилъ горца весломъ, что его унесли; но конечно, всѣ эти несчастные сдѣлались бы жертвою звѣрства Черкесовъ, хорошо вооруженныхъ, еслибы жадность къ грабежу оставленныхъ судовъ не отвлекла послѣднихъ. Пока моряки не собрались къ устью рѣки, артиллерія изъ лагеря мало могла быть намъ полезною, а потомъ стала обстрѣливать картечью суда и пробиравшихся взадъ и впередъ горцевъ. Послѣдніе при грабежѣ судовъ показали храбрость и самоотверженіе, достойныя лучшаго повода; вѣроятно были у нихъ убитые и раненые.

Въ лагерѣ между тѣмъ изыскивали всѣ средства, чтобы устроить сообщеніе чрезъ рѣку. Еслибы ночь застала моряковъ въ такомъ положеніи, горцы ихъ непремѣнно истребили бы въ нашихъ глазахъ, при совершенной невозможности подать имъ помощь. Туапсе, чрезъ которую въ обыкновенное время вездѣ можно было перейти въ бродъ, ревѣла теперь съ страшною быстротою и несла въ море карчи и цѣлыя деревья. Въ это время я былъ тутъ. Солдаты добыли лодку съ одного разбитаго судна; но многіе утверждали, что въ ней невозможно достигнуть другаго берега, чтобы передать туда конецъ веревки. Ширина рѣки была не болѣе пяти сажень, русло дѣлало поворотъ вправо передъ самымъ впаденіемъ въ море. Мнѣ казалось, что если гребцы и не въ состояніи будутъ удержаться на веслахъ, то ихъ теченіемъ выбросить въ изгибѣ русла. Какъ бы то ни было, я сказалъ слово, въ которомъ и теперь раскаиваюсь: «Неужели между Русскими людьми не найдется нѣсколькихъ человѣкъ, которые бы попытались спасти своихъ гибнущихъ товарищей?» Тутъ были аванпосты Навагинскаго полка, въ толпѣ были большею частью Навагинцы, тутъ же былъ и командиръ Навагинскаго полка, полковникъ Полтининъ. Послѣдній повторилъ мои слова. Мигомъ бросились въ воду пять Навагинцевъ. Съ ними же хотѣлъ ѣхать л.-г. Финляндскаго полка подпоручикъ графъ Толстой, но Полтининъ его не пустилъ. Отважные Навагинцы не успѣли оттолкнуться отъ берега, потокъ ухватилъ ихъ и на срединѣ рѣки опрокинулъ лодку: мы на мгновеніе увидѣли только пять головъ: мутныя воды все поглотили, а пустую лодку набросило на тендеръ Скорый, выброшенный близъ устья рѣки. Миръ душѣ ихъ!.. До сихъ поръ не могу простить себѣ того, что легкомысленно и безъ крайней нужды сказалъ слово, которое стоило жизни пяти человѣкъ. А крайней нужды въ этой жертвѣ дѣйствительно не было. Ольшевскій съ четырьмя баталіонами поднялся вверхъ по Туапсе, въ трехъ верстахъ нашелъ бродъ и, перейдя рѣку, не безъ большаго труда занялъ гору и тѣмъ прикрылъ выброшенныя у подножья суда. При этомъ была довольно сильная перестрѣлка, продолжавшаяся до самой ночи. Наши войска вырубили лѣсъ до гребня и устроили прочную засѣку. При этомъ мы потеряли около 20 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, при крушеніи-же судовъ погибли: три офицера и 46 нижнихъ чиновъ, преимущественно съ парохода Язонъ.

Утромъ 1 Іюня буря совершенно утихла, рѣка пришла въ прежнее положеніе, моряки безъ труда перешли на нашу сторону; у нихъ не было ни убитыхъ, ни раненыхъ; только командиръ тендера *Лучъ*, лейтенантъ Панфиловъ получилъ на ногѣ сильный ушибъ, *заставившій* его пролежать недѣли двѣ. Выброшенныя на бер

суда представляли печальную картину. Пока продолжалась буря и сильный прибой, пароходъ Язонъ былъ въ 30 саженяхъ отъ берега; теперь море было спокойно, и онъ оказался весь на сушѣ. Тендеръ Скорый, безъ мачты, былъ почти заброшенъ голышемъ и пескомъ, а впослѣдствіи и совсѣмъ похороненъ съ 12 орудіями и всѣмъ, что̀ на немъ было. По осмотрѣ военныхъ судовъ особою коммиссіею оказалось только, что тендеръ Лучъ и пароходъ Язонъ можно было надѣяться снять; а потому рѣшено было бригъ Ѳемистоклъ и транспортъ Ланжеронъ сжечь, обобравъ съ нихъ все, что̀ могло быть годно.

Донесеніе объ этомъ несчастномъ событіи было сдѣлано очень ловко и съ подробностями, которыхъ серьёзная сторона не мѣшала литературному достоинству и драматизму *). Къ донесенію приложены: актъ коммиссіи моряковъ о причинахъ, ходѣ и послѣдствіяхъ крушенія и донесенія командировъ судовъ о ихъ распоряженіяхъ во время крушенія. Всѣ эти документы, какъ и самая реляція Раевскаго, были наполнены, а иногда и переполнены, варварскими названіями разныхъ снастей, парусовъ и другихъ судовыхъ предметовъ, названіями, которыя Раевскій слышалъ едвали не въ первый разъ въ жизни. Это сообщало комическій оттѣнокъ, который, говорятъ, принесъ свою пользу. Государь читалъ донесеніе Императрицѣ, которая плакала, слушая о бѣдствіяхъ моряковъ; а за тѣмъ всѣ расхохотались, когда, какъ градъ, посыпались бомъ-брамъ-шкоты, марса-драйрепы со всей Голандской тарабарщиной.

Моряки ожидали, что ихъ отдадутъ подъ судъ, какъ этого требуютъ морскіе законы; а вмѣсто того они получили по три и по четыре награды. Это сдѣлало Раевскаго чрезвычайно популярнымъ въ морскомъ вѣдомствѣ. Особливо благодаренъ былъ ему адмиралъ Лазаревъ. Въ числѣ командировъ выброшенныхъ судовъ были: капитанъ-лейтенантъ Метлинъ и лейтенантъ Панфиловъ, которыхъ Лазаревъ отличалъ, какъ офицеровъ, подававшихъ большія надежды. Оба они были произведены въ слѣдующіе чины. Въ послѣдствіи Н. Ѳ. Метлинъ былъ морскимъ министромъ, а теперь (1877 г.) членомъ Государственнаго Совѣта. Это человѣкъ умный, способный и честный; но сослуживцы находили, что его строгость, особенно съ матросами, доходила часто до жестокости. А. И. Панфиловъ былъ человѣкъ другаго рода. Это была олицетворенная доброта и честность. Отличный практическій морякъ, онъ былъ довольно плохо образованъ. Умствен-

*) *Читатели Р. Архива помнятъ,* съ какою простотою и достоинствомъ извѣщалъ *объ этомъ бѣдствіи М. П. Лазаревъ* морскаго министра князя Меншикова. П. Б.

ныя способности его были не выше средняго уровня, но самыми замѣчательными чертами его характера были: чувство долга, энергія и беззавѣтная храбрость, безъ всякаго притязанія на эффектъ. На берегу онъ любилъ весело пожить, на морѣ-же былъ строгій и справедливый начальникъ. Въ послѣдствіи онъ участвовалъ въ Синопскомъ сраженіи, командуя эскадрою пароходовъ, получилъ Георгія 3-й степени за оборону Севастополя, гдѣ все время безотлучно былъ начальникомъ 3-го отдѣленія обороны, былъ нѣкоторое время главнымъ командиромъ Черноморскаго флота и портовъ и умеръ въ 1873 году адмираломъ и членомъ Адмиралтействъ-совѣта. Съ перваго знакомства и до самой его смерти я былъ съ нимъ въ искренней дружбѣ. Да будетъ миръ душѣ его!

На тендерѣ Лучъ былъ лейтенантомъ Гр. Ив. Бутаковъ, юноша, недавно выпущенный изъ морскаго корпуса, довольно вялый, съ тоненькимъ, почти дѣтскимъ голоскомъ. Ему часто доставалось отъ его энергическаго командира, который за глаза называлъ его «гунявымъ» и ничего путнаго отъ него не ждалъ въ будущемъ. Признаюсь, и я объ немъ имѣлъ тоже мнѣніе, и оба мы очень ошиблись. Теперь (1877 г.) Г. И. Бутаковъ—генералъ-адъютантъ и едва ли не лучшій адмиралъ въ нашемъ флотѣ.

Въ половинѣ Іюня намъ дали знать, что къ намъ на Туапсе прибудетъ корпусный командиръ, генералъ Головинъ. Раевскій приготовилъ ему военную встрѣчу и съ особенной заботливостью устроилъ ему помѣщеніе въ только что оконченномъ береговомъ блокгаузѣ. Головинъ былъ тронутъ такимъ вниманіемъ и обворожен самимъ Раевскимъ. Съ нимъ былъ маіоръ Н. Н. Муравьевъ, состоявшій при немъ по особымъ порученіямъ *). Объ этой замѣчательной личности много можно бы сказать, но я надѣюсь имѣть къ тому случай впослѣдствіи, такъ какъ судьба насъ сблизила службой на береговой линіи. Н. Н. Муравьевъ былъ у Головина адъютантомъ въ Польскую войну, потомъ вышелъ въ отставку и снова вступилъ въ службу, когда Головинъ былъ назначенъ на Кавказъ. Онъ былъ искренне преданъ Головину и служилъ ему перомъ и головою. Николай Николаевичъ былъ моихъ лѣтъ, малаго роста, съ чертами лица довольно тонкими и подвижными, съ глазами, въ которыхъ было много ума, но было и что-то фальшивое. Главною чертою его характера было честолюбіе, и для достиженія своей цѣли онъ не стѣснялся излишнею разборчивостью въ средствахъ. На Головина онъ имѣлъ огромное

*) *Впослѣдствіи* графъ Амурскій. П. Б.

вліяніе. Между товарищами онъ казался добрымъ малымъ, любилъ дружескую бесѣду за бутылкою вина; но, проведши такъ всю ночь, онъ могъ цѣлый день работать перомъ, а работалъ онъ скоро и хорошо. Онъ вѣрилъ въ свою звѣзду, и неожиданности его не удивляли. Съ перваго знакомства я съ нимъ сошелся, и нѣсколько времени мы были дружны, пока черная кошка между нами не пробѣжала.

На берегу давно шла усиленная работа снятія съ мели военныхъ судовъ. Тендеръ Лучъ снятъ безъ труда, но пароходъ Язонъ долго не поддавался всѣмъ усиліямъ. Всѣми работами распоряжался Серебряковъ. Все необходимое было прислано изъ Севастополя на пароходѣ Колхида, который поступилъ въ распоряженіе Раевскаго. День и ночь отливали воду и затягивали брезентами пробоины; наконецъ, пароходъ всплылъ на воду и былъ оттащенъ на глубину. Не ожидавшій этого Головинъ стоялъ на берегу, крестился и бормоталъ молитву. Къ сожалѣнію, эта молитва не спасла парохода: дней черезъ десять онъ былъ снова выброшенъ на берегъ, гдѣ съ него могли снять орудія, машину и котелъ. Послѣдній не могъ быть перевезенъ въ Севастополь и остался на берегу памятникомъ этихъ несчастныхъ событій.

Крѣпостныя работы приходили къ концу. Раевскій еще заранѣе просилъ адмирала Лазарева о присылкѣ флота, для перевозки войскъ къ устью р. Шапсухо, гдѣ предполагалось выстроить укрѣпленіе. Провожая корпуснаго командира, мы дошли до Анапы, куда выѣхалъ новый командующій войсками Кавказской линіи, генералъ-лейтенантъ Граббе, котораго я въ первый разъ видѣлъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ 50-ти, высокаго роста, красивой наружности, державшій себя прямо, говорившій изысканными фразами, очевидно гоняясь за эффектомъ; манеры и рѣчь его были театральны. Съ перваго раза можно было видѣть только, что это образованный человѣкъ, съ бойкими дарованіями и вполнѣ въ себѣ увѣренный. Съ Раевскимъ онъ былъ старый товарищъ, но между ними мало было общаго. Было очевидно, что ихъ дружба не прочна. Граббе полушутя и очень любезно далъ замѣтить, что онъ прямой начальникъ Раевскаго.

Изъ Анапы мы прошли съ корпуснымъ командиромъ вдоль всего берега до р. Сочи, при устьѣ которой другой отрядъ изъ-за Кавказа строилъ укрѣпленіе, подъ начальствомъ генералъ-маіора Симборскаго. Между нимъ и Раевскимъ были непріятныя столкновенія, въ которыхъ Головинъ принялъ сторону Раевскаго. Послѣдній предложилъ присоединить новое укрѣпленіе и другое построенное въ прошломъ году на р. Мдзымтѣ къ своей прибрежной линіи. Головинъ согласился, и это

было высочайше утверждено, съ переименованіемъ 1-го отдѣленія прибрежной линіи въ Черноморскую береговую линію.

Это было первое завоеваніе Раевскаго, но не отъ непріятеля, а отъ сосѣдняго начальства.

9 Іюля пришелъ флотъ, подъ личнымъ начальствомъ Лазарева, а 12-го мы высадили десантъ къ устью р. Шапсухо. Опять тотъ-же громъ, таже легкая побѣда надъ горцами, которыхъ было мало, да и мѣстность была неблагопріятна для обороны. При устьѣ долина широкая; узкая полоса лѣса исчезла, и первые же дни лагерь устроился очень удобно, и отрядъ тотчасъ принялся за крѣпостныя работы.

Раевскій сдѣлалъ на пароходѣ Язонъ подробный осмотръ берега отъ Сочи до Анапы. Я былъ съ нимъ. Послѣ посѣщенія укрѣпленія Кабардинскаго, Раевскій прошелъ до с.-з. конца Суджукской бухты и пришелъ въ восторгъ отъ этого гигантскаго порта, могущаго вмѣстить всѣ флоты Европы. Недостатки этого порта, и очень существенные, обнаружились послѣ. Мѣстность на берегу оказалась очень удобною для города и большаго заведенія. Раевскій тотчасъ же рѣшился испросить дозволеніе занять этотъ пунктъ въ томъ же году, по окончаніи устройства форта на Шапсухо. Въ представленіи своемъ, очень ловко написанномъ, онъ говорилъ объ этой бухтѣ, какъ будто о новомъ открытіи, и объяснялъ это тѣмъ, что Турки, около трехъ вѣковъ владѣя Крымомъ, не оцѣнили Севастопольской бухты. Все это было не совсѣмъ справедливо, но пошло въ дѣло. Государь ожидалъ, что крушенія судовъ разстроятъ всѣ предположенныя дѣйствія въ этомъ году, а вмѣсто того получилъ въ одно время донесеніе о занятіи Шапсухо и представленіе о немедленномъ начатіи новаго предпріятія, обѣщавшаго принять значительные размѣры съ государственною пользою. Нѣтъ нужды говорить, что предположенія Раевскаго были тотчасъ же высочайше одобрены, и мы получили это разрѣшеніе съ фельдъегеремъ. Здѣсь нужно сказать, что Раевскому дано было право, для ускоренія полученія Государемъ свѣдѣній о военныхъ дѣйствіяхъ, представлять военному министру копію своихъ донесеній, командующему войсками Кавказской линіи и корпусному командиру. Раевскій пользовался этою привилегіей въ огромныхъ размѣрахъ и притомъ посылалъ донесенія военному министру съ эстафетой, а прямому своему начальству по почтѣ. Отъ этого происходило, что высочайшія разрѣшенія часто получались съ фельдъегеремъ раньше, чѣмъ корпусный командиръ получалъ въ Тифлисѣ подлинное представленіе. Это послужило поводомъ къ недоразумѣніямъ, породившимъ ожесточенную войну между Раевскимъ и Кавказскими властями.

Въ началѣ Сентября укрѣпленіе на Шапсухо было почти готово. Много ускорило работы принятое правило строить всѣ помѣщенія для гарнизона въ Ростовѣ и Таганрогѣ изъ сосноваго лѣса и потомъ въ разобранномъ видѣ перевозить на судахъ къ строимымъ укрѣпленіямъ. Это стоило дорого, но за то сохраняло здоровье войскъ и избавляло отъ смерти многія сотни, если не тысячи, нижнихъ чиновъ. Не смотря на то, число больныхъ въ отрядѣ было очень значительно, особливо въ Августѣ мѣсяцѣ. Главная и почти единственная болѣзнь была перемежающаяся лихорадка съ ея послѣдствіями: диссентеріей и скорбутомъ. Гошпиталямъ и лазаретамъ отпускалось ничтожное количество хинной соли, а суррогаты дѣйствовали слишкомъ медленно или совсѣмъ были безполезны. Нѣсколько болѣе щедрое употребленіе хинина, какъ дорогаго средства, вызывало врачу замѣчаніе старшаго медицинскаго начальства. Отъ полковыхъ командировъ требовались покупки для лазарета добавочнаго количества этого спасительнаго средства, но не всѣ добросовѣстно это исполняли. Излишнее количество больныхъ отправлялось изъ лазаретовъ на судахъ въ Фанагорійскій гошпиталь, гдѣ здоровый климатъ и лучшія условія жизни болѣе приносили пользы, чѣмъ медикаменты.

9 Сентября опять прибылъ флотъ подъ начальствомъ Лазарева. Всѣ войска садились на тѣже корабли, какъ будто приходили на свои старыя квартиры. Съ моряками у насъ была большая дружба, хотя нерѣдко были и возмутительныя грубости въ обращеніи морскихъ офицеровъ съ сухопутными, грубости, происходившія отъ глупой самоувѣренности однихъ и отъ невсегда одобрительнаго поведенія другихъ. Матросы же съ солдатами искренне дружили.

12 Сентября пополудни мы сдѣлали десантъ въ с.-з. углу Суджукской бухты. Тотъ же громъ, но тутъ ужъ ни одного горца не было видно. Всѣ мы были въ восторгѣ отъ бухты и отъ мѣстности, на которой расположился отрядъ. Оно было на западной сторонѣ Суджукской бухты, глубоко вдающейся въ материкъ. Незначительный хребетъ, проходящій по срединѣ этого длиннаго мыса, спускается къ бухтѣ легкимъ скатомъ, покрытымъ мелкимъ лѣсомъ; на самомъ берегу мѣстность совершенно открытая и довольно ровная. Саженяхъ въ 50 отъ берега оказались явственные слѣды какого-то весьма древняго заведенія, окруженнаго четырехугольнымъ валомъ. По правую сторону лагеря впадала въ море рѣчка Цемесъ (Дзе-Месъ, войсковой лѣсъ, на Адехскомъ языкѣ). Я тотчасъ же сдѣлалъ рекогносцировку долины, чтобы обезпечить отряду воду, которой въ самомъ лагерѣ не было. Рѣчка течетъ въ болотистомъ ложѣ, окруженномъ порядочнымъ ольховымъ и ясеневымъ лѣсомъ. Вода оказалась горько-соленою отъ

примѣси морской воды, часто вливающейся въ рѣку при сильныхъ морскихъ прибояхъ. Рѣка имѣетъ слабое теченіе въ направленіи на Ю. В., т. е. именно въ тотъ румбъ, на который Суджукская бухта совершенно открыта съ моря. При осмотрѣ не оказалось вовсе впаденія въ море, вѣроятно потому, что недавній сильный прибой забросалъ устье голышомъ. Все это значительно охладило наше довольство новосельемъ. Между тѣмъ смерклось; воды не было ни для питья, ни для каши. Рѣшились искать воду утромъ и при неудачѣ перемѣнить мѣсто для лагеря, а на эту ночь взять воду съ кораблей. Всѣ мы очень призадумались. Раевскаго это особенно огорчало. Вдругъ, часу въ 11 вечера, я услышалъ крикъ: «Вода, вода! Эй, 3-я рота, иди скорѣе съ манерками»! Выбѣжавши изъ своей палатки, я увидѣлъ толпу солдатъ въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ меня; они суетились и уже начали между собой ссориться. Вскорѣ прибѣжалъ туда генералъ Ольшевскій, разогналъ толпу и поставилъ караулъ къ мѣсту, гдѣ оказалась вода. Это было въ небольшомъ углубленіи, очевидно образованномъ искусственно. Вода была прѣсная, чистая и холодная. Нужны были строгія мѣры, чтобы удержать солдатъ отъ грабежа этого безцѣннаго сокровища. Когда осмотрѣлись утромъ, увидѣли, что это былъ древній водопроводъ, что вода была прекраснаго качества и при порядочномъ пользованіи будетъ достаточна для отряда. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воды были слѣды какого-то древняго заведенія, о которомъ я выше говорилъ. Внутри пространства, обнесеннаго валомъ, не было никакихъ слѣдовъ развалинъ; только возвышались три кургана, очевидно насыпные. Чтобы не допустить тайной раскопки ихъ, я взялъ рабочихъ и при себѣ велѣлъ раскопать. Найдены: три желѣзныхъ меча, прямые и очень длинные, но ни костей, ни гробовъ не оказалось. Мечи были до того съѣдены ржавчиною, что желѣза въ нихъ нисколько не осталось. Все говорило о глубокой древности, которой эпоху едвали можно было опредѣлить. По подробномъ осмотрѣ мѣстности рѣшено было прикрыть будущее поселеніе двумя фортами на скатѣ возвышенности. Одинъ изъ этихъ фортовъ рѣшено построить въ этомъ году, а другой въ будущемъ. Раевскій рѣшилъ, что тутъ будетъ городъ, которому его воображеніе придавало огромные размѣры въ будущемъ. Вѣроятно его мечты нашли оттолосокъ и въ Петербургѣ. Государь былъ очень доволенъ. Раевскій ловко выставилъ занятіе восточнаго берега и учрежденіе новаго порта, какъ пріобрѣтенія настоящаго царствованія, и тѣмъ до нѣкоторой степени обезпечилъ себѣ успѣхъ въ исходатайствованіи *средствъ для продолженія* предпріятія. Его уже занимала мысль во-

дворить тутъ и при другихъ прибрежныхъ портахъ Русское населеніе, которое могло бы извлекать средства для существованія изъ природныхъ богатствъ края и особенно изъ рыбной ловли въ морѣ. Въ Ставрополѣ и Тифлисѣ не раздѣляли его убѣжденій и подъ рукой надъ ними подсмѣивались. Генералъ Граббе назвалъ предполагаемое поселеніе колоніей ихтіофаговъ. Во всѣхъ этихъ мечтахъ Раевскаго ничего не упоминалось о горцахъ, которые однакоже были покуда единственные хозяева края. Раевскій не думалъ о дѣйствіи оружіемъ. Ему представлялось возможнымъ покореніе или, лучше сказать, умиротвореніе этого края посредствомъ торговли и развитія между горцами цивилизаціи. Очевидно онъ впадалъ въ туже крайность, которая такъ ярко выказалась въ подобномъ же предпріятіи Де-Скасси.

Въ другихъ частяхъ Кавказа дѣла наши принимали все болѣе серьозное положеніе. Усиленіе Шамиля и измѣна племенъ лѣваго фланга и Дагестана, давно считавшихся покорными, требовали рѣшительныхъ военныхъ дѣйствій. Въ Петербургѣ были довольны тѣмъ, что нашелся хотя одинъ мѣстный начальникъ, который не хочетъ предпринимать никакихъ военныхъ дѣйствій и представляетъ перспективу мирнаго завоеванія края.

14 Сентября Лазаревъ очень любезно простился съ нами до будущаго года. Возвращаться въ Черноморье отрядъ долженъ былъ сухимъ путемъ чрезъ Анапу и Джиметею, такъ какъ зимняя перевозка отряда на судахъ и особенно ихъ высадка на открытомъ берегу была не только неудобна, но и опасна.

Вскорѣ по устройствѣ лагеря, наша семья генеральнаго штаба увеличилась тремя новыми товарищами: къ отряду прибыли штабсъ-капитанъ Богаевскій, гвардіи поручики Глинка и баронъ Вревскій, только что кончившіе курсъ въ Военной Академіи. Мнѣ показалось, что Богаевскій, племянникъ партизана Фигнера, могъ быть съ пользою употребленъ на предпріятія, подобныя тѣмъ, которыя доставили извѣстность его дядѣ. Онъ былъ хорошо образованъ, имѣлъ военныя способности, лѣтъ восемь служилъ офицеромъ въ артиллеріи и участвовалъ въ войнѣ съ Европейской Турціей 1828—1829 г. Но онъ пилъ неумѣренно и страдалъ Абхазскою лихорадкою, которая скоро его свела въ могилу. Баронъ Вревскій, Ипполитъ Александровичъ, былъ человѣкъ совсѣмъ другаго рода. Братъ Павла Александровича Вревскаго, онъ имѣлъ въ Петербургѣ множество дядюшекъ и тетушекъ, начиная съ князя Чернышева до Троскина, начальника штаба войскъ Кавказской линіи, бывшаго женатымъ на его сестрѣ. Съ дѣтства онъ попалъ въ кругъ Петербургской золотой молодежи (la jeunes-

se dorée) и сдѣлался фатомъ съ очень неясными нравственными принципами, но съ циническимъ самодовольствомъ, пороками, которые составляли славу Петербургскаго crevé того времени. Кажется это меня и предубѣдило противъ него. Онъ только начиналъ свою дѣйствительную службу, и мнѣ казалось, что изъ него ничего серьознаго не выйдетъ. Въ этомъ я, кажется, ошибся, что̀ и не разъ случалось. Вревскій служилъ на Кавказѣ съ отличіемъ и убитъ при взятіи одного Чеченскаго аула, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, почти въ одно время съ братомъ своимъ Павломъ, генералъ-адъютантомъ, убитымъ въ Севастополѣ.

Я уже сказалъ, что Кавказъ въ то время былъ убѣжищемъ и сборнымъ мѣстомъ разныхъ пройдохъ и искателей средствъ вынырнуть изъ грязи или изъ неловкаго положенія. Между ними были люди оригинальные, большею частью неглупые, съ свѣтскимъ лоскомъ и образованіемъ. Такъ къ штабу Раевскаго примкнули два такихъ индивидуума: состоящій по кавалеріи полковникъ графъ Энгштремъ-де-Ревельштадтъ и Черноморскаго линейнаго батальона прапорщикъ Т*** Первый былъ старикъ съ наружностью когда-то благообразною, но отъ которой сохранились только развалины съ рѣзкими слѣдами бурно-прожитой молодости. У него было нѣсколько орденовъ Русскихъ и множество иностранныхъ, между которыми были вѣроятно и апокрифическіе. Онъ говорилъ свободно на всѣхъ Европейскихъ языкахъ. Откуда онъ къ намъ попалъ, я не знаю. Теперь я бы принялъ его за одного изъ агентовъ Третьяго Отдѣленія, служащаго болѣе изъ чести, чѣмъ въ надеждѣ на щедрое вознагражденіе. Вскорѣ по его пріѣздѣ въ отрядъ, Раевскій получилъ изъ корпуснаго штаба списокъ его долговъ съ просьбою удерживать третью часть его жалованья. Этотъ длинный списокъ былъ тѣмъ интересенъ, что въ немъ должныя суммы были выражены всѣми возможными монетами Европейскихъ государствъ и Соединенныхъ Штатовъ. Т*** узналъ это, взялъ копію и показалъ въ отрядѣ всѣмъ маркитантамъ. Это въ концѣ подорвало кредитъ бѣднаго графа, а онъ ему былъ тѣмъ болѣе необходимъ, что онъ каждую ночь наединѣ напивался пьянъ. Онъ пришелъ въ бѣшенство и прибѣжалъ къ костру, который постоянно горѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ палатки Раевскаго. Тамъ всегда собирались штабные по вечерамъ: это былъ родъ клуба. Энгштремъ не нашелъ тамъ Т*** и, съ пѣной у рта, громко сказалъ, что ищетъ его, чтобы дать ему пару оплеухъ. Видя, что никто не принимаетъ участья, графъ тѣмъ же громкимъ голосомъ сказалъ: «Si vous voyez ce malotru, dites-lui que *je le défie à trois* pas de distance; il n'a qu'à se rendre aux

avant-postes» *). Отъ костра графъ прибѣжалъ въ мою палатку и предложилъ мнѣ быть его секундантомъ. Я отвѣчалъ, что не отказываюсь, но приму эту обязанность не прежде, какъ узнаю о причинѣ дуэли и буду убѣжденъ въ ея необходимости, но что едва ли дѣло до того дойдетъ, потому что графъ такъ громко объявилъ о своемъ намѣреніи, что генералъ Раевскій не могъ не слышать. Въ тоже время Т*** просилъ начальника штаба отряда Ольшевскаго быть его секундантомъ. Однимъ словомъ, оба приняли рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы дуэль не состоялась. Эта исторія, на нѣсколько дней позабавившая скучающій отрядъ, кончилась тѣмъ, что Т*** выдержали сутки на гауптвахтѣ, а графъ Энгштремъ уѣхалъ изъ отряда.

Здѣсь поневолѣ я долженъ сказать хоть нѣсколько словъ о Т***. За 14-е Декабря онъ былъ сосланъ въ каторжную работу. Говорятъ, что онъ самъ на себя наговорилъ, будто принималъ участіе въ заговорѣ и бунтѣ. Немудрено: онъ былъ тогда 18-лѣтній гвардейскій прапорщикъ. Въ Петербургѣ у него много родныхъ между главными лицами служебной и родовой аристократіи. Поэтому онъ не ожидалъ такой развязки своей выходки и видѣлъ въ ней только средство сдѣлаться интереснымъ и получить извѣстность. Впрочемъ, онъ раньше другихъ былъ присланъ рядовымъ на Кавказъ, а въ 1838 уже былъ прапорщикомъ. Ему было тогда за 30 лѣтъ; наружность его, голосъ и манеры были крайне-несимпатичны; нравственные принципы его были болѣе чѣмъ шатки. Генералу Головину онъ приходился какъ-то сродни и потому держался въ Тифлисѣ безъ должности. Спеціальность его сказалась уже при графѣ Воронцовѣ. Т*** сдѣлался шпіономъ, сыщикомъ, доносчикомъ и всѣмъ, что́ нравилось его патрону: онъ былъ посылаемъ секретно въ разныя мѣста, переодѣвался, посѣщалъ кабаки и харчевни, гдѣ собиралъ разныя свѣдѣнія и гдѣ не разъ былъ оскорбляемъ тѣлесно. Окончательная судьба его мнѣ неизвѣстна.

Октябрь приходилъ къ концу, постройка форта тоже. Ночи становились холодными; осень видимо приближалась. Время было думать о возвращеніи отряда за Кубань на зимнія квартиры. 2 Ноября, оставя часть отряда для охраненія лагеря и окончанія работъ, мы выступили въ Анапу, куда къ тому времени должны были прибыть изъ Черноморіи обозы войскъ отряда. Дорога шла по долинѣ р. Цемеса перелѣсками; ауловъ нигдѣ не было видно. Долина постепенно суживалась и, противъ самыхъ вершинъ рѣчки Цемеса, образовался

*) *Если увидите этого невѣжу, скажите ему, что я его вызываю на разстояніе трехъ шаговъ; пусть явится на аванпосты.*

углубленный перевалъ, за которымъ дорога шла по долинѣ одного изъ притоковъ р. Куматыра, уже около Анапы впадающаго въ море. Отрядъ ночевалъ на берегу другаго притока Мескіаса, а на другой день достигнулъ Анапы; всего разстояніе оказалось въ 45 верстъ. Во все время марша горцы вели ничтожную перестрѣлку и были не въ сборѣ.

Чрезъ два дня мы выступили со всѣми обозами обратно къ Цемесской бухтѣ. Горцы успѣли собраться и были упорнѣе, но далеко не такъ предпріимчивы, какъ жители южной части береговой линіи. Съ ночлега на Мескіасѣ отрядъ повернулъ влѣво и сталъ подниматься на главный хребетъ. Новая дорога была верстами тремя длиннѣе прежней, но удобнѣе для движенія обозовъ. Поднявшись на хребетъ, который здѣсь невысокъ, отрядъ выступилъ въ верхнюю часть долины Адагума. Мѣста здѣсь довольно открытыя. Кое-гдѣ видны аулы въ живописной мѣстности. Здѣсь мы имѣли нѣсколько раненыхъ между казаками, которые бросились выручать артиллерійскаго подпоручика Стромилова, котораго лошадь занесла къ горцамъ, и тѣ успѣли его изрубить.

На другой день мы спустились съ хребта въ долину Цемеса, верстахъ въ 12 отъ лагеря. Раевскій ѣхалъ въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ и съ большой свитой, мало обращая вниманія на перестрѣлку. Въ одномъ мѣстѣ мы приблизились къ правому прикрытію, за которымъ былъ оврагъ и противоположный берегъ спускался острымъ гребнемъ къ самой рѣкѣ. За этимъ хребтомъ засѣли горцы и, видя толпу конныхъ и Раевскаго, котораго нельзя было не узнать, сдѣлали залпъ изъ двухъ-трехъ десятковъ ружей. Одна пуля шлепнула меня подъ правое колѣно. Отъѣхавъ отъ этого мѣста на нѣсколько саженъ, я остановился, чтобы перевязать рану, но уже самъ не могъ слѣзть съ лошади. Нога распухла и какъ бы одеревенѣла. Докторъ нашелъ, что пуля пробила панталоны и бѣлье и ударила въ сухую жилу; было нѣсколько капель крови, но нельзя было сказать навѣрное, гдѣ пуля остановилась. До лагеря я доѣхалъ съ трудомъ; тамъ удостовѣрились, что пуля не углубилась въ тѣло и, вѣроятно, отпала, сдѣлавъ только сильную контузію. Она была на излетѣ, иначе перебила бы жилу. Я пролежалъ съ недѣлю и не внесъ этого пустаго случая въ свой формулярный списокъ.

17 Ноября мы оставили въ фортѣ одну роту Навагинскаго полка и отправились со всѣмъ отрядомъ въ Анапу, а 19-го войска отпущены на зимнія квартиры, и экспедиція этого года кончена.

Раевскій со штабомъ остался еще въ Анапѣ дней десять, чтобы кончить разныя письменныя дѣла и составить представленія къ наградамъ. Эта работа была возложена на меня. Трудъ огромный

тѣмъ безполезнымъ бюрократическимъ подробностямъ, которыми обставлена форма такихъ представленій. Каждому отличившемуся нужно было написать краткую реляцію его отличія. Изъ войскъ были доставлены эти свѣдѣнія въ большомъ безпорядкѣ, а реляціи написаны совсѣмъ безграмотно. Все нужно было дѣлать заново. Къ счастью я нашелъ себѣ хорошаго сотрудника. Это былъ унтеръ-офицеръ Тенгинскаго полка Платонъ Александровичъ Антоновичъ. Онъ былъ студентомъ Московскаго университета и оттуда съ жандармомъ отправленъ рядовымъ на Кавказъ за то (какъ сказано въ его формулярномъ спискѣ) «что, зная о существованіи тайнаго общества, не толь«ко не донесъ о томъ правительству, но допытывался у губернскаго «секретаря Сумбулова, изъ кого состоитъ это общество и какая его «цѣль?» Причина очевидно достаточная для того, чтобы разбить всю будущность и отравить жизнь 18-лѣтняго юноши! Судьба поправила несправедливость людей: Антоновичъ съ честью вынесъ тяжелое испытаніе и теперь уже болѣе десяти лѣтъ занимаетъ должность попечителя Кіевскаго учебнаго округа, въ чинѣ генералъ-лейтенанта. При бойкихъ умственныхъ способностяхъ и хорошемъ образованіи, Платонъ Александровичъ обладаетъ замѣчательною практическою мудростью и умѣетъ жить съ людьми. Это человѣкъ вполнѣ правительственный и дорогой дѣятель на всякомъ служебномъ поприщѣ. Совершенно непонятно, какъ изъ него ухитрились сдѣлать революціонера. Его нравственные принципы безупречны. Образъ его мыслей, въ сущности, либеральный; но онъ прежде всего вѣрный и разумный исполнитель распоряженій правительства. Доказательствомъ тому его долговременное пребываніе въ званіи попечителя Кіевскаго учебнаго округа, не смотря на то, что въ продолженіе этого времени нѣсколько разъ измѣнялся взглядъ министерства на народное просвѣщеніе и наконецъ остановился на нынѣшней системѣ. Во все это время Антоновичъ велъ свое дѣло съ одинаковою дѣятельностью и постоянствомъ, которое немного отзывается его Малороссійскимъ происхожденіемъ. Чтобы кончить характеристику этого человѣка, съ которымъ я и до сихъ поръ остаюсь въ дружескихъ отношеніяхъ, я долженъ сказать, что онъ человѣкъ добрый, хотя не простодушный, доброжелательный для другихъ, но не забывающій и себя. Такихъ людей у насъ боятся, потому что крѣпко вѣруютъ въ непогрѣшимость Репетилова, сказавшаго, что «умный человѣкъ не можетъ быть не плутъ».

По окончаніи дѣлъ, всѣ мы разъѣхались въ разныя стороны, къ *своимъ постояннымъ* мѣстамъ; только генералъ Раевскій поѣхалъ въ *Москву и Петербургъ,* давъ предписаніе Пушкину, какъ кавалерій-

скому офицеру, отправиться на зиму въ г. Керчь и до весны наблюдать за судоходствомъ по Азовскому морю и въ Керченскомъ лиманѣ. Все это дѣлалось какъ-то молодо, весело, шутя; часто, при затруднительности какого-нибудь распоряженія, на мой вопросъ: какъ же мы это сдѣлаемъ? Раевскій отвѣчалъ «любезный другъ, какъ-нибудь съ дуру сдѣлаемъ». Выходило однакоже не дурно.

Я простился съ Раевскимъ до весны и поѣхалъ въ Ставрополь. Тамъ я нашелъ много перемѣнъ. Для дежурства строился новый домъ на одномъ дворѣ съ старымъ; для генеральнаго штаба купленъ домъ генерала Петрова. Все это помѣщено просторно, мебель новая, все сидитъ чинно и важно—просто министерство. Я уже говорилъ о Троскинѣ и генералѣ Граббе. Послѣдній помѣстился конечно въ домѣ своего предмѣстника, но нашелъ его неудобнымъ и недостаточнымъ: коечто переломалъ, многое пристроилъ. Надобно сказать, что, во время Эммануэля, командующій войсками помѣщался въ одноэтажномъ каменномъ домѣ, отдѣлявшемся отъ сосѣдняго, деревяннаго, десятисаженнымъ переулкомъ. Вельяминовъ, любившій во всемъ огромные размѣры, купилъ сосѣдній домъ и соединилъ его съ своимъ, уничтоживъ переулокъ. Это соединеніе образовало огромный залъ въ 33 аршина длины; такимъ образомъ составилось помѣщеніе очень обширное, съ фасадомъ, похожимъ на какую-то фабрику. Генералъ Граббе пристроилъ еще нѣсколько комнатъ; преемникъ его, Гурко, еще прибавилъ отъ себя, такъ что образовалось громадное, но неуклюжее помѣщеніе, стоившее казнѣ очень большой суммы на постройки и ежедневный ремонтъ.

Отправившись являться къ командующему войсками, я вышелъ въ знакомый залъ и почти не узналъ его. Меня встрѣтилъ дежурный адъютантъ въ мундирѣ и шарфѣ. Вся мебель была новая, и вездѣ были видны претензіи на вкусъ, комфортъ и порядочность. По докладу обо мнѣ, генералъ Граббе вышелъ въ сюртукѣ, съ трубкою на очень длинномъ чубукѣ. Онъ принялъ меня съ театральной важностью, но очень ласково и сказалъ нѣсколько любезностей въ красивыхъ фразахъ. Онъ пригласилъ меня обѣдать и представилъ своей супругѣ. Мадамъ Граббе, родомъ Молдаванка, была въ свое время замѣчательной красавицей, не смотря на слишкомъ малый ростъ. У нея была куча дѣтей, и каждый годъ ея семейство увеличивалось. Не смотря на то, она была еще очень хороша. Въ ея манерахъ было немало эксцентрическаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ было что-то доброе и искреннее, особенно выдававшееся при театральныхъ манерахъ ея мужа.

Къ обѣду собралось съ десятокъ лицъ, гражданскихъ и военныхъ, мнѣ большею частью неизвѣстныхъ. Все было прилично, чинно, без-

да шла на Французскомъ языкѣ, причемъ радушный хозяинъ сказалъ нѣсколько фразъ, годныхъ въ любой свѣтскій журналъ. При прощаньи хозяинъ и хозяйка очень любезно пригласили меня бывать у нихъ безъ церемоніи. Все это было хорошо, но мнѣ почему-то стало жаль прежняго порядка вещей. Героическій періодъ Кавказа кончился; наступали новыя времена, новыя условія, новый взглядъ на вещи, при новой обстановкѣ. Хорошо, если не слишкомъ дорого обойдется Россіи этотъ столичный или Европейскій лоскъ, замѣнившій грубоватую простоту нравовъ и жизни прежнихъ подвижниковъ Кавказской войны.

Съ большой радостью встрѣтилъ я Н. В. Майера. Въ толпѣ новоприбывшихъ съ Граббе и Троскинымъ у него не было близкихъ знакомыхъ. Наша зимная жизнь опять вошла въ прежнюю колею. Князь Валеріанъ Голицынъ былъ уже прапорщикомъ и мечталъ объ оставленіи службы; но ему сказали, что теперь это будетъ неловко и даже едва-ли удастся. Сатинъ еще остался зимовать въ Ставрополѣ. Этого общества было для меня очень довольно, хотя и между моими сослуживцами я не могъ жаловаться на недостатокъ людей, для меня сочувственныхъ. Льва Пушкина тоже какой-то вѣтеръ занесъ въ Ставрополь.

Въ эту зиму я много читалъ, хотя времени свободнаго имѣлъ менѣе, чѣмъ прежде. Стараго Горскаго назначили оберъ-квартирмейстеромъ отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, а на его мѣсто полковника Норденстама, бывшаго старшимъ адъютантомъ въ управленіи оберъ-квартирмейстера Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса. Прежде чѣмъ вступить въ свою должность, Норденстамъ отправился въ 4 мѣсячный отпускъ въ Финляндію, а я, какъ старшій, опять долженъ былъ исправлять должность оберъ-квартирмейстера. Но уже кругъ занятія былъ не тотъ, какъ при Вельяминовѣ. Секретнаго отдѣленія уже не существовало, и большая часть дѣлъ была передана въ генеральный штабъ. Докладывать я долженъ былъ начальнику штаба, а съ командующимъ войсками не имѣлъ прямыхъ занятій. Штабныя дѣла шли хорошо; но, оглядѣвшись, я замѣтилъ, что особенной гармоніи не было между Граббе и Головинымъ, не смотря на всѣ старанія Троскина улаживать ихъ отношенія. Головинъ принималъ въ этомъ разладѣ пассивное участіе; близкіе къ нему смотрѣли на это иначе. Начальники писали другъ другу дружескія письма одинаково хорошо на Русскомъ и Французскомъ языкѣ, а штабы волей-неволей слѣдовали по традиціонному пути разногласія. К. увертывался съ своею обыкновенною скользкостью угря; но Мендъ, при своемъ заносчивомъ и раздражительномъ характерѣ, часто возбуждалъ столкновенія. Негла-

скимъ, но главнымъ дѣятелемъ въ этомъ былъ Н. Н. Муравьевъ, имѣвшій по прежнему большое вліяніе на Головина.

Зима началась нехорошо. Полковникъ Пулло, бывшій въ то время начальникомъ лѣваго фланга, вздумалъ обезоружить Чеченцевъ и сбирать съ нихъ незначительную подать, чтобы утвердить въ нихъ понятіе о подданствѣ Русскому царю. Первое было едва ли не грубою ошибкою, потому что Чеченцамъ, ничѣмъ не огражденнымъ отъ сосѣднихъ племенъ, подвластныхъ Шамилю, а намъ враждебныхъ, оружіе было необходимо для собственной защиты. Говорятъ утвердительно, что Пулло, при собираніи съ Чеченцевъ податей для правительства, не забывалъ и себя. Ропотъ въ Чечнѣ былъ общій и мало по малу обратился въ явное возстаніе. Шамиль этимъ воспользовался и окончательно подчинилъ Чечню своей власти. Онъ достигалъ апогея своего могущества. Дагестанъ сѣверный и южный, и всѣ племена лѣваго фланга, кромѣ Осетинъ и Кумыковъ, признали его власть. Онъ раздѣлилъ весь край на наибства, надъ которыми поставилъ самыхъ энергическихъ и преданныхъ ему мюридовъ. Все показывало, что съ весною 1839 г. намъ надобно ожидать въ томъ краѣ серьёзныхъ дѣйствій. Шамиль поселился въ Ахульго, на верхнемъ Сумакѣ, близъ границы Гумбета и недалеко отъ Гимры, гдѣ въ 1832 былъ истребленъ Кази-мулла. Изъ этого гнѣзда, укрѣпленнаго природой и искусствомъ, энергическій и умный горецъ деспотически управлялъ горнымъ краемъ съ нѣсколькими стами тысячъ горцевъ, фанатизированныхъ противъ насъ.

Когда я пріѣхалъ въ Ставрополь, планъ дѣйствій будущаго года былъ уже составленъ и утвержденъ Государемъ. Предполагалось направить на Ахульго два отряда: съ Сѣвера отъ Внезапной и съ Востока отъ Дагестана. Общее распоряженіе военными дѣйствіями Государь поручилъ генералу Граббе, который лично докладывалъ о своихъ предположеніяхъ. Я уже сказалъ, что это человѣкъ съ блестящими способностями, даромъ слова и образованіемъ и, къ сожалѣнію, съ огромною самоувѣренностью, которая можетъ внушить довѣріе людямъ, незнающимъ ни края, ни нашего положенія. Уже самое избраніе предмета дѣйствій, т.-е. взятіе Ахульго, показываетъ непрактичность новаго начальства. Уничтоженіе этого гнѣзда не могло имѣть никакой важности: Шамиль перешелъ-бы въ другой аулъ, и дѣла пошли-бы по прежнему. Болѣе серьозное значеніе имѣло-бы истребленіе самаго Шамиля, но это почти невозможно. Въ 1832 г. Шамиль былъ мюридомъ Кази-муллы, но, хотя раненый, спасся изъ Гимры, при *истребленіи его имама*. Къ тому же, его мѣсто тотчасъ-же было

занято другимъ, который, какъ говорили, былъ уже заранѣе назначенъ преемникомъ имама. Враждебные намъ элементы оставались тѣже, а потеря одного аула или одного лица не могла значительно измѣнить положеніе края.

Въ распоряженіяхъ и приготовленіяхъ къ экспедиціи встрѣтилось недоразумѣніе, имѣвшее въ будущемъ довольно серьёзныя послѣдствія. Мнѣ суждено было, противъ всякаго ожиданія, принять пассивное участіе въ этомъ столкновеніи Граббе и Головина.

На Береговой Линіи предположено въ 1839 г. занять укрѣпленіями устья рѣкъ Шахе и Псезуапе́, продолжать постройку укрѣпленія на Суджукской бухтѣ и сверхъ того выстроить укрѣпленіе на р. Мескагѣ, на срединѣ дороги отъ Цемеса въ Анапу. Со стороны Грузіи дѣйствія на восточномъ берегу Чернаго моря прекратились. Зима подходила къ концу. По примѣру прошлаго года, были командированы инженерные капитаны Ермоловъ и Компанейскій въ Ростовъ, по постройкѣ зданій для трехъ предположенныхъ на восточномъ берегу новыхъ укрѣпленій. Сверхъ того, Троскинъ послалъ инженеръ-подполковника Горбачевскаго въ Херсонъ, по постройкѣ зданій для укрѣпленія Суджукской бухты. Выборъ этихъ двухъ разныхъ пунктовъ для постройки былъ сдѣланъ для того, чтобы узнать по опыту, въ какомъ мѣстѣ удобнѣе и дешевлѣ какъ самая постройка, такъ и перевозка на Береговую Линію. Подполковникъ Горбачевскій не отличался ни особенными способностями, ни свѣдѣніями по своей спеціальности, но онъ былъ человѣкъ честный и усердный. На него можно было положиться. Въ штабѣ онъ управлялъ инженернымъ отдѣленіемъ, а по его отъѣздѣ Троскинъ присоединилъ это отдѣленіе къ генеральному штабу.

Въ 1838 г. зданія и особенно перевозка обошлись очень дорого. Троскинъ подозрѣвалъ, что во всей этой операціи много было злоупотребленій и даже открытаго воровства со стороны инженеровъ. Можетъ быть, это было и не безъ основанія; но средство для уличенія инженеровъ было придумано неудачно. Троскинъ никогда не былъ на восточномъ берегу, да и не зналъ даже по картѣ этого края и особенностей морской перевозки. Я ему доложилъ, что сличеніе цѣнъ Херсонскихъ съ Ростовскими не дастъ ему возможности уличить инженеровъ, такъ какъ изъ Херсона будетъ доставка въ Суджукскую бухту, а изъ Ростова на открытые рейды и въ мѣста никому неизвѣстныя; что по этому и по многимъ другимъ особенностямъ, цѣны не могутъ быть одинаковы. Онъ въ этомъ тотчасъ-же согласился; но вдругъ ему пришла мысль послать меня въ Ростовъ, чтобы осмотрѣть работы инженеровъ. Я и отъ этого не ожидалъ желаемаго результата и напередъ сказалъ, что инженеры меня непремѣнно обманутъ

и, вмѣсто пользы, моя командировка можетъ только сдѣлать вредъ. Тогда Троскинъ рѣшился ѣхать самъ въ Ростовъ и Таганрогъ. Во время его отсутствія, я, какъ оберъ-квартирмейстеръ, долженъ былъ докладывать по своей части командующему войсками.

Однажды я получилъ на имя генерала Граббе предписаніе корпуснаго командира о предстоящихъ въ Дагестанѣ военныхъ дѣйствіяхъ. Бумага написана была рѣзко, содержала въ себѣ многія возраженія противъ представленій Граббе и особенно выставляла его ошибку противъ самаго плана дѣйствій, высочайше утвержденнаго. Какъ это случилось, я не совсѣмъ знаю. Въ запискѣ Граббе, которую онъ докладывалъ лично Государю, было предложено, по взятіи Ахульго, обратиться къ аулу Чиркей, занять этотъ важный пунктъ укрѣпленіемъ; а въ проектѣ Головина написано вмѣсто Чиркей-Чиркатъ. Оба пункта одинаково важны, но занятіе Чиркея было особенно полезно для края, состоящаго подъ начальствомъ Граббе, а Чиркатъ имѣетъ важность для сѣвернаго и средняго Дагестана, подчиненнаго непосредственно Головину. Я угадывалъ, что эта бумага будетъ непріятна Граббе, но не ожидалъ, чтобы она его такъ сильно огорчила. Когда я прочелъ ее, Граббе слушалъ какъ будто равнодушно, но по окончаніи чтенія, прошелся нѣсколько разъ по кабинету и сказалъ: «Оставьте эту бумагу у меня; я теперь не въ состояніи заниматься. «Я вамъ пришлю ее съ моими резолюціями». На другой день я дѣйствительно получилъ ее, но съ такими резолюціями, которыя помѣстить въ оффиціальной бумагѣ мнѣ казалось невозможно. Сущность выраженій Граббе состояла въ слѣдующемъ: «Государь утвердилъ мои, а не ваши предположенія; мнѣ, а не вамъ поручилъ распоряженіе военными дѣйствіями. Если вамъ угодно отмѣнить высочайшую волю, то прошу поручить исполненіе этихъ новыхъ предположеній кому-либо другому; я же, съ своей стороны убѣжденъ, что, вмѣсто пользы, оно принесетъ вредъ, особливо, если корпусный штабъ, вмѣсто содѣйствія, будетъ продолжать дѣлать мелочныя придирки и затрудненія». Я старался всячески смягчить тонъ и выраженія, но все таки бумага вышла очень рѣзкою и хотя имѣла форму рапорта, но болѣе похожа была на предписаніе, въ которомъ сердитый начальникъ распекаетъ своего подчиненнаго. Оставалась надежда, что Граббе, успокоившись, дастъ другой, болѣе мягкій, оборотъ дѣла; но каково было мое изумленіе, когда онъ, прочитавъ мой брульонъ, не измѣнилъ въ немъ ничего и приказалъ копію этого рапорта представить по экстра-почтѣ военному министру для всеподданѣйшаго доклада. Конечно это было тотчасъ же исполнено, и въ 11 часовъ утра бумага была уже сдана въ почтовую контору. Въ полдень возвратился Трос-

изъ своей поѣздки. Я сейчасъ явился къ нему и убѣдился изъ его словъ, что инженеровъ онъ не поймалъ, а, проживъ очень весело нѣсколько дней въ Таганрогѣ, принужденъ былъ ихъ же благодарить за отличную работу. «Они строятъ казармы изъ отличнаго лѣса и такъ чисто, какъ будто дѣлали щегольскую столярную работу». Когда я показалъ ему послѣднюю переписку съ Тифлисомъ, Троскинъ пришелъ въ ужасъ. Онъ схватилъ себя за голову. «Чтó это вы надѣлали! «Нельзя на минуту отлучиться, чтобы тутъ не накутили! Да какъ же «вы не остановили такого сумасбродства?»—«Экстра-почта еще не ушла; «остановите ее, если можете; а я какое право имѣлъ не исполнить «приказанія командующаго войсками?» сказалъ я; «я сдѣлалъ чтó могъ, «и вы сами убѣдитесь въ томъ, сличивъ мой брульонъ съ резолюціями». Троскинъ побѣжалъ къ Граббе. Не знаю, чтó между ними происходило; но бумага не была взята съ почты, а Троскинъ, возвратясь, сказалъ мнѣ: «Видно, что вы не даромъ были у Раевскаго; я узнаю его слогъ». Впрочемъ этотъ случай не имѣлъ для меня дурныхъ послѣдствій, а только заставилъ Троскина охотно согласиться на мое командированіе вновь въ распоряженіе Раевскаго. Генералъ Граббе во все время показывалъ ко мнѣ очень хорошее расположеніе и нерѣдко читалъ мнѣ свою переписку и отрывки изъ журнала. Онъ писалъ одинаково хорошо на Русскомъ и Французскомъ языкахъ.

Недѣли чрезъ полторы пріѣхалъ въ Ставрополь начальникъ корпуснаго штаба генералъ-маіоръ Коцебу. Граббе принялъ его съ ледяною важностью, посреди своей залы, и даже не просилъ сѣсть. Коцебу передалъ Граббе письмо Головина; оно было почти слѣдующаго содержанія: Cher général. J'ai signé le malheureux papier sans l'avoir lu. Je vous envoie le general K. pour vous faire mes excuses; si cela ne vous suffit pas, je vous enverrai Mend; si vous n'en êtes pas content non plus, je chasse tout mon état-major. *) Не знаю тронулъ ли Граббе честный и великодушный поступокъ Головина; но ихъ отношенія сдѣлались на время лучше, если не искреннѣе; Коцебу же, отобѣдавъ на другой день у Граббе, отправился назадъ въ Тифлисъ. Хотя это была страстная суббота, Граббе не пригласилъ его провести праздникъ Пасхи. Съ того времени прекратились придирчивыя вмѣшательства Тифлисскаго штаба, и Граббе сдѣлался вполнѣ самостоятельнымъ начальникомъ своего края и войскъ. Не знаю, былъ-ли ка-

---

*) Любезный генералъ. Я подписалъ несчастную бумагу, не прочитавъ ея. Посылаю къ вамъ генерала К., чтобъ извиниться передъ вами; если этого для васъ недовольно, я пришлю къ вамъ Менда; если и того вамъ мало, я прогоню весь свой главный штабъ.

кой-нибудь оффиціальный отвѣтъ изъ Петербурга и если былъ, то едва-ли въ пользу Головина. Во всякомъ случаѣ онъ могъ быть послѣ моего отъѣзда.

Славная, здоровая Кавказская весна была уже на исходѣ. Норденстамъ пріѣхалъ изъ отпуска и вступилъ въ свою должность. Оставаясь безъ дѣла, я безъ труда получилъ разрѣшеніе Троскина отправиться къ генералу Раевскому, который тоже возвратился изъ Петербурга и основалъ свою резиденцію въ Керчи, т. е. не въ той части свѣта, гдѣ находились его край и войска. Это разрѣшеніе, данное временно, по неимѣнію помѣщеній на восточномъ берегу, обратилось въ постоянное и было полезно развѣ только для Керчи, сдѣлавшейся въ короткое время чистенькимъ и оживленнымъ городомъ. Когда Ермоловъ распоряжался въ Чечнѣ и строилъ Грозную, помѣщенія ему тоже не было; онъ выстроилъ себѣ землянку, которая долго сохранялась и неизвѣстно какъ исчезла. Н. Н. Муравьевъ, пріѣхавъ на Кавказъ въ 1854 г., ея уже не нашелъ и писалъ Ермолову, что ее сломало новое поколѣніе, потому что безмолвныя лекціи, которыя читала эта академія, для него слишкомъ высоки и непонятны. Я сказалъ уже, что героическія времена Кавказа миновали.

Н. Н. Раевскій встрѣтилъ меня какъ роднаго. Онъ уже былъ женатъ и потому долженъ былъ измѣнить во многомъ свой прежній бытъ. Онъ встрѣтилъ меня въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ, но вымытый и выбритый и въ бархатныхъ шароварахъ лиловаго цвѣта. На мое поздравленіе съ перемѣной, онъ сказалъ серьёзно и поправляя очки: «Mon cher ami, c'est ma femme, qui m'a fait faire quatre culottes en velours, et des couleurs les plus tendres *). Впрочемъ, въ кабинетѣ его продолжалъ царить прежній хаосъ: глазъ хозяйки туда не имѣлъ права проникать.

Анна Михайловна приняла меня очень любезно, но съ холодностью, которая составляла главную черту ея характера. Это была молодая женщина лѣтъ 19-ти или 20-ти, рыжая, съ веснушками, болѣзненнаго сложенія и совсѣмъ не красивая. Она была единственная дочь генерала Бороздина, одного изъ видныхъ дѣятелей 1812 года. Она имѣла очень значительное состояніе, большое родство и была фрейлиной. Воспитаніе и образованіе получила она основательное, болѣе серьозное, чѣмъ другія дѣвицы этаго круга. Говорятъ, что она брала у Остроградскаго уроки высшей математики. Вообще складъ ея

---

*) Любезный другъ, жена моя велѣла мнѣ сшить четверо бархатныхъ штановъ, и *притомъ самыхъ нѣжныхъ* цвѣтовъ.

ума былъ серьёзный. Она не была расточительна и съ цифрами ладила не хуже инаго бухгалтера; въ домѣ была внимательной хозяйкой, не дѣлала пустыхъ расходовъ изъ тщеславія, но умѣла быть щедрой. Съ ней неотлучно была м-мъ Дамбергъ, бывшая ея воспитательницей съ первыхъ лѣтъ жизни до свадьбы. Когда Анна Михайловна получила въ свое распоряженіе имѣніе матери, она сейчасъ-же подарила г-жѣ Дамбергъ 27 т., а когда послѣдняя вышла замужъ и у ней родились два сына-близнеца, Раевская положила въ банкъ на имя каждаго изъ дѣтей по 5 т. р.

Въ Керчи я чувствовалъ себя какъ-бы дома. Тамъ же я нашелъ А. И. Панфилова, назначеннаго къ Раевскому дежурнымъ штабъ-офицеромъ по морской части, вмѣсто Серебрякова, который произведенъ въ контръ-адмиралы свиты Его Величества и назначенъ начальникомъ 1-го отдѣленія Черноморской Береговой Линіи. Мѣстомъ пребыванія Серебрякова, назначено укрѣпленіе на Цемесѣ, получившее названіе Новороссійска. Вообще, по представленіямъ и личному докладу Раевскаго, въ этомъ краѣ произошли большія перемѣны. Отъ Геленджика до укрѣпленія Св. Духа (на р. Мдзымтѣ) составлено новое второе отдѣленіе, и начальникомъ его г.-м. графъ Опперманъ. Раевскій получилъ правà дивизіоннаго начальника. Его значеніе разросталось, и онъ становился однимъ изъ главныхъ начальниковъ и авторитетовъ на Кавказѣ.

Городъ Керчь, не смотря на пристрастіе къ нему графа Воронцова, имѣлъ тогда довольно жалкій видъ. Близость и изобиліе дешеваго камня давали большія удобства для постройки домовъ; городъ пользовался большими льготами, исходатайствованными въ видахъ развитія тамъ торговли. На самомъ же дѣлѣ эти льготы только разорили Ѳеодосію; Керчь, ничего не имѣющая своего, осталась, какъ и прежде, чѣмъ-то въ родѣ корчмы на большой дорогѣ. На рейдѣ находилось во время навигаціи отъ 100 до 200 судовъ Русскихъ и особенно иностранныхъ, но они были тамъ только для выдержанія карантина и назначались въ порты Азовскаго моря. Съ Еникале и 4 или 5-ю ближайшими Татарскими аулами Керчь составляла градоначальство. Городъ расположенъ былъ вокругъ высокой горы, которую называли по имени знаменитаго Босфорскаго царя Митридата. На вершинѣ горы былъ надгробный памятникъ перваго градоначальника Стемпковскаго, оставившаго по себѣ добрую память. На полугорѣ былъ музей, построенный по чертежу храма Тезея, но въ миніатюрѣ; въ этомъ музеѣ складывались разные предметы, находившіеся въ окрестныхъ курганахъ. Предметы эти составляли драгоцѣнный вкладъ въ исторію темной эпохи Скиѳскихъ царей. Снизу вела къ музею широкая каменная

лѣстница, съ большими претензіями на изящество; при началѣ лѣстницы были два грифона,—гербъ древней Пантикапеи. Для путешественника, входящаго на суднѣ изъ Чернаго моря, Керчь имѣла очень красивый видъ и издали много обѣщала, но съ перваго шага на берегъ являлось разочарованіе. Набережная, сдѣланная изъ рыхлаго плитняка на простой извести или совсѣмъ безъ цемента, была всегда исковеркана морскимъ прибоемъ; въ такомъ-же положеніи была лѣстница на гору; а у грифоновъ, сдѣланныхъ изъ мягкаго, ноздреватаго известняка, мальчишки отбили носы, лапы и крылья. На двухъ улицахъ стояли порядочные каменные дома, затѣйливой архитектуры, но между ними были и такіе, которымъ передній фасадъ служилъ кулисой, и за нею лѣпилась почти лачужка. Отсутствіе зелени и видъ окрестныхъ голыхъ горъ со множествомъ кургановъ давали всему унылый и неоживленный видъ. Передъ пристанью, называемой и царскою, и графскою, было небольшое пространство, огороженное каменной стѣной; въ немъ были видны три чахлыхъ деревца: это Лизина роща, единственный садъ въ Керчи. Въ городѣ было казино, единственный трактиръ, содержимый колонистомъ Гекле, но чтобъ съѣсть котлетку или кусокъ битаго мяса, нужно было дать наканунѣ нѣсколько копѣекъ на говядину. По отчетамъ торговля процвѣтала: въ городѣ было множество капиталовъ по 1-й и 2-й гильдіи, но это отъ того что купечество было избавлено отъ платежа гильдейскихъ повинностей. Понятно, что городское населеніе составилось изъ людей разныхъ націй безъ капиталовъ и только привлеченныхъ льготами. Между жителями было много Грековъ, Славиновъ и Татаръ; градоначальникомъ былъ генералъ-маіоръ князь Херхеулидзевъ, бывшій адъютантъ графа Воронцова. Онъ носилъ титулъ Керчь-Еникальскаго градоначальника; ему подчинены были карантинъ и таможня, и онъ оффиціально считался покровителемъ торговли Азовскаго и Восточнаго берега Чернаго моря, гдѣ онъ никогда и не былъ. Князь Херхеулидзевъ былъ добрый и честный человѣкъ, плохаго здоровья и совершенно безпамятный. Онъ былъ хорошо свѣтски образованъ, пріятный собесѣдникъ, но къ серьёзному дѣлу совершенно неспособенъ. Въ администраціи было много грѣховъ, но жилось всѣмъ недурно, потому что вообще администрація въ Новороссійскомъ краѣ была мягче и менѣе стѣснительна для жителей. Это направленіе дано рядомъ генералъ-губернаторовъ, и князь Херхеулидзевъ совершенно подошелъ въ этомъ къ характеру графа Воронцова. Однимъ словомъ, вглядясь въ Керчь, видишь на каждомъ шагу декораціи разныхъ родовъ, претензіи на Европеизмъ, затѣи мѣщанскаго великолѣпія и слышишь расплывчатыя *фразы, не совсѣмъ* сходящіяся съ дѣйствительностью. Въ оправданіе

говорили, что Керчь только начинаетъ развиваться и что ее ожидаетъ блестящая будущность. До сихъ поръ эти ожиданія не оправдались, и если Керчь дѣйствительно устроилась, то этимъ она обязана скорѣе пребыванію тамъ штаба Черноморской Береговой Линіи, чѣмъ усиліямъ своего главнаго начальства.

Въ Керчи я пробылъ очень недолго и отправился въ Тамань, куда уже прибывали войска, назначенныя въ отрядъ. Г. Раевскій поручилъ мнѣ должность начальника штаба отряда и на меня же возложилъ составленіе управленія Черноморской Береговой Линіи. Краеугольнымъ камнемъ этого управленія, впослѣдствіи очень разросшагося, послужили только что произведенный въ прапорщики Антоновичъ, о которомъ я уже говорилъ, и два писаря изъ строевыхъ нижнихъ чиновъ линейныхъ баталіоновъ, куда они были сосланы за участіе въ Севастопольскомъ бунтѣ. Одинъ изъ нихъ, Гедримовичъ, былъ Еврей, и оба имѣли Георгіевскіе кресты. Не было ни штата управленія, ни денегъ. Мы имѣли полную свободу выбирать штабныхъ чиновниковъ изъ линейныхъ баталіоновъ, куда посылали обыкновенно офицеровъ изъ армій за наказаніе, или изъ кадетскихъ корпусовъ за дурное поведеніе, лѣность и неспособность. Поэтому естественно, что я долженъ былъ прибѣгнуть къ выбору изъ такихъ офицеровъ, которые такъ или иначе были посланы на Кавказъ за наказаніе. Между ними, а особливо между посланными за политическія преступленія, было много людей очень способныхъ и очень надежныхъ. Я не бралъ въ штабъ Декабристовъ, потому что г. Раевскому было бы это непріятно; но я былъ знакомъ со многими изъ нихъ, участвовавшими въ экспедиціяхъ. На этотъ разъ я познакомился въ Тамани съ княземъ Одоевскимъ, пріѣхавшимъ въ отрядъ изъ Нижегородскаго драгунскаго полка. Съ перваго дня знакомства я привязался къ этой свѣтлой, поэтической и симпатичной личности. Онъ былъ юношей, когда несчастное событіе 14 Декабря забросило его въ Читу на каторжныя работы. Это тяжелое испытаніе его нисколько не измѣнило: онъ сохранилъ юношескій пылъ души и страсть къ поэзіи. Самъ онъ много писалъ, но никогда и ничего не печаталъ. Друзья и товарищи его знали наизусть нѣсколько его поэтическихъ произведеній. Я ихъ слышалъ отъ него и отъ другихъ. Ссылка лишила нашу литературу одного изъ замѣчательныхъ талантовъ.

27 Апрѣля всѣ войска отряда собрались въ Тамани, распоряженія были кончены, и флотъ бросилъ якорь противъ мыса Тузла. Эскадрой командовалъ самъ Лазаревъ. 28 Апрѣля амбаркація кончена благополучно, и эскадра снялась съ якоря, а 3-го Мая, при тихой погодѣ, стала на близкій пушечный выстрѣлъ отъ берега, противъ устья

рѣки Шахе, въ землѣ Убыховъ. Это самое воинственное и враждебное изъ племенъ, обитающихъ въ западной половинѣ Кавказа. Можно было предвидѣть, что сопротивленіе десанту будетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ бывало до сихъ поръ.

Долина р. Шахе отдѣляется отъ другой долины (небольшой рѣчки Субаши или Субешъ) гребнемъ, который у моря низокъ и безлѣсенъ, а далѣе къ Сѣверу быстро возвышается и поросъ густымъ лѣсомъ. Такой же, но болѣе высокій гребень составляетъ и южную окраину долины. Шахе одна изъ большихъ рѣкъ этого края, быстра, но почти вездѣ переходима въ бродъ. По правому берегу ея тянется полосою густой, лиственный лѣсъ; средина долины представляетъ открытую равнину версты на полторы; далѣе же долина съуживается, и оба берега покрыты мелкимъ лѣсомъ.

Послѣ обычнаго грома орудій съ эскадры высадились на берегъ первымъ рейсомъ два баталіона Тенгинскаго, два баталіона Навагинскаго полковъ, два легкихъ и два горныхъ орудія, безъ лошадей. Еще баркасы не успѣли отвалить отъ берега за вторымъ рейсомъ, какъ въ глубинѣ долины показалась густая масса Убыховъ, укрывавшихся отъ морской артиллеріи за изгибомъ мѣстности. Непріятель двигался бѣглымъ шагомъ, но безъ суеты, не стрѣляя и съ обнаженными шашками, вдоль полосы лѣса, прямо на средину нашей линіи. Я побѣжалъ къ артиллеріи, которой только два горныхъ орудія успѣли стать на позицію. Отдавъ приказаніе артиллерійскому офицеру, я хотѣлъ сказать нѣсколько словъ командиру Тенгинскаго полка, подполковнику Выласкову. Этого храбраго воина, высокаго роста, марціальной наружности, съ кривою Турецкою саблею и двумя парами длинныхъ пистолетовъ за поясомъ, я нашелъ прячущимся за одинъ изъ своихъ баталіоновъ. Онъ былъ въ такомъ положеніи, что говорить съ нимъ было безполезно. Къ счастію, баталіонные командиры были старые Кавказцы, люди опытные и надежные. Подполковникъ Выласковъ былъ только что назначенъ командиромъ Тенгинскаго полка изъ образцоваго полка, гдѣ вѣроятно отличался глубокими свѣдѣніями фрунтовой службы. Это былъ человѣкъ ограниченный, до того мало-грамотный, что въ подписи своей фамиліи дѣлалъ грамматическія ошибки. Это, однакоже, не мѣшало ему исправно набивать себѣ карманъ на счетъ своего славнаго полка, который, кажется, заслуживалъ бы имѣть лучшаго начальника.

Нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ не остановили горцевъ; они продолжали двигаться молча и не стрѣляя. Неожиданное обстоятельство разстроило ихъ смѣлую атаку. Два баталіона Навагинскаго полка, высаженные на правомъ флангѣ нашей линіи, пришлись пря-

дѣніе правительства и отъ этаго, конечно, только выиграла. Народонаселеніе въ Мингреліи, Гуріи и Имеретіи—Грузины и христіане. Аристократія была въ этомъ краѣ многочисленна и имѣла очень важное значеніе. Она издревле славилась воинственностью и храбростью, но не отличалась, какъ и все Грузинское племя, умственными способностями; къ томуже дворяне, какъ и народъ, были безъ всякаго образованія. Вообще это край полудикій, но вполнѣ спокойный; народъ бѣденъ и только по привычкѣ несетъ тяжелый гнетъ власти аристократіи и владѣтеля. Путешественникъ можетъ свободно разъѣзжать по этому краю, не подвергаясь опасности быть убитымъ, ограбленнымъ и даже обокраденнымъ.

Владѣтелемъ Мингреліи былъ тогда князь Леванъ Дадіянъ, человѣкъ пожилой, ограниченный, огромнаго роста, знаменитый наѣздникъ и стрѣлокъ. Роду Дадіяновъ предоставленъ былъ титулъ свѣтлости. Леванъ былъ генералъ-лейтенантъ и кавалеръ ордена Св. Александра Невскаго. Его сынъ и наслѣдникъ, Давидъ, воспитывался въ Тифлисѣ и былъ въ особенной милости у барона Розена...

Въ 1808 году Абхазія приняла подданство Россіи; Сухумъ въ 1809 году былъ бомбардированъ Русскимъ фрегатомъ Воинъ, и гарнизонъ сдался. Но долгое время еще край оставался въ прежнемъ, враждебномъ къ намъ, положеніи. Этому много способствовали кровавыя междоусобія въ семействѣ владѣтеля, равно какъ и близость непокорныхъ горскихъ племенъ, съ которыми Абхазцы, изъ боязни и по врожденному вѣроломству, сохраняли дружественныя связи.

Владѣтельная фамилія въ Абхазіи была изъ рода князей Чечь, которыхъ Грузины, а за ними и мы, называли Шервашидзе. Вѣроятно возвышеніе этого рода произошло вслѣдствіе случайныхъ переворотовъ въ краѣ, потому что нѣкоторыя княжескія фамиліи въ Абхазіи считали себя старше родомъ князей Чечь; таковы напримѣръ: князья Иналипа, Дзаншипа, Маршани, Анчибадзе и другія. Власть владѣтелей зависѣла исключительно отъ ихъ собственнаго характера. Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія владѣтелемъ Абхазіи былъ князь Келембей, человѣкъ предпріимчивый, храбрый и умный. Онъ распространилъ свое вліяніе къ Сѣверу на горскія племена до Геленджика (по словамъ Абхазцевъ) и отнялъ одну провинцію у своего исконнаго врага Мингрельскаго Дадьяна. Сынъ его Сафаръ-бей покорился Россіи и получилъ отъ Государя грамоту съ золотою печатью на титулъ владѣтеля Абхазіи и свѣтлости. Въ сущности эта грамота была мертвою буквой: Сафаръ-бей не наслѣдовалъ ума и характера своего отца. Онъ былъ измѣннически умерщвленъ своимъ братомъ, оставивъ сына Михаила (онъ же и Хамидъ-бей) ребенкомъ.

Вообще въ фамиліи Шервашидзе отцеубійства, братоубійства, ядомъ и кинжаломъ, составляютъ событія обыкновенныя. Послѣдній владѣтель изъ этой фамиліи Абхазскихъ Борджіа, Михаилъ, отравилъ своего брата Дмитрія, владѣльца однаго изъ трехъ округовъ Абхазіи; это былъ одинъ изъ послѣднихъ его подвиговъ.

По обычаю горцевъ, Михаилъ воспитывался у ашалыха, Убыхскаго дворянина Хаджи-Берзека Дагумоко. Я уже имѣлъ случай говорить, что этотъ Берзекъ былъ человѣкъ храбрый, предпріимчивый, большаго ума и нашъ закоренѣлый врагъ. Изъ этой начальной школы Михаилъ перешелъ въ другую, едвали-ли не худшую, въ Тифлисѣ, гдѣ при главномъ штабѣ научился немного Русской грамотѣ. По смерти отца, онъ былъ посланъ въ Абхазію, которую засталъ въ большомъ волненіи. Противъ него была сильная партія, предводимая Кацомъ-Маргани, дворяниномъ, который, по уму, отчаянной храбрости и твердому характеру, имѣлъ огромное значеніе не только въ Абхазіи, но и у сосѣднихъ, немирныхъ горскихъ племенъ. Это было въ 1832 году. Князь Михаилъ, 15 лѣтній мальчикъ, былъ осажденъ въ своей резиденціи Соуксу, въ четырехъ верстахъ отъ берега моря. Наши военныя силы въ Абхазіи были тогда ничтожны и при возстаніи всего края не могли имѣть сухопутнаго сообщенія съ Грузіей. Въ Соуксу находились двѣ роты егерскаго полка, подъ начальствомъ капитана Морогевскаго. Этотъ храбрый офицеръ не упалъ духомъ, а устроилъ вокругъ владѣтельскаго дома укрѣпленіе, стащилъ туда провіантъ и нѣсколько мѣсяцевъ держался тамъ противъ огромнаго скопища Абхазцевъ, къ которымъ на помощь пришли ихъ сосѣди Джигеты и Убыхи. Въ 1824 году былъ посланъ въ Абхазію значительный отрядъ, подъ начальствомъ г.-м. князя Горчакова (Петра Дмитріевича, впослѣдствіи генералъ-губернатора Западной Сибири). Манъ-Кацъ встрѣтилъ его между Сухумомъ и Соуксу. На этомъ пространствѣ мѣстность волнистая, прорѣзанная множествомъ рѣчекъ и поросшая лѣсомъ. Князь Горчаковъ, при безпрерывной перестрѣлкѣ, достигъ Соуксу, потерявъ 800 человѣкъ раненыхъ и убитыхъ. Порядокъ въ Абхазіи былъ, хотя по наружности, возстановленъ, и владѣтель введенъ снова въ свои права, кажется, при сильномъ содѣйствіи тогоже Кацо-Маргани, который съ тѣхъ поръ сдѣлался покровителемъ и опекуномъ молодаго князя и вѣрнымъ слугой нашего правительства. Въ 1839 г. я уже нашелъ его полковникомъ. Послѣ экспедиціи князя Горчакова въ 1824 году, въ Абхазіи былъ оставленъ егерскій полкъ (кажется 40-й), котораго командиру полковнику Пацовскому предо*ставлено было* занимать край, устроивать и управлять имъ по его *усмотрѣнію*. Выборъ начальника былъ очень удаченъ. Пацовскій бы

человѣкъ умный и опытный; онъ построилъ укрѣпленія Бамборы и Поцунду, Дранды, Илори и Гагры. Въ первомъ, въ трехъ верстахъ отъ Соуксу, Пацовскій расположилъ цѣлый баталіонъ съ 4-мя полевыми орудіями и устроилъ свое управленіе. Другой баталіонъ занялъ Сухумъ, третій остальныя четыре укрѣпленія. Изъ послѣднихъ самое важное было Гагры, въ 5 верстахъ къ С.-З. отъ устья Бзыба.

Здѣсь горы, составляющія правый берегъ долины Бзыба, упираются въ самое море значительными, крутыми высотами, покрытыми лѣсомъ. Укрѣпленіе построено при устьи небольшой, горной рѣчки Жоадзехъ, вокругъ хорошо сохранившихся развалинъ древняго христіанскаго храма, обращеннаго въ пороховой погребъ. Это укрѣпленіе, построенное между подошвою горы и морскимъ прибоемъ, замыкало единственный, удобный проходъ, которымъ пользовались горцы для вторженія въ Абхазію; обойти его можно было только по снѣговому хребту. Хаджи-Берзекъ однажды предпринялъ, съ партіею Убыховъ, вторженіе по этому дальнему и опасному направленію, но потерялъ нѣсколько сотъ человѣкъ отъ снѣжной мятели, застигшей его на вершинѣ хребта.

Укрѣпленія въ Абхазіи имѣли между собою и съ Мингреліею сухопутное сообщеніе, удобное для верховыхъ и очень трудное для колесныхъ экипажей. Между Пицундой и Гаграми, въ 1839 году, не было сухопутнаго сообщенія. Оно было оставлено, когда десятка два солдатъ, переправляясь на плоту чрезъ Бзыбъ, потонули. Замѣчательно, что изъ всѣхъ бывшихъ на плоту, спасся одинъ Кацо-Маргани, совсѣмъ не умѣющій плавать и имѣвшій врожденное отвращеніе отъ воды.

Между Гаграми и землею Убыховъ живутъ Джигеты, небольшой народъ Абхазскаго племени, находящійся подъ властью трехъ княжескихъ фамилій: Аридъ, Чечь и Цанъ. Главное населеніе жило по б. рѣки Мдзымты и ея притоковъ. Въ верхней части этой долины и до снѣговаго хребта было горное общество Ахчипсоу въ мѣстахъ трудно-доступныхъ. Это былъ такой-же притонъ безпокойныхъ людей, какъ Псху. Джигеты были подъ сильнымъ вліяніемъ Убыховъ и волею-неволею должны были участвовать во всѣхъ предпріятіяхъ, пока не было построено въ 1837 г. при устьи р. Мдзымты укрѣпленіе Св. Духа съ гарнизономъ одного баталіона.

Абхазское племя мало разнилось отъ Адехе въ нравахъ, обычаяхъ, одеждѣ и вооруженіи. Можно только сказать, что Абхазцы вѣроломнѣе и бѣднѣе своихъ сосѣдей. Послѣднее вѣроятно происходило отъ ихъ особенной склонности къ воровству; немудрено, что владѣтели и многочисленная аристократія имѣли вредное вліяніе на народное

благосостояніе. Мы считали Абхазію покорною, но это было не совсѣмъ вѣрно. Правда, что въ этомъ краѣ не составлялось партій, противъ которыхъ войска должны бы были дѣйствовать оружіемъ, но разбои и убійство были очень часты: одиночныхъ солдатъ измѣннически убивали и брали въ виду укрѣпленія и особливо близъ Сухума. Тамъ была главная стоянка крейсирующей эскадры. Матросовъ трудно было вразумить, что въ этомъ краѣ нельзя бродить по одиночкѣ и особливо въ лѣсныхъ мѣстахъ. Всѣ такіе случаи, называвшіеся шалостями, оставались безнаказанными; виновныхъ не находили и все сваливали на Убыховъ и на горныхъ жителей Псху и Ахчипсоу.

Берегъ Чернаго моря отъ Анапы до границъ Азіятской Турціи вообще не пользуется хорошимъ климатомъ. Особливо къ Югу отъ Шапсухо, природа принимаетъ характеръ жаркихъ странъ: въ Абхазіи, Мингреліи, Гуріи, дикій виноградъ переплетаетъ лѣса вѣтвями огромной толщины, которыя перебрасываются съ одного дерева на другое на большія разстоянія. Во многихъ мѣстахъ нельзя проходить чрезъ лѣса безъ дорогъ иначе, какъ прорубая топоромъ чащу, переплетенную ползучими растеніями. Липы и орѣшникъ достигаютъ гигантскихъ размѣровъ, такъ что подъ однимъ деревомъ рота могла находить тѣнь и ночлегъ. Въ Абхазіи дико растутъ фиговыя, въ Мингреліи и Гуріи гранатовыя деревья, цѣлыя рощи рододендроновъ, азалій и лавровыхъ деревьевъ безпрестанно встрѣчаются. Рододендроны достигаютъ въ Мингреліи и Гуріи необычайной толщины; апельсины и лимоны въ нѣкоторыхъ укрытыхъ мѣстахъ зимуютъ въ грунтѣ и приносятъ плоды. Были дѣлаемы попытки разводить индиго въ Гуріи. Среди этой роскошной природы царствуетъ знаменитая Абхазская лихорадка, которая уносила во сто разъ болѣе жертвъ, чѣмъ всѣ военныя дѣйствія и другія болѣзни. Природные жители этого края отъ нея столько же страдали бы, какъ и наши войска, если бы они не удаляли жилищъ своихъ отъ берега моря въ болѣе возвышенныя мѣста, освѣжаемыя горными вѣтрами. Въ сороковыхъ годахъ мы считали въ 16% потребность ежегоднаго укомплектованія Сухумскаго гарнизона. Это было одно изъ самыхъ нездоровыхъ мѣстъ на восточномъ берегу Чернаго моря.

Въ 1839 г. командующимъ войсками въ Абхазіи былъ подполковникъ Козловскій, который въ послѣдствіи игралъ важную роль на Кавказѣ. Тогда положеніе его было довольно скромно. Онъ былъ подчиненъ генералу Эспехо и имѣлъ пребываніе въ укр. Бомборахъ, въ 3-хъ верстахъ отъ Соуксу. Подъ его начальствомъ были линейные баталіоны, содержащіе постоянный гарнизонъ Абхазскихъ укрѣпленій.

Вотъ почти все, что я могу сказать о положеніи, въ которомъ мы нашли Абхазію въ 1839 году.

Первое мѣсто, которое мы посѣтили въ Абхазіи—Гагры. Встрѣча была нерадушная. Г. Раевскій, въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ, съ двумя линейными казаками назади, вышелъ на берегъ; мы за нимъ. Вдругъ, со всѣхъ сторонъ, бросилось множество собакъ и еслибы не прибѣжавшіе солдаты, онѣ бы разорвали казаковъ. Оказалось, что гарнизонъ держитъ и кормитъ эту стаю псовъ крупной породы для лучшаго охраненія укрѣпленія отъ ночнаго нападенія горцевъ. Эти доблестные стражи приняли казаковъ за горцевъ. Такая оригинальная охрана была необходима для укрѣпленія, построеннаго у самой подошвы горы и близъ тѣснаго ущелья. Гарнизонъ состоялъ изъ одной роты, которая ни днемъ, ни ночью не имѣла покоя. Горцы стрѣляли и бросали камни съ горы; внутри укрѣпленія не было мѣста, которое бы укрыто было отъ этихъ выстрѣловъ. Днемъ люди могли отходить только на сотню саженъ къ сторонѣ Абхазіи. Продовольствіе войскъ было скудно въ сравненіи съ нашими приморскими укрѣпленіями, получавшими его по усиленному морскому положенію. Очень часто нижніе чины не имѣли свѣжаго мяса. Стѣсненіе, скука, лишенія и тревога при вредномъ климатѣ опустошали гарнизонъ Абхазскою лихорадкою и цингою. Гагры были ссылочнымъ мѣстомъ. Бестужевъ (Марлинскій) былъ произведенъ въ прапорщики съ назначеніемъ именно въ Гагры. Въ Пицундѣ мы любовались древнимъ христіанскимъ храмомъ, котораго живописныя развалины, впрочемъ, хорошо сохранившіяся, обросли плющемъ, а на сводахъ росли гранатовыя и фиговыя деревья. Внутри храма сохранились нѣкоторыя фрески, и многія детали, свидѣтельствовавшія о глубокой древности.

Въ Бомборахъ мы не застали подполковника Козловскаго. Онъ поѣхалъ встрѣчать своего начальника, генерала Эспехо. Это не помѣшало намъ расположиться въ его домѣ. Это было нашествіе иноплеменныхъ. Г. Раевскаго всегда сопровождала толпа молодежи, которую ему присылали изъ Петербурга для участвованія въ экспедиціи. Раевскій любилъ съ ними болтать и шутить; но нужно сказать, что онъ умѣлъ при этомъ быть строгимъ и что въ его обществѣ никто изъ молодыхъ людей не могъ забыть своихъ служебныхъ отношеній. На этотъ разъ князь Меншиковъ прислалъ трехъ своихъ адъютантовъ: Краббе, Рындина и Баумгартена. Особенно Краббе забавлялъ общество разными фарсами болѣе или менѣе остроумными. Ночевали мы, кромѣ г. Раевскаго, всѣ въ большомъ залѣ на сѣнѣ, посланномъ на полу. Далеко за полночь веселая компанія не давала мнѣ спать. Краббе, ставъ посреди комнаты на голову и поднявъ ноги, дѣлалъ ими

разныя телеграфическія фигуры, какъ-бы передавая депешу: «Генералъ Эспехо пріѣхалъ въ Кутаисъ, съѣлъ кусочекъ рыбки и заболѣлъ лихорадкой». Бѣдный Эспехо дѣйствительно былъ изнуренъ этой болѣзнью и если утромъ не принималъ хинной соли, могъ быть увѣренъ, что къ вечеру у него будетъ пароксизмъ. Ночью онъ прибылъ въ Бомборы вмѣстѣ съ Козловскимъ и кое-какъ переночевалъ въ одной маленькой комнатѣ, а хозяину досталась еще худшая доля.

Утромъ мы отправились верхомъ въ Соуксу сдѣлать визитъ владѣтелю. Генералъ-маіоръ князь Михаилъ Шервашидзе (онъ же и Хамидъ-бей), довольно красивый мужчина, лѣтъ около тридцати, высокаго роста, но съ фальшивымъ выраженіемъ глазъ. Онъ хорошо говоритъ порусски и встрѣтилъ насъ въ генеральскомъ сюртукѣ. Его новый домъ, въ Европейскомъ вкусѣ, еще не былъ готовъ, и онъ посадилъ насъ и угостилъ кофе на крытой террасѣ стараго деревяннаго дома, спрятавшагося въ густой, роскошной зелени. Видъ отсюда прекрасный, растительность великолѣпная, и только яркія лохмотья въ толпѣ народа, сбѣжавшагося поглазѣть на гостей, портили картину. Между зрителями были и совсѣмъ нагіе, прикрытые дырявой буркою. Женщины съ закутанными лицами стояли группами гораздо далѣе мужчинъ. Генералъ Раевскій много распрашивалъ владѣтеля, показывалъ ему большое участіе и совершенно его очаровалъ.

Вечеромъ мы возвратились на пароходъ, а рано утромъ бросили якорь въ Сухумской бухтѣ, саженяхъ въ 15 отъ берега и крѣпости. Сухумская бухта открыта отъ S. O. до W., но сильные морскіе вѣтры сюда рѣдко доходятъ, а разражаются дождями. На восточномъ берегу эта бухта считается лучшею, хотя имѣетъ одно большое неудобство: морское дно слишкомъ быстро углубляется, начиная отъ самаго берега, такъ что при скорой перемѣнѣ вѣтра судно можетъ быть выкинуто на берегъ оставаясь на якорѣ.

Сухумъ имѣлъ очень печальный видъ. Высокія, каменныя стѣны, подмываемыя морскимъ прибоемъ, были очень повреждены со стороны моря, внутреннее пространство занято деревянными помѣщеніями гарнизона и службами. Все это было вѣтхо, гнило, грязно. Жители имѣли видъ болѣзненный, изнуренный, апатичный. Форштатъ состоялъ изъ нѣсколькихъ духановъ, гдѣ Армянскіе торгаши продавали водку, чихирь, табакъ и другіе подобные товары, необходимые для солдатъ. Тутъ-же можно было купить Турецкій ситецъ Англійскаго издѣлія, не смотря на то, что тутъ-же были и карантинъ и таможенная застава. Но главные притоны контрабанды были въ Келасурахъ, въ 6 верстахъ къ Югу отъ Сухума и въ Оченчирахъ, еще южнѣе. Въ первомъ эта торговля процвѣтала подъ покровительствомъ владѣльца Абхазскаго

округа князя Дмитрія, а второй принадлежалъ въ собственность самому владѣтелю Абхазіи. Эта торговля приносила имъ значительный доходъ и служила яблокомъ раздора между ними. Торговцы прежде платили подать и владѣтелю, и князю Димитрію; мало по малу послѣднему, при содѣйствіи Тифлисскаго начальства, удалось устранить владѣтеля въ Келасурахъ. Князь Дмитрій былъ жадный и вѣроломный человѣкъ. Подъ рукой онъ много дѣлалъ вреда владѣтелю. Скрытная вражда между ними все болѣе разгоралась и кончилась тѣмъ, что князь Михаилъ отравилъ своего двоюроднаго брата въ концѣ пятидесятыхъ годовъ.

Между Сухумомъ и Келасурами дорога идетъ по лавровой рощѣ. Въ 1836 г. графъ Воронцовъ приходилъ въ Сухумъ на корветѣ Ифигеніи и пароходѣ Колхидѣ. Узнавъ, что въ окрестностяхъ есть лавровыя деревья, онъ попросилъ коменданта приказать наломать ему нѣсколько вѣтокъ и отправить на пароходъ. Возвратясь туда изъ крѣпости часа черезъ два, графъ Воронцовъ и его компанія были удивлены, найдя на палубѣ цѣлый возъ лавровыхъ вѣтвей съ листьями. Въ Сухумѣ солдаты употребляютъ эти вѣтви на вѣники и порадѣли графу, думая, что и онъ хочетъ сдѣлать изъ нихъ тоже употребленіе.

Возвращаясь въ отрядъ, генералъ Раевскій принялся за описаніе своего путешествія по всему восточному берегу отъ Анапы до Мингреліи. Это описаніе имѣло видъ разсказа. Такая форма давала возможность, при всякомъ удобномъ случаѣ, касаться разныхъ предметовъ, не стѣсняясь однообразнымъ содержаніемъ. Такое обозрѣніе г. Раевскій предположилъ дѣлать послѣ каждаго посѣщенія своего края. Онъ самъ диктовалъ ихъ Антоновичу или Пушкину, и послѣ многихъ переправокъ обыкновенно выходила очень интересная и разнообразная статья, написанная эффектно и бойкимъ слогомъ. Послѣ мы узнали, что Государь читалъ эти обозрѣнія съ особеннымъ удовольствіемъ, часто показывалъ Императрицѣ, смѣялся надъ нѣкоторыми искусно вставленными остротами и сарказмами и всегда немедленно разрѣшалъ все, чего испрашивалъ Раевскій. Фельдъ-егерь скакалъ уже въ Керчь съ этими высочайшими разрѣшеніями, когда въ Тифлисѣ только что были получаемы наши донесенія, и тамъ еще не собирались дѣлать своихъ обычныхъ возраженій.

На этотъ разъ обозрѣніе было особенно интересно и заключало въ себѣ разсказъ о весьма удачномъ дѣйствіи нашихъ Азовскихъ казаковъ противъ Убыхскихъ вооруженныхъ галеръ. Прежде нежели разсказать это происшествіе, я долженъ сказать о самихъ Азовскихъ казакахъ и объ ихъ службѣ на Береговой Линіи.

Извѣстно, что Азовское войско составилось изъ Запорожцевъ, перешедшихъ къ намъ изъ Турціи въ 1829 г. и изъ переселившихся къ казакамъ Малороссіянъ. Извѣстно также, что Государь Николай Павловичъ въ Сатуновѣ переѣхалъ чрезъ Дунай на лодкѣ, гдѣ гребцами были только вышедшіе къ намъ Запорожцы. Рулевымъ былъ Осипъ Гладкій. Онъ же и былъ сдѣланъ наказнымъ атаманомъ этого новаго войска, получившаго земли около Бердянска. Гладкій былъ безграмотенъ, но смышленный и хитрый хохолъ; старые его казаки Запорожцы промышляли въ Турціи грабежемъ и разбоемъ на сухомъ пути и на морѣ. Они были смѣлые и искусные моряки. Назначеніемъ ихъ командъ на Береговую Линію мы обязаны адмиралу Лазареву. Онъ очень хорошо понялъ, что разрозненныя, не имѣющія сухопутнаго сообщенія укрѣпленія не могутъ достигнуть цѣли, т. е. занятія восточнаго берега Чернаго моря для прекращенія сообщеній горцевъ съ Турціей. Съ другой стороны, Лазаревъ зналъ, что крейсирующая эскадра, состоящая изъ семи парусныхъ судовъ, совершенно не можетъ прекратить прихода контрабандныхъ судовъ къ этому враждебному намъ краю, не имѣющему удобныхъ портовъ отъ устья Кубани до Батума. Турецкія кочермы, почти плоскодонныя суда, но ходящія быстро съ попутнымъ вѣтромъ, выжидаютъ въ морѣ прохода нашего крейсера и тотчасъ пускаются прямо на берегъ, гдѣ ихъ ожидаютъ защита и гостепріимство горцевъ. Такія суда издревле плавали вдоль этого берега и были описаны еще Страбономъ подъ именемъ камары. Турки очень ловко ими управляютъ. Крейсеръ нашъ можетъ овладѣть такимъ судномъ только въ особенно-благопріятныхъ обстоятельствахъ, которыя могутъ весьма рѣдко встрѣчаться, тѣмъ болѣе что, по международному праву, крейсеръ могъ брать контрабандныя суда только ближе трехъ миль отъ берега, объявленнаго въ блокадѣ. Нерѣдко случалось, что крейсеръ бывалъ принужденъ прекратить преслѣдованіе кочермы, потому что состояніе моря не позволяло ему безъ большаго риска приближаться къ берегу, и онъ довольствовался только нѣсколькими безвредными пушечными выстрѣлами. Лазаревъ предложилъ завести въ каждомъ береговомъ укрѣпленіи по одному и по два Мальтійскихъ баркаса, вооруженныхъ на носу фальконетомъ или каронадою. Эти суда хорошо держатся въ морѣ и безопасно могутъ переходить 25 и до 30 миль, между укрѣпленіями. Баркасы требуютъ отъ 8 до 12 паръ гребцовъ и могутъ, сверхъ того, поднимать до 40 человѣкъ десанта. Такіе баркасы могли предпринимать внезапныя высадки на непріятельскій берегъ и тамъ уничтожать Турецкія суда. *Такимъ образомъ* представился прекрасный случай извлечь большую *пользу изъ* морской опытности и предпріимчивости Азовскихъ и

ковъ, которые составили экипажъ этихъ баркасовъ, смѣняясь каждые четыре года. Начальство надъ этими командами поручено есаулу Дьяченкѣ, а на каждомъ баркасѣ начальникомъ былъ одинъ изъ старыхъ Запорожцевъ. Надобно отдать справедливость г. Раевскому и его преемникамъ: они умѣли подстрекнуть и развить отважную предпріимчивость казаковъ, щедро награждая отличившихся и отдавая имъ безотчетно всю взятую добычу. Это была самая дѣйствительная мѣра къ прекращенію контрабанды, вредной въ политическомъ отношеніи еще болѣе, чѣмъ въ финансовомъ.

На одномъ изъ такихъ баркасовъ въ укр. на р. Соге (Навагинскомъ) былъ зауряда хорунжій Бараховичъ. Ему было лѣтъ за 30, онъ былъ бѣлокуръ, черты лица его были безъ особеннаго выраженія. Онъ былъ грамотенъ на столько, что могъ писать и реляціи о своихъ подвигахъ, и ябеды. Онъ былъ однимъ изъ гребцовъ на Государевомъ баркасѣ, и, какъ послѣ оказалось, живя еще на Дунаѣ, занимался, между прочимъ, морскимъ разбоемъ. Бараховичъ былъ храбръ и предпріимчивъ, особенно подъ вліяніемъ винныхъ паровъ. Это былъ хитрый хохолъ, умѣвшій лгать безъ зазрѣнія совѣсти, а подъ-часъ разыграть роль простяка и шута. Я сказалъ нѣсколько словъ о личномъ характерѣ этого человѣка, потому что, начавъ свою карьеру казакомъ изъ бѣглыхъ Запорожцевъ, онъ въ нѣсколько лѣтъ дошелъ до чина полковника, имѣлъ много орденовъ (портретъ его и по сіе время въ Эрмитажѣ) и, наконецъ, умеръ въ своемъ войскѣ подъ судомъ за ябеды и фальшивые доносы.

Однажды, отправясь на своемъ баркасѣ изъ укр. Навагинскаго въ укр. Св. Духа провожать проходившій оттуда другой баркасъ, Бараховичъ увидѣлъ противъ устья рѣки Вардане Черкесскую галеру, отдалившуюся отъ берега и шедшую, какъ казалось, на разбой въ Абхазію. Бараховичъ успѣлъ стать между берегомъ и галерою и рѣшился ее атаковать. На галерѣ было человѣкъ 40 горцевъ; у Бараховича на двухъ баркасахъ было 32 казака, но на носу каждаго баркаса было по одному 3-хъ ф. фальконету. Во время перестрѣлки, казаки замѣтили другую галеру, шедшую отъ берега на помощь атакованной. Бараховичъ рѣшился идти на абордажъ. Вѣроятно, послѣдніе пушечные выстрѣлы были удачны на близкомъ разстояніи: у горцевъ было нѣсколько убитыхъ и раненыхъ, которые стѣсняли дѣйствія другихъ. Галера была взята и потоплена, 21 горецъ взяты въ плѣнъ. Это сдѣлано такъ быстро, что другая галера не успѣла еще подойти и, видя гибель своихъ товарищей, вернулась къ берегу. Казаки ее преслѣдовали пушечными выстрѣлами, но не догнали. Это было послѣднее появленіе Черкесскихъ галеръ въ морѣ. Онѣ были во всѣхъ

устьяхъ главныхъ рѣчекъ и сгнили безъ употребленія. Мы нашли плѣнныхъ уже въ нашемъ лагерѣ. Это были Убыхи; изъ нихъ двое были люди извѣстные и достаточные, одинъ былъ легко раненъ. Раевскій оставилъ ихъ у себя, обласкалъ и когда раненый выздоровѣлъ, далъ имъ подарки и отпустилъ въ дома. Остальные 19 плѣнныхъ Убыховъ были вымѣнены на нашихъ плѣнныхъ. Государь щедро наградилъ казаковъ, участвовавшихъ въ бою. Бараховичъ былъ произведенъ въ сотники и получилъ орденъ, если не ошибаюсь, Владимира 4 ст. съ бантомъ. Георгіевская дума не признала его заслужившимъ орд. св. Георгія 4 класса, потому что на непріятельской галерѣ не было артиллеріи. На этотъ разъ строгость думы была очень кстати, но во многихъ другихъ подобныхъ случаяхъ на Кавказѣ она лишила этой лестной награды многихъ, вполнѣ ее заслужившихъ. Казакамъ пожаловано нѣсколько Георгіевскихъ крестовъ и денегъ.

Въ томъ-же обозрѣніи, гдѣ была помѣщена реляція о подвигахъ казаковъ, было интересное описаніе Абхазіи и предложеніе образовать изъ этого края 3-е отдѣленіе Черноморской Береговой Линіи, для приданія бо̀льшаго единства всѣмъ дѣйствіямъ и предпріятіямъ правительства. Отвѣтъ не замедлилъ. Фельдъегерь привезъ высочайшее повелѣніе объ этомъ въ Тифлисъ, гдѣ готовилось сильное возраженіе; проѣзжая чрезъ Керчь, фельдъегерь привезъ Раевскому отъ военнаго министра копію этого высочайшаго повелѣнія.

Это было второе завоеваніе, сдѣланное Раевскимъ у своихъ сосѣдей. Управленіе его быстро расширялось и усложнялось. Въ его вѣдѣніе перешла крейсирующая эскадра, по дѣламъ которой онъ былъ подчиненъ адмиралу Лазареву. Раевскому же были подчинены карантины и таможни въ его краѣ, и въ этомъ отношеніи онъ поступилъ въ непосредственное подчиненіе министру внутреннихъ дѣлъ и финансовъ.

Въ числѣ товаровъ, которые горцы получали изъ Турціи, въ видѣ контрабанды, была соль, которой въ горахъ не было, и выварка ея изъ морской воды стоила слишкомъ дорого. Раевскій предложилъ завести мѣновые дворы въ береговыхъ укрѣпленіяхъ, чтобы снабжать горцевъ этимъ предметомъ первой потребности и въ которомъ по мѣрѣ стѣсненія контрабанды горцы очень нуждались. Это представленіе было немедленно разрѣшено, и приказано отпускать соль изъ Крымскихъ озеръ по казенной цѣнѣ и перевозить на казенныхъ судахъ. По этой операціи Раевскій поставленъ въ прямую зависимость отъ министра финансовъ. Наконецъ, снабженіе укрѣпленій продовольствіемъ, артиллеріею и коммисаріатскими предметами перешло для большаго удобства въ Симферопольскую провіантскую коммиссію,

ный артиллерійскій округъ и Кременчугскую коммисаріатскую коммисію. У насъ, въ началѣ, былъ одинъ пароходъ; въ 1839 же году куплено еще въ Англіи три парохода и пять военныхъ транспортовъ. Такъ образовалась вмѣстѣ съ 20 Азовскими баркасами значительная флотилія, получавшая снабженіе и команды изъ Севастополя, отъ Черноморскаго флота. Заготовленіе въ Таганрогѣ и доставка на Береговую Линію каменнаго угля для пароходовъ, заготовленіе строительныхъ матеріаловъ, постройка зданій для гарнизоновъ и ихъ перевозка въ укрѣпленія производились подъ распоряженіемъ начальника Береговой Линіи. Вмѣсто 3-хъ баркасовъ, бывшихъ въ началѣ 1838 г., въ распоряженіи начальника Береговой Линіи явилось ихъ 16, изъ которыхъ 4 подвижнаго резерва для военныхъ предпріятій въ краѣ и для подкрѣпленія гарнизоновъ. Всѣмъ этимъ войскамъ Раевскій исходатайствовалъ обильное продовольствіе, какое получаютъ моряки на судахъ. Это была безпримѣрная милость. Довольствіе войскъ до нынѣшняго царствованія было крайне-скудное, хотя на Кавказѣ оно значительно улучшено для нѣкоторыхъ войскъ въ соразмѣрности ихъ трудовъ и лишеній. Войскамъ исходатайствовано усиленное жалованье, и сверхъ того высочайше разрѣшено привозить безпошлинно изъ Одесскаго порто-франко товары, для офицеровъ необходимые.

Всѣ эти разрѣшенія, быстро слѣдовавшія одно за другимъ, были, такъ сказать, взяты съ бою. Въ Ставрополѣ и особенно въ Тифлисѣ дѣлали всевозможное, чтобы уронить представленія Раевскаго, иногда, дѣйствительно не совсѣмъ умѣренныя. Это порождало непріятную переписку, въ которой Раевскій давалъ полную волю своему остроумію и сарказмамъ. Всякому другому это бы не сошло съ рукъ при Государѣ щекотливомъ во всѣхъ отношеніяхъ подчиненнаго къ начальнику; но Раевскій былъ тутъ какимъ-то страннымъ исключеніемъ. Государь смѣялся его выходкамъ и разрѣшалъ всѣ его представленія, «для выигрыша времени», какъ обыкновенно писалось въ предписаніяхъ военнаго министра. Иногда онъ помѣщалъ такія остроты и безъ надобности, а просто по привычкѣ. Такъ напримѣръ, однажды я ему принесъ прочитать проектъ донесенія по провіантскому вопросу. Бумага была листахъ на двухъ и наполнена цифрами, которыя я постарался сгруппировать такъ, чтобы результатъ выдавался рельефнѣе. Къ удивленію моему Раевскій приказалъ оставить проектъ у себя, говоря, что хочетъ нѣчто прибавить. Дѣйствительно, на другой день я получилъ проектъ обратно, и вся прибавка состояла въ томъ, что въ концѣ моей аргументаціи вставлена была слѣдующая фраза: «Есть истины, которыя затмишь, стараясь доказывать; такъ, напримѣръ, я увѣренъ, что дважды два четыре, но доказать это не возьмусь».

Этимъ однакоже не кончилось. Когда бумага была подписана, вошелъ въ кабинетъ Раевскаго Сикстель, управляющій Симферопольскою провіантскою коммисіею, и доложилъ, что въ укр. Св. Духа почти нѣтъ провіанта. Это произошло отъ того, что требованія годичнаго снабженія береговыхъ укрѣпленій продовольствіемъ дѣлались и нами, и г. Граббе, и г. Головинымъ. При этомъ вышли недоразумѣнія, которыя могли погубить гарнизонъ укр. Св. Духа. Раевскій прибавилъ къ донесенію постъ-скриптумъ. Изложивъ крайнія мѣры, къ которымъ долженъ былъ прибѣгнуть для отвращенія бѣдствія, онъ прибавилъ: «Симферопольская провіантская коммисія должна быть очень озадачена, получая съ трехъ сторонъ разнорѣчивыя распоряженія. Для избѣжанія на будущее время подобныхъ недоразумѣній, могущихъ имѣть гибельныя послѣдствія, я вмѣстѣ съ симъ предписалъ Симферопольск. провіант. коммисіи не исполнять впредь ничьихъ предписаній, кромѣ моихъ, о чемъ в-му с-ву донести честь имѣю.» Это донесеніе, какъ и всѣ другія, отправлено въ Петербургъ съ эстафетой, а чрезъ нѣсколько дней военный министръ съ фельдъегеремъ строжайше подтвердилъ о томъ провіантской коммисіи.

Такихъ случаевъ было множество. Раевскій дѣйствовалъ самостоятельно и не справляясь, имѣетъ ли на то право. Управленіе быстро разросталось. По отношенію къ войскамъ 1-го и 2-го отдѣленій Береговой Линіи онъ былъ подчиненъ командующему войсками Кавказской линіи, по войскамъ 3 отдѣленія непосредственно корпусному командиру; но не слушался ни того, ни другаго, выставляя военныя обстоятельства и исключительное положеніе его края. Къ тому же, всѣ снабженія онъ получалъ извнѣ района Кавказскаго корпуса и умѣлъ часто противупоставлять требованіямъ своего прямаго начальства распоряженія другихъ, постороннихъ лицъ и вѣдомствъ, которымъ онъ, по нѣкоторымъ предметамъ, былъ подчиненъ. Однажды, когда онъ приказывалъ мнѣ написать представленіе о назначеніи въ каждое береговое укрѣпленіе по одному іеромонаху изъ Балаклавскаго монастыря Св. Георгія, я шутя спросилъ, не прикажетъ ли просить, чтобы въ духовномъ отношеніи начальникъ Береговой Линіи подчинялся митрополиту Агаѳангелу, священно-архимандриту Балаклавскаго монастыря? «Не худо бы, но онъ слишкомъ старъ и безтолковъ: отъ него проку никакого не будетъ».—Но, куда это набираете себѣ такую пропасть начальниковъ?—«Любезный другъ, вы темный человѣкъ. Развѣ вы не понимаете, что чѣмъ у меня больше будетъ начальниковъ, тѣмъ менѣе я буду зависимъ. Я ихъ перессорю и буду дѣлать, что́ хочу».

Возвратясь къ отряду на р. Шахе, мы узнали, что безъ насъ *горцы вытащили* на ближайшую лѣсную гору за рѣкою Шахе и

орудія, за гребнемъ образовали натуральный брустверъ съ отверстіями только для дулъ орудій и начали стрѣлять ядрами въ отрядъ, расположенный въ долинѣ. Цѣль была для нихъ такъ велика, что, при всемъ ихъ неумѣніи, нужно приписать особенно счастливому случаю, что, изъ сотни выстрѣловъ, однимъ ядромъ у насъ убило только артиллерійскую лошадь. Несмотря на то, необходимо было положить конецъ этой канонадѣ, державшей отрядъ въ тревогѣ. Артиллерія наша не жалѣла выстрѣловъ, но не могла сбить непріятельскихъ орудій, потому что для этого нужно было попасть въ одну точку и притомъ навѣсными выстрѣлами. Но еще болѣе тревожилъ непріятель наше лѣвое прикрытіе съ лѣсистаго гребня, отдѣляющаго долину Субаше отъ долины Шахе. Тамъ собирались горцы скрытно и въ большихъ силахъ и, неотдѣленные отъ насъ никакимъ естественнымъ препятствіемъ, безнаказано дѣлали ночныя нападенія или неожиданно атаковали высланныя на фуражировку команды. Раевскій рѣшился занять послѣдовательно одну гору за другою и вырубить покрывающій ихъ лѣсъ на сторонѣ, обращенной къ отряду. Можно было при этомъ ожидать тѣмъ болѣе сильнаго сопротивленія, что непріятель былъ въ сборѣ и что наша артиллерія при этомъ не могла принять участія.

Написавъ начерно диспозицію, я пошелъ навѣстить князя Одоевскаго, который былъ прикомандированъ къ 4-му баталіону Тенгинскаго полка. Я нашелъ его въ горѣ: онъ только что получилъ извѣстіе о смерти своего отца, котораго горячо любилъ. Онъ говорилъ, что порвалась послѣдняя связь его съ жизнью; а когда узналъ о готовящейся серьезной экспедиціи, обрадовался и сказалъ рѣшительно, что живой отсюда не воротится, что это перстъ Божій, указывающій ему развязку съ постылой жизнью. Онъ былъ въ такомъ положеніи, что утѣшать его или спорить съ нимъ было бы безразсудно. Поэтому, пришедъ къ себѣ, я тотчасъ измѣнилъ диспозицію: 4-й баталіонъ Тенгинскаго полка оставилъ въ лагерѣ, а въ словесномъ приказаніи поставилъ частнымъ начальникамъ въ обязанность, подъ строгою отвѣтственностью, не допускать прикомандированія офицеровъ и нижнихъ чиновъ изъ одной части въ другую для участвованія въ предстоящемъ движеніи. Но и это не помогло. Вечеромъ я узналъ, что князь Одоевскій упросилъ своего полковаго командира перевести его заднимъ числомъ въ 3-й баталіонъ, назначенный въ дѣло. Я рѣшился на послѣднее средство: пошелъ къ Н. Н. Раевскому и просилъ его призвать къ себѣ князя Одоевскаго и лично строго запретить ему на другой день участвовать въ дѣйствіи. Я разсказалъ ему причину моей просьбы и, казалось, встрѣтилъ съ его стороны участіе. Призванный князь Одоевскій вошелъ въ кибитку Раевскаго и, оставаясь у входа,

сказалъ на его холодное привѣтствіе солдатскую формулу: «здравія желаю вашему пр-ву». Раевскій сказалъ ему: «Вы желаете участвовать въ завтрашнемъ движеніи; я вамъ это дозволяю». Одоевскій вышелъ, а я не вѣрилъ ушамъ своимъ и не могъ понять, насмѣшка ли это надо мною или слѣдствіе ихъ прежнихъ отношеній? Наконецъ, такого тона на Кавказѣ не принималъ ни одинъ генералъ съ Декабристами. Оказалось, что все это произошло просто отъ разсѣянности Раевскаго, которому показалось, что я именно прошу его позволенія Одоевскому участвовать въ движеніе. Такъ по крайней мѣрѣ онъ меня увѣрялъ. Я побѣжалъ къ князю Одоевскому и объяснилъ ему ошибку. Вѣроятно, я говорилъ не хладнокровно. Это его тронуло; мы обнялись, и онъ далъ мнѣ слово беречь свою жизнь. Это глупое недоразумѣніе насъ еще болѣе сблизило, и я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю часы, проведенные въ бесѣдѣ съ этою свѣтлою, поэтическою и крайне-симпатическою личностію. Этихъ часовъ было немного. Чрезъ мѣсяцъ, когда мы были уже въ Псезуапе́, я долженъ былъ ѣхать съ Раевскимъ на пароходѣ по линіи и зашелъ къ Одоевскому проститься. Я нашелъ его на кровати, въ лихорадочномъ жару. Въ отрядѣ было множество больныхъ лихорадкою; жары стояли тропическіе. Одоевскій приписывалъ свою болѣзнь тому, что наканунѣ онъ начитался Шиллера въ подлинникѣ на сквозномъ вѣтру чрезъ поднятыя полы палатки. Когда, я возвратился изъ своей поѣздки, недѣли черезъ двѣ, Одоевскаго уже не было, и я нашелъ только его могилу съ большимъ деревяннымъ крестомъ, выкрашеннымъ красною масляною краскою. При послѣднихъ его минутахъ былъ нашъ добрый Сальстетъ, котораго покойный любилъ за его дѣтскую доброту и искренность. Не могу понять, какъ могъ Лермонтовъ въ своихъ воспоминаніяхъ написать, что онъ былъ при кончинѣ Одоевскаго: его не было не только въ отрядѣ на Псезуапе́, но даже и на всемъ восточномъ берегу Чернаго моря.

Но для Одоевскаго еще не все кончилось смертію. Черезъ часъ послѣ его кончины Сальстетъ увидѣлъ, что у него на лбу выступилъ потъ крупными каплями, а тѣло было совсѣмъ теплое. Всѣ бросились за лекарями; ихъ прибѣжало 6 или 7, но всѣ мѣры къ оживленію оказались безполезными: смерть не отдала своей жертвы. Много друзей проводило покойнаго въ его послѣднее жилище. Отрядъ ушелъ, кончивъ укрѣпленіе, а зимой послѣднее было взято горцами. Когда въ 1840 году мы снова заняли Псезуапѐ, я пошелъ навѣстить дорогую могилу. Она была разрыта горцами, и красный крестъ опрокинутъ въ могилу. И костямъ бѣднаго Одоевскаго не суждено было успокоиться въ этой второй странѣ изгнанія! Миръ душѣ этого страстнаго, пылкаго, увлекающагося, но добраго, честнаго и прямодушнаго

ловѣка, который занялъ бы видное мѣсто въ нашей литературѣ, еслибы Сибирь не разрушила его жизни въ самомъ ея началѣ.

Дѣло 29 Мая было жаркое. Наши войска заняли гору на разсвѣтѣ и тотчасъ начали рубить деревья на сторонѣ, обращенной къ лагерю, и дѣлать засѣку по гребню горы. Работа кипѣла, засѣка росла, а между тѣмъ горцы собирались и вели безпрерывную перестрѣлку. Нѣсколько разъ они бросались въ шашки и доходили до самой засѣки; нѣсколько разъ происходили частныя рукопашныя схватки чрезъ засѣку. Горцы дрались съ ожесточеніемъ и щеголяли своимъ удальствомъ. Очень многіе изъ нихъ были убиты, стараясь утащить тѣла своихъ прежде убитыхъ близъ засѣки товарищей. Наши солдатики конечно не жалѣли выстрѣловъ: нѣсколько разъ приходилось смѣнять роты, потому что ружья разгорѣлись и покрылись внутри стволовъ толстымъ слоемъ копоти. Горячее дѣло продолжалось съ разсвѣта до семи часовъ вечера. Ночью наши войска зажгли засѣку и отступили въ лагерь, вырубивъ весь лѣсъ, обращенный къ укрѣпленію. Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли человѣкъ 70 убитыми и ранеными, въ томъ числѣ троихъ офицеровъ. Непріятель вѣроятно дороже заплатилъ за свою отвагу и упорство. Объ этомъ можно догадываться по тому, что на другой день, 30 Мая, мы, безъ особеннаго сопротивленія, заняли и вырубили лѣсъ на другой горѣ за р. Шахѐ, откуда горцы стрѣляли изъ орудій. Сихъ послѣднихъ уже не было, и мы нашли только мѣстà ихъ, прочно блиндированныя и врытыя въ материкъ.

Въ первыхъ числахъ Іюня фортъ былъ готовъ, занятъ одною ротою гарнизона и названъ Головинскимъ. Это былъ правильный четырехъ-бастіонный фортъ въ 50 саженяхъ отъ моря, на берегу котораго были два деревянныхъ блокгауза, вооруженныхъ каждый однимъ орудіемъ.

5-го Іюня прибылъ флотъ, подъ начальствомъ начальника штаба вице-адмирала Хрущова, и тотчасъ же началась амбаркація отряда; а 7 мы были уже на рейдѣ противъ устья р. Псезуапѐ. Послѣ обычнаго грома, мы высадились почти безъ сопротивленія. Мѣсто было ровное и открытое, долина широкая. Къ вечеру исчезли всѣ кустарники и деревья на картечный выстрѣлъ отъ передовой цѣпи, которая окружила отрядъ высокой и крѣпкой засѣкой. Было нѣсколько безвредныхъ выстрѣловъ. Вообще пребываніе наше въ Псезуапѐ не отличалось особенною воинственностію, благодаря удобству мѣстности, и тому, что горцы убѣдились въ безвредности для нихъ нашихъ укрѣпленій.

Г. Раевскій (и я съ нимъ) ѣздилъ снова по Береговой Линіи. Въ *Абхазіи мы уже нашли* новаго начальника 3-го отдѣленія Черномор-

ской Береговой Линіи, генералъ-маіора Ольшевскаго, очень дѣятельнаго и толково принявшагося за устройство края. Страшная болѣзненность въ войскахъ поразила меня. Особенно свирѣпствовали перемежающіяся лихорадки, которыя, послѣ двухъ-трехъ пароксизмовъ, оканчивались нерѣдко спячкой, столбнякомъ или ударомъ. Если же продолжались долго, то обращались въ цингу и оканчивались смертельнымъ кровавымъ поносомъ. Особенно страшно свирѣпствовали болѣзни въ Сухумѣ и въ Гаграхъ.

Изъ среднихъ укрѣпленій, мы нашли въ самомъ бѣдственномъ положеніи Вельяминовское (на Туапсе́), построенное въ прошломъ году. Гарнизонъ, изъ 2-хъ ротъ, не имѣлъ свѣжаго мяса, цинга свирѣпствовала и порождала общую апатію. Видя издали пароходъ, въ укрѣпленіи многое прибрали и скрыли; но во время осмотра Раевскимъ лазарета, набитаго больными, я увидѣлъ, между лазаретомъ и брустверомъ, палатку, изъ которой торчали голыя человѣческія ноги: это было нѣсколько труповъ, которыхъ не успѣли похоронить. Баталіонный командиръ маіоръ Дзвонкевичъ, съ остальными двумя ротами, находился въ Геленджикѣ. Это былъ человѣкъ ограниченный, храбрый, крайне-безпечный, но не безкорыстный. Ген. Раевскій конечно поднялъ цѣлую бурю, но все оборвалось на бѣдномъ, запуганномъ старикѣ, капитанѣ Папахристо, исправлявшемъ должность воинскаго начальника, и на лекарѣ Нечипуренко. Послѣдняго онъ арестовалъ и приказалъ отправить на пароходъ, который, по разсѣянности, назвалъ, вмѣсто Колхиды, Язономъ. Папахристо буквально исполнилъ приказаніе и посадилъ лекаря въ котелъ парохода Язонъ, потерпѣвшаго тутъ въ прошломъ году крушеніе. Отъ парохода остался только котелъ, который и лежалъ на берегу. Раевскій извинился передъ лекаремъ, тѣмъ дѣло и кончилось. Эта печальная картина показала всю опасность нашихъ укрѣпленій, лишенныхъ всякаго сухопутнаго сообщенія.

Въ Геленджикѣ былъ тоже новый начальникъ 2-го отдѣленія, генералъ-маіоръ графъ Оппerманъ—личность довольно ничтожная. Геленджикъ выходилъ понемногу изъ своей прежней грязи и апатіи. Вообще на Береговой Линіи много было движенія и перемѣнъ къ лучшему, благодаря щедрымъ средствамъ, которыя г. Раевскій умѣлъ исходатайствовать.

Въ Новороссійскѣ мы нашли большую дѣятельность. Второй фортъ и соединительныя линіи были уже окончены и вооружены; казармы для гарнизона и госпиталя строились, равно какъ нѣсколько частныхъ зданій. Морское вѣдомство строило на берегу бухты адмирал-

тейство для незначительныхъ починокъ и для снабженія военныхъ судовъ; корабль Силистрія клалъ на рейдѣ мертвые якоря. Контръ-адмиралъ Серебряковъ толково и усердно хлопоталъ объ устройствѣ Новороссійска, который видимо росъ и принималъ видъ значительнаго заведенія. Климатъ здѣсь былъ хорошій, но бóра все портила и не позволяла Новороссійску надѣяться на блестящую торговую будущность.

Въ Анапѣ и Новороссійскѣ были частыя и не всегда враждебныя сношенія съ горцами. Мало-по-малу горцы стали приходить туда для продажи своихъ произведеній, сначала тайно, а потомъ явно. Серебряковъ, Армянинъ и знающій хорошо Турецкій языкъ, имѣлъ вездѣ вѣрныхъ и преданныхъ ему лазутчиковъ между Армянами, живущими у горцевъ. Въ Анапѣ мѣновая торговля особенно развилась, благодаря вообще меньшей воинственности окрестнаго населенія, и особливо личности коменданта, полковника Бринка. Егоръ Егоровичъ былъ человѣкъ честный, чрезвычайно добрый и ласковый. Горцы его цѣнили и имѣли къ нему большое уваженіе до того, что нерѣдко приходили къ нему разбираться въ своихъ спорахъ. Забавная черта Егора Егоровича состояла въ томъ, что онъ былъ увѣренъ въ неотразимой силѣ своего многорѣчиваго краснорѣчія. Нерѣдко случалось, что горцы ближайшихъ ауловъ, послѣ двухъ или трехъ часовъ увѣщаній, показывали видъ убѣжденныхъ и заявляли желаніе принести покорность, въ сущности невозможную. Несмотря на то, такое положеніе дѣла очень радовало генерала Раевскаго, и онъ старался себя увѣрить, что Натухайцы готовы покориться. Зная, что онъ эту свою надежду передалъ и въ Петербургъ, я считалъ своей обязанностію прямо высказать ему мое убѣжденіе въ противномъ.

По возвращеніи въ отрядъ, мы нашли, что число больныхъ значительно увеличилось, и почти исключительно перемежающеюся лихорадкою. Хинной соли не жалѣли; она и прекращала лихорадку, но чрезъ нѣсколько дней пароксизмы опять возобновлялись. Въ двухъ лазаретахъ и въ околоткѣ было до 3600 больныхъ низшихъ чиновъ. Ихъ перевозили въ Анапскій и Фанагорійскій госпитали; но поступали вновь заболѣвающіе, и общее число больныхъ мало уменьшалось, такъ что постоянно было въ отрядѣ до 35% больныхъ. А намъ еще предстояла въ этомъ году постройка укрѣпленія на серединѣ дороги между Новороссійскомъ и Анапою! Августъ былъ уже въ концѣ; всѣ запасы, строенія и тяжести нужно было перевозить изъ Анапы сухимъ путемъ за 25—30 верстъ; самый перевозъ войскъ на корабляхъ и высадка въ Анапу въ Сентябрѣ, т.-е. въ то время, когда обыкновенно бываютъ въ Черномъ морѣ сильныя равноденственныя бури,

все это заставляло очень задуматься. Перечисляя въ разговорѣ съ г. Раевскимъ всѣ мои опасенія, я спросилъ его: какъ мы все это сдѣлаемъ? и получилъ его обыкновенный отвѣтъ: «любезный другъ, какъ нибудь съ-дуру сдѣлаемъ». И дѣйствительно, сдѣлали и совершенно успѣшно.

31 Августа пришелъ флотъ, подъ начальствомъ вице-адмирала Станюковича, и тотчасъ началась амбаркація. Время было очень сомнительно; нужно было торопиться. Новое укрѣпленіе, названное Лазаревскимъ, вооружено и занято одною ротою гарнизона. 1-го Сентября эскадра снялась съ якоря, а 4-го благополучно высадила отрядъ въ Анапѣ, которой рейдъ считается однимъ изъ самыхъ опасныхъ на этомъ берегу. Эскадра тотчасъ же удалилась въ море, да и пора было: ночью морской вѣтеръ засвѣжѣлъ, а къ вечеру обратился почти въ бурю съ дождемъ и шквалами. Но флотъ былъ уже въ морѣ, а мы на сухомъ пути, дома, и могли имѣть свободное сообщеніе съ Черноморіею, откуда къ намъ прибыли всѣ транспорты и подъемныя лошади. Всѣ наши тяжести и запасы еще прежде были привезены въ Анапу моремъ.

Оставивъ всѣхъ больныхъ въ Анапѣ, отрядъ двинулся по дорогѣ въ Новороссійскъ. Видъ его былъ не грозный, но солдаты были веселы. Всѣмъ казалось, что бѣды наши и болѣзни кончились; движеніе, просторъ и хорошій климатъ всѣхъ оживили. 12 Сентября мы пришли на р. Мескіяга, у начала подъема на хребетъ, въ 26 верстахъ отъ Анапы и почти въ такомъ же разстояніи отъ Новороссійска. Мѣсто это оказалось очень удобнымъ для укрѣпленія, и мы расположились лагеремъ на берегу рѣчки, на мѣстности красивой и здоровой. На пути изъ Анапы у насъ была незначительная перестрѣлка.

Еще не успѣли устроить лагерь, какъ г. Раевскій сильно заболѣлъ. Лекаря требовали непремѣнно, чтобы онъ переѣхалъ въ Анапу, а еще лучше въ Керчь. Онъ рѣшился на послѣднее въ надеждѣ на то, что болѣзнь не долго продолжится. Я остался начальникомъ отряда не только, какъ начальникъ штаба, но и какъ старшій въ чинѣ: командиры полковъ Тенгинскаго и Навагинскаго, тоже больные, отправились въ Анапу. Много офицеровъ всѣхъ чиновъ были больны; весь мой штабъ состоялъ изъ инженеръ-прапорщика Фалькмута и сотника Лазебникова. Мою дипломатическую канцелярію представлялъ урядникъ Тумаевъ, потому что Таушъ и Люлье, тоже больные, оставили отрядъ, о чемъ я совсѣмъ не жалѣлъ, такъ какъ никогда не любилъ ихъ Черкесской дипломатіи. Недостатокъ офицеровъ въ отрядѣ былъ такъ великъ, что капитаны командовали баталіонами, а состоящій по кавалеріи капитанъ Пушкинъ (Левъ Сергѣевичъ) командовалъ однимъ ба-

таліономъ въ Тенгинскомъ и однимъ въ Навагинскомъ полкахъ. Онъ не находилъ этого обременительнымъ, потому что, при всякомъ походѣ въ Анапу, очердной полкъ долженъ былъ доставлять ему закуску и бутылку рому.

Погода была свѣжая и прохладная, но уже начинало пахнуть осенью. Каждые три дня посылалась въ Анапу колонна съ тысячью повозокъ и возвращалась съ тяжестями на третій день. Для солдатъ это была пріятная прогулка. Съ каждой колонной возвращалось въ отрядъ все болѣе и болѣе выздоравливающихъ, въ лагерѣ же всѣ болѣзни прекратились: люди были бодры и веселы. Постройка укрѣпленія шла быстро, перевозка производилась успѣшно. Всѣ работали усердно, чтобы убраться до глубокой осени. Въ концѣ Сентября я съѣздилъ въ Керчь, чтобы получить приказанія г. Раевскаго. Я нашелъ его поправляющимся, но нельзя было и думать о возвращеніи его къ отряду. Онъ приказалъ мнѣ, по окончаніи укрѣпленія, отвести отрядъ въ Черноморіе и распустить по квартирамъ.

Горцы привыкли къ постройкѣ нашихъ береговыхъ фортовъ и мало на это обращали вниманія: они знали, что, по уходѣ отряда, фортъ останется беззащитнымъ. У нихъ для молодежи вошло въ обычай перестрѣливаться съ гарнизонами, дѣлать засады, подкарауливать команды, высылаемыя за дровами и проч. Все это дѣлалось въ видѣ охоты, безъ всякой общей обдуманной цѣли. Другое дѣло было постройка форта внутри края, между Анапой и Новороссійскомъ, гдѣ находились подвижныя войска, для которыхъ фортъ могъ служить опорою при наступательныхъ дѣйствіяхъ въ землѣ Натухайцевъ. Поэтому горцы были постоянно въ большомъ сборѣ, тревожили отрядъ, но ничего серьознаго не предпринимали по выгодности нашей позиціи. Депутаты отъ сборища являлись ко мнѣ часто, но переговоры не длились, благодаря краснорѣчію Тумаева, который, сколько я могъ догадываться, объяснялся съ ними безъ всякихъ дипломатическихъ тонкостей.

Въ половинѣ Октября, укрѣпленіе, названное, по высочайшей волѣ, фортомъ «Раевскій», было совершенно готово, вооружено, снабжено всѣми припасами на годъ и занято гарнизономъ. 19 Октября мы двинулись въ Анапу. Горцы насъ провожали довольно настойчиво, но ничего серьознаго не предприняли: обошлось 5-ю или 6-ю ранеными. 22 Октября отрядъ распущенъ, и я возвратился въ Керчь, гдѣ нашелъ г. Раевскаго почти выздоровѣвшимъ и при немъ моего безцѣннаго Ник. Вас. Майера. Еще лѣтомъ я списался съ нимъ и, по его согласію, г. Раевскій ходатайствовалъ о назначеніи Майера для исполненія порученій по медицинской части на Береговой Линіи. Это

зависѣло отъ генерала Граббе, съ которымъ Раевскій былъ еще тогда въ дружбѣ и потому отказа не было. Майеръ впрочемъ оставался довольно долго при официіальномъ титулѣ «состоящаго по особымъ порученіямъ при генералѣ Вельяминовѣ», давно умершемъ.

Зима началась для меня усиленной служебной дѣятельностію. Я уже сказалъ, что управленіе наше быстро увеличивалось; официіальныя же средства усиливались далеко не въ той же соразмѣрности. Въ штатъ штаба Береговой Линіи, высочайше утвержденный, внесены дежурный штабъ-офицеръ, старшій адъютантъ, офицеръ генеральнаго штаба, оберъ-аудиторъ, старшій докторъ и управляющій гражданскою частію. Послѣднюю должность занялъ прапорщикъ Антоновичъ, хотя Раевскій продолжалъ по прежнему диктовать ему по ночамъ, когда именно пробуждалась въ немъ особенная дѣятельность. Для завѣдыванія госпиталями и лазаретами назначенъ докторъ медицины Крейцеръ, когда-то хорошій операторъ, Нѣмецъ до конца ногтей, когда-то красавецъ, а теперь подслѣпый. Для завѣдыванія суммами, которыхъ движеніе чрезъ управленіе все болѣе увеличивалось, назначенъ былъ казначей, коммиссіонеръ Лаврикъ. Кромѣ этихъ официіальныхъ лицъ, необходимость заставила прикомандировать изъ разныхъ мѣстъ нѣсколько штабъ и оберъ-офицеровъ, которые завѣдывали разными частями управленія, составляющими особенности этого края. Всѣ работали усердно и, главное, жили дружно. Какъ я сказалъ, почти всѣ силы штаба были изъ разжалованныхъ или по крайней мѣрѣ не по своей волѣ прибывшихъ на Кавказъ. Я не имѣлъ никакого титула, но въ дѣйствительности представлялъ лицо начальника штаба. Работы мнѣ было много, но она меня не тяготила. Меня итересовалъ край, при мнѣ родившійся, на моихъ глазахъ развивающійся. Свѣтскими удовольствіями я не пользовался, проводя время за бумагами, у Раевскаго, съ Майеромъ и своими сослуживцами, о которыхъ сохраняю самое пріятное воспоминаніе; надѣюсь, что и они меня лихомъ не помянутъ.

Занятія мои часто перерывались нашими поѣздками на пароходѣ по всѣмъ укрѣпленіямъ до Сухума включительно. Эти поѣздки предпринимались внезапно и продолжались недѣли по двѣ и болѣе. Г. Раевскій экспромптомъ отправлялся на пароходъ, приказывалъ разводить пары и дать мнѣ знать. Я успѣвалъ только захватить нѣсколько бумагъ, двухъ-трехъ писарей и спѣшилъ на пароходъ, чтобы дать подписать Раевскому самыя необходимыя бумаги. О взятіи съ собою дѣлъ нечего было и думать. Къ счастію, хорошая память помогала мнѣ. Во время плаванія мнѣ приходилось много работать, а тутъ же, *въ каютъ-кампаніи*, молодежъ шумѣла и возилась, подстрекаемая

мимъ Раевскимъ. Я такъ привыкъ къ этому хаосу, что онъ мнѣ нисколько не мѣшалъ работать. Во время службы моей на Береговой Линіи, я вообще не менѣе пяти мѣсяцевъ проводилъ на восточномъ берегу и четыре на пароходѣ; остальные три мѣсяца приходились на жизнь въ Керчи. Наша резиденція въ Европѣ была конечно очень полезна для развитія г. Керчи, но мало полезна для Береговой Линіи, которая вся въ Азіи, за моремъ. Я пробовалъ говорить это Раевскому. Онъ поправилъ очки и спросилъ: «а что̀ бы вы, любезный другъ, сдѣлали на моемъ мѣстѣ»?—Отправился бы со всѣмъ управленіемъ въ Новороссійскъ и донесъ бы о постоянномъ водвореніи тамъ моего управленія.—«Но тамъ нѣтъ ни зданій, ни сухопутнаго сообщенія».—Они явились бы въ самое короткое время, а теперь не скоро явятся.—«Merci. Je ne suis pas de votre avis» *). Кажется, мы оба были не совсѣмъ правы. Успѣхъ всѣхъ нашихъ ходатайствъ, совершенно необходимыхъ для этого новаго края съ исключительнымъ положеніемъ, зависѣлъ отъ разрѣшеній изъ Петербурга, при явномъ недоброжелательствѣ Ставропольскихъ и Тифлисскихъ властей, съ которыми Раевскій велъ открытую войну.

Послѣ новаго года мы приступили къ составленію проекта военныхъ дѣйствій и смѣтъ на 1840 годъ. Экспедиція предполагалась сухопутная, въ землѣ Натухайцевъ. Сообщенія Черноморіи съ Анапою производились только чрезъ Бугазскій проливъ и по песчаной Джиметейской косѣ. Переправа чрезъ проливъ, составляющій главное устье Кубани, производилась очень неудобно и небезопасно на паромахъ; затѣмъ 20 верстъ нужно было ѣхать по сыпучему песку вдоль самаго морскаго берега. Г. Раевскій, желая избѣгнуть этого неудобнаго пути и вмѣстѣ обезопасить Анапское поселеніе, предположилъ устроить новое сообщеніе внутри края, избравъ удобное мѣсто на Кубани, прикрыть переправу укрѣпленіемъ и выстроить промежуточное укрѣпленіе между тетъ-де-пономъ и фортомъ «Раевскій». Такимъ образомъ Анапа и Новороссійскъ имѣли бы обезпеченное и прочное сообщеніе съ землею Черноморскихъ казаковъ, сообщеніе, могущее сдѣлаться и торговымъ путемъ, которому г. Раевскій упорно предсказывалъ блестящую будущность. Кажется, въ Петербургѣ раздѣляли эти надежды, какъ можно думать по названію, данному этому рождающемуся заведенію самимъ Государемъ и по щедрымъ средствамъ, назначеннымъ для его развитія.

---

*) *Благодарю. Я не вашего мнѣнія.*

Избраніе мѣста переправы чрезъ Кубань было возложено на меня, и я исполнилъ его еще въ Іюлѣ 1839 года. Это было не легко. Переправу чрезъ Кубань вездѣ можно устроить; но по обѣ стороны рѣки, почти отъ Екатеринодара до устья, тянется полоса низкой мѣстности, заливаемой водою и поросшей камышомъ. Въ 1835 году генералъ Вельяминовъ поручилъ находившемуся при немъ адъютанту военнаго министра барону Вревскому (Павлу Александровичу) найти болѣе удобную переправу чрезъ Кубань по близости Анапы, для возвращенія оттуда отряда въ Черноморію, въ глубокую осень. Баронъ Вревскій избралъ мѣсто, гдѣ отъ главнаго русла отдѣляется рукавъ, Джига. Противъ этого мѣста, на возвышенномъ берегу, находился постъ Новогригорьевскій. Часть отряда дѣйствительно прошла тамъ, но большая часть тяжестей направилась по старой, неудобной дорогѣ чрезъ Бугазъ. Я осмотрѣлъ подробно всѣ эти мѣста и нашелъ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ неудобными. Въ дальнѣйшихъ разысканіяхъ мнѣ помогъ Черноморскаго казачьяго войска полковникъ Табанецъ, хромой старикъ, пришедшій урядникомъ изъ Запорожья, въ 1793 году. Онъ указалъ мнѣ мѣсто въ 70 верстахъ отъ Джиги, гдѣ отдѣляется отъ Кубани Вороной Ерикъ. Это урочище называется у казаковъ Вареникова Пристань и находится въ пяти верстахъ отъ Андреевскаго поста или Петровской почтовой станціи. Въ то время былъ разливъ Кубани; пространство между постомъ и Кубанью было залито водою, такъ что мы въ каюкѣ могли доѣхать почти до рѣки, которой только берегъ нѣсколько возвышался надъ водою. Со мною былъ майоръ корпуса путей сообщенія Лобода. Мы переправились на баркасѣ съ десятью пластунами на другую сторону, покрытую лѣсомъ и версты двѣ брели по водѣ, чтобы высмотрѣть мѣсто удобное для устройства укрѣпленія. Иногда вода доставала мнѣ до груди; бѣдный же Лобода, малаго роста, долженъ былъ идти по шею въ водѣ. Лѣсу, кажется конца не было. Я влѣзъ на высокую вербу и увидѣлъ, что мы не только близъ сухаго берега, но и не болѣе полверсты отъ Черкесскаго аула (мы взяли слишкомъ вправо). Въ томъ же мѣстѣ, гдѣ мы переѣхали черезъ рѣку, полоса лѣса была менѣе полуверсты шириною, а за ней возвышается мѣстность. Набросавъ глазомѣрно всю видимую мѣстность, я возвратился благополучно и незамѣченный горцами на нашу сторону. Г. Раевскій былъ очень доволенъ моей рекогносцировкой и выборомъ, и тотчасъ же началъ диктовать Пушкину представленіе военному министру. Конечно, тамъ было и покореніе Натухайцевъ, и направленіе торговли изъ сѣвернаго Кавказа чрезъ Новороссійскъ; но каково было мое удивленіе, когда Пушкинъ прочелъ мнѣ проектъ донесенія, гдѣ сказано, что я выбралъ мѣсто перепра-

на Джигѣ и что «это мѣсто въ 1835 году было указано г. Вельяминову адъютантомъ вашего сіятельства барономъ Вревскимъ».—Ваше превосходительство, помилуйте: да Вареникова Пристань въ 76 верстахъ отъ Джиги; тамъ отдѣляется Вороной Ерикъ, а не Джига.— «Любезный другъ», сказалъ Раевскій, съ невозмутимою серьозностью поправивъ очки,—«вы темный человѣкъ. Вороной Ерикъ все равно что́ Джига. Вревскій объяснитъ это Чернышеву, и тотъ будетъ одобрять мой выборъ, потому что его адъютантомъ онъ указанъ». Что́ было возражать противъ такой логики? Такъ и пошло представленіе. Успѣхъ его превзошелъ наши ожиданія. Съ фельдъегеремъ мы получили увѣдомленіе, что одобрено это предположеніе и приказано послать спеціалистовъ, для составленія подробныхъ плановъ и смѣтъ дороги и постовъ отъ Андреевскаго поста, и для окончательнаго выбора мѣста къ постройкѣ на правомъ берегу укрѣпленія, прикрывающаго переправу.

Все это думали сдѣлать въ 1840 году; но неожиданныя несчастныя событія заставили отложить эти предположенія.

Зима 1839—1840 года была сурова: Керченскій проливъ и весь Таманскій лиманъ покрылись льдомъ, и сообщеніе свободно производилось въ саняхъ; но всѣ зимовавшія въ Керчи суда стояли неподвижно во льду. Пароходное сообщеніе съ Береговой Линіей можно было имѣть только чрезъ Ѳеодосію, которой рейдъ, довольно удобный, почти не замерзалъ. Конечно, можно бы спросить: отчего же штабъ Береговой Линіи не помѣщался по крайней мѣрѣ въ Ѳеодосіи? Отвѣтъ не труденъ: Ѳеодосія былъ мертвый городъ; онъ напоминалъ давно минувшее могущество Генуи и недавнія разрушительныя распоряженія графа Воронцова. Въ Новороссійскомъ краѣ многое можно и нужно было сдѣлать; жаль только, что графъ Воронцовъ имѣлъ для благоустройства этого края расплывчатыя идеи, которыхъ исполненіе, прикрытое фразами на Европейскій ладъ, принесло сомнительную пользу и существенный вредъ. Графъ возлюбилъ Керчь и основалъ Бердянскъ. Для привлеченія туда торговли и капиталистовъ онъ исходатайствовалъ значительныя льготы и съ большими пожертвованіями отъ казны, стараясь не только насильно привлечь туда и развить торговлю и промышленность, но и перевести туда разныя казенныя учрежденія. Такъ карантинъ, бывшій въ Ѳеодосіи и Таганрогѣ, переведенъ имъ въ Керчь; огромные казенные склады соли изъ Ѳеодосіи переведены съ большими издержками въ Бердянскъ. Карантинъ въ Таганрогѣ закрытъ; *а таможня,* съ учрежденіемъ первокласной таможни въ Керчи, почти *лишилась всякаго значенія.* Все это убило Ѳеодосію и много повредило *Таганрогу.* Послѣдствія показали, что, не смотря на всѣ эти мѣры,

Керчь не сдѣлалась важнымъ торговымъ городомъ, а Бердянскъ далеко отсталъ отъ Таганрога и Ростова, находящихся при окончаніи Донской системы и на приморскомъ краю огромнаго хлѣбороднаго района. Нужно ли говорить, что, при выборѣ мѣста для штаба Береговой Линіи, желанія Раевскаго совершенно сошлись съ видами графа Воронцова? Тогда между ними была полная гармонія и частая дружеская переписка.—«Mon cher Пушкинъ, apportez moi la lettre de Worontzow à 18 pages» *). Письмо читалось во всеуслышаніе. Оно было остроумно написано, прекраснымъ Французскимъ языкомъ, хотя далеко не имѣло 18-ти страницъ. Я уже, кажется, сказалъ, что расположеніе въ Керчи штаба Береговой Линіи сдѣлало пользы городу едва-ли не болѣе всѣхъ данныхъ ему льготъ и привиллегій.

Зимою Черное море бурно и небезопасно для плаванія, особенно близъ Восточнаго берега, не имѣющаго ни одного порядочнаго порта. Наша крейсирующая эскадра стояла въ Сухумѣ, и поочередно суда ходили вдоль берега, особенно въ южной его части. До Анапы почти ни одинъ крейсеръ не доходилъ. Пароходы наши выжидали иногда по мѣсяцу удобнаго времени, да и то нерѣдко должны были проходить мимо нѣкоторыхъ укрѣпленій по невозможности пристать къ берегу. Поэтому всѣ донесенія съ Береговой Линіи приходили къ намъ рѣдко и почти всегда случайно; изъ Абхазіи же бумаги отправлялись чрезъ Тифлисъ и Ставрополь и приходили чрезъ мѣсяцъ. Даже съ Ставрополемъ прямое сообщеніе прерывалось иногда мѣсяца на два, когда ледъ на Таманскомъ лиманѣ сдѣлается ненадежнымъ или взломается. Въ такихъ случаяхъ мы ѣздили и направляли корреспонденцію вокругъ Азовскаго моря чрезъ Ростовъ.

10 или 11 Февраля мы получили извѣстіе о взятіи горцами 7 Февраля укрѣпленія Лазаревскаго (на р. Псезуапé) и гибели гарнизона. Это извѣстіе получено чрезъ крейсера, бывшаго случайнымъ очевидцемъ несчастнаго событія и пришедшаго въ Ѳеодосію для отправленія донесенія въ Керчь, по эстафетѣ.

Это неожиданное событіе произвело тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ, особливо на г. Раевскаго, человѣка нервнаго и не отличавшагося особенною твердостію. Но онъ скоро оправился.—«C'est à présent ou jamais»,—сказалъ онъ мнѣ—«nous aurons ce qu'il nous faut. Gare à ces messieurs de Stawropol et de Tiflis! S'ils continuent de me faire leurs chicanes, je leur casse le cou» **).—На вопросъ: чтò бы я сдѣлалъ

*) Любезный Пушкинъ, принесите мнѣ письмо Воронцова въ 18 страницъ.

*) *Теперь или никогда.* У насъ будетъ чтò намъ нужно. Берегитесь, Ставропольскіе и *Тифлисскіе господа!* Коль скоро они не перестанутъ дѣлать мнѣ каверзы, я сломаю *имъ шею.*

въ настоящемъ случаѣ? я отвѣчалъ, что донесъ бы военному министру очень просто о событіи и прибавилъ бы слѣдующее: въ такой-то статьѣ свода военныхъ постановленій сказано, что къ видамъ государственной измѣны принадлежитъ случай, когда комендантъ крѣпости не употребилъ всѣхъ мѣръ къ предохраненію ея отъ взятія непріятелемъ или, при недостаткѣ средствъ къ защитѣ, своевременно не доносилъ объ этомъ начальству. Повергая себя правосудію Его Императорскаго Величества, я бы просилъ военнаго министра испросить высочайшее повелѣніе на производство надо мной строжайшаго слѣдствія, чтобы подвергнуть заслуженному наказанію того, кто окажется виновнымъ. Ген. Раевскій посмотрѣлъ на меня внимательно, поправилъ очки, и нѣсколько разъ сказалъ съ увлеченіемъ: «c'est ce que je ferai! *)» но онъ ничего этого не сдѣлалъ, а продиктовалъ Антоновичу рапортъ военному министру, въ которомъ были фразы и тонкіе намеки на то, что многія его представленія, основанныя на исключительномъ положеніи края, до сихъ поръ остаются неразрѣшенными. Рапортъ, по обыкновенію, былъ посланъ военному министру съ эстафетой, а Кавказскому начальству по почтѣ.

Жалобы г. Раевскаго были совершенно справедливы. У насъ велась безконечная переписка о недостаточности войскъ для обороны укрѣпленій, о неимѣніи подвижнаго резерва, изъ котораго бы можно было подкрѣплять слабые или угрожаемые пункты, и для движеній внутрь края, безъ чего приходилось ограничиваться безплодной пассивной обороной, и наконецъ, о чрезвычайной негодности ружей и артиллеріи. Первыя были кремневыя, Тульскія, прослужившія лѣтъ по 25; послѣднія разныхъ калибровъ и арсеналовъ, чугунныя, служившія съ 1813 года; а лафеты деревянные были до того гнилы, что разсыпались нерѣдко послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ. Къ этому нужно прибавить, что на вооруженіи было много полупудовыхъ короткихъ единороговъ, выведенныхъ изъ употребленія потому, что, при стрѣльбѣ боевыми зарядами, они часто опрокидывались съ лафетомъ. И все это было тамъ, гдѣ укрѣпленія полевыя, защищаемыя одною или двумя ротами чрезвычайно слабаго состава, предоставлены сами себѣ, безъ всякой надежды на помощь, въ краѣ враждебномъ и при безпрерывной опасности со стороны непріятеля, о замыслахъ котораго гарнизоны не могли имѣть никакихъ свѣдѣній.

Можно было предвидѣть, что неожиданный успѣхъ и особливо взятая добыча возбудятъ горцевъ къ дальнѣйшей предпріимчивости.

---

*) *Это я и сдѣлаю.*

Всѣ укрѣпленія на Береговой Линіи были въ томъ же положеніи, какъ Лазаревское. Вездѣ гарнизоны были ослаблены жестокими болѣзнями и неестественнымъ порядкомъ жизни и службы. Всѣ ночи гарнизонъ проводилъ подъ ружьемъ, ежеминутно ожидая нападенія и ложился спать только когда совсѣмъ ободнѣетъ и обходы осмотрятъ ближайшія окрестности. Если къ этому прибавить скуку, отсутствіе женщинъ, недостатокъ движенія, рѣдкость свѣжаго мяса и овощей, станетъ понятнымъ, что роты доходили до половины своего состава и даже менѣе. Надобно еще удивляться, что войска при такомъ страшномъ положеніи нигдѣ и никогда не теряли бодрости и нравственной силы. Дисциплина вездѣ соблюдалась строго, но побѣги къ горцамъ были, къ сожалѣнію, не рѣдки. Мой почтенный сослуживецъ, М. Ѳ. Ѳедоровъ, со словъ ген.-маіора фонъ-Бринка, помѣстилъ въ Іюньской книжкѣ Русской Старины 1877 года статью о взятіи Михайловскаго укрѣпленія. Въ этой статьѣ сказано, между многими другими неточностями, что «горцы получали самыя вѣрныя свѣдѣнія о положеніи нашихъ гарнизоновъ отъ Поляковъ-перебѣжчиковъ». Противъ этого я долженъ протестовать. Польская національность никогда не была для меня симпатичною, но на Кавказѣ я встрѣчалъ множество Поляковъ, въ разныхъ чинахъ и положеніяхъ, которымъ готовъ былъ отъ души подать дружескую руку. Поляковъ въ войскахъ Береговой Линіи, офицеровъ и солдатъ, было болѣ 10%. Бѣглецовъ къ горцамъ было между Поляками соразмѣрно не болѣе, чѣмъ между Русскими; сообщать же свѣдѣнія могли бы какъ тѣ, такъ и другіе, еслибы горцамъ нужны были эти свѣдѣнія. Съ горъ, которыя возвышались надъ укрѣпленіями въ разстояніи 250 саженъ, а иногда и менѣе, они могли видѣть все, чтó дѣлается въ укрѣпленіи до малѣйшей подробности.

Была очевидна настоятельная потребность имѣть вблизи свободныя войска для подкрѣпленія гарнизоновъ наиболѣе угрожаемыхъ пунктовъ. Мы только что получили отъ военнаго министра увѣдомленіе о высочайшемъ утвержденіи нашихъ предположеній на 1840 годъ, при чемъ въ числѣ войскъ намъ назначена была изъ 5-го корпуса, стоявшаго въ Крыму и Одессѣ, бригада 15 пѣх. дивизіи съ артиллеріею. Эти войска должны были прибыть изъ Севастополя на Восточный берегъ не ранѣе половины Мая. Ген. Раевскій приказалъ мнѣ ѣхать въ Ставрополь и просить ген. Граббе, чтобы онъ, въ виду крайней нужды, приказалъ немедленно двинуть Тенгинскій и Навагинскій полки съ артиллеріею въ Анапу, въ распоряженіе начальника Береговой Линіи.

Переѣздъ чрезъ Керченскій проливъ былъ невозможенъ, и я поскакалъ на перекладныхъ въ Ставрополь кругомъ Азовскаго моря.

Генералъ Граббе принялъ меня очень ласково, долго говорилъ о положеніи дѣлъ и разрѣшилъ представленіе ген. Раевскаго. На третій день я отвезъ въ Екатеринодаръ его приказаніе войскамъ двинуться въ Анапу, а самъ возвратился въ Керчь. Оттуда я поскакалъ въ Ѳеодосію, гдѣ меня ожидалъ пароходъ Молодецъ, на которомъ я тотчасъ отправился въ Анапу. Туда уже пришелъ ближайшій баталіонъ Тенгинскаго полка. Ночью я взялъ на пароходъ двѣ роты, отвезъ одну въ фортъ Вельяминовскій, другую въ укр. Михайловское. Это были, по моему мнѣнію, самые опасные пункты. Къ сожалѣнію, этимъ усиленіемъ мы ихъ не спасли, а только увеличили число жертвъ.

Съ Береговой Линіи получались донесенія одно другаго тревожнѣе. Волненіе охватило весь край, во многихъ мѣстахъ образовались огромныя сборища горцевъ. 29 Февраля они взяли укр. Вельяминовское. Генералъ Раевскій, донеся объ этомъ, отправился на пароходѣ по Береговой Линіи, не смотря на то, что погода въ морѣ была очень бурная. Меня онъ оставилъ въ Керчи, давъ предписаніе распоряжаться отъ его имени безъ всякаго ограниченія, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ экстренность обстоятельствъ того потребуетъ.

Чрезъ нѣсколько дней по отъѣздѣ г. Раевскаго, получено приглашеніе ему пріѣхать для объясненій по службѣ въ Тамань, куда прибылъ ген. Граббе. Я тотчасъ же туда отправился. Г. Граббе принялъ меня серіезно и тотчасъ же приступилъ къ дѣлу. Онъ объявилъ мнѣ, что счелъ нужнымъ отложить всякія предпріятія на Береговой Линіи до особеннаго высочайшаго повелѣнія и потому остановилъ движеніе войскъ въ Анапу. При этомъ онъ произнесъ длинный монологъ своимъ театральнымъ тономъ, монологъ, въ которомъ были и справедливыя мысли, но въ кучѣ фразъ и общихъ мѣстъ. Видно было, что онъ написалъ въ Петербургъ о необходимости скорѣе рѣшиться на совершенное упраздненіе Береговой Линіи, отъ которой можно ожидать только огромной и безполезной траты въ людяхъ и деньгахъ. «Ошибочныя системы», сказалъ онъ мнѣ, «тѣмъ особенно вредны, что, потративъ на ихъ исполненіе много времени и матеріальныхъ средствъ, не хотятъ покинуть ихъ изъ опасенія лишиться плодовъ принесенныхъ уже жертвъ, и этимъ дѣлаютъ все болѣе труднымъ возвращеніе съ ошибочнаго пути. Я знаю, Николаю Николаевичу не понравится это мое мнѣніе. Онъ держится Римской политики: не ведетъ войны разомъ съ двумя противниками. До сихъ поръ была очередь Головина; теперь, вѣроятно, будетъ моя. Но что́ же дѣлать? Государь рѣшитъ!»—Я доложилъ, что г. Раевскій не ожидалъ такого приказанія объ остановленіи движенія войскъ въ Анапу и, сколько мнѣ извѣстно, считаетъ немедленное прибытіе на Береговую Линію единственнымъ средствомъ

остановить успѣхи непріятеля и помочь остальнымъ укрѣпленіямъ, которыя всѣ находятся въ одинаково-опасномъ положеніи. Во всякомъ случаѣ Раевскій не могъ дать мнѣ никакихъ приказаній о томъ, какъ исполнить настоящее предписаніе его превосходительства; а какъ это исполненіе потребуетъ отмѣны многихъ распоряженій, то я просилъ дозволенія его превосходительства доложить ему все, что́ считаю нужнымъ сдѣлать при настоящихъ обстоятельствахъ. Генералъ Граббе выслушалъ меня внимательно и сказалъ: «Хорошо, я утверждаю всѣ ваши предположенія; предоставляю вамъ тотчасъ же привести ихъ въ исполненіе и донести военному министру».

Много горькихъ мыслей преслѣдовало меня на обратномъ пути изъ Тамани въ Керчь. Я былъ увѣренъ, что остановка движенія полковъ на Береговую Линію будетъ гибелью, но долженъ былъ исполнить приказаніе командующаго войсками Кавказской линіи. Всѣ распоряженія объ отмѣнѣ по всѣмъ частямъ приготовленій къ экспедиціи 1840 г. потребовали нѣсколько дней усиленной работы штаба. Между тѣмъ съ Береговой Линіи приходили, косвенными путями и чрезъ лазутчиковъ, все болѣе тревожныя свѣдѣнія о сборищахъ горцевъ. По обыкновенію, свѣдѣнія эти доходили до Керчи въ преувеличенномъ видѣ; оффиціальныхъ донесеній не было. Весна наступала, но погода стояла бурная и холодная. О г. Раевскомъ извѣстно было только, что онъ взялъ на пароходъ изъ Анапы одну роту Навагинскаго полка и повезъ въ укр. Михайловское, у котораго линія огня была очень обширна и потому необходимо было еще усилить гарнизонъ. Съ того времени въ продолженіе двухъ недѣль о генералѣ Раевскомъ не было слуху. Я счелъ нужнымъ донести военному министру о полученномъ мною приказаніи генерала Граббе и о сдѣланныхъ мною распоряженіяхъ. При этомъ я подробно изложилъ то, что̀ представлялъ и генералу Граббе объ опасномъ положеніи края и крайнемъ недостаткѣ войскъ для остановленія успѣховъ горцевъ.

Рапортъ мой былъ переписанъ, подписанъ и уже запечатанъ, когда я получилъ эстафету изъ Ѳеодосіи о взятіи горцами 21 Марта укр. Михайловскаго, въ которомъ было четыре роты гарнизона. Это извѣстіе поразило меня. Я часа два ходилъ по комнатѣ и рѣшился на крайнюю мѣру. Распечатавъ свое донесеніе военному министру, я своей рукой прибавилъ къ нему post-scriptum, почти въ слѣдующихъ словахъ: «Рапортъ мой былъ уже запечатанъ, когда я получилъ донесеніе о томъ, что 21 Марта горцы взяли укр. Михайловское. Всѣ укрѣпленія Береговой Линіи въ одинаковой опасности. Войскъ нигдѣ нѣтъ, *чтобы остановить* успѣхи непріятеля. О генералѣ Раевскомъ двѣ *недѣли не имѣю* свѣдѣній; море очень бурно, сообщеніе съ открытымъ

портами Восточнаго берега невозможно. Въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ я дѣлаю слѣдующія распоряженія: 1) прошу командира 5-го корпуса собрать бригаду 15 пѣх. дивизіи и ея артиллерію въ Севастополь; 2) главнаго командира Черноморскаго флота и портовъ прошу вывести эскадру на рейдъ и, посадя десантъ, перевезти его къ 10 Апрѣля въ Ѳеодосію, 3) предписываю Симферопольской провіантской коммисіи двинуть вмѣстѣ съ десантомъ двухмѣсячное продовольствіе на судахъ въ Ѳеодосію, и 4) возобновляю всѣ распоряженія, отмѣненныя по приказанію г. Граббе. Буду ждать г. Раевскаго до 13 Апрѣля въ Ѳеодосіи. Если онъ къ этому времени не пріѣдетъ, считаю нужнымъ двинуть отрядъ въ Геленджикъ и, высадивъ войска, немедленно предпринять движеніе внутрь края для отвлеченія непріятеля отъ предпріятій противъ нашихъ укрѣпленій. Если въ чемъ-либо ошибся, прошу снисхожденія вашего сіятельства въ виду того, что я не могъ получить приказаній моего начальника, а обстоятельства крайнія».

Курьеръ умчалъ мое донесеніе, а у меня закипѣла работа. Это было въ 10 часовъ вечера, и къ разсвѣту всѣ распоряженія были сдѣланы и отправлены съ курьерами въ Севастополь, Николаевъ, Одессу, Херсонъ и Таганрогъ. Для выигранія времени я представилъ начальнику Севастопольскаго порта, вице-адмиралу Авинову, копію моего рапорта главному командиру Черноморскаго флота и портовъ, адмиралу Лазареву, о выводѣ флота на рейдъ и перевозкѣ десанта. Всѣмъ лицамъ и мѣстамъ я писалъ, что отношусь къ нимъ по *крайнимъ военнымъ обстоятельствамъ* и что обо всемъ я донесъ г. военному министру.

Это былъ одинъ изъ выдающихся моментовъ моей жизни. Безсонная ночь, постоянное напряженіе ума, самая смѣлость, или, скорѣе дерзость сдѣланнаго мною шага, произвели во мнѣ нервное возбужденіе. Я цѣлый день ходилъ у себя по комнатѣ и думалъ о возможныхъ послѣдствіяхъ. Отвѣтственность меня не пугала: я боялся неудачи. Я былъ просто полковникъ генеральнаго штаба, даже безъ всякаго оффиціальнаго титула, который бы сколько нибудь дѣлалъ понятными мои требованія отъ лицъ и учрежденій, постороннихъ не только для меня, но и для главнаго Кавказскаго начальства. Между тѣмъ вся эта сложная операція могла рухнуть, если хотя одно изъ этихъ лицъ или учрежденій откажется исполнить мое требованіе. Всѣ меня знали; но этого недостаточно, чтобы, по моему требованію, исрасходовать *сотни тысячъ* рублей и сдѣлать распоряженія, на которыя нужно *высочайшее повелѣніе.*

И слѣдующіе сутки я провелъ безъ сна, въ тревожномъ ожиданіи. Поздно вечеромъ курьеръ привезъ мнѣ увѣдомленіе вице-адмирала Авинова изъ Севастополя, что, не ожидая распоряженія адмирала Лазарева, онъ приказалъ вывести эскадру на рейдъ и изготовить къ принятію десанта. Начало хорошо. Вслѣдъ за тѣмъ другой курьеръ привезъ донесеніе Симферопольской провіантской коммисіи о томъ, что суда будутъ зафрахтованы и двухмѣсячное продовольствіе будетъ готово къ отправленію съ десантными войсками. Но будутъ ли войска?... Прошло еще двое сутокъ, и снова курьеръ отъ генерала Лидерса, изъ Одессы. Онъ увѣдомилъ, что направилъ бригаду 15 дивизіи въ Севастополь, а артиллерію, расположенную въ 150 верстахъ, приказалъ везти орудія и ящики на почтовыхъ, а лошадей вести въ поводу форсированнымъ маршемъ, и что 9-го Апрѣля войска будутъ садиться на суда. Ухъ! я не помнилъ себя отъ радости: остальнаго я не боялся.

9-го Апрѣля я со своимъ штабомъ отправился въ Ѳеодосію, на одномъ изъ нашихъ пароходовъ, а 10-го пришла эскадра съ войсками. Бригадой командовалъ ге.н-маіоръ Румянцовъ. Я явился къ нему и спросилъ его приказаній. Онъ руками замахалъ и сказалъ: «Я тутъ ничего не знаю: дѣлайте какъ хотите».

До 13-го Апрѣля оставалось три дня. Я высадилъ войска на берегъ и разставилъ по горамъ часовыхъ караулить пароходъ генерала Раевскаго. Но его не было, хотя море утихло и погода была прекрасная. 12-го вечеромъ сдѣлана диспозиція къ посадкѣ войскъ, и я донесъ военному министру, что утромъ 13-го эскадра снимается съ якоря и идетъ въ Геленджикъ. На разсвѣтѣ мнѣ дали знать, что въ морѣ видѣнъ пароходъ. Это былъ ген. Раевскій, который, увидавъ эскадру въ Ѳеодосіи, направился туда вмѣсто Керчи. Это было какъ нельзя болѣе кстати, потому что въ тотъ же день получены были изъ Петербурга бумаги, которыя заставили измѣнить всѣ наши распоряженія. По донесенію ген. Раевскаго о взятіи Вельяминовскаго укрѣпленія послѣдовало высочайшее повелѣніе возобновить укрѣпленія Вельяминовское и Лазаревское и усилить всѣ остальныя укрѣпленія на Береговой Линіи. Для этого назначена была вся 15 пѣх. дивизія съ артиллеріею, четыре Черноморскихъ пѣшихъ полка и одинъ баталіонъ Тенгинскаго полка. Для образованія подвижнаго резерва на Береговой Линіи приказано сформировать вновь четыре линейныхъ баталіона № 13—16, на полевомъ положеніи, размѣстивъ ихъ: № 13 въ Анапѣ, № 14 въ Новороссійскѣ, № 15 въ Геленджикѣ и № 16 въ Сухумѣ.

Генералъ Раевскій отправилъ эскадру за остальными войсками *въ Севастополь,* а самъ остался въ Ѳеодосіи, ожидая сбора отр *Онъ одобрилъ* всѣ мои распоряженія, хотя послѣ я узналъ стор

что ему непріятно было то, что я безъ него вошелъ въ сношеніе съ военнымъ министромъ. Въ продолженіе моей долговременной военной службы, я очень рѣдко видѣлъ трусовъ противъ непріятеля, за то почти не видалъ начальника, который бы не боялся своихъ подчиненныхъ. Въ 1872 году я поторопился купить портретъ императора Вильгельма въ гражданскомъ костюмѣ: честный старикъ не боялся прятаться за Мольтке и Бисмарка. Мнѣ вспомнился по этому случаю одинъ историческій анекдотъ. Въ 1814 году, послѣ взятія Парижа, за обѣдомъ и послѣ многихъ тостовъ, Блюхеръ похвалился, что сдѣлаетъ такую штуку, какой никто другой сдѣлать не можетъ, а именно: поцѣлуетъ свою собственную голову. По просьбѣ присутствующихъ, старый гусаръ, извѣстный у Нѣмцевъ подъ именемъ генерала Vorwärts (впередъ), всталъ, подошелъ къ своему начальнику штаба, Гнейзенау и поцѣловалъ его въ голову. Неизвѣстно, нашелся ли другой такой храбрецъ между присутствующими...

У насъ требуется отъ начальника штаба полное самозабвеніе. Онъ можетъ отвѣчать за ошибки, но успѣхъ сполна принадлежитъ начальнику, какое бы ни принималъ въ немъ участіе его начальникъ штаба. Я зналъ многихъ умѣвшихъ стать на высоту этой трудной роли. Но да позволено имъ будетъ, хоть чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, вспоминать объ императорѣ Вильгельмѣ и генералѣ Блюхерѣ...

Въ Ѳеодосію пріѣхалъ неожиданно генералъ Головинъ, возвращавшійся изъ Петербурга, куда ѣздилъ благодарить Государя за введеніе гражданскаго управленія въ Закавказскомъ краѣ. Гражданское управленіе ввести въ Грузію было нужно; въ Имеретіи, Карабахѣ, Кубанской и Армянской областяхъ возможно; въ Джаро-Белоканской области, въ Талышахъ и въ Самурскомъ округѣ—весьма сомнительно, а въ разныхъ провинціяхъ Южнаго Дагестана, населенныхъ горцами воинственными, дикими и не понимающими другаго закона кромѣ силы,—формы гражданскаго управленія, съ чиновниками во фракахъ, были странною несообразностію. Сенаторъ баронъ Ганъ, которому поручена была эта операція, не зналъ ни края, ни народныхъ обычаевъ, не хотѣлъ слушать мнѣнія другихъ, даже Головина, главноуправляющаго краемъ и, въ годъ кончивъ эту канцелярскую работу, уѣхалъ въ Петербургъ, надѣливъ край конституціею своего издѣлія.

Съ генераломъ Головинымъ былъ его оберъ-квартирмейстеръ, генералъ-маіоръ Мендъ, человѣкъ не безъ способностей и образованія, но заносчивый и крайне несимпатичный. Однажды вечеромъ генералъ Раевскій послалъ меня доложить корпусному командиру одну длинную записку по разнымъ предметамъ. Головинъ квартировалъ въ Ѳеодосіи,

а онъ на кораблѣ Силистрія. Было часовъ 9 вечера, когда я вошелъ въ домъ, занимаемый г. Головинымъ. Чрезъ нѣсколько пустыхъ темныхъ комнатъ я дошелъ наконецъ до кабинета, въ которомъ свѣтился огонь. Тамъ я нашелъ Головина и Менда за столомъ, а передъ ними Томазини, Ѳеодосійскаго жителя, сомнительной національности. Оказалось, что Головинъ и Мендъ рѣшили, что на Береговой Линіи всѣ постройки должны быть каменныя, во избѣженіе пожара, и Томазини великодушно предлагалъ имъ доставлять Керченскій камень на своихъ судахъ и во всѣ мѣста Береговой Линіи, *по одному рублю* серебр. за штуку (около 300 куб. вершковъ). Я засталъ только заключительную фразу Головина: «И такъ мы согласились въ цѣнѣ, а о другихъ условіяхъ поговоримъ завтра». Къ счастію, вся эта непрактическая затѣя не состоялась къ великому огорченію Томазини, который нажилъ бы тутъ сотни тысячъ, безъ всякой пользы для укрѣпленій Береговой Линіи.

Генералъ Головинъ приказалъ мнѣ читать записку. Мы сѣли втроемъ за небольшимъ круглымъ столомъ. Не успѣлъ я прочесть двухъ страницъ, какъ услышалъ сильный храпъ. Мендъ, вѣроятно привыкшій къ такой особенности, сталъ говорить однообразнымъ голосомъ: «не останавливайтесь, продолжайте читать; я слушаю». Когда я кончилъ и замолчалъ, Головинъ всхрапнулъ и сказалъ: «скажите генералу Раевскому, что я переговорю съ нимъ объ этомъ завтра». Однакоже это былъ человѣкъ умный, очень хорошо образованный, честный и добрый...

Генералъ Головинъ пожелалъ видѣть и привѣтствовать войска. Съ Кавказа прибыли въ то время только четыре Черноморскихъ казачьихъ полка и саперы. Генералъ Граббе задержалъ Тенгинскій баталіонъ подъ предлогомъ необходимости для него устроиться и укомплектоваться послѣ потерь прошлаго года. Навагинскій полкъ онъ перевелъ совсѣмъ изъ Черноморіи во Владикавказскій округъ.

Я выстроилъ наличныя войска къ смотру въ такомъ порядкѣ, какой дозволяла мѣстность и самый составъ отряда. Войска дѣйствительно имѣли видъ добрый: прибывшія изъ 5 корпуса были рады походу, который хотя на одно лѣто освобождалъ ихъ отъ каторжной работы въ Севастополѣ, отъ неизбѣжныхъ ученій и смотровъ, давалъ имъ болѣе свободы и лучшее продовольствіе. Недовольны были только старшіе начальники, которые были до того отуманены формалистикой, что искренне сочувствовали знаменитымъ словамъ: la guerre gâte le soldat *). День былъ жаркій. Войска были конечно въ походной формѣ.

---

*) Война портитъ солдата.

Самъ г. Раевскій явился въ сюртукѣ и шарфѣ, хотя сюртукъ былъ лѣтней шерстяной матеріи, шаровары кисейные, и шашка черезъ плечо. Онъ мастерски умѣлъ соединить личную угодливость съ полнымъ своеволіемъ. Генералъ Головинъ проѣхалъ по фронту и каждой части сказалъ доброе, радушное привѣтствіе. Когда онъ выразилъ Раевскому свое полное удовольствіе, тотъ неожиданно сказалъ: «Ваше высокопревосходительство, кажется, довольны. Позвольте просить для меня награды».—«Николай Николаевичъ, вы знаете, что я высоко цѣню ваши заслуги и сочту долгомъ ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ; самъ же я не имѣю власти наградить васъ по заслугамъ». Нѣтъ, ваше в-во, милость, которую я у васъ прошу, совершенно отъ васъ зависитъ».—«Въ такомъ случаѣ я заранѣе согласенъ исполнить ваше желаніе».—«Позвольте мнѣ снять сюртукъ. Я задыхаюсь, у меня грудь раздавлена зряднымъ ящикомъ въ 1812 году». Не успѣлъ старикъ Головинъ дать согласіе, какъ Раевскій уже явился въ своей обыкновенной формѣ, т. е. въ рубахѣ, съ раскрытой загорѣлой грудью и, въ довершеніе картины, ординарецъ его, линейный казакъ, сунулъ ему въ руку закуренную трубку. Въ такомъ видѣ онъ сопровождалъ своего корпуснаго командира до конца смотра. Надобно сказать, что этотъ несовсѣмъ приличный фарсъ сдѣлалъ, на первыхъ порахъ, фигуру Раевскаго очень симпатичною между солдатами и молодыми офицерами новыхъ войскъ.

Наконецъ, былъ полученъ отвѣтъ военнаго министра на мое донесеніе. Оказалось, что Государь Императоръ принялъ его очень милостиво и что Государь въ то самое время призналъ немедленную высадку отряда на Восточный берегъ совершенно необходимою для остановленія успѣховъ непріятеля. Государь думалъ сдѣлать это въ Новороссійскѣ, но призналъ, что выборъ Геленджика былъ цѣлесообразнѣе. Поэтому Государь, утвердивъ всѣ мои распоряженія, приказалъ объявить мнѣ *совершенное высочайшее удовольствіе за отличную, заслуживающую полной похвалы, распорядительность къ усиленной оборонѣ Черноморской Береговой Линіи*. Военный министръ сообщилъ эту высочайшую волю въ предписаніи отъ 16 Апрѣля 1840 г. № 215. Однакоже, вмѣсто того, чтобы отправиться 13-го Апрѣля, мы пробыли въ Ѳеодосіи до 8 Мая. Наконецъ, остальныя войска прибыли изъ Севастополя, всѣ распоряженія были кончены, и эскадра подняла якорь. Къ счастію, предпріимчивость горцевъ получила другое направленіе: 2-го Апрѣля они взяли укрѣпленіе Николаевское, которое не было потомъ возобновлено. Хочется думать, что убѣдились въ *совершенной нелѣпости* Геленджикской кордонной линіи, отъ которой *осталось только укрѣпленіе* Абинъ, безъ всякаго смысла и значенія.

26 Мая горцы атаковали и это укрѣпленіе, но были отражены съ большой потерею. Этимъ кончились всѣ наступательныя предпріятія горцевъ въ томъ году.

Корпусный командиръ съ своей свитой, Троскинъ, пріѣхавшій въ Ѳеодосію наканунѣ нашего выхода, и г. Раевскій со штабомъ помѣстились на кораблѣ Силистрія. Эскадрою командовалъ адмиралъ Лазаревъ, а начальникомъ штаба на его эскадрѣ былъ, по прежнему, Корниловъ, уже въ чинѣ капитана 1-го ранга и флигель-адъютантомъ. Командиромъ корабля Силистрія былъ П. С. Нахимовъ, съ давняго времени капитанъ 1-го ранга.

Утромъ 10 Мая эскадра стала на якорь у устья Туапсé. Грустный видъ представляло разоренное горцами укрѣпленіе Вельяминовское. Деревянныя строенія были сожжены; изъ-за бруствера возвышались только обгорѣлыя деревья безъ листьевъ. Горцевъ нигдѣ не было видно, но они могли скрываться за брустверомъ укрѣпленія, находившагося на возвышенности, и потому не подвергались огню артиллеріи съ моря. Пока дѣлались приготовленія къ десанту, я влѣзъ на салингъ гротъ-мачты, чтобы лучше разсмотрѣть внутренность укрѣпленія. Хотя и эта высота оказалась недостаточною, но я вполнѣ убѣдился въ томъ, что укрѣпленіе совершенно пусто: на сучьяхъ обгорѣлыхъ деревьевъ преспокойно сидѣло множество воронъ и галокъ. Я поспѣшилъ на ютъ сообщить генералу Раевскому это открытіе, позволявшее сдѣлать десантъ безъ всякаго шума. Я засталъ его разговаривающимъ съ адмираломъ Лазаревымъ. Едва ли не въ первый и въ послѣдній разъ Раевскій серьозно разсердился на меня за этотъ докладъ.—«Любезный другъ», сказалъ онъ, «не могу я подвергать опасности отрядъ потому, что вы видѣли какихъ-то птицъ». Послѣ того, наединѣ, онъ объяснилъ мнѣ, что я человѣкъ темный, что я не понялъ очень простой вещи: шумъ нуженъ не противъ горцевъ, а по политическимъ соображеніямъ. Однимъ словомъ, десантъ произошелъ по прежнему, т. е., передъ посадкой войскъ на гребныя суда и движеніемъ къ берегу, морская артиллерія громила пустой берегъ изъ 300 орудій, въ продолженіи четверти часа. «Почто гибель сія бысть?» А что я темный человѣкъ, въ этомъ я и самъ убѣдился, потому что всѣ были довольны. По диспозиціи отрядомъ командовалъ начальникъ дивизіи, ген.-адъют. Гасфортъ, авангардомъ—Мендъ, правымъ прикрытіемъ Троскинъ; разнымъ выдающимся лицамъ сухопутнаго и морскаго вѣдомствъ придуманы были назначенія, иногда фантастическія. Вышелъ комическій случай. Укрѣпленіе предположено штурмовать, по высадкѣ 2-го рейса, цѣлою бригадою, которая должна *была выстроиться* на берегу у подножія холма. Стрѣлковою цѣпью

командовалъ старый Кавказецъ, майоръ Лико. Ему былъ данъ сигналъ подвинуться впередъ, чтобы очистить мѣсто для войскъ. Онъ это исполнилъ, но тогда уже очутился на близкій ружейный выстрѣлъ отъ укрѣпленія. Не долго думая (какъ сдѣлалъ бы и всякій другой), Лико двинулся прямо на укрѣпленіе. Раевскій предположилъ въѣхать туда съ передовыми штурмующими колоннами. Видя, что весь эффектъ разстроенъ, онъ поскакалъ прямо въ укрѣпленіе, въ рубахѣ и съ трубкой въ зубахъ. Когда я это увидѣлъ, то обратился съ просьбой къ г. Гасфорту двигать скорѣе пѣхоту, потому что мы такъ долго стояли на берегу, что непріятель могъ, въ самомъ дѣлѣ, занять укрѣпленіе. Г. Гасфортъ вышелъ на середину, скомандовалъ: «Смирно. Баталіонъ на плечо!» Все это повторялось по уставу всѣми частными начальниками въ извѣстные промежутки времени, а Раевскій былъ уже у подножья укрѣпленія. Зная, что дальнѣйшая узаконенная процедура будетъ еще продолжительна, я подбѣжалъ къ баталіону Литовскаго полка, вынулъ шашку и закричалъ: «Впередъ, ребята, генералъ въ опасности!» Баталіонъ побѣжалъ за мною, но уже Раевскій былъ въ укрѣпленіи, гдѣ не оказалось ни одного горца. Г. Гасфортъ былъ мною очень недоволенъ.

Въ укрѣпленіи, на грудахъ мусора и углей, мы нашли 40 человѣческихъ остововъ. Это были остатки несчастнаго гарнизона. Мы ихъ похоронили съ честью въ общей могилѣ.

Однакоже при этомъ мирномъ десантѣ у насъ было 2 или 3 раненыхъ. Г. Мендъ забрался слишкомъ далеко съ авангардомъ въ лѣсъ и, вѣроятно, наткнулся на нѣсколько человѣкъ горцевъ; это дало нѣкоторую военную окраску всему этому дѣлу.

На другой день ушелъ флотъ и уѣхалъ корпусный командиръ, котораго г. Раевскій провожалъ до Сухума на пароходѣ. Начальникомъ отряда остался г. Гасфортъ. Здѣсь я долженъ сказать нѣсколько словъ объ этой личности, игравшей въ свое время довольно выдающуюся роль.

Я помню Гасфорта полковникомъ генеральнаго штаба, въ 1826 году, въ главной квартирѣ 1-й арміи. Онъ имѣлъ славу одного изъ лучшихъ офицеровъ этого вѣдомства. Въ концѣ 30-хъ годовъ онъ былъ начальникомъ штаба 5-го пѣхотнаго корпуса; въ 1839 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты и помѣнялся мѣстами съ начальникомъ 15-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантомъ Данненбергомъ. Онъ былъ почти вдвое старше меня лѣтами. Въ молодости я его лично не зналъ и, встрѣтя въ 1840 г., ломалъ себѣ голову, чтобы объяснить себѣ его прежнюю славу. Это былъ Остзейскій Нѣмецъ въ полномъ смыслѣ слова, по наружности, манерамъ, складу ума и ха-

рактеру. Все это было не крупно, но прилично и какъ будто заставляло чего-то ожидать, хотя позади этой декораціи не оказывалось ничего, кромѣ умѣнья жить съ людьми и пользоваться своими связями, чтобы эксплуатировать свое служебное положеніе. Онъ былъ вдовъ, но въ глубокой старости и почти слѣпой женился во второй разъ на 17-ти-лѣтней дѣвицѣ. Когда Западная Сибирь избавилась наконецъ отъ своего полудержавнаго проконсула князя Петра Дмитріевича Горчакова, всѣ пустились въ догадки: кто будетъ назначенъ генералъ-губернаторомъ, и всѣ удивились, узнавъ, что на это важное мѣсто, требовавшее большой энергіи и мѣстныхъ свѣдѣній, назначенъ генералъ Гасфортъ...

По возвращеніи Раевскаго сдѣланы были всѣ распоряженія для десанта половины отряда въ Псезуапé. Это выполнено 22 Мая, безо всякой потери, хотя не безъ грома морской артиллеріи. Въ высочайшемъ повелѣніи о возобновленіи укрѣпленія Лазаревскаго приказано было г. Раевскому сдѣлать движеніе внутрь края, для наказанія горцевъ, и уничтожить окрестные аулы. Движеніе это предпринято 28 Мая. Наканунѣ я пошелъ съ зрительной трубой на брустверъ укрѣпленія, чтобы, сколько возможно, ознакомиться съ мѣстностью и сдѣлать предположенія о предстоящемъ движеніи. Я и не замѣтилъ, что сзади подошелъ ко мнѣ Гасфортъ, которому Раевскій сказалъ, что ему поручаетъ командованіе отрядомъ въ этомъ движеніи, но что самъ будетъ находиться при отрядѣ.—«Что это вы дѣлаете?»—«Смотрю мѣстность, по которой мы завтра будемъ двигаться».—«У васъ, на Кавказѣ, вошла въ обычай нераціональная тактика, которую пора измѣнить. Я не намѣренъ двигаться постоянно всѣмъ отрядомъ, а прошедши 4 или 5 верстъ, оставлю репли, одинъ баталіонъ съ двумя орудіями, а потомъ отошедши еще столько же, другое репли и т. д. Такимъ образомъ мои движенія будутъ свободны, и тылъ вполнѣ обезпеченъ».—«А не можетъ ли случиться, что, на обратномъ пути, вы не найдете котораго-нибудь изъ оставленныхъ репли? Вѣдь о непріятелѣ мы не имѣемъ ровно никакихъ свѣдѣній; а къ нему, кажется, нельзя имѣть такого пренебреженія.»—«Вы такъ думаете?» И вслѣдъ за тѣмъ г. Гасфортъ пустился въ длинныя разсужденія, которыя показали только, что онъ ни края, ни горцевъ, ни горной войны совсѣмъ не знаетъ. Я побѣжалъ къ г. Раевскому. — «Ваше пр—во, г. Гасфортъ хочетъ измѣнить тактику Кавказской войны». Когда я разсказалъ нашъ разговоръ, Раевскій въ досадѣ сказалъ: «Любезный другъ, къ чему вы пускаетесь въ такія объясненія съ этимъ.... господиномъ! Напишите для завтрашняго дня глупѣйшую диспозицію, въ которой бъ *всѣ движенія* были въ точности опредѣлены, а если встрѣтится

обходимость что-либо измѣнить на мѣстѣ, то чтобы спрашивали моего разрѣшенія. Диспозицію я подпишу». На другой день г. Гасфортъ спросилъ меня: «что́, у васъ всегда пишутъ такія диспозиціи?» — «Нѣтъ, ваше превосходительство, только когда г. Раевскій признаетъ это нужнымъ».

Мы обошли кругомъ устья Псезуапе́ верстъ на пять и сожгли десятокъ ауловъ. Горцевъ было немного; у насъ ранены лѣкарь и пять рядовыхъ. Много было сценъ комическихъ, которыя совѣстно разсказывать.

Командованіе отрядомъ на Псезуапе́ поручено было командиру Замосцскаго егерскаго полка, полковнику Семенову, а г. Гасфортъ возвратился съ однимъ полкомъ въ укрѣпленіе Вельяминовское.

Бруствера̀ укрѣпленій остались почти цѣлыми, и это очень облегчило работу. Строенія для гарнизоновъ и все снабженіе были доставлены во́-время; но за то болѣзненность, особливо въ Крымскихъ войскахъ, сильно стала развиваться съ наступленіемъ жаровъ. Г. Раевскій нѣсколько разъ просилъ г. Гасфорта избавить войска отъ ученій на солнцѣ, чтобы сберечь здоровье людей, на которыхъ лежали крѣпостныя работы, но это оказалось невозможнымъ: одиночныя ученія продолжались ежедневно. Было забавно и жалко видѣть, какъ люди разбѣгались съ ученья, лишь только показывался пароходъ Раевскаго. Это заста̀вило послѣдняго приказомъ строго воспретить всякія фронтовыя ученія безъ его особеннаго дозволенія.

Военныя дѣйствія во все это лѣто были совершенно ничтожны, исключая того, что горцы бомбардировали укр. Навагинское изъ двухъ орудій, поставленныхъ на ближайшихъ высотахъ. Они сдѣлали до 150 выстрѣловъ ядрами, пробили въ нѣсколькихъ мѣстахъ казармы, но людямъ никакого вреда не сдѣлали. Воинскимъ начальникомъ былъ подполковникъ Посыпкинъ, изъ солдатскихъ дѣтей, старикъ усердный и опытный; но героиней оказалась его супруга, которая во все время бомбардированія прогуливалась по банкету подъ зонтикомъ. Государь произвелъ мужа въ полковники. Государыня пожаловала женѣ дорогой фермуаръ, а сына, 7-ми лѣтъ, приказано принять въ Морской Корпусъ и доставить въ Петербургъ на счетъ казны.

Генералъ Раевскій отправился на пароходѣ по Береговой Линіи, изъ Керчи послалъ интересное обозрѣніе и поспѣшилъ въ Таганрогъ, гдѣ нужно было распорядиться заготовкой и доставкой матеріаловъ для усиленія всѣхъ укрѣпленій Береговой Линіи и постройки вездѣ каменныхъ пороховыхъ погребовъ. Проектъ всѣхъ этихъ работъ сдѣланъ былъ военнымъ инженеръ-подполковникомъ Постельсомъ, котораго, при случайномъ проѣздѣ чрезъ Керчь, г. Раевскій силой задер-

жалъ у себя и донесъ объ этомъ военному министру. Постельсъ служилъ въ Севастополѣ и былъ конечно очень радъ своевольству своего новаго начальника. Это былъ очень хорошій инженеръ и честный человѣкъ. Въ послѣдствіи онъ былъ начальникомъ инженеровъ на Кавказѣ. Кромѣ его и меня, съ г. Раевскимъ были флигель-адъютанты полковники Крузенштернъ и Баратынскій и большая свита молодежи. Наше прибытіе сдѣлало въ Таганрогѣ большое движеніе. Тамъ строились зданія, пріобрѣтались строительные матеріалы для Береговой Линіи и заготовлялся каменный уголь для нашихъ пароходовъ. Генералъ Раевскій былъ для города дорогой посѣтитель. Градоначальникомъ былъ тогда тайный совѣтникъ баронъ Франкъ, бывшій адъютантомъ графа Воронцова и давнишній знакомый Раевскаго. Городъ былъ имъ доволенъ, а онъ, кажется, былъ особенно доволенъ нашимъ подрядчикомъ, Ставромъ Григорьевичемъ Вальяно, довольно богатымъ помѣщикомъ, для котораго поставка на Береговую Линію сдѣлалась какъ бы монополіею. Все это не помѣшало бар. Франку быть уволеннымъ отъ службы по ревизіи сенатора Жемчужникова, а Ставру Григорьевичу потерять все почти свое состояніе, благодаря ловкимъ распоряженіямъ нашего инженеръ-капитана Компанейскаго, завѣдывавшаго работами и заготовленіями. Компанейскій былъ сынъ крещенаго Жида, инженеръ посредственный, но человѣкъ практическій, дѣятельный и безъ всякой совѣсти. Намъ предстояло заключить дополнительный контрактъ съ Вальяно болѣе чѣмъ на полмилліона, а денегъ у насъ не было ни гроша. Это не затруднило г. Раевскаго: онъ далъ нѣчто въ родѣ предписанія бар. Франку выдать въ его распоряженіе 128 т. рублей на задатки изъ карантинной суммы и донесъ объ этомъ военному министру. Конечно, деньги были тотчасъ возвращены.

На другой день пріѣзда мы торжественно обѣдали у бар. Франка, на третій Вальяно далъ Балтазаровъ пиръ, на которомъ дамъ не было, а Раевскій присутствовалъ въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ. Но мнѣ было не до того. Все это время я возился съ инженерными вѣдомостями и съ составленіемъ черноваго контракта, гдѣ опредѣленіе общей суммы заготовленія и перевозки я долженъ былъ назначить по своему соображенію. Когда черновой контрактъ былъ готовъ, я пошелъ доложить его ген. Раевскому, котораго нашелъ за чашкой кофе на балконѣ и въ пріятной бесѣдѣ.—«Любезный другъ, пишите вы ваши папиры какъ знаете; а когда будетъ контрактъ переписанъ, подайте подписать». Подписалъ онъ не читая и даже не спросилъ о количествѣ назначенной суммы. Ни ему, ни мнѣ не приходило въ голову, чтобы такой порядокъ былъ ненормальнымъ. О мы считали себя выше всякаго подозрѣнія въ грязномъ стяжаніи

бавно было видѣть Крузенштерна, человѣка довольно мелочнаго. Онъ флигель-адъютантъ Е. И. В., пируя у бар. Франка и у Вальяно, дѣлался какъ бы участникомъ въ темномъ дѣлѣ. Это его видимо мучило. Баратынскій, совсѣмъ напротивъ, держалъ себя просто и безъ всякой чопорности. Мнѣ показалось, что Постельсъ былъ не доволенъ своею ролью. Контрактъ былъ заключенъ безъ его вѣдома. Инженеръ, который тутъ выигралъ десятки тысячъ, не пришелъ предложить ему взятки! Я увѣренъ, что Постельсъ прогналъ бы его въ шею, но все же нужно было оказать уваженіе такому важному лицу.

На слѣдующій день, послѣ завтрака въ упраздненномъ карантинѣ, мы отправились на пароходъ при громкихъ: ура! всѣхъ заинтересованныхъ лицъ.

Въ Керчи явились къ Раевскому генеральнаго штаба полковникъ Шульцъ и путей сообщенія капитанъ баронъ Дельвигъ, посланные, по высочайшему повелѣнію, для выбора мѣста укрѣпленія на Варенниковой Пристани и для составленія проекта дамбы и мостовъ отъ Андреевскаго поста и переправы черезъ Кубань *). О Шульцѣ нечего много говорить: учился онъ въ Военной Академіи очень плохо, отъ природы одаренъ скудно, но храбръ беззавѣтно и столько же самоувѣренъ. Баронъ Андрей Ивановичъ Дельвигъ совсѣмъ другаго рода человѣкъ. Онъ родственникъ поэта Дельвига и Москвичъ съ замѣтнымъ оттѣнкомъ славянофильства. Ненависть къ Нѣмцамъ доходитъ у него иногда до черезчурія. При хорошемъ умѣ, бойкихъ способностяхъ, онъ едва ли не лучшій спеціалистъ въ вѣдомствѣ путей сообщенія. Въ то время онъ только начиналъ свою карьеру; въ послѣдствіи управлялъ министерствомъ, а теперь (1878 г.) вмѣстѣ со мною сенаторствуетъ, т.-е. доживаетъ вѣкъ безъ всякой дѣятельности, которая могла бы принести государственную пользу. Онъ былъ женатъ на Эмиліи Николаевнѣ Левашовой, которую потерялъ только въ нынѣшнемъ году. Супруги были достойны одинъ другаго и прожили вѣкъ въ полномъ согласіи. Оба они люди замѣчательно-добрые, честные и благородные, съ характеромъ мягкимъ, но совершенно-независимымъ. Я счастливъ, что могу назваться его другомъ съ перваго дня знакомства. Забавно однакоже, что, зная другъ друга въ 1840 г. только по имени, мы взаимно считались Нѣмцами и потому встрѣтились не особенно радушно.

---

*) Г. И. Филипсонъ обладалъ необыкновенною памятью, но здѣсь она ему измѣнила: *баронъ Дельвигъ пріѣхалъ* изъ Ставрополя въ Керчь, въ первый разъ, не въ 1840, а *въ 1841 году въ Январѣ;* а во второй разъ въ Февралѣ того же года. Шульцъ пріѣхалъ *въ Февралѣ же, послѣ барона* Дельвига.

Прежде нежели продолжать мой разсказъ, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о подробностяхъ гибели четырехъ нашихъ укрѣпленій, тѣмъ болѣе, что въ разныя времена являлись объ этихъ событіяхъ неточные разсказы.

Всѣ эти укрѣпленія, какъ я выше сказалъ, были полевыя, безъ всякихъ искусственныхъ усиленій, и всѣ командуемыя окрестными высотами на разстояніи 250—400 саженъ. Бруствера сдѣланы были и обрѣзаны очень тщательно, но отъ дождей подвергались порчѣ и не могли быть вполнѣ исправляемы гарнизонами, крайне изнуренными отъ болѣзней, безсонныхъ ночей и вообще неестественной жизни. Сверхъ того, укр. Вельяминовское было расположено на такой мѣстности, что непріятель могъ скрытно подойти къ нему съ двухъ сторонъ по глубокимъ балкамъ Екатерининской и Тешепса. Укрѣпленіе Михайловское, какъ я уже сказалъ, кромѣ неудобствъ мѣстности, имѣло такую странную фигуру, что его трудно было оборонять даже и вдвое сильнѣйшимъ гарнизономъ. Лазаревское, Вельяминовское и Николаевское были взяты предъ разсвѣтомъ, внезапнымъ нападеніемъ. Кто знаетъ легкость и стремительность горцевъ, тотъ легко пойметъ, что главное условіе успѣха такого предпріятія состояло во внезапности и быстротѣ. Воинскіе начальники нашихъ укрѣпленій не имѣли никакихъ средствъ узнавать о сборахъ и замыслахъ непріятеля. Горцы караулили днемъ и ночью наши укрѣпленія и безпощадно убивали каждаго изъ своихъ, если былъ уличенъ въ сношеніяхъ съ нами. Лазаревское и Николаевское достались имъ почти безъ боя; въ Вельяминовскомъ они встрѣтили бо́льшее сопротивленіе, но тоже большой потери не потерпѣли. Это и особенно взятая добыча всего болѣе подстрекнули ихъ предпріимчивость, такъ что Михайловское укрѣпленіе они уже атаковали днемъ.

Воинскимъ начальникомъ тамъ былъ штабсъ-капитанъ Лико (младшій братъ майора Лико, о которомъ я упомянулъ выше). Это былъ исправный офицеръ, всю службу проведшій на Кавказѣ, серьезный и отважный. Когда онъ узналъ о взятіи Лазаревскаго укрѣпленія, то, предполагая и себѣ возможность такой же участи, онъ благоразумно отдѣлилъ внутреннимъ брустверомъ ближайшую къ морю часть своего укрѣпленія, гдѣ были провіантскій магазинъ и пороховой погребъ. Въ этой цитадели Лико предполагалъ держаться, еслибы непріятель и ворвался въ остальную часть укрѣпленія.

Въ предшествующую нападенію ночь собаки за укрѣпленіемъ сильно лаяли, гарнизонъ ночевалъ, какъ обыкновенно, подъ ружьемъ; но все было тихо, и когда разсвѣло, непріятеля нигдѣ не было видно. *Въ полдень*, когда нижніе чины обѣдали, толпа горцевъ, скрывавшаяся *за рѣкою* Вуланомъ, въ перелѣскахъ, внезапно и безъ шу-

бросилась къ укрѣпленію, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился крытый ходъ къ рѣкѣ (такъ какъ другой воды гарнизонъ не имѣлъ). Сдѣлалась тревога, всѣ бросились къ угрожаемому пункту; но это, какъ видно, была фальшивая атака. Главная масса горцевъ атаковала укрѣпленіе съ сѣверной и сѣверо-восточной стороны, гдѣ спускающаяся къ морю мѣстность имъ болѣе благопріятствовала. Лазутчики говорятъ, что горцевъ было очень много и что большая часть ихъ были пьяны, выпивъ вѣроятно спирту, доставшагося имъ въ Лазаревскомъ и Вельяминовскомъ укрѣпленіяхъ. Гарнизонъ дрался съ ожесточеніемъ, но подавленъ огромнымъ превосходствомъ непріятеля, ворвавшагося въ укрѣпленіе съ двухъ сторонъ. Лико, съ горстью людей, отступилъ въ свой редюитъ и продолжалъ тамъ защищаться, обстрѣливая внутренность укрѣпленія картечью изъ горнаго единорога. Строенія въ остальной части укрѣпленія уже горѣли; горцы торопились грабить, уносить добычу и уводить плѣнныхъ. Только часа черезъ два они рѣшились штурмовать редюитъ и, когда ворвались въ него, послѣдовалъ взрывъ пороховаго погреба, отъ котораго погибли остатки храбраго гарнизона и до 2 т. горцевъ, какъ говорятъ лазутчики. Вѣроятно это число преувеличено, но во всякомъ случаѣ потеря была такъ огромна, что поразила ужасомъ горцевъ. Они разбѣжались, не убирая даже своихъ труповъ и съ того времени назвали это мѣсто «проклятымъ». Къ этому разсказу лазутчиковъ единогласно прибавили нѣсколько нижнихъ чиновъ гарнизона Михайловскаго укрѣпленія, случайно не бывшихъ тамъ во время его гибели. Увѣряли, что каждый день, при вечерней зарѣ, дѣлался разсчетъ на случай атаки непріятеля; что штабсъ-капитанъ Лико объявилъ имъ, что не сдастъ укрѣпленія и въ крайности взорветъ пороховой погребъ; что на этотъ подвигъ вызвался рядовой Тенгинскаго полка Архипъ Осиповъ, который при разсчетѣ всегда выходилъ впередъ и громко повторялъ свое обѣщаніе.

Въ этомъ видѣ и было донесено г. Раевскимъ военному министру, и Государю Императору угодно было приказать произвести строжайшее изслѣдованіе относительно взрыва пороховаго погреба и точно ли этотъ взрывъ произведенъ Архипомъ Осиповымъ? Казалось, самая сущность событія не давала никакой надежды на полное раскрытіе истины съ юридическою точностію; но тутъ помогли неожиданныя обстоятельства. Со времени взятія Михайловскаго укрѣпленія прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Въ продолженіи этого времени вышло отъ горцевъ около 50 нижнихъ чиновъ, взятыхъ въ плѣнъ вскорѣ послѣ того какъ горцы ворвались въ укрѣпленіе. Нѣкоторые бѣжали, другіе были вымѣнены на нѣсколькихъ горцевъ, или выкуплены на соль, въ которой горцы нуждались. Я собралъ всѣхъ этихъ выход-

цевъ. Всѣ они подъ присягой показали: что 1) штабсъ-капитана Лико, какъ начальника строгаго и справедливаго, всѣ подчиненные боялись и уважали; 2) что онъ объявилъ при всѣхъ, послѣ взятія Лазаревскаго укрѣпленія, что взорветъ пороховой погребъ, а не сдастъ укрѣпленія; 3) что служба отправлялась у нихъ строго, и каждую ночь гарнизонъ стоялъ въ ружьѣ; 4) что при вечерней зарѣ всегда дѣлался разсчетъ гарнизону, кому и гдѣ находиться въ случаѣ нападенія; 5) что вызваны охотники зажечь пороховой погребъ въ случаѣ крайности; ихъ оказалось человѣкъ десятокъ, и очередной вызывался при каждомъ разсчетѣ; 6) что однажны рядовой Тенгинскаго полка Архипъ Осиповъ сталъ просить штабсъ-капитана Лико возложить на него одного этотъ подвигъ; Лико согласился, іеромонахъ принялъ его клятву и благословилъ его; 7) что съ того времени Осиповъ всегда выходилъ впередъ, и Лико напоминалъ ему взятый на себя обѣтъ; 8) что Архипа Осипова всѣ въ гарнизонѣ знали, какъ исправнаго солдата, серьознаго и набожнаго человѣка, и никто не сомнѣвался, что онъ сдержитъ свое слово.

Болѣе ничего эти люди не могли показать, потому что взяты были вскорѣ послѣ того, какъ горцы ворвались въ укрѣпленіе. Надобно сказать, что плѣнные считались у горцевъ дорогою добычей и тотчасъ же уводились въ горы, чтобы ихъ не лишиться въ общемъ безпорядкѣ. Иногда одинъ плѣнный доставался нѣсколькимъ горцамъ, и они спѣшили увести его подальше, чтобы условиться въ томъ, какъ пользоваться своею добычею. Такіе плѣнные ничего не знали о взрывѣ пороховаго погреба; но совершенно неожиданно явились трое нижнихъ чиновъ, бывшихъ въ редюитѣ въ послѣдній актъ взятія укрѣпленія. Они показали подъ присягой: 1) что въ редюитѣ было всѣхъ человѣкъ 80 и въ томъ числѣ Архипъ Осиповъ, находившійся неотлучно при воинскомъ начальникѣ; 2) что горцы атаковали редюитъ со всѣхъ сторонъ, какъ одинъ изъ нихъ выразился—«лѣзли, какъ саранча»; 3) когда они уже ворвались въ редюитъ, Лико былъ сильно раненъ, но сказалъ Осипову твердымъ голосомъ: «дѣлай свое дѣло», а тотъ отвѣчалъ: «будетъ исполнено», и 4) что бывшій тутъ іеромонахъ Маркелъ, въ эпитрахили и съ крестомъ, благословилъ Осипова и далъ приложиться ко кресту.

Двое изъ этихъ показателей были схвачены горцами; третій прибавилъ, что онъ находился подлѣ Лико и тоже былъ раненъ, слышалъ его слова и отвѣтъ Осипова и видѣлъ, какъ онъ взялъ гранату, сорвалъ пластырь и, взявъ въ другую руку зажженный фитиль, вошелъ въ пороховой погребъ; но взрывъ послѣдовалъ не въ той

мгновеніе, потому что онъ услышалъ его во рву укрѣпленія, куда горцы успѣли его столкнуть.

Безъискусственный разсказъ этихъ людей носилъ на себѣ печать несомнѣнной истины, и фигуры Лико, Осипова и іеромонаха являлись въ такой героической простотѣ, что недобросовѣстно было бы допускать малѣйшее сомнѣніе, хотя самый актъ зазженія пороха Осиповымъ, по существу своему, не могъ быть доказанъ юридически.

Г. Раевскій представилъ военному министру всѣ подлинныя показанія. Государь былъ тронутъ ихъ чтеніемъ и приказалъ объявить объ этомъ подвигѣ по всему военному вѣдомству, отыскать и щедро обезпечить семейства Лико и Осипова, и сверхъ того приказалъ считать на вѣчныя времена Архипа Осипова правымъ фланговымъ 1-й гренадерской роты Тенгинскаго пѣхотнаго полка и, при перекличкѣ, второй человѣкъ долженъ отвѣчать: «погибъ во славу Русскаго оружія».

Такъ кончилась на этотъ разъ эта драма. Укрѣпленія были усилены, гарнизоны увеличены, сформированы 4 баталіона подвижнаго резерва, щедрой рукой улучшено довольствіе войскъ и устройство санитарной части. Въ распоряженіи начальника Береговой Линіи образовалась цѣлая эскадра, 4 парохода, 6 военныхъ транспортовъ и 40 Азовскихъ баркасовъ, вооруженныхъ каждый восьмифунтовою коронадою, сверхъ того крейсирующая эскадра Черноморскаго флота... Казалось, повтореніе несчастныхъ событій 1840 г. сдѣлалось невозможнымъ. Къ сожалѣнію, 1853 годъ показалъ, что всѣ эти огромныя пожертвованія были совершенно безполезны. Со вступленіемъ непріятельскаго флота въ Черное море, мы сами должны были уничтожить береговыя укрѣпленія, которыя намъ стоили такихъ жертвъ людьми, временемъ и деньгами. Все это было естественнымъ слѣдствіемъ настойчивости Государя Николая Павловича и не совсѣмъ безкорыстнаго отношенія къ дѣлу со стороны ближайшаго начальства, которому жаль было оставить насиженное мѣсто. Не безъ того, что тутъ былъ и страхъ общественнаго мнѣнія въ Европѣ, которое не приминуло бы приписать слабости Россіи, еслибы она, убѣдившись въ ошибочности всей системы, рѣшилась покинуть несчастную мысль устройства Черноморской Береговой Линіи.

*

Мы пробыли въ Керчи нѣсколько дней, чтобы управиться съ *бумагами. Жена Раевскаго* съ малюткой Николаемъ, родившимся въ *1840 г., отправилась* на южный берегъ Крыма въ свое имѣніе *Карасанъ. Съ ними* проводили лѣто Майеръ и Софья Андреевна Дам-

бергъ. Послѣдняя нянчилась съ ребенкомъ съ терпѣніемъ и приторной добротой Нѣмки. Часто она служила намъ съ Майеромъ предметомъ шутокъ и насмѣшекъ въ дружеской бесѣдѣ. Тогда оба мы и не подозрѣвали, что черезъ нѣсколько лѣтъ она будетъ женою Майера и матерью его двухъ сыновей.

Намъ нужно было спѣшить въ Абхазію, гдѣ въ послѣднее время произошли безпорядки.

Я уже сказалъ, что г. Раевскій нашелъ нужнымъ поднять въ этомъ краѣ значеніе и власть владѣтеля. Это очень не понравилось многимъ лицамъ, находившимъ поддержку въ мѣстномъ начальствѣ и въ Тифлисѣ. Абхазія, классическая страна вѣроломства и предательства, была полна интригъ, въ которыхъ не послѣднюю роль игралъ самъ владѣтель. Противная ему партія старалась возбудить противъ него ближайшія Абхазскія области, не входящія въ его владѣніе, и Убыховъ. Послѣдніе имѣли кровомщеніе противъ князей Иналипа и противъ Манъ-Каца, извѣстнаго у насъ подъ именемъ Кацо-Маргани. Убыхи, вмѣстѣ съ Джигетами, нѣсколько разъ пробовали проходить мимо Гагръ, вторгались въ Абхазію, не имѣли особенной удачи, но держали край въ постоянномъ волненіи. Въ вершинахъ Бзыба и Кодора жили общества Абхазскаго племени Псху и Цебельда, независящія отъ владѣтеля. Это были притоны сброда разныхъ бѣглецовъ и негодяевъ, особливо Псху. Въ обоихъ обществахъ были князья Маршани, считавшіе себя родомъ старше владѣтеля. Сестра послѣдняго была замужемъ за Хрипсомъ, старшимъ изъ Цебельдинскихъ Маршани, человѣкомъ довольно ничтожнымъ. Въ остальныхъ Маршани особенно выдавались храбростію, энергіей и непримиримой враждой къ владѣтелю: Шабатъ, Баталбей и Эсшау. Они подняли всю Цебельду и начали свою разбойническую войну противъ Абхазіи и слѣдовательно противъ насъ. Приставъ Цебельдинскій, поручикъ Лисовскій, имѣвшій при себѣ только шестерыхъ Донскихъ казаковъ, долженъ былъ бѣжать въ Сухумъ. Можно догадываться, что его и не хотѣли преслѣдовать, потому что знали его всегдашнюю вражду съ княземъ Михаиломъ.

Генералъ-майоръ Ольшевскій, по первому извѣстію о бунтѣ въ Цебельдѣ, предложилъ владѣтелю собрать до 1500 милиціонеровъ, конныхъ и пѣшихъ и, приготовивъ двѣ роты и два горныхъ единорога къ движенію въ Цебельду, ожидалъ прибытія генерала Раевскаго.

Лучшая, хотя далеко не хорошая, вьючная дорога въ Цебельду идетъ изъ Сухума до урочища Марамба, находящагося въ срединѣ *нижней* Цебельды, около 40 верстъ. Во многихъ мѣстахъ непріятель *могъ упорно* и съ выгодой держаться. За нижней Цебельдой, по ве

ховьямъ Кодора и Адзгары, лежитъ горное урочище Далъ, со всѣхъ сторонъ, кромѣ южной, окруженное снѣговыми хребтами. Тропа, ведущая въ Далъ, идетъ по берегу р. Амткяля и выходитъ въ долину Кодора, чрезъ который перекинутъ мостикъ для перегона скота и овецъ. Горцы переводятъ по немъ своихъ верховыхъ лошадей въ поводу, но не безъ опасности. Мѣсто это называется Багада. Оно можетъ быть защищаемо горстью отважныхъ людей противъ цѣлой арміи. Долина Дала имѣетъ прекрасныя пастбища, горы покрыты лѣсами; въ южной части есть нѣсколько ауловъ; сѣверная, очень возвышенная, необитаема, но чрезъ нее ведутъ тропы въ Псху, Сванетію и сѣверную сторону главнаго хребта, къ Карачаевцамъ и къ вершинамъ Малой Лабы. Перевалъ чрезъ снѣговые хребты лѣтомъ удобенъ только для пѣшихъ; зимою же совсѣмъ непроходимъ.

Главное затрудненіе предстоявшаго похода въ Цебельду было въ заведеніи вьючнаго транспорта для перевозки тяжестей и въ приспособленіи горной артиллеріи къ возкѣ на вьюкахъ. Все это могло быть изготовлено только въ концѣ Іюля, и 25 числа генералъ Раевскій двинулся съ отрядомъ, котораго главная часть состояла изъ Абхазской милиціи, т.-е. войска наименѣе надежнаго. Но уже много времени прошло: Цебельдинцы успокоились и не оказали никакого сопротивленія движенію отряда. Переходъ до Марамбы сдѣлали мы съ конницей въ одинъ день; пѣхота пришла на другой день. Съ нами былъ владѣтель. Начались безконечные переговоры; нѣкоторые Маршани явились съ повинной головой и были, конечно, прощены. Шабатъ и Баталбей ушли въ Далъ или къ сосѣдямъ.

Генералъ Раевскій рѣшилъ построить укрѣпленіе въ Марамбѣ на одну роту пѣхоты, чтобы имѣть въ этомъ краѣ опорный пунктъ. Это возложено на подполковника Козловскаго, который былъ оставленъ въ распоряженіе начальника 3 отдѣленія Черноморской Береговой Линіи. Дня черезъ четыре мы уже плыли на пароходѣ въ Псезуапе́ и Туапсе́.

Въ обоихъ отрядахъ страшно свирѣпствовала лихорадка. Надобно признаться, что войска 15 дивизіи, независимо отъ неопытности въ новомъ для нихъ краѣ, отличались крайнею нечистотою въ лагерѣ и равнодушіемъ къ мѣрамъ сбереженія здоровья нижнихъ чиновъ. Работы шли плохо, а ученья продолжались въ тропическія жары, не смотря на запрещеніе. Какая-то апатія была видна на всѣхъ лицахъ. Еще въ Псезуапе́ какъ будто было лучше, и это приписывали полковнику Семенову. Къ счастію, горцы ничего не предпринимали.

Въ концѣ Августа или въ самомъ началѣ Сентября прибылъ въ *Туапсе́ на пароходахъ* Береговой Линіи 4-й баталіонъ Тенгинскаго

полка въ усиленномъ составѣ. Онъ долженъ былъ замѣнить три полка 15-й дивизіи. Дѣло отъ этой замѣны много выиграло.

Когда, предъ сумерками, Тенгинцы стали выходить на берегъ, всѣ солдаты и офицеры 15 дивизіи сбѣжались смотрѣть на новыхъ пришельцевъ. Контрастъ свѣжихъ, бодрыхъ и расторопныхъ Тенгинцевъ съ апатичными и болѣзненными солдатами 15 дивизіи поневолѣ бросался въ глаза. Командующій баталіономъ, капитанъ Иванъ Павловичъ Корзунъ, распоряжался безъ суеты, толково и съ достоинствомъ. Это былъ старый Кавказецъ, лѣтъ за 40, высокаго роста, съ рѣзкими чертами смуглаго лица, много разъ раненный и между прочимъ въ шею, отчего выговоръ его былъ глухой и не совсѣмъ понятный. На шеѣ у него были ордена Анны и Станислава, въ петлицѣ Владиміра 4 ст. съ бантомъ и золотая шашка за храбрость. Въ былыя времена ротный командиръ на Кавказѣ былъ особа почтенная и самостоятельная.

Баталіонъ кончилъ высадку, когда уже совсѣмъ смерклось. Тутъ же на берегу откуда-то явились артельные котлы съ водкой; ротные писаря стали перекликать нижнихъ чиновъ по списку, и пошелъ самочерпъ подъ громкія пѣсни и при бѣшенной пляскѣ плясуновъ. Эхъ!... доброе это было войско. Вѣчная ему память!...

Къ общему удовольствію, 15 дивизія возвратилась въ Крымъ. Работы въ Туапсе́ и Псезуапе́ кончили Тенгинцы и Черноморскіе казаки. 28 Ноября корабли перевезли ихъ къ мысу Тузла, и отрядъ разошелся по зимнимъ квартирамъ.

Я уже сказалъ, что г. Раевскій былъ страстный ботаникъ и садоводъ. Еще въ началѣ 1840 г., онъ самъ развезъ по укрѣпленіямъ лозы винограда изъ садовъ графа Воронцова и изъ Никитскаго казеннаго сада, и множество растеній и цвѣтовъ изъ своего сада въ Карасанѣ, на южномъ берегу Крыма. Въ Сухумѣ онъ устроилъ ботаническій садъ, который впослѣдствіи разросся и размножился великолѣпно, и былъ истребленъ Турками и Черкесами въ 1877 г. Завѣдываніе этимъ садомъ онъ поручилъ рядовому 6 линейнаго баталіона Багриновскому, котораго случайно узналъ, какъ ботаника, въ укр. Вельяминовскомъ. Багриновскій кончилъ курсъ по медицинскому факультету Виленскаго университета, но, вмѣсто лекарскаго мундира, на него надѣли солдатскую шинель. Малаго роста, изнуренный лишеніями и лихорадкой, Багриновскій былъ хорошо образованъ и сохранилъ страсть къ научнымъ занятіямъ. Съ высочайшаго соизволенія онъ былъ назначенъ директоромъ Сухумскаго ботаническаго сада съ производствомъ въ унтеръ-офицеры. Между туземцами онъ пользовался большою довѣренностію къ его врачебному искусству; его возили

верстъ за 100 и 150, даже къ непокорнымъ горцамъ. Впослѣдствіи времени мнѣ удалось исходатайствовать ему высочайшее дозволеніе ѣхать на казенный счетъ въ Харьковскій университетъ для выдержанія экзамена на степень лекаря. Это вѣроятно былъ единственный экзаменующійся въ солдатской шинели. Я имѣлъ утѣшеніе видѣть его уже въ лекарскомъ мундирѣ, и онъ собирался держать экзаменъ на доктора медицины. Товарищъ Багриновскаго по университету и несчастію, Вояковскій, попалъ тоже на Кавказъ, служилъ съ отличіемъ и, кажется, продолжаетъ служить (1878) въ чинѣ генералъ-маіора. Это человѣкъ храбрый, честный и съ большимъ характеромъ. Въ мое время ему тоже удалось выбиться изъ солдатской шинели. Въ 1845 году, когда я оставилъ Береговую Линію, у него уже былъ офицерскій Георгіевскій крестъ 4 ст., и онъ былъ поручикомъ.

При этомъ случаѣ не могу не сказать нѣсколько словъ о двухъ другихъ Полякахъ, съ которыми служба на Береговой Линіи меня сблизила. Это были Тржасковскій и Лисовскій, оба студенты Кіевскаго университета, сосланные солдатами въ Абхазію, за участіе въ одномъ изъ заговоровъ, которые такъ часто открывались въ этомъ краѣ.... Они попали въ Абхазію въ 1828 году и десять лѣтъ служили въ нижнихъ чинахъ, несли всю тяжесть службы въ этомъ убійственномъ климатѣ и только въ 1838 г. произведены были въ прапорщики. Оба они хорошо образованы и жили дружно, какъ родные братья. Несчастіе только закалило ихъ характеръ. Я уже говорилъ, что Лисовскій былъ Цебельдинскимъ приставомъ; Тржасковскаго взялъ къ себѣ генералъ Эспехо, для завѣдыванія дѣлами въ его канцеляріи. Когда Абхазія поступила въ составъ Черноморской Береговой Линіи, я взялъ Тржасковскаго къ себѣ въ штабъ старшимъ адъютантомъ въ дежурствѣ. Въ этой должности онъ работалъ очень усердно и толково, а передъ началомъ всякой экспедиціи, я посылалъ его на пароходѣ по всѣмъ укрѣпленіямъ собирать всѣхъ разжалованныхъ, желающихъ участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ. Ихъ набиралось человѣкъ до 200, и мы, въ шутку, называли эту команду иностраннымъ легіономъ. Тржасковскій часто былъ ихъ командиромъ. Не нужно и говорить, что легіонъ лѣзъ въ огонь, очертя голову, чтобы отличиться и выбиться изъ своего положенія. Мнѣ пріятно вспоминать, что очень многимъ изъ этихъ несчастныхъ это и удавалось. Вообще между Поляками было много отличныхъ офицеровъ и солдатъ, столько же, какъ и между другими національностями; но они были замѣтнѣе другихъ, потому что *ихъ положеніе придавало* имъ особенную оригинальность.

Не могу не сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ Полякѣ, *подполковникѣ Кардве*. Въ 1840 г. правительство объявило, что вся-

кому офицеру, служащему или отставному, при переводѣ или назначеніи въ Черноморскіе линейные баталіоны, будетъ выдаваемо годовое жалованье и прогоны на всякое разстояніе, а женатымъ то и другое вдвое. Эта была мѣра ошибочная, вредная. Очень много офицеровъ, съѣхавшихся съ разныхъ сторонъ на предлагаемую добычу, оказались болѣе чѣмъ неудовлетворительными. Въ тоже время былъ назначенъ, изъ отставныхъ, въ Черноморскій линейный № 5 баталіонъ, подполковникъ Карове. Изъ формулярнаго списка, присланнаго намъ ранѣе его пріѣзда, видно было, что ему 60 лѣтъ, что онъ служилъ въ Польскихъ войскахъ, во всѣхъ Наполеоновскихъ войнахъ; въ 1812 г. командовалъ дивизіономъ въ Итальянской гвардіи; по присоединеніи Польши къ Россіи, оставилъ службу съ пенсіономъ; въ 1831 г. командовалъ полкомъ противъ насъ, а въ 1840 г. пожелалъ вступить въ ряды нашей арміи. Изъ этой исторіи можно было догадываться, что г. Карове или шутъ, или выжилъ изъ ума. Можно вообразить себѣ мое удивленіе, когда я увидѣлъ почтеннаго, сѣдаго старика, совершенно бодраго, съ прекрасными чертами лица и съ глазами, въ которыхъ видна была необыкновенная доброта. У него былъ одинъ сынъ, прекрасный юноша лѣтъ 18-ти. Трогательно было видѣть ихъ взаимную любовь. На всемъ земномъ шарѣ у нихъ болѣе никого не было близкихъ. Г. Раевскій назначилъ Карове воинскимъ начальникомъ Новотроицкаго укрѣпленія, котораго гарнизонъ состоялъ изъ одной роты. Скоро его разумная доброта сдѣлалась извѣстною даже ближайшимъ немирнымъ горцамъ, и нерѣдко случалось, что они приходили къ старику съ просьбой разобрать ихъ ссоры или тяжбы. Отъ этого враждебность ближайшихъ горцевъ значительно ослабѣла, гарнизонъ могъ вымѣнивать скотъ на порцію, отчего болѣзненность замѣтно уменьшалась. Одинъ только іеромонахъ Паисій не могъ помириться съ его Польскимъ происхожденіемъ, часто приносилъ нелѣпыя жалобы и дѣлалъ нелѣпые доносы.

Вообще между разжалованными было немало интересныхъ личностей, не говоря уже о Декабристахъ, которые между ними составляли аристократію. Я, кажется, сказалъ нѣсколько словъ о князѣ Урусовѣ, который, по выходѣ изъ Инженернаго Училища, 19 лѣтъ, былъ обвиненъ въ намѣреніи взбунтовать Калмыцкое войско, овладѣть Астраханью и флотиліей и отправиться въ Хиву. Юноша сосланъ былъ солдатомъ въ одинъ изъ Сибирскихъ баталіоновъ, съ лишеніемъ княжескаго и дворянскаго достоинствъ. Въ видѣ особенной милости онъ переведенъ солдатомъ же въ Кабардинскій егерскій полкъ, а оттуда въ одинъ изъ Черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ, гдѣ, съ величайшимъ трудомъ, удалось исходатайствовать ему производство въ

унтеръ-офицеры. Въ 1840 году намъ было прислано шесть или семь офицеровъ инженерныхъ, но такъ какъ работы по усиленію обороны производились одновременно во всѣхъ укрѣпленіяхъ, то число инженеровъ оказалось далеко недостаточнымъ. Нужно было изыскивать домашнія средства. Такъ, я рѣшился поручить князю Урусову, какъ бывшему инженеру, постройку въ Головинскомъ укрѣпленіи кирпичнаго пороховаго погреба. Когда уже строеніе было готово и хотѣли переносить туда порохъ, въ самомъ замкѣ свода оказалась большая трещина. Получивъ объ этомъ донесеніе, я не зналъ что̀ дѣлать. Перестройка обошлась бы въ нѣсколько тысячъ рублей, а съ кого ихъ взыскать? Я доложилъ о своемъ горѣ г. Раевскому, который, очень хладнокровно, поправивъ очки, сказалъ: «Je vous arrangerai ça» *). Въ это время онъ диктовалъ Антоновичу одно изъ своихъ обозрѣній, и я, къ немалому удивленію, прочелъ въ немъ, что по всей Береговой Линіи было землетрясеніе, направлявшееся отъ NW къ SO; ударовъ было три, послѣдній во многихъ мѣстахъ былъ силенъ и причинилъ поврежденія, между прочимъ въ укр. Головинскомъ лопнулъ сводъ новаго пороховаго погреба, въ который, къ счастію, не успѣли еще перенести пороха. Конечно, послѣ этого перестройка принята на счетъ казны.

Осенью мы еще разъ побывали въ Абхазіи. Передъ нашимъ отъѣздомъ изъ Керчи, туда пріѣхалъ баронъ Дельвигъ, кончившій свое порученіе на Варенниковой Пристани. Онъ отправился по Береговой Линіи. Край новый, съ рѣзкими особенностями, конечно для него, привыкшаго къ единообразію и неподвижности въ Россіи, былъ любопытенъ. Особливо въ Абхазіи онъ сдѣлался случайно свидѣтелемъ сценъ, имѣющихъ серьезную важность, при самой комической обстановкѣ. Когда, по возвращеніи въ Керчь, г. Раевскій спросилъ его, какое впечатлѣніе произвела на него Береговая Линія, онъ отвѣчалъ, что видѣлъ много хорошаго и интереснаго, но только линіи не видалъ, а посѣтилъ нѣсколько точекъ не имѣющихъ связи.

Въ Абхазіи уже былъ новый начальникъ 3 отдѣленія. Генералъ Ольшевскій назначенъ Ставропольскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а на его мѣсто прибылъ полковникъ Муравьевъ.

Не хотѣлось бы, а волей-неволей я долженъ говорить объ этой выдающейся личности, съ которою судьба сталкивала меня въ разныхъ положеніяхъ. Я уже упоминалъ о нашей первой съ нимъ встрѣчѣ въ 1838 г. Головинъ, у котораго онъ былъ правой рукой, узнавъ о моемъ производствѣ въ подполковники, исходатайствовалъ и ему этотъ чинъ. Въ 1839 г. онъ былъ довольно серьезно раненъ въ руку при взятіи Ахульго. Генералъ Головинъ представилъ его въ полков-

---

*) Я вамъ это

ники, но Государь замѣнилъ эту награду орденомъ Станислава 2 ст. Головинъ, въ письмѣ къ министру, настаивалъ на производствѣ Муравьева для пользы службы. Государь, чтобы утѣшить старика, пожаловалъ Муравьеву орденъ св. Анны 2 ст. и приказалъ написать, что не можетъ произвести, потому что Муравьевъ не болѣе года въ чинѣ. Головинъ не унялся и просилъ письмомъ военнаго министра доложить Государю, что Филипсонъ и года не былъ въ чинѣ, когда произведенъ въ полковники. Случилось (говорятъ, не безъ участія Муравьева), что Головинъ въ это время поѣхалъ въ Петербургъ и лично выпросилъ у Государя производство Муравьеву, который такимъ образомъ за одно дѣло получилъ три награды.

Въ Абхазіи мы съ нимъ встрѣтились друзьями.

Господствующими страстями Н. Н. Муравьева были честолюбіе и самолюбіе. Для ихъ удовлетворенія онъ былъ не всегда разборчивъ на средства. Малаго роста, юркій и живой, съ чертами лица некрасивыми, но оригинальными, онъ имѣлъ бойкія умственныя способности, хорошо владѣлъ перомъ и былъ хорошо свѣтски образованъ. У него были какія-то кошачьи манеры, которыя быстро исчезали, когда нужно было показать когти. Улыбка и глаза у него фальшивые. Подъ вліяніемъ огорченія, онъ не умѣлъ сдерживать своего раздраженія и легко рѣшался на крайнія мѣры. Въ бесѣдѣ, особливо за бутылкой вина, онъ высказывалъ довольно рѣзко либеральныя убѣжденія, но на дѣлѣ легко отъ нихъ отступался. Онъ умѣлъ узнавать и выбирать людей, стоялъ за своихъ подчиненныхъ и особенно любилъ приближать къ себѣ молодежь, выдающуюся надъ невысокимъ уровнемъ общаго образованія. Со всѣми разжалованными онъ былъ очень ласковъ и внимателенъ; но, какъ самъ онъ говорилъ, это не помѣшало бы ему каждаго изъ нихъ повѣсить или разстрѣлять, еслибы это было нужно. Вообще съ своими подчиненными онъ былъ склоненъ къ крайнему деспотизму и нерѣдко ни во что̀ ставилъ законъ и справедливость. Къ дѣламъ своего управленія онъ былъ очень усерденъ, работалъ скоро, хорошо и съ какой-то лихорадочною дѣятельностію. Онъ былъ хорошій администраторъ, особливо для края новаго, въ которомъ личныя качества начальника ничѣмъ не замѣнимы. Его военныя способности мнѣ неизвѣстны, хотя я имѣю нѣкоторыя причины въ нихъ сомнѣваться. Онъ легко рѣшался на самыя отважныя предпріятія, но, зашедши очертя голову въ трущобу, не могъ самъ изъ нея выдти и возлагалъ все упованіе на свою звѣзду. Такъ было въ 1841 г. въ Далѣ, также и въ томъ же году было во время движенія къ укрѣпленію Навагинскому. Нервы измѣняли. Хуже всего то, что въ такихъ случаяхъ онъ выпивалъ гораздо болѣе вина, чѣмъ могъ перенести.

У Н. Н. Муравьева было въ Петербургѣ много родныхъ и связей, которыми онъ умѣлъ пользоваться. Съ Береговой Линіи онъ былъ назначенъ Тульскимъ военнымъ губернаторомъ. Тамъ, во время проѣзда Государя, за обѣдомъ рѣчь зашла о Восточной Сибири, изъ которой рѣшились наконецъ отозвать Руперта. Разумный и искусный разговоръ Муравьева объ этомъ отдаленномъ и малоизвѣстномъ краѣ подалъ, говорятъ, мысль Государю назначить его туда генералъ-губернаторомъ. Узнавъ объ этомъ назначеніи, я полушутя сказалъ: «Ну, у насъ будетъ война съ Китаемъ». Я ошибся только благодаря апатіи и косности Китайцевъ. Плаваніе Муравьева по Амуру до Океана и занятіе Амурскаго края были того же характера какъ и Дальская экспедиція, только въ громадныхъ размѣрахъ. Въ Сибири онъ отличался кипучею дѣятельностію, но и крайнимъ деспотизмомъ.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о домашней жизни Муравьева. Въ 1840 г. онъ былъ холостъ, и съ нимъ жила особа, которую онъ не показывалъ, а называлъ родственницей. Образъ жизни его былъ простъ, но приличенъ. Состоянія онъ не имѣлъ и былъ всегда выше всякаго подозрѣнія въ стяжаніи. Въ Сибири онъ былъ женатымъ. Чрезъ много лѣтъ я встрѣтился съ нимъ въ Брюсселѣ. Тогда онъ былъ графомъ Амурскимъ, генералъ-адъютантомъ и членомъ Государственнаго Совѣта, но жилъ постоянно въ отпуску, въ Парижѣ. Мы встрѣтились друзьями, и онъ представилъ меня графинѣ. Мнѣ она показалась женщиной умной и совершенно порядочной. Дѣтей у нихъ не было. Въ послѣдствіи я встрѣчалъ ихъ въ Парижѣ, Висбаденѣ и въ Петербургѣ, и встрѣчалъ съ особеннымъ удовольствіемъ, потому что дружеская бесѣда съ Муравьевымъ, сохранившимъ свою живость, напоминала мнѣ нашу общую молодость. Въ послѣдній разъ я видѣлъ его весною прошлаго 1877 г. Онъ очень одряхлѣлъ и осужденъ на строгую діету. Война Турціи была объявлена, и онъ явился въ Петербургъ, чтобы предложить себя правительству, но уѣхалъ ни съ чѣмъ въ Парижъ. Что̀ стало ему поперекъ дороги—совершенно не знаю, и не хотѣлъ спрашивать. Говорятъ, его считаютъ краснымъ. Плохо же различаются у насъ цвѣта.

Въ Абхазіи Муравьевъ началъ съ того, что сблизился съ двумя главными лицами: владѣтелемъ и Кацо-Маргани. Первому онъ оказывалъ особенное уваженіе и когда у того родился первый сынъ, приказалъ сдѣлать въ Бомборахъ 101 пушечный выстрѣлъ. Въ сущности онъ заставлялъ владѣтеля дѣлать все по его указанію. Труднѣе было *сблизиться съ Кацомъ*, горцемъ умнымъ, хитрымъ и имѣвшимъ огромное *значеніе въ Абхазіи*. Кацу было уже за 60 лѣтъ, хотя онъ сохранилъ *бодрость и прежнюю* энергію, но поддался кошачьимъ ласкамъ

своего начальника и сдѣлался его усерднымъ агентомъ. Нѣсколько мѣсяцевъ владѣтель и Кацъ вели переговоры и интриги, чтобы склонить сосѣдей своихъ, Джигетовъ, принести покорность Русскому царю. Къ осени можно было надѣяться на успѣхъ; оставалось поставить точки на ї.

Муравьевъ очень хитро предоставилъ это своему начальнику Раевскому.

Джигеты, какъ я сказалъ въ другомъ мѣстѣ, были одного съ Абхазіею племени и жили между Абхазіей и Убыхами. По берегу моря были владѣнія трехъ княжескихъ фамилій: Аридъ, Гечь и Цакъ. Къ Сѣверу отъ нихъ были общества Цвиджа и Аибга, а еще сѣвернѣе до самаго хребта жило сильное и воинственное общество Ахчипсоу. Въ послѣднемъ главными лицами были князья Маршани, хотя не имѣвшіе никакой политической власти. Только три прибрежныхъ общества (тысячъ до десяти душъ) согласились принести покорность. Можно себѣ вообразить, какъ она могла быть надежна въ виду Убыховъ и горныхъ соплеменниковъ.

Мы прибыли изъ Бомборъ на пароходѣ въ укрѣпленіе Св. Духа, находившееся въ центрѣ прибрежныхъ Джигетскихъ обществъ. Съ нами были владѣтель Абхазіи съ большой свитой и Кацо-Маргани. Старый разбойникъ, знаменитый своею храбростію и энергіей, во все время переѣзда, продолжавшагося нѣсколько часовъ, при тихой погодѣ, сидѣлъ на палубѣ повѣся голову и нюхалъ лимонную корку. Морская болѣзнь дѣлала изъ него тряпку.

Тотчасъ по приходѣ нашемъ въ укр. Св. Духа стали съѣзжаться Джигетскіе князья, и снова начались переговоры, въ которыхъ съ нашей стороны играли главную роль владѣтель и Кацъ *). Раевскій по одиночкѣ говорилъ съ нѣкоторыми значительными лицами въ особой комнатѣ, гдѣ, случайно, разбиралъ Антоновичъ сундукъ съ экстраординарными вещами, назначенными для подарковъ горцамъ. При разговорѣ Раевскаго съ княземъ Гечь-Аптхуа-Асланбеемъ, Антоновичъ, тоже конечно случайно, уронилъ мѣшокъ съ серебряными рублями, которые съ громомъ разсыпались по комнатѣ. У колоссальнаго горца, имѣвшаго въ своемъ народѣ большое вліяніе, разгорѣлись глаза, и онъ готовъ былъ все продать за эту добычу.

*) Въ разсказѣ о подчиненіи Джигетовъ память измѣнила Г. И. Филипсону. Оно совершилось не въ 1840, а въ 1841 г. Все имъ разсказываемое происходило при баронѣ А. И. Дельвигѣ, а онъ былъ на Береговой Линіи въ 1841 г., послѣ увольненія генерала Раевскаго, такъ что въ разсказѣ о подчиненіи Джигетовъ все что сказано о Раевскомъ относится не къ нему, а къ его преемнику Анрепу. Впрочемъ весь этотъ разсказъ въ *собственноручной* тетради Г. И. Филипсона зачеркнутъ карандашемъ безъ объясненія *почему онъ* зачеркнутъ.

Наконецъ, переговоры кончились, и нужно было приводить къ присягѣ новыхъ подданныхъ Бѣлаго Царя. Тутъ встрѣтилось большое затрудненіе: не оказалось ни одного корана, на которомъ Джигеты, считавшіеся магометанами, могли бы принести присягу. Это затрудненіе обойдено очень оригинально. У одного офицера оказалось компактное изданіе басенъ Крылова. По грязности и по объему книжка была похожа на рукописный коранъ, который муллы всегда носятъ при себѣ. Басни Крылова были вложены въ чехолъ изъ зеленаго сафьяна и на такой же тесьмѣ повѣшены на суковатой палкѣ, воткнутой въ землю внѣ укрѣпленія. Джигеты по одиночкѣ подходили, дотрогивались рукой до мнимаго корана и произносили слова́ присяги. Тутъ всѣмъ распоряжался Кацъ; мы всѣ и владѣтель были безмолвными зрителями и свидѣтелями. Коренастый старикъ, съ усами выкрашенными въ розовую краску, съ палкой въ рукѣ, распоряжался энергически, какъ староста на барщинѣ. Если слова присягающаго были удовлетворительны, онъ говорилъ «гай, гай!», и тотъ, приложивъ руку ко рту и ко лбу, отходилъ въ сторону; въ противномъ же случаѣ Кацъ поднималъ свою палку, говорилъ нѣсколько словъ, и присяга возобновлялась. Такъ присягнули до 500 человѣкъ князей, дворянъ и простолюдиновъ.

У меня уже составленъ былъ списокъ и приготовлены подарки, которые и составляли не послѣдній аргументъ въ пользу покорности. Получившихъ подарки было болѣе ста человѣкъ. Нужно было видѣть, съ какою жадностію смотрѣли эти дикари на золото, серебро, шелковыя ткани, сафьянъ и галантерейныя вещицы. Не одному изъ нихъ приходила мысль перерѣзать насъ всѣхъ и овладѣть богатствомъ. Я выклика́лъ по списку лицъ, которымъ нужно было давать подарки. Всякій разъ, когда я произносилъ какое-нибудь изъ ихъ варварскихъ именъ, все собраніе выказывало крайнее удивленіе тому, что я всѣхъ ихъ знаю, никогда прежде не видѣвъ.

Такъ совершилось это пріобрѣтеніе Россіей новой области. Не знаю, какое участіе принималъ дѣдушка-Крыловъ въ произношеніи присяги новыхъ подданныхъ; но я долженъ сказать, что они держали ее вѣрно, и только прибытіе въ Абхазію Омера-паши, въ 1854 году, и измѣна владѣтеля Абхазіи заставили ихъ отказаться отъ покорности.

По представленію г. Раевскаго, владѣтель Абхазіи произведенъ въ генералъ-лейтенанты, Муравьевъ въ генералъ-маіоры, а старый Кацъ въ полковники по кавалеріи. Покореніе Джигетовъ улучшило положеніе самого г. Раевскаго. Онъ чувствовалъ, что въ Петербургѣ начинаютъ на него смотрѣть не такъ благопріятно, какъ въ 1838 г. Онъ говорилъ мнѣ нерѣдко: «Царская милость мнѣ также пристала, какъ коровѣ сѣдло». Кажется, онъ былъ правъ. На комъ былъ перво-

родный грѣхъ 14 Декабря, тотъ на всегда оставался въ положеніи журнала, которому объявлено два предостереженія; но теперь, какъ семейный и богатый человѣкъ, онъ спокойнѣе смотрѣлъ на свое будущее, продолжая туже остроумную и непримиримую войну съ Ставрополемъ и Тифлисомъ. Государь, по прежнему, забавлялся этой полемикой и не отказывалъ въ представленіяхъ; но Раевскій чувствовалъ, что его время проходить и что къ нему уже не имѣютъ прежняго довѣрія. Часто стали наѣзжать къ намъ флигель-адъютанты и другія лица, присылаемыя изъ Петербурга подъ разными предлогами, а иногда съ явнымъ порученіемъ собиранія свѣдѣній.

Такъ прошла вся зима 1840 г. Я провелъ ее особенно пріятно съ Майеромъ, въ кругу своихъ сослуживцевъ и съ книгами большой библіотеки г. Раевскаго. Тамъ были Латинскіе и Греческіе классики, конечно во Французскомъ переводѣ, и очень много старыхъ и новыхъ сочиненій о Кавказѣ. Все это было для меня ново и чрезвычайно занимательно. Я старался пріурочить сказанія древнихъ писателей къ нынѣшнему, мнѣ хорошо извѣстному, положенію Кавказа и особливо его западной половины. Я дѣлалъ обширныя выписки и достигнулъ любопытныхъ сближеній и открытій. Служебной работы было много; но штабъ устроился, имѣлъ достаточныя средства, и я могъ, по справедливости, хвалиться своими сослуживцами.

Еще въ Январѣ 1841 г., г. Раевскій продиктовалъ Антоновичу рапортъ военному министру объ исходатайствованіи ему назначенія состоять по кавалеріи съ увольненіемъ отъ своей должности, по разстроенному здоровью. Конечно въ этомъ рапортѣ (который нѣсколько времени и для меня оставался тайною) говорилось о положеніи Кавказа и особенно Береговой Линіи. О Кавказѣ сказано, что онъ похожъ на колесницу, которую три разныя упряжи тянутъ въ три разныя стороны, «хорошо кому везетъ». О Береговой Линіи сдѣлано ловко и кратко сравненіе восточнаго берега въ 1837 г. и въ 1841 г. Заключенія никакого не было, но оно само собой являлось.

Этотъ рапортъ много разъ передѣлывался, но мѣсяца полтора лежалъ въ проектѣ, пока г. Раевскій рѣшился послать его. Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1841 г. послѣдовалъ высочайшій приказъ объ его увольненіи и о назначеніи на его мѣсто генералъ-маіора Анрепа. Я побѣжалъ къ г. Раевскому и засталъ его въ веселомъ разговорѣ съ Майеромъ. Онъ уже зналъ о своемъ увольненіи, котораго не совсѣмъ ожидалъ, но которое, кажется, было особенно пріятно его супругѣ.

Я спросилъ, знаетъ ли онъ Анрепа?. «Какъ же, мы вмѣстѣ были *адъютантами* у Дибича».—«Quelle espèce d'homme est-ce?—«Mon che

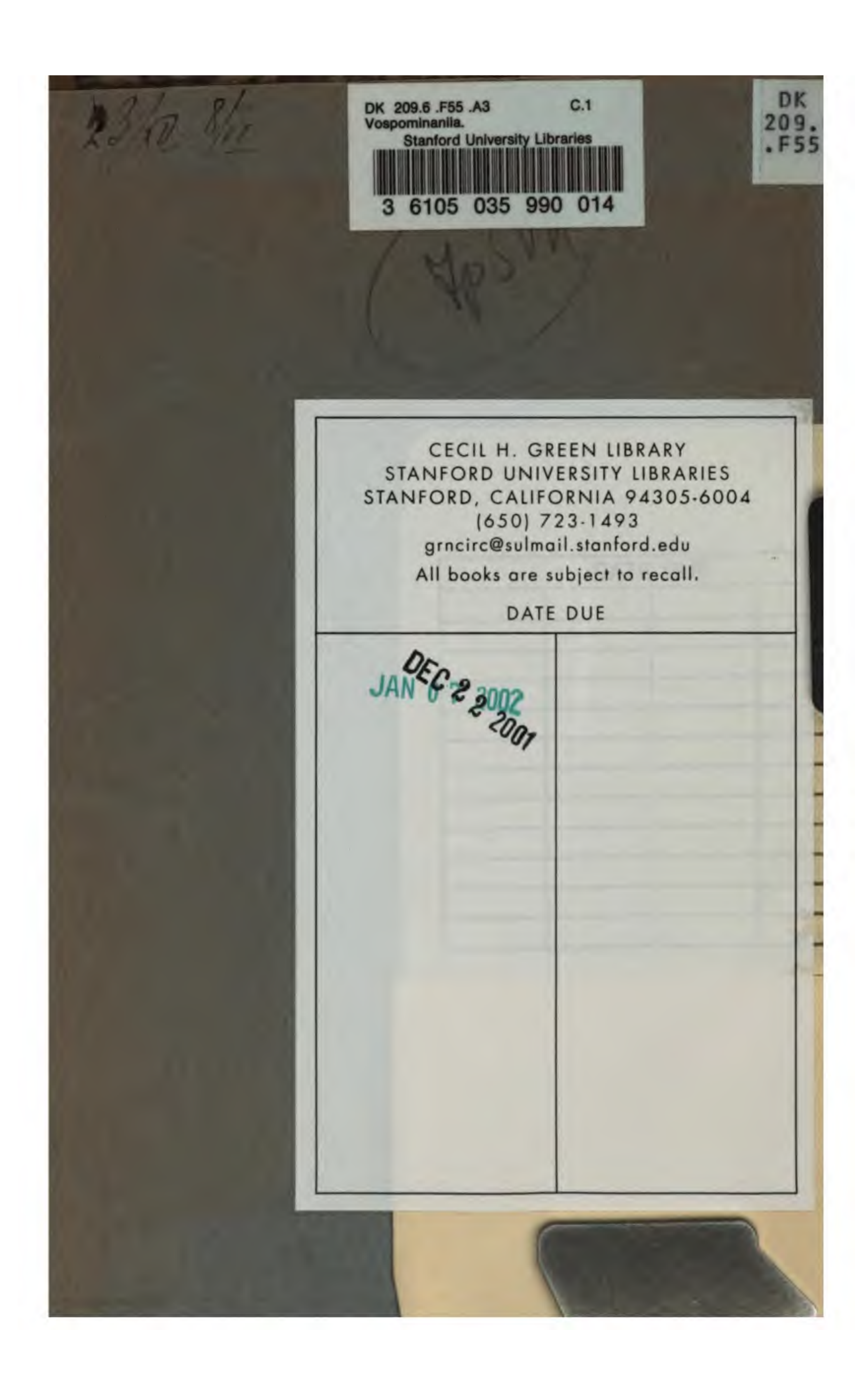
ami, c'est un mouton qui rêve» *)—характеристика пожалуй не совсѣмъ не вѣрная, но для насъ не утѣшительная.

Разставаясь съ Н. Н. Раевскимъ, я съ благодарностію могу помянуть его только добромъ. Кромѣ служебныхъ успѣховъ, для меня чрезвычайно важныхъ, я обязанъ ему тѣмъ, что онъ заставилъ меня много работать, взваливъ на меня, неопытнаго молодаго человѣка, разнообразныя занятія по множеству предметовъ, требовавшихъ спеціальной опытности и знанія. Онъ имѣлъ ко мнѣ неограниченную довѣренность по дѣламъ административнымъ и денежнымъ. Лично мнѣ онъ оказывалъ постоянное дружелюбіе, и я вѣрю его искренности, когда онъ говорилъ, что любитъ меня, какъ сына, хотя, по лѣтамъ, онъ и не могъ бы быть моимъ отцомъ.



*) *Какого рода это человѣкъ?*—Это, милый другъ, баранъ мечтающій.





DK 209.6 .F55 .A3 C.1
Vospominaniia.
Stanford University Libraries
3 6105 035 990 014
DK
209.
.F55
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.
DATE DUE
DEC 2 2 2001
JAN 0 7 2002

